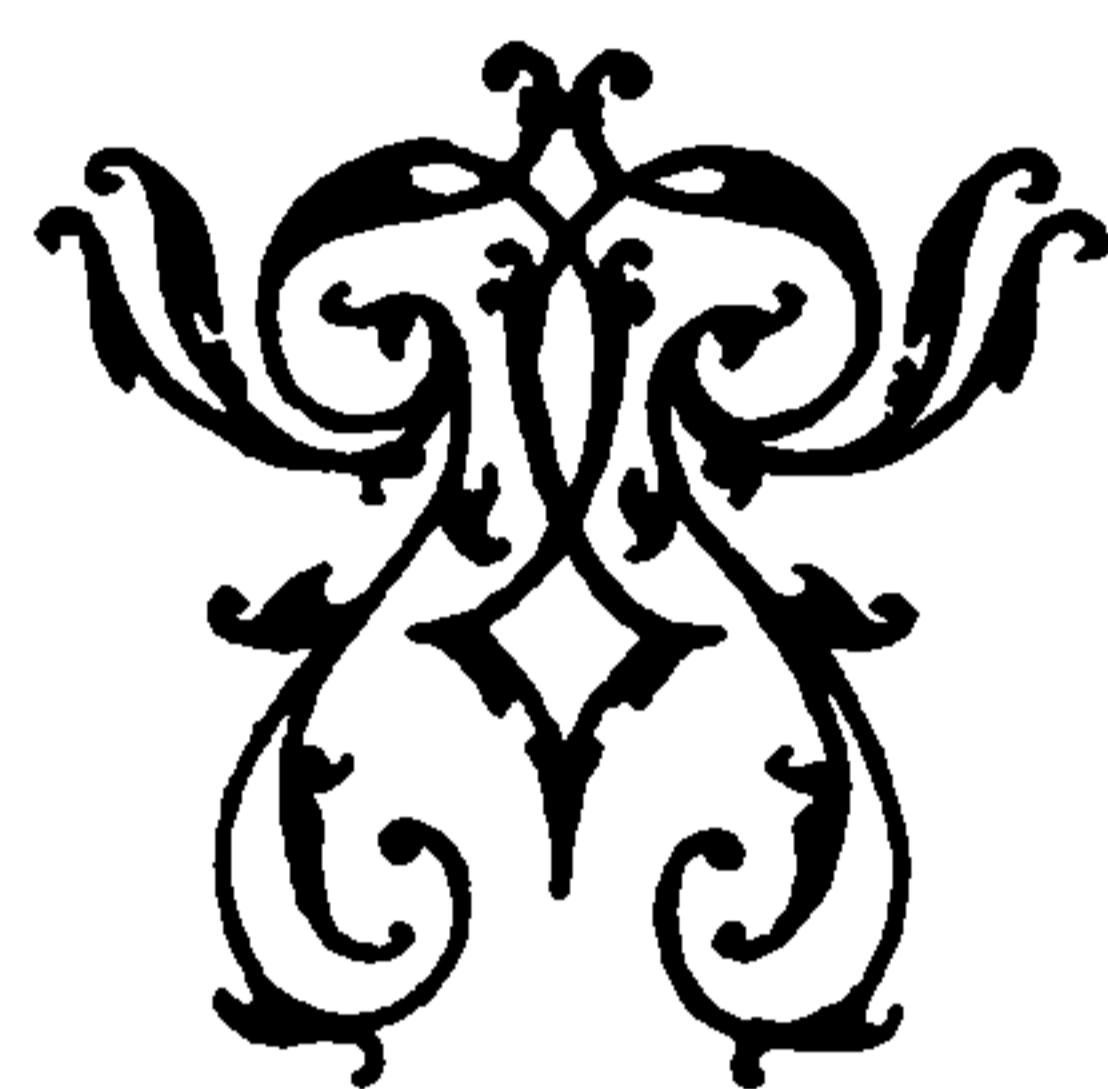

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ
МЫСЛИ

Перевод с французского

Москва
«REFL-book»
1994

ББК 87.3

П19

Составление и общая редакция
А. Жаровского

Перевод, послесловие, комментарии
О. Хома

Художественное оформление
Ксении Салиной

Издание подготовлено по инициативе
издательства «Пор-Рояль»
и при содействии издательства АО «AirLand»,
ТОО «Мулета», СП «ИСА»

П 0301030000 Без объявления
94

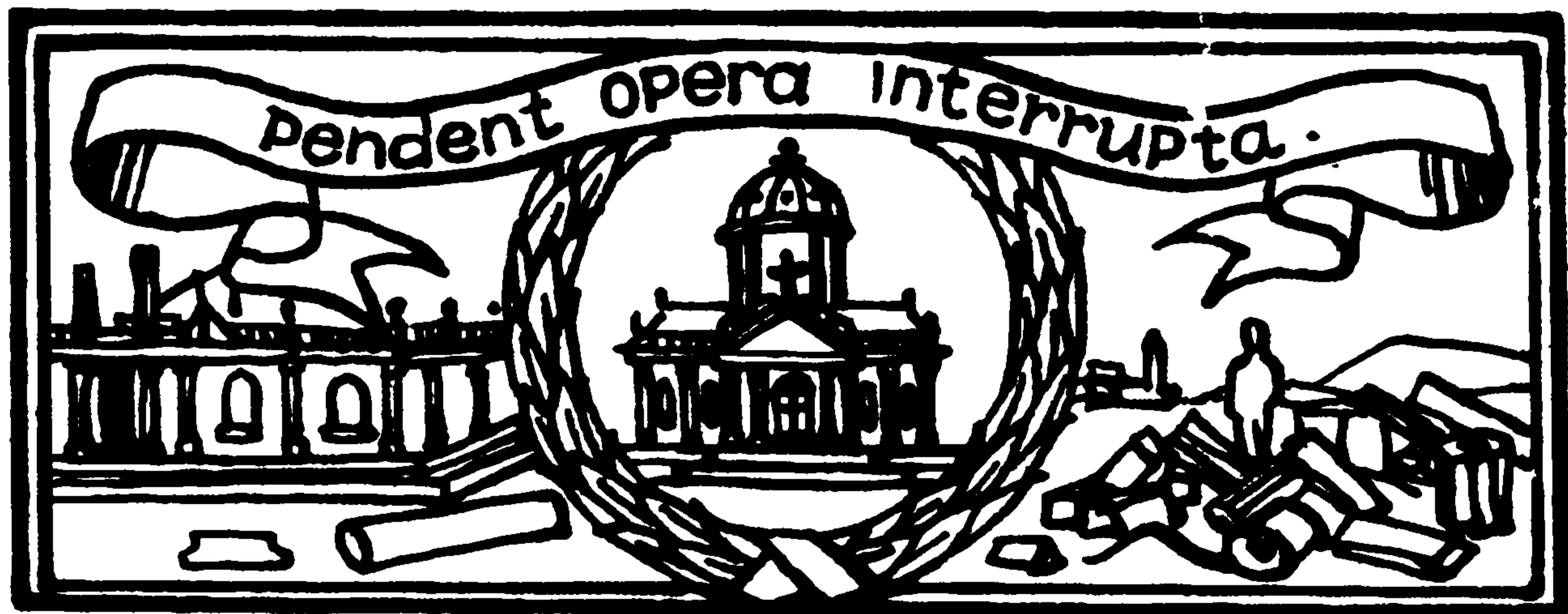
ISBN 5-87983-013-6

© Составление, перевод, художе-
ственное оформление издатель-
ство «Пор-Рояль», 1994

© Перевод, послесловие, коммен-
тарии О. Хома, 1994

© Художественное оформление
К.Салина, 1994

«...Хотя, для приведения всего в надлежащий порядок и записи уже продуманного и оформившегося в мыслях материала, он ожидал полного выздоровления, но, если вдруг внезапно возникали какие-либо идеи, наметки, выражения, могущие, с его точки зрения, когда-нибудь пригодиться, а сам он не был в тот момент в состоянии ни развить их столь обстоятельно, как сумел бы это сделать, будучи здоровым, ни зацепить в уме, в памяти — в подобных случаях он постигал за лучшее перенести кое-что на бумагу, дабы не забыть. С этой целью г-н Паскаль брал первый попавшийся лист бумаги и на нем излагал в весьма краткой форме свою мысль, часто прибегая к сокращениям: ведь писал он только для себя и от того, дабы не утомлять ум, вполне удовлетворялся набросками, указанием лишь тех необходимых моментов, которых оказалось бы достаточно для напоминания об определенной идее или замысле.

Таково происхождение большинства фрагментов, составляющих данный сборник: так что не стоит удивляться, если некоторые среди указанных фрагментов покажутся в определенной мере несовершенными, слишком короткими, малопроясненными и включающими не всегда уместные и изящные перлины. Порой, однако, случалось, что он не мог противостоять глубокой внутренней склонности и пытался придать своим мыслям более совершенную форму, сделать их хотя бы немного понятнее. Тем не менее, удавалось это, разумеется не столь успешно, как могло бы удасться, будь он здоров. Именно по этой причине у него можно встретить записи, более понятные по сравнению с остальными, а также части, отличающиеся большей логичностью построения и большим совершенством».

Из Предисловия Пор-Рояля
к изданию «Мыслей». 1670 г.

«Мысли»: история создания, структура, автор

ИСТОРИЯ «МЫСЛЕЙ»

1

Композиция

Утрехтский Сборник, которому мы обязаны наиболее точными указаниями по истории янсенизма*, сообщает, что, незадолго до чуда Святого Терния, Паскаль «имел беседу с одним нерелигиозным человеком, на основании происходящих в церкви событий, доказывавшим отсутствие Провидения. Если Бог вмешивается в наши дела, а религия — Его творение по преимуществу, если церковь — Царство Истины, то как тогда становится возможным, что сами теологи, защищающие всеобъемлющую истину, бывают притесняемыми, отлученными от церкви и лишенными поддержки как со стороны людей, так и со стороны Бога, хранящего глубокое молчание? На подобную тираду либертина** г-н Паскаль не колеблясь ответил, что тому следовало бы верить в необходимость чудес и не сомневаться в божественной способности творить их непрерывно». Вскоре самому Паскалю довелось убедиться в истинности этих своих слов: одной из воспитанниц Пор-Рояля прикосновением Святого Терния была

---

* См. прим. 1 к Д. XXII: LXIX.— *Здесь и дальше прим. перев.*

** Либертинами в Древнем Риме именовались рабы, отпущенные на свободу, в эпоху Реформации — члены одной из протестантских сект, а во времена Паскаля — люди, скептически относящиеся к религии и бравирующие своим вольнодумством.

излечена глазная фистула. Воспитанницей оказалась племянница и крестная дочь будущего автора «Мыслей»^{*}.

Подлинный крик радости и триумфа, озаривший «Письма к провинциалу»^{**}, был явно недостаточен, чтобы исчерпать неумемный энтузиазм паскалевского ума: «Полностью захватив его ум,—сообщает мадам Перье^{***},—Бог внушил ему огромное количество мыслей о чудесах». Встреча, о которой говорилось выше, точно указывает на направленность этих мыслей. Не будет большим риском отождествить «нерелигиозного человека» с Мерэ^{****}. Последний интересовался вопросами религии; способствовал успеху «Писем к провинциалу» в свете; по широко распространенному слуху, якобы даже дал Паскалю совет оставить бесплодную материю благодати в пользу сражений на поле морали^{*****}. В этом несомненно сказались его чувства благородного человека: общая с янсенистами позиция в борьбе последних против иезуитов не помешала Мерэ заметить, что мнение церкви в целом противоположно указанной позиции, а янсенисты обречены на осуждение и преследования. Так не свидетельствует

---

* Подробнее о чуде Святого Терния см. *Кляус Е.М. и др.: Паскаль*. М., 1971, с.139—140; об истории монастыря Пор-Рояль см. там же, с.113—116.

** «Письма к провинциалу» — полемическое произведение Паскаля, направленное против иезуитов. Печаталось нелегально, по частям (всего вышло в свет 18 «Писем»), от имени вымышленного автора — Луи де Монтальта, якобы сообщающего другу о событиях, происходящих в Париже. Поводом к написанию «Писем» послужили дебаты вокруг осуждения папой Иннокентием X пяти положений доктрины К. Янсения как еретических (1653). См. *Кляус*, с. 133.

*** Старшая сестра Паскаля, Жильберта (по мужу — Перье).

**** Мерэ Антуан Гомбо де (1607—1684) — светский знакомый Паскаля. См. *Кляус*, с. 99—102, 103, 350—353.

***** Начиная с четвертого «Провинциального письма» Паскаль переставил акценты в своей полемике. Отойдя от разбора чисто теологических проблем, служивших предметом тогдашней дискуссии янсенистов и иезуитов, он обратился к разоблачению двуличности иезуитской морали.

ли это о покинутости церкви ее Богом? Но чудо Святого Терния вмиг изменило все. Сие свидетельство, дарованное Господом непосредственно тем, кто имел веру в Него, суть ярчайшее и ощутимейшее доказательство любви. Доказательство, которое не могло остаться напрасным, но обязано было вызвать в душе, его обретшей, готовность к милосердным деяниям. А какое дело милосердия может быть более значимым, нежели обращение неверующих? Либертины были в то время судьями в спорах между янсенистами и иезуитами, что, кстати, и породило небывалый успех «Писем к провинциалу». Но, поскольку не кто иной как Господь явил Себя в чуде, то либертины сами должны быть обращены и увлечены этим событием. Нужно, чтобы вопиющий раскол внутри церкви обратился к наставлению и освящению. Такой была цель большого труда против атеистов, над которым «волею Провидения», по выражению Маргариты Перье*, собирался работать Паскаль. Таким образом, именно к периоду чуда Святого Терния следует отнести начало создания «Апологии». Это объясняет все богословские позиции проекта данного произведения. «Апология» обращена сразу и к либертинам, и к иезуитам, так как чудеса служат одновременно и обращению, и осуждению. История христианской церкви, история еврейского народа, образы Писания и пророчества — все отмечено печатью этой двусмысленности. Иудеи и христиане, еретики и правоверные католики, иезуиты и янсенисты: всегда существовали оппозиции, на одной стороне которых укоренялось заблуждение, на другой — истина. Всегда были ослепленные и просветленные. Именно здесь, в этой оппозиции, состояла наисущественнейшая черта христианства, как его понимал Паскаль.

---

* Племянница Паскаля, которая была исцелена Святым Тернием, дочь Жильберты.

Тем более естественно, что с подобного рода теологией автор тесно связывает суждения о философах, которых изучал до своего уединения*. Таковы Эпиктет, вождь «порядочных людей» эпохи Генриха IV — лучшим образчиком их служит канцлер Вэр**, — и Монтень, вождь «порядочных людей» новой формации, таких как шевалье де Мерэ и иже с ним. «Беседа с г-ном де Саси»*** наиболее точно передает нам паскалевский взгляд на соотношение учений философов — рационалистов и натуралистов — и Евангелия. Согласно тому плану, который был изложен ближе к концу 1657 г. или в начале 1658 г. и резюме которого сохранил для нас Фелье де ла Шез в своем «Рассуждении о «Мыслях» г-на Паскаля»****, «Апология» должна была содержать психологическую и теологическую части, с неподражаемым паскалевским искусством совершенным образом согласованные и соединенные в одно произведение.

Следует заметить, что в указанном плане не содержалось еще никакого намека на знаменитый аргумент о необходимости пари*****, идея которого, если принять нижеследующее предположение, появилась впоследствии. Однажды (шел 1658 год), дабы как-то отвлечься от сильной зубной боли, Паскаль занялся проблемой циклоиды и

---

* Подразумевается отход Паскаля от светской жизни и поселение в одной из келий Пор-Рояля (начало 1655 г.). Эта перемена в жизни мыслителя произошла под воздействием чрезвычайного религиозного рвения. Об аскетическом образе жизни, который вел в это время Паскаль см. *Кляус*, с. 211.

** Правление Генриха IV (1589—1610). Вэр Гийом дю (1556—1621) — видный государственный деятель и философ.

*** Саси Исаак Леметр де (1613—1684) — глава Пор-Рояля. Беседа, о которой идет речь, состоялась в январе 1655 года и касалась философских учений Эпиктета и Монтеня.

**** Шез Фелье де ла, секретарь герцога де Роанна. Об указанном произведении см. *Кляус*, с. 227.

***** См. Д. VIII.

и успешно ее решил*. Г-н де Роаннэ,** покинувший его накануне «тяжко страдающим и найдя на следующее утро уже исцеленным рулеткой, спросил, какие намерения послужили побудительным мотивом к подобному занятию. Дядя ответил, что обретенное решение позволило ему выздороветь и что о чем-то другом он не задумывался. Г-н де Роаннэ посчитал это наилучшим способом применения познаний и выразил пожелание, дабы и в полемике против атеистов, задуманной Паскалем, критикуемой стороне было показано, что автор лучше понимает открываемое геометрией, равно как и предмет доказательства. И что если он посвятит себя рассмотрению веры, то лишь с целью исследовать пределы, до которых должны простираться доказательства».... Не указывают ли нам эти строки Маргариты Перье способа, посредством которого в ткань «Апологии» вошло математическое доказательство, дабы пробудить в либертинах интерес к религиозным истинам? Не плод ли это — конечно, своеобразный и неожиданный — того самого, воспринятого Паскалем к руководству совета поставить свой математический гений на службу веры, нанести поражение либертинизму на собственной почве рассудка, где всякий либертин чувствовал себя столь уверенно, и обратить Мерэ с помощью того правила выгоды, которое четыремя годами прежде Паскаль применил к разрешению предложенных ему тем же Мерэ трудных задач, связанных

---

* Циклоида, или рулетта — кривая, описываемая точкой круга, катящегося по поверхности. Изучение ее свойств представляло собой одну из наиболее популярных проблем математики XVII в. Анонимно организовав, по совету пор-рояльских друзей, конкурс лучших математиков Европы, Паскаль предложил к решению шесть задач по циклоиде, из которых даже великий Гюйгенс справился только с четырьмя. Подробнее см. *Кляус*, с. 191—201.

** Роаннэ Артюс Гюфье де (1627—1696) — герцог, близкий друг Паскаля, занимавший влиятельное положение. См. *Кляус*, с. 97, 125—126.

с теорией игр*? Если допустить подобную гипотезу, а единственным поводом для упрека здесь может служить лишь избыток ясности, то получается, что с 1658 года Паскаль решил придать своему труду тот троичный характер, о котором однажды высказался так: «Необходимо показать три следующих типа: геометр, пирроник, христианин».

Три внешних фактора: беседа с г-ном де Саси, после вступления в Пор-Рояль (1655), разговоры с де Мерэ накануне чуда Святого Терния, а также с г-ном де Роаннэ на следующий день после разрешения проблемы циклоиды (1658), последовательно привели Паскаля к необходимости выявить богатство тех духовных оснований, которые он обрел в течение своей тройной — научной, светской, религиозной — жизни. Итак, в 1658 г., как раз в момент, когда было принято решение довести до конца «Апологию», усилившаяся болезнь лишила мыслителя возможности работать сколько-нибудь продолжительное время. Именно этой болезни мы и обязаны той фрагментарной формой, которую имеют «Мысли». Указания Этьена Перье** в его «Предисловии» подтверждаются и дополняются следующим весьма показательным пассажем Маргариты Перье: «Добровольно уединившись, он, по воле Провидения, взял на себя обет способствовать борьбе с атеизмом, и именно от этого мотива происходит все, представленное на суд читателя. Господин Паскаль имел обыкновение во время работы полностью держать в голове то, о чем хотел бы написать, почти не делая на бумаге никаких предварительных набросков. Возможность использования подобного метода обеспечивало одно необычайное качество г-на Паскаля — он никогда ничего не

---

* Речь идет о правиле, гарантирующем выгодность пари при игре в кости. См. *Кляус*, с. 353.

** Племянник и воспитанник Паскаля, ставший в последние годы жизни мыслителя его секретарем.

забывал и сам говаривал, что никогда не забудет того, что необходимо удержать в памяти. Стало быть, в памяти он хранил все, что хотел запомнить, все идеи, которые собирался развить письменно. Писал же лишь тогда, когда указанные идеи приобретали вполне совершенную форму. Таковой была привычка, впрочем, требовавшая огромного мыслительного напряжения. Лет за пять до кончины постиг его тяжкий недуг, и для указанного напряжения памяти просто не находилось больше сил. Из-за этого г-н Паскаль вынужден был прибегать к перу по мере оформления идей в его мышлении и впоследствии в ходе работы обращаться к записанному, как прежде обращался к запечатленному в памяти. Так и возникли все эти отрывки, изданные в той последовательности, в какой они были найдены после смерти автора, и столь одобрительно встреченные публикой»^{*}.

2

Публикация

Бумаги мыслителя в том виде, в котором он, после своей медленной четырехлетней агонии, в 1662 году их оставил, столь мало напоминали произведение, предназначенное для читающей публики XVII века^{**}, а в особенности,— произведение, вышедшее из-под пера такого влюбленного в порядок и согласованность методического гения, всегда умевшего располагать «пламень острот» на фундаменте систематической целостности, как Паскаль, что следует скорее выразить признательность семье и друзьям, не отказавшимся от идеи публикации, чем объявлять им анафему и обвинять в святотатстве за попытку посмертной адаптации этих фрагментов. В подобной адаптации существовала настоятельнейшая необходимость и

---

* См. *Кляус*, с. 211.

** См. *Кляус*, с. 246—247.

применительно к литературным вкусам XVII века, и в виду положения, в котором находились тогда янсенисты. Малый Комитет, как его назвал Сент-Бев*, состоявший из г-д Арно, Николя, де Тревиля, дю Буа, де ла Шез**, преследовал двойную цель: прояснить то, что слишком затемнено, а также исправить или хотя бы смягчить все, не внушающее доверия в официальном смысле. Остальное находилось преимущественно в попечении м-м Перье, преклонявшейся перед памятью брата и добивавшейся, чтобы в издаваемом труде просматривалась прежде всего собственная авторская мысль, а не мысли Николя либо кого-то еще. Вскоре после смерти Паскаля она составляет его биографию, которая должна была, согласно первоначальному замыслу, предварять посмертное издание. Но в 1662 году, в период дебатов по поводу Формуляра***, любая публикация в защиту янсенизма представляла собой вещь невозможную. И хотя королевская привилегия на публикацию книги была получена в 1666 г., только в августе 1668-го, когда папе Клименту IV после годичных переговоров удалось умерить жаркие дискуссии между сторонниками и противниками янсенизма, выпустив буллу под названием «Мир в церкви», появилась возможность всерьез задуматься непосредственно об издании «Мыслей». В том же 1668 г. труд, написанный против атеистов, с дорогим для Пор-Рояля именем на обложке, дождался, наконец, своего часа. Для обретения

---

* Сент-Бев Шарль Огюстен (1804—1869) — французский литератор.

** Круг Пор-Рояля, наиболее известными представителями которого являлись Антуан Арно (или «Великий» Арно, 1612—1694) — теолог и философ, профессор Сорбонны (до 1656 г.), автор 50-ти томов сочинений и Пьер Николь (1625—1695) — моралист и теолог.

*** Формуляр — созданный иезуитами документ, подписание которого означало поддержку официального осуждения янсенизма. Предназначался для всех духовных лиц. Булла Александра VII обязывала лишать причастия всякого не поставившего свою подпись под Формуляром. См. Кляус, с. 128—129.

той поддержки, которая бы гарантировала успех книги, нужно было разве что несколько изменить сам дух последней. Произведению, со страниц которого на нас нисходит дыхание битвы, следовало придать вид книги мирной. Подобная модификация пафоса работы могла бы показаться своего рода жертвой со стороны автора и, одновременно, определенным вкладом в дело Пор-Рояля. Встав перед указанной альтернативой, Арно и Николь пришли к выводу, что сам Паскаль без колебаний разрешил бы такого рода дилему, и у нас нет оснований считать их вывод ошибочным.

Но и в остальном задача издателей отнюдь не оказалась более простой. Они испытывали на себе недоверие со стороны близких Паскаля как ввиду наметившихся в последний год жизни мыслителя расхождений с ним во взглядах, так и по причине репутации обретенной в глазах читающей публики, репутации, которая, казалось, должна была просто раздавить своим весом собственный паскалевский труд. Как бы выглядел авторитет Паскаля, обыкновенного мирянина, на фоне Великого Арно? Да и, в конце концов, не Николь ли считал себя вправе назвать как-то Паскаля «собирателем ракушек»? К тому же Малый Комитет одолевали сомнения относительно правильности интерпретации некоторых существенных фрагментов издаваемого труда. И Николь, и Арно, в результате, должны были то успокаивать пыл герцога де Роаннэ, желавшего видеть систематическое и обобщенное изложение того великолепного плана, о котором Паскаль ему столь часто рассказывал, то преодолевать придирки м-м Перье, с трогательным упорством настаивавшей на как можно более аутентичном воспроизведении рукописи брата. Бриан, посредник между Малым Комитетом и семьей, писал м-м Перье: «...Несомненно, что если бы он еще жил, то без всякого возражения подписался бы под каждым из этих маленьких *украшений* и разъяснений,

которые приданы его мысли. Более того, он самолично расположил бы их в таком же точно порядке, если б прожил подольше и имел время еще раз просмотреть написанное... Посему, мадам, я присоединяюсь к мнению г.г. де Роаннэ, Арно, Николя, дю Буа и де ла Шез, в один голос утверждающих, что мысли г-на Паскаля выглядят теперь даже лучше, чем прежде»...

С другой стороны, издатели находились под подозрением в янсенизме. Им же хотелось, чтобы «Мысли» были восприняты как книга католическая и пребывали под покровительством архиепископов и епископов. Всякое новое одобрение требовало новых вариантов текста, т.е. новых изъятий: «Я надеюсь,— писал Арно г-ну Перье*,— что все образуется и что, за исключением нескольких мест, которые можно совершенно безбоязненно изменить, они** согласятся оставить все как есть. Но, месье, поймите правильно мою мысль, если я скажу Вам, что отнюдь не следует быть столь придирчивым и столь скрупулезным, чтобы задаваться целью представить произведение на суд публики в том виде, в каком оно вышло из рук автора. Не следует грешить излишней точностью, когда имеешь дело с недругами, столь злобно настроенными, как наши». Конечно, вполне реальным выглядит предположение, что Паскаль принял бы те «украшения», которым подвергся его текст, да и о разъяснениях думал бы также, как за то поручился Бриан. Вне всякого сомнения, соответствие духу религии, собственно и находящееся здесь под вопросом, для самого мыслителя было гораздо более важным, нежели точность литературная. И, даже если за два века мнение публики на этот счет изменилось, было бы все же в высшей степени несправедливым выдвигать какие-либо претензии к Арно.

---

* Флорен Перье, муж Жильберты.

** Имеются в виду Николь и др.

Чтобы еще более усилить впечатление читателя и изгладить след, который могли бы оставить чересчур уж красноречивые обвинения Виктора Кузена в адрес поррояльских издателей, имеет смысл привести высказывание Сент-Бева в защиту последних: «Здесь многое можно сказать в их пользу, если вспомнить о *смягчающих обстоятельствах*. Как известно, вскоре после провозглашения буллы «Мир в церкви» Арно, Николь и Саси возвратились — кто из эмиграции, кто из заточения. Им предложили заняться бумагами Паскаля, умершего за несколько лет до этих событий, и извлечь из его записей все ценное, назидательное, достойное быть предложенным тогдашней церкви и верующим, подготовив книгу, которая могла бы быть убедительной как для друзей, так и для врагов. В результате возник круг единомышленников. Что до герцога де Роаннэ, проявлявшего огромное рвение в деле увековечения памяти дорогого его сердцу Паскаля, то он не входил в число участников упомянутого круга, что бы о том ни рассказывали*. Держалось все на Арно, Николе и других, столь же сведущих людях. Семья Перье имела относительно издаваемого текста благое намерение урезывать и изменять как можно меньше, и в этом случае (что весьма нетипично) интерес семейный совпал с интересом литературным. Но, с другой стороны, имелись и иные, весьма серьезные и совершенно непререкаемые резоны: угодить одобряющим, не вызвать возражения архиепископа, соблюсти лояльность в отношении «Мира в церкви». Поистине каким-то чудом можно объяснить, что, среди всех этих рифов, ввиду огромной массы с трудом поддающихся чтению записей**, зачастую несогласованных, а зачастую и весьма опасных мыслей, удалось все же составить *небольшой том, который бы был*

---

* На этот счет существуют разные мнения. См. *Кляус*, с. 237.

** По сообщению Ф. Перье, бумаги составили 24 толстые связки. См. *Кляус*, с. 238.

столь четким, ясным и гармоничным по форме изложения и который, даже с одной-двумя неточностями (если уж говорить начистоту) встретил столь неоспоримо триумфальный прием публики. Представляется излишним задним числом говорить о литературной точности, ибо вопрос здесь стоит о правильности несравненно более значимой и все себе подчиняющей. И правильность эта — несомненная заслуга первых издателей. Да, дух, присущий указанному первому изданию, был, я не побоюсь об этом заявить, духом сдержанности, бережного обращения и наставительности по отношению к читателю. Сознаюсь, мне трудно представить себе издание из сегодняшних до такой степени замечательное в смысле филологическом и столь прекрасное, чтобы иметь возможность сравниться с тем, о котором идет речь: эти короткие фразы, этот прерывистый слог, этот ежесекундно дробящийся поток мысли. Мне трудно представить себе все сие появившимся на свет в 1670 г., в эпоху царящей равномерности, респектабельности, когда еще не принято было признавать и почитать великих людей, если те, так сказать, одеты по-домашнему, а великих писателей — даже за их по-марки. Говоря проще, если отважиться спросить: «Как же так, милостивые государи Арно и Николь, возможно ли, чтобы вы позволили подобную профанацию имени и памяти вашего друга?» — то это прозвучит всего лишь как вопль и улюлюканье обыкновенного бездумного осуждения».

Подготовленное к печати в 1669 г., издание «Мыслей» вышло в свет год спустя, будучи предваренным лишь вступлением Этьена Перье, одновременно из опасения, что, в ином случае, вопреки воле да и собственному духу учения Паскаля, слишком большое место займет личность автора, а также из боязни породить бесконечные дразги. «Восхищение, — обратимся вновь к Сент-Беву, — стремительно охватившее читателей, было единодушным. И даже

те, кто и ранее был расположен к Паскалю, нашли свои ожидания превзойденными. Г-н де Тильмон (большой эрудит и один из лучших историков янсенизма) писал Перье-сыну: «Вам известно, сколько лет я испытываю почтение и восхищение перед лицом той необычайной одаренности, которой от природы и по милости Божьей наделен был г-н Паскаль. И, тем не менее, сознаюсь, я не ценил его, как должен был бы оценить, ибо содержащееся в последних записках покойного превосходит все, что, по-моему, надлежало ожидать от этого величайшего ума столетия. Я не осмелюсь на утверждение, что труды самого Блаженного Августина не в силах сравниться с данными фрагментами, однако затрудняюсь с ответом на вопрос, смог ли бы Августин их превзойти. Во всяком случае, я не вижу других авторов, которые, как эти двое, достойны сравнения друг с другом».

3 Издания*

«Мыслям» выпала уникальная судьба. Их издание не прекращалось из века в век, из поколения в поколение, а сама книга не утрачивала значения наиновейшей и наиактуальнейшей. Посмертно опубликованные фрагменты Паскаля, разворачивая со временем свой наиболее глубокий смысл, с 1670 г. небольшими частями представляли перед публикой, и только через двести тридцать четыре года после смерти их автора мы можем сказать, что содержимое хранящихся в Национальной библиотеке рукописей полностью доступно широкому кругу читателей. Богатство и глубина паскалевских фрагментов таковы, что эти качества признают люди самого разного умственного склада. Иначе как бы рассматриваемая книга могла удовлетворять или по меньшей мере отвечать духовным

---

* Подробнее об истории издания «Мыслей» см. *Кляус*, с. 237—242.

потребностям, по-видимому, неизвестным XVII веку. Как бы оказалась она необходимой для мышления всякого человека, воспринимаясь при этом не в качестве какого-то классического произведения, документа, относящегося к прошлому, но в качестве вещи гораздо более актуальной, нежели иные труды современников? Поступок, снискавший, быть может, наибольшую честь вольтеровской проницательности, совершился тогда, когда будущий Фернейский патриарх*, противопоставляя английскую традицию великой традиции французского XVII века, избрал своим противником именно Паскаля. «Я осмеливаюсь принять сторону человечности против этого возвышенного мизантропа. Я осмеливаюсь утверждать, что мы ни злобны, ни несчастны, как он говорит». В подобном духе созданы Вольтером «Замечания о некоторых мыслях г-на Паскаля» (1734). Несмотря на облегченность и излишнюю живость тона, критика Вольтера имеет огромное значение в том смысле, что она точно выражает взгляд, который XVII век да и сам Вольтер, его авторитетнейший толкователь, исповедовали с наибольшим постоянством: точку зрения на человека, противоположную христианской, проповедовавшей восхождение к Богу и постигавшей все вещи в этой единственной перспективе. Иными словами, Вольтер реабилитирует тот *порядок чистой природы*, против существования которого, как он мог видеть, столь решительно выступал Янсений. Великий вольнодумец не желал признавать, что земная жизнь протекает на фоне двух таинств: изначального греха, который ей предшествует, и суда, который ее венчает. Несмотря на смелые высказывания одного протестантского пастора, г-на Булье,

---

* После возвращения из Англии в 1733—1734 гг. Вольтером был создан цикл памфлетов под названием «Английские (впоследствии — Философские) письма», в котором критиковалась французская действительность. Критика паскалевских воззрений содержится в последнем, 25-м «Письме». См. *Кляус*, с. 256—263.

отстаивавшего дело Паскаля и пытавшегося заставить своих противников принять концепцию моральной природы человека, согласно которой позади узкого здравого смысла и упрямства ироничной самоудовлетворенности скрывается глубина и разнообразие (1741), критика Вольтера возоблудала-таки над мнением XVIII века, найдя свое триумфальное воплощение в издании Кондорсэ (1776). В данном издании, являющемся наиболее полным, но также и наиболее *аранжированным* по сравнению с предшествующими, Паскаль предстал перед публикой как *философ*, отважный апостол оптимистического рационализма. Его то хвалят, то опровергают и, что хуже всего, жалеют как жертву суеверия. Издатель находит даже возможным сделать выговор своему автору, причем в таком тоне, как если бы некий сведущий человек, уверенный в своих действиях, имел дело с сомневающимся и плачущим ребенком. Два года спустя эта книга была переиздана, и Вольтер, накануне своей кончины обратившийся к созданному ранее, дабы яснее обозначить направление и масштабы своей философской деятельности, написал новые, звучащие еще более саркастически и агрессивно, комментарии.

В 1779 г. аббат Боссю, с большим знанием дела осуществивший полное издание сочинений Паскаля, представил такой текст «Мыслей», который, не отличаясь сколь-нибудь заметным прогрессом по сравнению с вариантом Пор-Рояля, позволил тем не менее ознакомиться с наследством мыслителя без посредующего звена философской интерпретации. Таким образом, по мере самодискредитации позитивизма Энциклопедии, имена Вольтера и Кондорсэ все меньше связывали с именем Паскаля. Следующая блестящая фраза может рассматриваться в качестве мести Шатобриана*: «Забавно наблюдать руины

---

* Шатобриан Франсуа Рене (1768—1848) — французский писатель, представитель романтизма.

Пальмиры, и сегодня возвышающиеся над гением и временем, у подножья которых бедуин строит свою хижину». В 1835 году г-н Франтен впервые попытался восстановить план «Апологии», каковым его представлял себе сам Паскаль, и дать «христианское издание «Мыслей».

В 1842 году во Французской Академии «прогремел» доклад Кузена «О необходимости нового издания «Мыслей» Паскаля». «Что сказали бы, если бы подлинная рукопись Платона находилась для всеобщего обозрения в публичной библиотеке, а издатели, вместо того, чтобы обратиться к оригиналу и в соответствии с ним изменить общепринятый текст, продолжали копировать друг друга, причем никогда не задаваясь вопросом о действительной принадлежности Платону той самой фразы, о которой они сейчас спорят и которая вызывает у одних восхищение, а у других — критический настрой? Тем не менее, как раз такая ситуация сложилась с «Мыслями» Паскаля. Авторская рукопись существует, она находится в королевской библиотеке в Париже. Всякий издатель о рукописи этой говорит, но к тексту ее не обращается, а издания более поздние лишь воспроизводят предшествующие. Однако почему бы не взять на себя труд пройти по улице Ришелье: путешествие явно не будет слишком долгим. Но, проделав этот путь, вы ужаснетесь колоссальному различию, открывающемуся при первом же взгляде, брошенном на рукопись. Вы увидите сколь отличаются «Мысли», написанные Паскалем собственноручно, от всех без исключения изданий, будь то издание 1670 г., осуществленное семьей и друзьями, или же издание 1779 г., ставшее образцом для всего того, что ежегодно появляется под названием «Мысли». И, со свойственной его красноречию запальчивостью, без какой бы то ни было признательности Пор-Роялю за две великолепные копии, сделанные с манускрипта-оригинала, которые в высшей степени облегчают чтение, Кузен с негодованием указывает

на всевозможные искажения, составляющие вину первых издателей: «искажения слов, искажения оборотов, искажения фраз, изъятия, замены, добавления, совершенно произвольная и абсурдная композиция текста зачастую одного и того же параграфа, порой — одной и той же главы, состоящей из совершенно чуждых друг другу параграфов, и, что гораздо хуже, еще более самочинное и уж совсем неестественное разделение на главы, которые в самом тексте Паскаля предстают всесторонне связанными и всесторонне проработанными». Одновременно, не дожидаясь момента, когда полная публикация фрагментов заложит прочный базис для философского толкования, он открыл своим удивленным и очарованным современникам Паскаля-скептика, терзаемого сомнениями в той же мере, что и болезнью. Скептика, для которого вера была — буквально — предметом слабо сдерживаемого недоверия. Паскаль был также отрекомендован в качестве «больной души», некоего предвестника романтизма: «Наш скептицизм и наша восторженность, упадки нашего духа и наша слава, наша потребность и одновременно неспособность любить и верить — все это остро чувствовалось им... Эпоха Шатобриана, Гете, Байрона была подготовлена убежденностью в тщете науки и мысли, царства привычки и иллюзии лучшего, текучести всех вещей, ничтожестве наших добродетелей, как, впрочем, и страстей, в суетности той маски, под которой скрывает себя Я, одним словом, — в *человеческой комедии* вместе с ее последним актом, который всегда кровав, поскольку затем *«набросают земли на голову — и конец навеки»**.

Слава первого издания «Мыслей», выполненного в соответствии с теми принципами, необходимость которых настоятельно чувствовалась Кузену, по праву принадлежит Фожеру (1844). Начиная с этого времени и вплоть до сегодняшнего дня не было ни одного издания, кроме

---

* Д. XXII: LVI.

издания г-на Молинэ (1877), которое достигло бы значительного прогресса в плане полноты текста и не заявляло бы при этом, что, дескать, наконец-то не обойден вниманием ни один из фрагментов, имеющих место в рукописях. Мы с господином Мишо, профессором университета Фрибурга, предприняли, каждый со своей стороны, проверку изданий с целью последующего заполнения всех обнаруженных лакун. Сравнив результаты наших сопоставлений, мы согласились друг с другом, что довольно близки к пониманию того, каким должен быть окончательный текст.

Что касается комментария к «Мыслям», то таковой был весьма успешно подготовлен Эрнестом Авэ (1851). Эрудит и мыслитель, г-н Авэ, с одной стороны, стремился охватить каждый фрагмент сетью сопоставлений, способных показать генезис паскалевского ума или же продемонстрировать влияние, произведенное тем или иным пассажем «Мыслей» на литературный процесс. С другой стороны, отличаясь замечательной искренностью, Авэ и не думал скрывать свой личный взгляд на ценность и даже на истинность издаваемого произведения. Это прекрасное рассмотрение, впрочем, могло бы только выиграть, если бы г-н Авэ, вместо критики отдельных фрагментов, рассмотрел их, следуя некоему общему плану, сообразно отношению фрагмента к целостности всей доктрины Паскаля, а также сам более последовательно придерживался рационализма (в оппозицию которому ставил мыслителя), вместо попыток опоры на грозящий обрушиться фундамент эклектики. Изданию г-на Авэ, являющемуся воспроизведением на более высоком уровне традиции философского издания XVIII века, противостоят издания христианские, выполненные в догматическом духе, несколько не соответствующем янсенизму Паскаля: протестантское издание г-на Астье, а также издания католические, первое по времени и важнейшее из которых

принадлежит аббату Роше. Все они пытаются восстановить порядок фрагментов и приспособить к вкусам современного читателя ту апологию христианства, написать которую задался целью Паскаль.

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА «МЫСЛЕЙ»

В отделе рукописей Национальной Библиотеки в Париже хранится (Фонд № 9202) сборник, в начале которого помещена сопроводительная записка аббата Перье, каноника Клермонской церкви, указывавшего, что настоящий том представляет собой оригинал книги «Мысли» и написан рукой Паскаля, его дяди, «за исключением некоторых отрывков, продиктованных последним тем, кто находился подле него». Указанный том был доставлен из библиотеки аббатства Сен-Жермен-де-Пре, откуда изъят в 1790 г. вместе с другими в Национальную библиотеку. Г-н Перье передал рукописи в библиотеку аббатства 25 сентября 1711 года, приблизительно через пятьдесят лет после смерти Паскаля. Некоторые страницы были утеряны еще до того, как возникла идея собрать их воедино, некоторые — предоставлены различным лицам, в особенности м-м Перье и Этьену Перье для работы над предисловиями, писавшимися к «Мыслям» (кое-какие из фигурирующих в этих предисловиях пассажи Паскаля отсутствуют в оригинале). К тому же, когда рукописи собирались, никто не обращал никакого внимания ни на содержательную упорядоченность, ни даже на ссылки, сделанные самим Паскалем. Паскалевские манускрипты ничем не напоминают книгу, это просто ворох бумаг, лишенных какой-либо последовательности, т.е. находящихся в том виде, в котором они могли быть найдены в кабинете умершего. К этой основной неприятности следует присовокупить неразборчивый и торопливый почерк: Паскаль, часто днями

находившийся в постели, вынужден был писать лежа. Сам текст изобилует — что вполне естественно для личных записей — сокращениями и ошибками. Иногда вместо Паскаля писал кто-то из домашних, и в подобном случае неуверенность в орфографии сменяется неуверенностью в передаче смысла написанного. Но само по себе чтение манускрипта не требует, однако, слишком большого труда, будучи облегчено для современного читателя выполненной Пор-Роялем великолепной *Копией* (№ 9203), которая полнее автографа, и потому определенное количество материала мы заимствовали из нее. Эта копия подтверждается *Второй копией* (№ 12499), также содержащей некоторое число новых фрагментов. Ко всему этому следует добавить различные мысли, находившиеся во всевозможных янсенистских сборниках, в особенности во втором *Сборнике* отца Перье, исследованном г-ном Фожером, а также в разнообразных изданиях, начиная с пор-рояльского. Последние содержат фрагменты, которыми нельзя пренебречь, но которые, тем не менее, нельзя также признать абсолютно аутентичными.

Как следует публиковать подобный материал? Проще всего было бы, как это сделал недавно г-н Мишо, воспроизвести саму по себе рукопись, так сказать, в порядке ее беспорядка. В таком случае отсутствовало бы какое-либо посредничество издателя между Паскалем и тем, кто его читает. Или, точнее, каждый читатель становился бы для самого себя одновременно и издателем. Составив на основе подобного объективного текста собственное представление о «Мыслях», кто угодно сможет на свой манер создавать Паскаля для самого себя. Но число людей, обладающих временем и склонностью к столь длительному критическому труду, чрезвычайно невелико, остальные же вынуждены смириться с необходимостью читать Паскаля в таком издании, где подготовительная работа проделана уже кем-то за них. Да и в самом деле,

величайшим предательством из всех, которые можно совершить в отношении автора «Мыслей», было бы стремление считать названный беспорядок окончательным*, не пытаться сопоставить друг с другом рассуждения, того требующие, или, и это, быть может, еще хуже, рассматривать в качестве отдельных идей то, что, согласно Паскалю, является частью единого принципа, превратив в автора афоризмов писателя, строго придерживавшегося систематического стиля и, как заметил некогда г-н де Саси, явившего образец упорядоченности и теоретичности.

Большинство издателей шло иным путем, пытаясь реконструировать «Апологию» в том виде, в котором Паскаль задумал ее создать. Однако, отсутствие согласия в их среде доказало всю тщетность подобного предприятия. И правда, собственно паскалевские замечания об общем плане «Апологии» неопределены и недостаточны. Значит, нужно обращаться к свидетельствам других людей — Этьена Перье, м-м Перье, Ф. де ла Шез — которые не придерживались единой точки зрения. Более того, многие фрагменты дают повод полагать, что Паскаль изменял план своей работы. Потому вполне вероятным было бы предположение, что он, на момент кончины, еще не остановился на каком-либо одном варианте. Беседа 1658 г., о которой сообщает Этьен Перье, никак не характеризует более поздние фрагменты, а потому не отличается особой полнотой указаний, не касаясь, например, аргумента пари. Имеется и еще одна трудность, которая как бы возвышается над всеми прочими: нет оснований, доказывающих, что собранные в манускрипте записи целиком предназначались для «Апологии». Издатель же лишен возможности поставить себя на место автора, чтобы принимать или отвергать от имени последнего тот или иной фрагмент: раздумья об *Уме* либо о *Церкви*, собственно говоря, нельзя в достаточной мере считать соответствующими

---

* Существуют и иные точки зрения. См. *Кляус*, с. 241—242.

или чуждыми сути того замысла, который реализовывался Паскалем. Любая позиция, занятая в данном вопросе, выглядит уязвимой, а, значит, малообоснованной оказывается любая попытка претендовать на истинность исторической реконструкции.

Мы не обладаем правом братья за достройку того храма, который Паскаль оставил незавершенным. Иное было бы дерзостью. С другой стороны, на нас лежит обязанность не допустить, чтобы материалы паскалевского труда оказались предоставленными самим себе, и не оставить их в состоянии хаотической непостижимости и невразумительности. А потому для нас остается лишь один выход, поскольку избрать-то надлежит все же что-либо одно. Этот выход подсказывает поступить с «Мыслями» так, как заведено в музеях, хранящих разрушившиеся древности — заботясь не о реставрации или добавлении чего-то недостающего, но стремясь лишь расположить каждый камень в соответствии с первоначальным местоположением, указав его происхождение и систематически связав с другими посредством определенной методики группировки. Ни беспорядка, ни восстановления — только классификация. Таким был принцип, с самого начала выдвинутый Пор-Роялем, а впоследствии Боссю, порядок издания которого воспроизвел Авэ, добавив новую главу, состоящую из неизвестных ранее фрагментов, найденных Кузеном и Фожером. Быть может, и следовало, несмотря на некоторую беспорядочность и ошибочность этой последней классификации, все-таки ее придерживаться, чтобы, ввиду риска впасть в излишнюю искусственность, не разрушать установившиеся привычки без особой на то нужды. Но исследование манускрипта (здесь мы выражаем особую признательность работам Молинэ и Мишо) выявило в издании Боссю — Авэ столько произвольных сочетаний и, главное, разделений фрагментов, что следовать предшественникам означало бы принести в жертву

неоспоримую важность собственно рукописного автографа. А потому, обязанные внести исправления практически в каждую главу, мы оказались вынужденными отвергнуть преимущества традиционного порядка компоновки текста.

По-новому группируя фрагменты, мы руководствовались, следует еще раз повторить, не собственным произволом, но необходимостью, диктуемой самой сутью нашего предмета; отвлекшись от всех документов внешнего происхождения, от всей работы предшественников, устранив любую априорную идею относительно возможной структуры «Апологии» Паскаля, мы исследовали фрагменты такими, каковы они сами по себе и обнаружили, учитывая лишь собственные указания и обозначения автора, дошедшие до нас, каким образом представляется возможным сгруппировать все эти отрывки, ни на минуту не упуская из виду той основной нити рассуждений, которая их связывает воедино. Мы предлагаем непосредственно суду читателей полученные результаты с тем, чтобы не было повода вносить поправки в сложившуюся структуру издания. Но, для предупреждения возможных трудностей, которые, вероятно, у читателей все же возникнут, мы позволим себе лишний раз сделать акцент на характере предлагаемой классификации. Последняя не содержит какой-либо претензии на историческую объективность, более того, Паскаль вряд ли собирался формировать свою «Апологию» согласно предложенному нами плану. Также мы сознаем, что произвольности не удастся избежать на сто процентов: ведь не существует, например, четкой границы между некоторыми фрагментами части VII (Иисус Христос как искупитель) и части XII (Иисус Христос как исторический персонаж) и т.п. Мы сообщаем наперед о подобного рода неизбежных натяжках, поскольку они способны удачно высветить характер наших усилий. Единственным, но вполне законным, стремлением нашим является такая композиция

паскалевских фрагментов, которая была бы приемлемой для современного читателя. Цель заключается в следующем: сохранив присущую тексту фрагментарность и не претендуя на раскрытие общего плана, унесенного Паскалем в могилу, добиться того уровня логической связности, который бы позволил мысли читателя уследить за мыслью автора и извлечь из этого соответствующую пользу.

АВТОР «МЫСЛЕЙ»

1

Писатель

Никто из писателей не усматривал, подобно Паскалю, столь мало внутренней ценности в самом по себе языке изложения, и никто из писателей не обладал искусством письма более тщательного и более глубокого. В глазах нашего автора язык действительно не имеет какого-либо самостоятельного значения, но существует исключительно как выразитель мысли. Именно в этом пункте находимы одновременно и сам языковой принцип и мыслительная мера. Ум человека, от природы ограниченный, лишь погрузившись в пространство какого-то одного-единственного занятия, способен перевести мышление в форму речи. А, поскольку из указанной ограниченности ума с необходимостью вытекает жажда независимости, то искусство речи пытается избавиться от искусства мысли, что и служит причиной появления риторики. Но «истинное красноречие пренебрегает красноречием»^{*}. Средством от старинной риторики служит отсутствие всякой риторики. Нужно положить конец традиционному самообману языка, иллюзии его бесплодной свободы и предать мятежника в руки его законного суверена — мысли. Для этого над-

---

* Фр. 4.

лежит не останавливать свой взгляд лишь на словах, не ограничиваться одним только стилем, но прислушаться единственно к той внутренней беседе, которую, по словам Платона, душа ведет сама с собой*, увидеть вещи, какими они есть в действительности. Лишь это полное сознание мысли, это непосредственное видение вещей, проявившись в ткани языка, наделяют последний его единственным и наисущественнейшим достоинством — ясностью.

Было бы излишним доказывать читателям Паскаля, что Паскаль на самом деле достиг подобного идеала, сделав ясность изложения господствующей отличительной чертой своего стиля. А потому не ищите здесь писателя, ибо найдете вы только мыслителя. Стремился ли кто-то когда-либо к истине столь воодушевленно, избегал ли лжи столь искренне, как этот двенадцатилетний мальчик, страстно увлеченный экспериментами и уяснением причин природных явлений, как этот христианин, который на исходе жизни, дабы не оставить какой-либо двусмысленности в своих чувствах и не предать своего глубоко затаенного верования, не колеблясь удалился от ближайших друзей и решился отдать себя служению католической церкви? Прозрачность стиля выступает у Паскаля непосредственным следствием, так сказать, отображением его абсолютной искренности. Поскольку нрав бывает благочестивым лишь у тех, кто причастен некоему природному благочестию, то и стилистическая ясность не является каким-то самостоятельным качеством. Обретаемая ею ценность — лишь ценность того, что ею проясняется. Другими словами, не следует искать у Паскаля вещи, именовавшейся им «достоинством стиля», ибо достоинства его стиля суть те же, что и достоинства его души.

Прежде всего, следует учитывать, что Паскаль был наделен даром воображения. Стремительность, с которой

---

* Платон. Теэтет. 189е.

он освоил геометрию, синтетический характер его метода достаточно характеризуют, сколь редкостной была его врожденная способность пространственного видения. Он, однако, отнюдь не стремился к одним лишь абстракциям. Вещи в его представлении естественно блистают собственными красками и, посредством одновременно простодушной и дерзкой непринужденности мыслительной формы, сохраняют это свое живое обличье даже став уже предметом чтения. Текст Паскаля изобилует восхитительными, оставляющими неизгладимый след, фразами, восприятие которых не требует никаких усилий и нисколько не утомляет мысли. Впрочем, есть еще одно средство, позволяющее напрямую ощутить мощь и величие паскалевского воображения. Стоит лишь обратиться к одному из мест трактата «О геометрическом уме»*, где посредством длительного рассуждения обосновывается математическая реальность обеих бесконечностей — бесконечности большого и бесконечности малого, а затем мысленно перенестись к тому известному фрагменту**, где эти абстрактные понятия применяются к конкретному миру: образы повсюду оказываются не только до ослепительности яркими, но также и волнующими, тягостными для человека, который чувствует себя затерянным между двумя бесконечностями, превратившимися в две бездны. Порой образы становятся даже слишком многочисленными, являя собой некую «роскошь», но над всем их массивом господствует терпеливое и уверенное мастерство, способное выбирать и упорядочивать.

В силу этого Паскаль, великолепный геометр, столь же близок систематическому, сколь и воображаемому. Идеи у него не пребывают изолированными, он стремится свести их к общему центру, создавая некий гармоничный мир.

---

* *Pascal B.* «Opuscules et Pensées» — Paris, 1897, p. 174.

** Д. I: I.

Но, если геометрическое рассуждение состоит исключительно в выстраивании линейной связи аргументов, то Паскаль превосходит пределы геометрии. Пренебрежительно относясь к тем поэтическим образам, которые отмечены лишь блеском, но отнюдь не точностью, он не отказывается от сравнений, которые, хоть и не могут ничего доказать, тем не менее оказываются в состоянии просветить мысль, придать ей, если позволено будет так выразиться, способность чувствования. Поэтому в целом относительно небольшое количество образов у Паскаля компенсируется совершенством последних. Памятуя о знаменитом фрагменте «Человек есть мыслящий тростник», не достаточно ли было бы здесь, однако, и тех поразительных строк, в которых Паскалем изображена необходимость благодати? «Но ведь невозможно, чтобы Бог всегда был целью, не являясь при этом и принципом. Люди, поднимая свой взгляд вверх, опираются на песчаный фундамент. Однако настанет момент, когда земля расступится, и они рухнут в бездну, глядя в небеса»^{*}.

Аналогично Паскаль осуждает и антитезу, которая служит лишь для того, чтобы пускать пыль в глаза. Но если некая антитеза основана на самой природе вещей, мыслитель ее использует, можно даже сказать, что использует более, чем кто-либо. Само развертывание такой антитезы представлялось ему связью с глубинными законами, управляющими умом, с условиями самой возможности истины. Всякое понятие прямым образом требует присутствия в уме своей противоположности и в точном смысле определяемо лишь подобной противоположностью. Только с помощью различия мысли придается изысканность, уму — широта, одним словом — становится достижимой истина. Отсюда частое обращение Паскаля в своих фрагментах к методу, заключающемуся в развитии

---

* Фр. 488.

содержания идей через взаимное противопоставление последних, через определение одной, как совокупности качеств, необходимых другой, и достигаемое на этой основе согласование крайностей. Любое рассуждение о *величии* и *ничтожестве* человека являет собой великолепный пример использования данного метода.

Но это еще не все. И над живостью воображения, и над строгостью рационального мышления покоится величие чего-то третьего — величие милосердия. Паскаль вкладывает в свои идеи не один лишь ум, но также и сердце. Он не просто живет среди этих идей, но и стремится постичь их человеческий смысл. Мыслитель чувствует, что подобные идеи присущи не ему одному, а потому обращается не только к христианам, — т.е. своему собственному кругу — но и к нехристианам и даже к неверующим. Он разделяет их сомнения и тревогу, но не страшится нависающих над ними опасностей. Порыв его милосердия суть такого свойства, а высказывания представляются столь глубокими и столь искренними, что кажутся способными изменить даже глубочайшие и неподлиннейшие их чувства. Примером здесь может служить признание, завершающее одну из речей либертина: «Я полон зависти к тем, кто верит и, тем не менее, живет в суеде и нерадиво распоряжается сокровищем, которым я, — так, по крайней мере, мне кажется, — распорядился бы совсем иначе»*. Психологическая пронизательность, подобная той, что сближает некоторые из «Провинциальных писем» с лучшими образцами комедии, вдохновляет этот воображаемый диалог, в ходе которого либертин обращается к вере и укрепляется в ней не столько через средство размышления, сколько в силу милосердной кротости убеждающего.

---

* Фр. 229. Леон Брюнсвик считает этот фрагмент предваряющим рассуждение о необходимости пари (Д. VIII), в ходе которого, по сюжету, либертин таки обращается к вере.

А что уж говорить о тех рассуждениях, в ходе которых милосердие нашего автора обращается к своей единственной цели, к Иисусу Христу, когда Паскаль славит Испытателя, дарующего сердцу способность усмотрения мудрости, когда мысль возвышается до креста, на котором умирает Сын Человеческий, и вновь переживает с последним вечное мгновение? Что сказать о тех строках, которые исполнены слез смирения и тревоги, о тех столь безыскусных словах, в которых он возносит молитвы своему божественному Владыке, и посредством которых сказано, что сострадание и нежность могут прийти лишь через муку и утешение? Одно лишь милосердие, согласно высказыванию св. Августина, полюбившемуся Сен-Сирану, безгрешно. *Caritas sola non peccat**.

2

Мыслитель

Те литераторы, которые, следуя сомнительной аналогии с классификацией естественных наук, учредили различие литературных жанров, пытались отнести автора «Мыслей» к разряду моралистов. В подобных усилиях некий резон присутствовал: Паскаль изучал человека, как занимались этим и Ларошфуко, и Лабрюйер**; Паскаль, как и последние, не отграничивал психологического рассмотрения от практического и пытался обратить к пользе для морали читателя то знание себя, которое читателю открывалось. Даже если взглянуть на буквальный смысл утверждений Ларошфуко и Лабрюйера, то и «Максимы» и «Характеры», казалось бы, имеют цель не менее апологетическую, нежели «Мысли». Однако очевидно, что

---

* Одно милосердие безгрешно.

** Ларошфуко Франсуа де (1613—1680), Лабрюйер Жан де (1645—1696) — известнейшие французские писатели-моралисты, создававшие свои произведения (соответственно «Максимы» и «Характеры, или нравы нашего века») в форме фрагментов.

наисущественнейшее для Паскаля является чем-то лишь второстепенным для Ларошфуко и Лабрюйера. В действительности Паскаль — вовсе не моралист в собственном смысле слова, и фрагментарная форма, в которой дошел до нас его незавершенный труд, не должна вводить в заблуждение. В «Мыслях» не найти ни той заботы о стиле, ни того поиска автором нужных слов и деталей, ни той неестественной психологической изощренности, ни того вкуса к сатире и парадоксам, ни того вечного духа превосходства над читателем, которые составляют все для очаровательных и в то же время бесплодных трудов французских моралистов. У Паскаля, напротив, нет ничего неискреннего, ничего нарочитого, и его ирония, подчас острая и жестокая, содержит в себе столько же негодования, сколько и жалости. Он не заботится ни о том, чтобы забавлять, ни о том, чтобы блистать, его стихия — убеждение и увлечение. Все паскалевские острооты обретают ценность именно в силу своей самобытности и неожиданности. Всякое размышление наделено здесь некоей целью, оно стремится к истине и приобщается к систематическому единству общего движения мысли. Изучение человека в рассматриваемом случае не диктуется ни познавательным любопытством, ни потенциальной возможностью практического применения результатов, но обязано вести к истине: Паскаль — не моралист, он суть философ и христианин.

Стоит заняться изучением философии Паскаля, как сразу же возникает тот самый вопрос, который обсуждался с середины нынешнего столетия и получил столько различных вариантов решения: являлся ли Паскаль скептиком? Поставлен упомянутый вопрос В. Кузеном и поставлен, надо сказать, неудачно. Убежденный в существовании некоей совокупности истин, под которой «здравомыслящий» человек не может не подписаться и о которой мы догадываемся с помощью интуиции «безличного разума»,

Кузен зачислял в скептики всех мыслителей, неуважительно относившихся к достоинству здравого смысла и разум не признававших.

Ввиду этого вопрос: «Являлся ли Паскаль скептиком?» превращается в вопрос: был ли Паскаль чужд эклектизму, а ему-то Паскаль, конечно же, был чужд. Ничто не отвращало автора «Мыслей» сильнее, нежели посредственные мнения, воспринятые единственно по причине их умеренности, нежели недалекие воззрения здравого смысла, нежели полуистины, Правилom в его глазах было само отрицание мысли, «созданной навечно». Лишь во имя торжества логики Паскаль отбрасывает рационализм, преждевременно очерчивающий пределы разума, запрещающий разуму оправдание перед самим собой, в конечном счете — заимствующий свои принципы от нерассуждающего здравого смысла. Но это — не позиция скептика.

Однако верно, что в «Мыслях» Паскаль использует пирронизм в своих целях и даже более того. Он пишет, что *пирронизм истинен**. Этим просто, ответим мы, выражается идея об истинности пирронизма во времена Пиррона, ибо автор добавляет, что в конечном счете без благодати нам не обрести ни истины, ни блага. Но абсолютная истина и высшее благо привнесены в человеческую среду Искупителем. Чтобы убедить в этом людей, Паскаль пишет как-раз «Апологию», а не скептическое произведение. Если рассматривать лишь негативную часть какого-либо учения, то последнее очень легко свести к чистому скептицизму. Но учение-то на деле определяется посредством его позитивных выводов, а вряд ли существует что-либо более догматическое, чем паскалевское христианство. Будучи истинным в отношении критикуемых им античных систем, пирронизм ложен перед лицом христианства. Как только Паскаль становится христианином — он больше не пирроник.

---

* См., например, фр. 390.

С этим понятно, но остается выяснить, не потому ли Паскаль и является христианином, что был пирроником и далее быть им не желает? Другими словами, не предполагается ли пирронизм паскалевским христианством? Не используется ли в качестве некоего «вестибюля», необходимого введения, так что религиозная истина христианства Паскаля связана с философской истиной скептицизма Монтезя? Не подходит ли известная фраза Канта: «Я хотел ограничить знание, чтобы освободить место вере»*, Паскалю в еще большей мере, нежели высказавшему ее автору? Для точного ответа на подобный вопрос надлежит обратить внимание на характерную особенность паскалевского ума. Паскаль мыслит оппозициями: всякая идея у него непосредственно требует идеи противоположной. Условием и методом достижения истины служит именно эта естественная манера мыслить. Не наилучшим ли средством против умственной односторонности, против нетерпимого предубеждения будет рядоположенность со всяким мнением мнения, занимающего противоположную позицию, и последующее сопоставление и той, и другой противоположности с высшей истиной, являющейся их общим началом и мерой? «Я лишь тогда восхищаюсь высокими проявлениями таких добродетелей, как отвага, когда их сопровождают столь же высокие проявления противоположных добродетелей»**... На подобном же основании Паскаль не доверяет геометрам, которые суть только геометры, и целям, которые суть только цели***. Эта ремарка может рассматриваться как всеобщая норма и как нечто, наделенное важнейшим значением. «Есть люди, заблуждение которых тем опаснее, что принцип своего заблуждения они выводят из какой-либо истины. Ошибка их не в следовании ложному взгляду, а в следовании

---

* Кант И.: Соч. в 6-ти т., М., 1964, т. 3, с. 95.

** Фр. 353.

*** См. фр. 34 и 35.

одной истине при исключении другой»^{*}. Монтень следует истине, когда помещает человека ниже животных, но прав и Эпиктет, приравнивавший человека к Богу. Однако оба ошибаются в целом, поскольку пренебрегают взглядом на вещи, отличным от их собственного. «Два противоположных смысла. Начать нужно с них, иначе все становится непонятным и еретичным. Ведь итогом всякой истины служит памятование об истинности противоположного»^{**}. Не следует ли правило, применяемое Паскалем для определения ортодоксии, применить к интерпретации его собственной мысли? Это постоянное памятование о противоположной истине, не дает ли оно наибольшего шанса постичь паскалевское учение во всей его широте и глубине?

Таким образом, если верно, что пирронизм истинен, то из этого еще не следует истинность одного лишь пирронизма. Надлежит помнить о противоположной истине. «Любое исходное положение правильно — и у пирроников, и у атеистов, и т.д. Но выводы у всех ошибочны, потому что исходное противоположное положение тоже правильно»^{***}. Аргументы скептиков остроумны и выглядят безапелляционными. Но даже всей, заключенной в них неопровержимости явно не хватает, чтобы заглушить инстинкт истины, присутствующий в человеке. Естественная ясность лишь поколеблена, но не уничтожена и потому у догматизма имеется достаточно возможностей объявить шах скептицизму. Однако не достаточно ли для полного удовлетворения претензий скептика одной лишь этой раздвоенности человеческого ума, колеблющейся между утверждением и отрицанием? Ведь скептицизм и не помышляет об устранении какой бы то ни было антиномии, о позиции некоего тезиса, исключаящего антитезис.

---

* Фр. 43.

** Фр. 567.

*** Фр. 394.

Окажись скептицизм запертым в пределах антиномии без шанса из нее выйти, он торжествовал бы по поводу своей мнимой неудачи, которая стала бы тогда лучшей манифестацией бессилия разума. Несомненно, что в конце концов все так бы и случилось, если бы человек, согласно Паскалю, не был в состоянии и не имел средств для преодоления этой антиномии. Но дело обстоит не так: оппозиция догматизма и скептицизма, которые не могут ни примириться друг с другом, ни уничтожить друг друга в человеческом уме, собственно, и определяет рамки проблемы, и у подобной проблемы есть решение. Итак, основываясь на рассмотренном пункте, когда мы признаем, а это совершенно очевидно, что Паскаль вовсе не рационалист, мы все же не вправе делать вывод о Паскале-скептике. Виктор Кузен, отождествив эти вещи, привнес в историю философии изрядную путаницу, сбившую с толку не одного комментатора Паскаля, но легко устранимую, если немного заглянуть в текст и определить, что же понимал рассматриваемый нами мыслитель под разумом.

Разум, что это такое, согласно Паскалю? Это не свойство принципов и целей, как считает догматизм. Разум есть средство, то есть он всегда относителен и касательно принципов, и касательно внешних ему целей. Разум противостоит чувству, суждению, сердцу, всему, что указывает на непосредственную интуицию объекта. Он синонимичен рассуждению, как свидетельствует в особенности фрагмент 282. «Разум всегда,— говорится в другом* фрагменте,— прибегает к помощи памяти». В общем смысле разумом является то, что доказывает, то, что наглядно объясняет. Итак, очевидно, как считают скептики, что не существует абсолютного доказательства, последнего довода, поскольку всякое доказательство нуждается в доказательстве своей собственной доказательной силы, по-

---

* Фр. 369.

сколько нужно обосновать обоснованность довода, а это диалектическое требование приводит к регрессии в дурную бесконечность, регрессии, превосходящей возможности человеческой диалектики. Посему разума недостаточно для самого разума, он не является некой закрытой, автономной системой, он пребывает в постоянной неизвестности относительно принципов, которые приходят к нему со стороны и которые бесконтрольно и беспрекословно его подчиняют. Таким образом, Паскаль избегает альтернативы, требующей принять либо сторону догматизма, либо сторону скептицизма. Не верно, что разум суть все, не верно, что он суть ничто. Он суть нечто, нечто, приспособленное для извлечения следствий, всецело относящееся к сфере средств.

Если дело обстоит таким образом, проблема сводится к определению принципов, от которых зависит человеческий разум. Именно с достоинством этих принципов связана участь человека. Итак, при рассмотрении человеческой природы, подобные принципы предстают двойными. В геометрии, например, возможно с помощью непосредственной интуиции достичь принципов одновременно столь значительных и столь точно определенных, что нельзя ни избежать их, ни указать на их двусмысленность. Всякий опыт словесного разъяснения, всякая попытка рационального оправдания только и делают, что затемняют тот естественный свет, в котором мы эти принципы наблюдаем. Таким образом, геометрическая наука есть завершенный тип человеческой науки вообще: начиная с определений, геометрия соблюдает строгую последовательность своих шагов, не знающую ни прерыва, ни возражения и так до бесконечности. По мере того, как человеческий ум разворачивает цепь научных понятий, он проникается глубоким сознанием своей изобильности, он ощущает себя способным изобретать без

конца, и только эта бесконечность науки одна и может его удовлетворить.

Однако геометрией не исчерпывается человеческая жизнь, точнее, жизнь существует и вне пределов геометрии. Пусть геометрические принципы — «вне обычного обихода». Какой же тогда принцип лежит в основе этого обихода, в основе каждодневной практики? Удовольствие. Всякий человек, не исключая и святых, стремится быть счастливым. Вот только удовольствие это, желание всеобщее и единственное, не является всеобщим и единственным в самом себе. Оно претерпевает изменение в случае каждого отдельного человека, более того — в каждый из моментов человеческой жизни. Всякую минуту человек связан с тысячей внешних обстоятельств, понимание которых ускользает от него, и по этой причине принципы предстают одновременно столь тонкими и столь многочисленными, что, за исключением умов крайне острых и крайне искренних, люди утрачивают желание их постигать и считать.

Какой из этих двух видов принципов способен удовлетворить человека? Несомненно, бесконечность науки отвечает запросам самой природы научного, которая чувствует себя созданной для бесконечности. Но это бесконечность абстрактная, непроницаемая вглубь и не могущая быть изреченной. Наука бесплодна для человеческого действия. Она не оказывает собственного влияния на жизнь. Все доказательства разума терпят неудачу перед лицом глубоко внутренней реальности удовольствия, которое — истинное ли, ложное ли — мгновенно заполняет человеческое сердце. По этой-то причине, понимаемая как синтез всех наук внешнего человеку мира, «философия не стоит и часа труда»*, ибо не может перевесить цену часа удовольствия. Бесплезная «в своей глубинной сути»**,

---

* Фр. 79.

** Фр. 61.

геометрия становится даже опасной, если отвращает нас от жизни, если поглощает наши силы в заботе о том, чтобы подвергать их испытанию, а не использовать.

Надлежит, следовательно, обратиться к конкретной действительности, к жизни. Можно ли здесь обойтись одним человеческим умом? Принципы ведь более не создают некоего простого единства, за которое могла бы уцепиться простая бесконечность во всей ее протяженности. Принципы, действующие в реальной жизни, различны и ограничены. Любая человеческая радость до ничтожности коротка, она не способна существовать сколько-нибудь продолжительное время, не впадая в свою противоположность, не превращаясь в отвращение и печаль. Как только мы попытаемся собраться с мыслями и ощутить в самих себе подлинную реальность нашего удовольствия, мы прежде всего поразимся диспропорции между слабостью, убожеством этой реальности и бесконечностью нашего воления. Вот откуда берутся скука, непостоянство, тревога; все сие — от пустоты жизни. Вернувшись в себя, мы не обнаружим там ничего, кроме реального ничтожества нашего места в мире и постоянной угрозы смерти. Чтобы обладать иллюзией жизни, мы отказываемся от бытия в полном смысле этого слова, от бытия, соответствующего нашей природе; мы прячемся от самих себя и блуждаем среди развлечений, составляющих саму жизнь света: «нас утешает любой пустяк, потому что любой пустяк приводит нас в уныние»*. Жизнь света, стало быть, по сути своей иллюзорна и непоследовательна. Принципы не имеют для нее подлинной ценности, они суть принципы чистого воображения. Слабость мыслительной способности, сила обычая, испорченность воли и, более всего, — глухое ощущение нашего внутреннего ничтожества, демонстрируют, что человек подчиняется им с безропотностью, вызывающей одновременно негодование

---

* Д. V: VIII.

и жалость мудреца: «Достойно сожаления в людях, что все они рассуждают только о средствах, а не о цели»^{*}. Но достаточно простой рефлексии, чтобы уразуметь, в какой степени этой цели не хватает упорядоченности и прочности, в какой степени она неспособна удовлетворить нас.

Разум человеческий, таким образом, подвешен между двумя видами принципов — тех, которые создают науку, и тех, которые руководят жизнью. Но, так как люди остаются в естественном состоянии, то есть не примыкают ни туда, ни сюда, то разум не приносит ожидаемого нами удовлетворения. С одной стороны, наука обладает единством и бесконечностью, однако — чужда предметам, воспринимаемым сердцем. Наука лишь слегка затрагивает душу, не заполняет ее, не схватывает. Всякая абстракция недостаточна и бесплодна. С другой стороны, в естественных радостях мира, которые мы находим приятными, не достает того единства и той бесконечности, вне которых мы неспособны в подлинном смысле стать довольными собой и навсегда успокоиться. Либо абстрактная бесконечность, либо конкретная конечность; либо истина без удовольствия, либо удовольствие без истины. Такова вечная альтернатива, встающая перед человеком, и еще счастье, если бы это была действительно альтернатива, то есть, если бы человек смог выбрать нечто одно, исключив при этом другое и забыв о нем. Но не дано человеку покинуть либо изменить свою природу: он одновременно влюблен в истину и терзаем страстью, он верит и любит, причем хочет верить лишь бесконечному, а любить лишь конечное. Истинное имя ему — *двойственность*.

И в итоге, перед лицом непримиримой раздвоенности нашей природы, антиномии, в которой эта природа пребывает, последним шагом разума будет признавать, что решение указанной проблемы превышает его возмож-

---

* Д. XXII: VI.

ности. Ничто так не соответствует разуму, как этот отказ от разума*. Однако разум не является по крайней мере абсолютно бессильным и его работа — небесполезна: он не только ставит проблему, но и фиксирует условия, при которых возможно решение. Окончательная удовлетворенность человека предполагает союз бесконечного и конкретного, беспредельной истины и безграничного счастья. Как возможен этот союз? Благодаря разуму, мы знаем то, чего нельзя требовать от разума. И если упомянутый союз возможен, то нам известно, что он не должен быть некой лишь спекулятивной истинной, но должен стать неким порядком, реализуемым в бытии практически. Разум сообщает нам относительно этого порядка, что последний нереализуем в нас природной волей, мы знаем, что способность к реализации приходит — если приходит — из какой-то иной сферы, столь же возвышенной, как сама истина. Таким образом, перефразируя заимствованную Паскалем цитату из Евангелия, человек не извлекает из себя ни света, освещающего путь, ни силы, чтобы этот путь проделать. Он обладает лишь чисто негативной способностью покидать бесцельные и безвыходные дороги, по которым ходит, распознавать направление истинного пути, угадывать, где можно на него встать и ожидать там, покуда дневной свет сделает этот последний зримым. Покуда не будет дана сила по нему пройти.

Другими словами, философия Паскаля приуготовляет к окончательной истине. Она суть некая, основанная на антиномиях, диалектика, заслужившая и заслуживающая еще сегодня того, чтобы сравниться с великими философскими системами кантовской школы. Только Паскаль — более последовательно, нежели Гегель — увидел ту кантовскую истину, которая гласит, что, если разум полагает тезис и антитезис, то через это противоречие обнаруживается его сущностная относительность

---

* См. Д. XI: I, III.

и осуществляется запрет полагать один только синтез. Антиномия, к которой приходит спекулятивный разум, не может быть разрешена самим этим разумом. Противоречие было естественного порядка, разрешение будет сверхъестественным. Первое поставляется философией, второе принадлежит сфере теологии. Рассмотренная в самой себе, философская диалектика Паскаля несет, таким образом, негативный вывод. Пессимизм для автора «Мыслей» — последнее слово философии. Но тщетность рассудка перед лицом стремлений воли, радикальная абсурдность воли к жизни, непреодолимая бессвязность ее бесцельных усилий — не основа ли это философии Шопенгауэра? А тот, кого Паскаль почитал величайшим из людей, имевших влияние на его мыслительное развитие, без сомнения не принадлежал ни к героям разума и философии, Эпиктетам и Декартам, ни к мэтрам утонченных наслаждений, Монтеням и Мерэ. Таковым является таинственный и холодный Митон*, которого Паскаль, если наше предположение верно, располагает между Декартом и Платоном: «Митону хорошо известна испорченность человеческой природы, а также то, что жизнь людей находится в противоречии с порядочностью. Но ему неизвестно, почему не в состоянии они взлететь выше»**.

3

Христианин

«Для нас непонятны ни славное состояние Адама, ни природа его греха, ни передача последнего, воспроизводящая нашу греховность... Потому-то бесполезно усматривать здесь наш исходный пункт. Действительную же важность представляет знание того, что мы ничтожны, испорчены, отде-

---

* См. прим. к фр. 192.

** Фр. 448.

лены от Бога, но искуплены Иисусом Христом»*. Этот фрагмент свидетельствует об отсутствии в паскалевской «Апологии» следования исторической точке зрения, которой придерживался Янсений в своем труде «Августин»**. Но было бы слишком смелым заключать отсюда о неверности Паскаля янсенистской теологии. Различие способов изложения зависит от цели работы, а в замысле «Апологии» речь идет не об углублении и точном определении христианской догмы, но об убеждении и обращении неверующего. Подобная отнесенность учения очевидна — Паскаль лишь выявляет следствие из содержания «Августина», он, так сказать, осуществляет более современную постановку янсенизма.

Итак, ясно, что ни в сфере философской, ни в сфере теологической у Паскаля не было возможности непрерывно следовать одному лишь янсенизму. То состояние, находясь в котором мы постигаем бесконечность воли, единственно способную нас удовлетворить, не является состоянием естественным и свойственным человеку. Всякий раз, когда человек достигает, самое большее, скептицизма или пессимизма, не оставляет ли ему этот возвышенный выход возможности логически, математически даже, понять, что подлинный человеческий интерес состоит в перемещении в сферу бесконечного блаженства, а механическая сила привычки может развить и закрепить в нас подобное усилие? Но это усилие лишь имитирует веру, будучи никак с ней несравнимым по проникновенности и плодотворности, оно становится поверхностным и неестественным. Это — некий пустой объем, лишенный внутренней достоверности. Указанная вдохновенность не

---

* Д. X: IV.

** «Августин, или Учение св. Августина о здравии, недуге и врачевании человеческого естества, против пелагиан и массилийцев» — основной труд К.Янсения, вышедший в свет в 1640 г., после смерти автора.

следует необходимо из нашего подготовительного усилия, но имеет источник, лежащий за пределами человека. Она суть дар Божий. Не стоит придерживаться здесь никаких ложных аналогий с человеческими науками. В том порядке, который присущ религиозной истине, нет простой иерархии следствий и принципов, напротив, существует гетерогенность или, точнее, противоречивость. В геометрии, чтобы достичь бесконечного, достаточно прибавить конечное к конечному. Совсем иная ситуация в том, что относимо к воле: конечное здесь противоположно бесконечному, ибо речь уже идет не о количествах, способных совмещаться друг с другом без противоречия, но — о двух планах, которые не могут совместно сосуществовать, не разрушая своего визави. Воля определяется ее целью. Утверждать, что желаешь конечного, означает отрицать, что стремишься к бесконечному, любить сотворенное означает — вольно или невольно — ненавидеть Бога. Вот почему, как глубоко подмечено Янсением, не существует чистого естественного состояния. Человек не возвышается к Богу прямым путем, устремляя к бесконечному свои конечные способности: с необходимостью должно наличествовать подлинное *обращение*, иными словами — удаление от себя, уничтожение собственной воли. Чтобы полюбить Бога, человек должен отказаться от себя, утратить себя, чтобы найти Его.

Итак, нет ничего более естественного, нежели природа, стремящаяся к своей гибели и саморазрушению. Не от самого человека происходит его способность отвращаться от самого себя. Смерть эгоизма свидетельствует о наличии в человеческом существе некоей силы, отличной от спонтанных прихотей природы; такова благодать: «ты не стал бы искать Меня, если бы уже не обрел Меня»*. С момента возникновения ненависти к себе мы любим Бога, мы склоняемся к Нему посредством какой-то, ощущаемой

---

* Д. XXIII: VII.

нами, склонности, помещенной в нашем сердце. Вера не может быть названа истиной, она — не тайна, но состояние. Таков, согласно формуле Паскаля, Бог, ощущаемый сердцем*. Подобное состояние чувства не анализируется и не определяется. Однако верно, что не существует ни абсолютной уверенности, ни бесконечного блаженства. Нет вещи более противоположной квиетизму, чем янсенизм; эта земля суть место исполнения долга; мир (*paix*) заключен в славе, слава же — на небесах. Благодать, когда она пронизывает человека, принося ему одновременно откровение Бога и силу, дающую Его возлюбить, просвещает нас относительно ничтожества нашей собственной природы, об испорченности последней, о несправедности нашего вожделения. Искупление не является искоренением эгоизма из стихийности естества. Оно лишь к средоточию эгоизма добавляет средоточие милосердия. Состояние благодати, как его характеризовал Янсений, есть состояние битвы. То чувство, которое порождает в христианине силу и веру, суть чувство непрерывной победы милосердия над похотью. Тайна искупления во всякий миг возобновляется в нас, Посредник реален, насущен — вот основание веры по Паскалю, который в «Мыслях» приводит почерпнутую Янсением у Августина фразу Писания: *ut non evasuetur crux*** — дабы не сделать крест бесполезным, надлежит веровать в непрерывное искупление.

Ощущение сердца, таким образом, поддерживаемо, наполняемо, оживляемо через связь с неким конкретным индивидом, с Христом: разум является одновременно поверхностным и бесплодным, он неспособен проникнуть к истоку бытия, но счастье — без доказательства, без размышления — можно обрести посредством одной лишь любви к Христу. Спасение — в Иисусе, Иисус не требует ничего, кроме любви, и никто не в состоянии отказаться

---

* См., например, Д. VI: I.

** Д. XXII: XCII.

любить Его, если открыты реальность человеческого ничтожества и благодать освобождения. Иисус суть центр и вершина теологии Паскаля. В Иисусе исчезают все затруднения, возмущавшие упорядоченность бессильной аналитической деятельности рассудка, ибо между Богом и человеком существует Посредник, живой союз двух природ: милосердие побуждает Его взять на Себя все грехи мира и искупить их, преобразовав посредством Своей божественности. Кто любит Иисуса, тот почувствовал сердцем всю бесконечность любви. А это освобождает от необходимости производить раздел между происходящим от человека и происходящим от Бога: подобные схоластические разделения суть признаки скудости мысли и неверия, они исчезают при одном только слове: *Господи, все предаю Тебе**.

Однако, если янсенисты индифферентны к пустому свойству свободной воли, выдуманному схоластами, то имеет место вопрос, который не может не быть поставленным всяким, читающим Паскаля: каков смысл присутствия «Апологии» в паскалевском учении? Рассматриваемый смысл состоит не в адресованности «Апологии» разуму, разума ведь недостаточно, чтобы дать веру. Но суть создаваемого Паскалем произведения — в том, чтобы дать отчет как в неверии либертина, так и в вере христианина. Тех, кто не верует, Бог хотел ослепить. А, отсюда, обратятся ли они вследствие паскалевских доводов, если извлекут из «Апологии» скорее прискорбные подтверждения своей бесповоротной осужденности, нежели надежду на спасение и желание спасти душу? Подобное рассуждение, строго говоря, не соответствует в достаточной мере сложности человеческой природы, как она понималась Паскалем. В конце концов, если одно лишь божественное вдохновение создает истинного христианина, если только оно содействует спа-

---

* Д. XXIII: II.

сению и представляет собой безвозмездный дар Господень, то не менее истинно, что Бог оставил человеку определенную свободу, но не для того, чтобы последний мог спастись, но чтобы погубил себя. Все люди искуплены Иисусом, говорит Янсений, кроме тех, которые прельщены своей неволей, не хотели быть искупленными либо после искупления вернулись в прежнее рабство. Что один человек может сделать для другого, так это уничтожить или, по крайней мере, ослабить упорство, противопоставляемое извращенностью природы и сердечной глухотой движению благодати, к которому заслуги Иисуса дают возможность подключиться любому крестившемуся, то есть устранить препятствия*, по выражению самого Паскаля. Когда мыслительная способность не отвергаема более религиозным учением, когда она обращается к Богу, когда «машина»** не оказывает уже сопротивления нравственной дисциплине церкви и подчинена установлениям религии, тогда душа обретает полную возможность почувствовать благодать Божью. Известны два средства обретения веры — обычай и разум; и, если сами они обладают только лишь негативной ценностью, то все же у них есть и способность приуготовлять или, по крайней мере, не отдалять от третьего средства, единственно позитивного, истинного и действенного — божественного вдохновения. Быть может, если это смирение мыслительной способности угодно Богу, оно, начавшись как человеческое дело, станет достойным божественного завершения, быть может, Бог склонит сердце к тому, в чем убеждено мышление. Прежде, чем браться за перо, Паскаль становился на колени, перед созданием почти что каждой из нижеследующих заметок он сотворял крестное знамение, которое, согласно словам Сен-

---

* Фр. 246.

** См. прим. 1 к фр. 246 и прим. 2 к фр. 247.

Сирана* — «составляет оружие» христианина. Первым делом Паскаля была молитва, адресованная одновременно и грешнику, дабы тот обратился к Богу, и к Богу, дабы Всевышний не отвернулся от грешника. Ибо молитва, согласно янсенистскому учению, есть сразу и следствие, и причина благодати; в ней, в некоем невидимом акте, являющемся самой сутью тайны посредничества Иисуса, встречаются добрая воля сотворенного и милосердие Творца. Через нее всякий верующий сам может стать посредником между неверующим и Богом. Находясь как раз в этом состоянии, Паскаль отрывался от своих непрерывных страданий, с целью наметить хотя бы несколько черт будущей работы, которой так и не суждено было завершиться. Эти разбросанные фрагменты, открывающие писателя, лучше которого никогда не знала Франция, мыслителя, глубже которого не ведает и современность, свидетельствуют в одно и то же время о благороднейшем и наиболее героическом порыве милосердия.

Л. Брюнsvик (1897 г.)

---

* Сен-Сиран (Горанн Жан Дювержье де, 1581—1643) — один из духовных вождей янсенизма, создатель мужской общины загородного Пор-Рояля (см. *Кляус*, с. 114—115).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

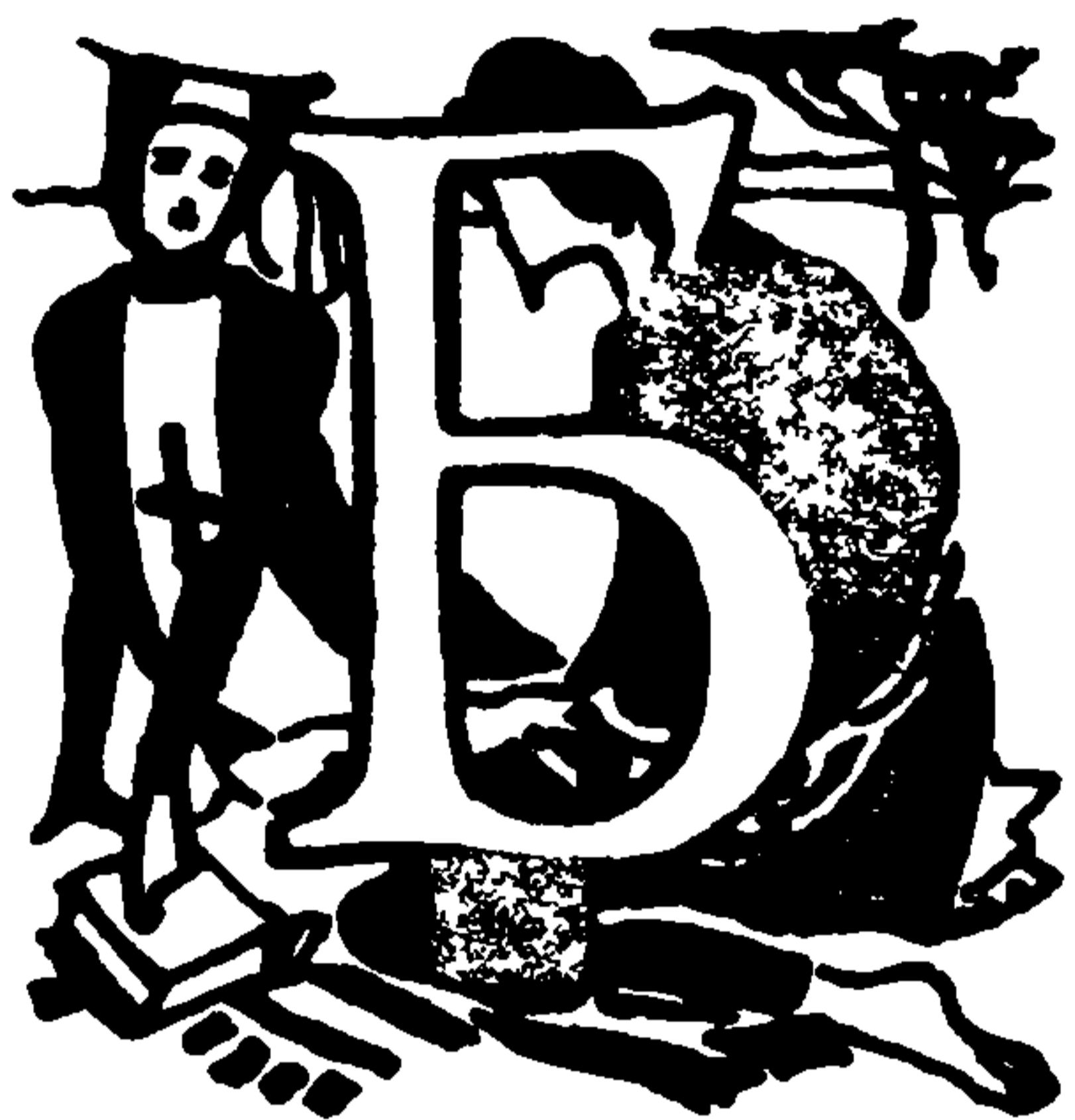

Очерк жизни Паскаля

БЛЕЗ Паскаль родился в Клермоне 19 июня 1623 года. Отец его занимал довольно видный пост на французской государственной службе. Это был весьма образованный, даже ученый человек, и притом хороший христианин. Заметив в сыне редкие способности ума и не желая доверить его воспитание посторонним людям, он сам взял на себя эту заботу. Держась того взгляда, что раннее систематическое обучение может повредить успехам сына, он ограничивался беседами, в общих чертах знакомил мальчика с начатками грамматики, объяснял некоторые явления природы и т.п. Мальчик очень любил эти беседы, но его не могли удовлетворить те, большей частью поверхностные, объяснения, которыми отец ограничивался ввиду возраста сына, он всегда старался узнать действительную причину явления. Удовлетворить его пытливость было нелегко: он был доволен только тогда, когда истина становилась для него очевидной.

Однажды он заметил, что удар ножом по тарелке производит звук, прекращавшийся тотчас, как на тарелку клали руку. Заинтересовавшись этим, он сам начал производить опыты, наблюдая за звуком. Результатом этих детских изысканий был, по словам его сестры, весьма

дельный для такого возраста трактат о звуке. Мальчику было в то время только 12 лет.

Присутствуя при ученых беседах отца с его друзьями, где большей частью речь шла о математике, мальчик заинтересовался этой наукой и просил отца объяснить ему, в чем она заключается. Отец, зная, насколько математика способна завладевать умом в ущерб другим знаниям, и намереваясь обучить сына сначала древним языкам, вовсе не хотел пока знакомить его с математикой. Юному Паскалю после долгих просьб удалось лишь узнать от отца, что геометрия дает средства строить точные фигуры и находит между ними взаимные отношения; но затем отец запретил ему дальнейшие вопросы, спрятал все бывшие в доме книги по математике и даже избегал упоминать о ней в присутствии сына.

Несмотря на такие предосторожности, мальчик тайно от отца, без всякой посторонней помощи, не имея иного руководителя, кроме своего природного ума, старался проникнуть в тайны этой науки. Пользуясь всякой свободной минутой, он убегал в отдельную комнату и там чертил углем на полу треугольники, круги и другие фигуры, даже не зная их настоящего обозначения, и так мало-помалу изобретенными им самим средствами и способами переходил от простейшего к более сложному. Когда отец застал его однажды за подобным занятием, оказалось, что мальчик был занят в эту минуту разрешением очень трудной математической задачи.

Пораженный и восхищенный отец, конечно, не мог далее противиться сыну и дал ему полную волю и все средства продолжать его занятия. Получив свободу, юноша стал быстро делать успехи.

Но столь напряженная умственная деятельность в таком раннем возрасте значительно расстроила его здоровье.

Около этого времени, а именно в январе 1646 года, отец Паскаля вывихнул себе ногу. Он обратился за по-

мощью к двум искусным хирургам, которые по этому случаю провели у него в доме около трех месяцев. Знакомство с этими лицами, их назидательные, благочестивые беседы и строгий образ жизни не замедлили оказать влияние на всю семью Паскаля. Плодом этого влияния было то, что семья обратилась к чтению тех самых книг, которым эти лица были обязаны своим обращением к христианской добродетели; таковы были в особенности сочинения Янсения, Сен-Сирана и Арно. Больше всего это чтение отразилось на восприимчивом и глубоком уме Блеза Паскаля. Усвоив себе из этих книг великую христианскую заповедь, повелевающую жить только для Бога, он решил последовать этому учению. Его необыкновенная энергия увлекла своим примером отца и сестер, так что, по выражению одной из них, он как бы сделался отцом своего отца и своих сестер. Младшая из них, Жаклина, одаренная и красотой, и богатыми способностями ума и сердца, особенно увлечена была братом, так что ради дел благочестия и созерцательной жизни покинула свет, в котором, несмотря на свою молодость, успела стяжать себе известность своим стихотворным талантом.

Со времени смерти отца, последовавшей в 1651 году, Паскаль опять предался своим научным занятиям и, как всегда, с чрезмерным усердием. Если при жизни отца небольшие путешествия и другие семейные удовольствия несколько подкрепляли его слабое тело, то теперь, когда этого не стало, его неумеренные труды опять отразились на его здоровье, и прежние его недуги проявились с новой силой. К этому присоединилось еще то, что сестра Жаклина, обществом которой он особенно дорожил, поступила монахиней в Пор-Рояль, куда она давно собиралась, но, пока жив был отец, не хотела его покинуть.

Несмотря на все старания нескольких врачей, болезнь Паскаля не поддавалась лечению, так что им оставалось

только одно средство — посоветовать Паскалю отрешиться от его умственных трудов и искать развлечений. Трудно было Паскалю решиться последовать такому совету. Среди света он боялся утратить свое религиозное настроение. Считая, однако, позволительным с христианской точки зрения не пренебрегать своим здоровьем, он понемногу стал посещать свет и, как говорят, одно время помышлял даже о женитьбе. Но однажды — это было в 1654 году — Паскаль ехал с несколькими знакомыми в Нейи в карете, запряженной четверкой цугом. При въезде на мост передняя пара лошадей, взбесившись, понесла экипаж прямо в реку; только благодаря тому, что в этот момент оборвались постромки, лошади одни упали в реку, а экипаж удержался на берегу. Это чудесное, в глазах Паскаля, спасение его от неминуемой смерти произвело на него такое сильное впечатление, что он тут же решился, и уже бесповоротно, покинуть свет, видя в этом событии направлявший его судьбу перст Божий. Такому решению в значительной степени помогла его сестра Жаклина, бывшая уже тогда монахиней и далеко не сочувственно относившаяся к происшедшему в брате повороту в сторону света.

Чтобы порвать завязавшиеся светские отношения, Паскаль удалился в деревню и сразу установил порядок своей жизни на самых строгих началах умеренности и воздержания от малейших излишеств, ограничивая свои потребности лишь крайне необходимым. Все время он посвящал молитве и чтению св. Писания и отцов Церкви. Он читал так много и с таким усердием, что знал почти наизусть все Писание.

В 1656 г. племянница и крестница Паскаля, приложившись к выставленной в церкви Пор-Рояля для благоговейного лобызания игле из тернового венца Спасителя, получила исцеление от жестокой болезни глаз,

которой страдала три с половиной года и от которой не могли избавить ее никакие усилия знаменитейших врачей Парижа.

Этот случай глубоко тронул Паскаля; он был несказанно рад, что Богу угодно было обнаружить Себя совершением чуда в такое время, когда общество было столь сильно заражено неверием. Под впечатлением этого события у него явилось несколько замечательных мыслей о чудесах*, и еще более укрепилось его ранее задуманное намерение написать обширное сочинение в опровержение главнейших и наиболее ложных умствований атеистов. «Он тщательно изучал их, изоцряя свой ум в изыскании средств убедить их. Он вполне отдался этой задаче. Последний год его работы пошел весь на соби́рание различных мыслей по этому предмету»,— говорит его сестра. Он записывал все, что великий ум и горячая любовь к христианской истине подсказывали ему по поводу того или другого вопроса веры, возникавшего при беседах с посещавшими его друзьями, или при чтении. Когда, удрученный болезнями, он был не в состоянии держать перо, то диктовал другим. Он думал написать систематическое сочинение, но этой цели ему не суждено было достигнуть; усилившиеся страдания заставили его прекратить этот труд, так как с 1658 года он уже не мог ни читать, ни писать.

Болезнь его была очень сложная: смесь колик, непрерывных головных и зубных болей, обмороков и т.п. Все эти мучения он переносил с замечательным терпением, никогда не жаловался, напротив того, еще благодарил Бога за ниспослание ему болезней, так как, по его словам, болезненное состояние есть истинное и надлежащее состояние христианина. Расставшись со светом,

---

* См. Мысли о чудесах, ст. XX.— Здесь и дальше прим. перев.

он отказался от всяких удобств, от всего, что могло доставить ему какое-нибудь, хотя бы самое невинное удовольствие; насколько позволяли силы, сам ухаживал за собой, даже принял к себе в комнату больного бедняка, за которым сам ходил, заботясь, чтобы на его долю пришлось не меньше попечений, чем ему самому.

Любовь его к бедным видна из следующих слов, сказанных им сестре: «Удивляюсь, что, так любя бедных, я так мало сделал для них». И это говорил тот, кто в своей жизни так много делал милостыни и даже готов был отдать на это все свое достояние, если бы тому не воспрепятствовали родственники, боявшиеся, что ему самому нечем будет жить. На эти уговоры он ответил однажды: «Одно я заметил, что как бы человек ни был беден, а после смерти все-таки что-нибудь у него остается».

Несмотря на такой образ жизни, несмотря на то, что все его стремления были направлены к тому, чтобы жить только в Боге и для Бога, он постоянно опасался, как бы чем-нибудь не изменить этому правилу, не увлечься честолюбием, гордостью или каким-либо другим порочным чувством. Для этой цели он, между прочим, надевал на голое тело железный, утыканный остриями, пояс; когда появлялась у него тщеславная, суетная мысль, или чувствуя удовольствие от обстановки, или места, где находился, он ударял себя локтем, чтобы усилить колющую боль, и тем напоминал себе о своем долге. Этот подвиг казался ему столь полезным, что он не оставлял его до самой смерти, даже тогда, когда страдания совсем не покидали его.

Наконец, 19 августа 1662 года эта подвижническая, многострадальная, исполненная неутомимых трудов и величайших стремлений жизнь кончилась, и сбылись сказанные некогда им самим слова: «Смерть является венцом блаженства души и началом блаженства тела».

Насколько Паскаль жаждал горячей, живой веры и как он был рад, когда получил ее, видно из следующего. После его смерти найдены были зашитые в его одежде два небольших листа бумаги и пергамента, и на том и на другом оказались записанные его рукой следующие слова:

Лето от Рождества Христова 1654.

Понедельник, 23 ноября, день св. Климента, папы и мученика, и других по Четьи-Минее, канун дня св. Хрисогона, мученика и др.

Часов с десяти с половиной и до половины первого ночи.

Огонь.

«Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова»^{*}.

А не философов и ученых.

Уверенность. Уверенность. Чувство. Радость.

Мир.

Бог Иисуса Христа.

Deum meum et Deum sestrum^{**}.

«Твой Бог будет моим Богом»^{***}.

Забвение мира и всего, кроме Бога.

Его можно обрести только путями, указанными Евангелием.

Величие души человеческой.

«Праведный Отче, мир не познал Тебя, а Я познал Тебя»^{****}.

Радость, радость, радость, слезы радости.

Я отделился от Него:

Dereliquerunt me fontem aquae vivae^{*****}.

---

* Исх. 3: 6; Мф. 22: 32.

** Ин. 20: 17.— «Богу моему и Богу Вашему».

*** Руфь 1: 16.

**** Ин. 17: 23.

***** Иер. 2: 13.— «Меня, источник воды живой, оставили».

«Боже мой, оставишь ли меня?»^{*}

Да не буду разлучен с Ним вовеки.

«Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога,
и посланного Тобой Иисуса Христа»^{**}

Иисус Христос.

Иисус Христос.

Я разлучился с Ним: я от Него бежал, отрекся, распинал Его.

Да не разлучусь с Ним вовеки.

Хранить Его можно только путями, указанными в Евангелии.

Отречение полное и сладостное.

Полная покорность Иисусу Христу и моему духовнику.

Вечная радость за один день подвига на земле.

Non obliviscar sermones tuos^{***}. Amen.

Эти отрывочные слова, этот как бы шепот беседующей с собой души, показывают, насколько истомилась она в ожидании великой минуты, когда благодатный свет озарит ее, когда вера станет живой силой, двигающей и направляющей все остальные силы души, и наступит желанный конец всяким сомнениям.

С. Долгов (1892 г.)

---

* Мф. 27: 46.

** Ин. 17: 6.

*** Пс. 118: 16.— «Не забуду словес Твоих».

Статья I

Общее понятие о человеке

1

ОТ к чему приводят нас естественные 72
познания. Если они не истинны, то совсем
нет истины в человеке; если же, напротив,
они истинны, то он находит в них великий
повод к смирению, будучи принужден при-
низить себя тем или другим способом.

Так как он не может существовать, не веря им, то хотелось бы, чтобы он, прежде чем приступить к самым обширным исследованиям природы, не торопясь и серьезно посмотрел на нее, взглянул бы также на самого себя и рассудил, имеет ли он какую-нибудь соразмерность с ней при сравнении им этих двух предметов*.

Пусть же рассмотрит человек всю природу в ее высоком и полном величии; пусть перенесет свой взор с низших окружающих его предметов к тому блестящему светилу, которое, подобно вечной лампаде, освещает вселенную. Земля покажется ему тогда точкой в сравнении с необъятным кругом, описываемым этим светилом**; пусть он подивится тому, что этот необъятный круг, в свою очередь, не больше как очень мелкая точка в сравнении с путем,

---

* «Этих двух предметов», т.е. человека и всей природы. Все это вступление было впоследствии Паскалем взято в скобки.

** Паскаль приспособляется к прежнему воззрению, по которому солнце и звезды обращаются вокруг земли.— Прим. Э.Авэ.

который описывают в небесном пространстве звезды. Но когда взор его остановится на этой грани, пусть воображение уходит дальше: скорее утомится оно, чем истощится природа в снабжении его все новой пищей. Весь этот видимый мир есть лишь незаметная черта в обширном лоне природы. Никакая мысль не обнимает ее. Сколько бы мы ни тщеславились нашим проникновением за пределы мыслимых пространств, мы воспроизведем лишь атомы в сравнении с действительным бытием. Эта бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде¹. Наконец, самое осязательное свидетельство всемогущества Божия это то, что наше воображение теряется в этой мысли.

Пусть, придя в себя, человек посмотрит, что представляет он в сравнении со всем бытием, пусть представит себя как бы заблудившимся в этом далеком уголке природы и пусть по этой келье² — я разумею нашу вселенную — он научится ценить землю, царства, города и себя самого в своем истинном значении.

Что такое человек в бесконечном?

Но чтобы увидеть другое столь же удивительное чудо, пусть он исследует один из мельчайших известных ему предметов. Пусть в крошечном теле какого-нибудь клеща он рассмотрит еще мельчайшие части, ножки со связками, вены в этих ножках, кровь в этих венах, жидкость в этой крови, капли в этой жидкости, пар в этих каплях; разделяя еще эти последние вещи, пусть он истощит свои силы в этих представлениях, и да будет последний предмет, к которому он придет, предметом нашего разговора. Может быть, он подумает, что это уже самая-самая малость в природе. Но я покажу ему новую бездну в ней. Я нарисую ему не только видимую вселенную, но и мыслимую необъятность природы в рамке этого атомистического ракурса. Он увидит бесчисленное множество миров, каждый со своим особым небом, пла-

нетами, землей таких же размеров, как и наш видимый мир; на этой земле он увидит животных и, наконец, тех же насекомых, и в них опять то же, что нашел в первом; встречая еще в других существах то же самое, без конца, без остановки, он должен потеряться в этих чудесах, столь же изумительных по своей малости, сколь другие по их громадности. Ибо как не прийти в изумление, что наше тело, дотоле незаметное во вселенной, которая в свою очередь незаметна в недрах всей природы, вдруг стало колоссом, миром, скорее всем, в сравнении с недостижимым для воображения ничтожеством? Кто посмотрит на себя с этой точки зрения, испугается за самого себя. Видя себя в природе помещенным как бы между двумя безднами, бесконечностью и ничтожеством, он содрогнется при виде этих чудес. Я полагаю, что его любопытство превратится в изумление, и он будет более расположен созерцать эти чудеса в молчании, чем исследовать их с высокомерием.

Да и что же такое, наконец, человек в природе? Ничто в сравнении с бесконечным, все в сравнении с ничтожеством, середина между ничем и всем. От него, как бесконечно далекого от постижения крайностей, конец вещей и их начало бесспорно скрыты в непроницаемой тайне; он одинаково неспособен видеть и ничтожество, из которого извлечен, и бесконечность, которая его поглощает.

Убедившись в невозможности познать когда-либо начало и конец вещей, он может остановиться только на наружном познании середины между тем и другим. Все сущее, начинаясь в ничтоестве, простирается в бесконечность. Кто может проследить этот изумительный ход? Только Виновник этих чудес постигает их; никто другой понять их не может.

Не обратив внимание на эту беспредельность, люди дерзнули исследовать природу, как будто имея некоторую соразмерность с ней.

Странное дело: они захотели познать начало вещей и прийти таким образом до постижения всего — самоуверенность столь же бесконечная, как и самый предмет исследования. Очевидно, что подобное намерение немислимо без такой самоуверенности или без способностей, столь же совершенных, как и природа.

Сознавая же беспредельность и недостижимость познания нами природы, мы поймем, что она, отпечатлев свой образ и образ своего Творца во всех вещах, выражает в большинстве их свою двойную бесконечность. Таким образом, мы убеждаемся, что всякое знание бесконечно по обширности его предмета; ибо кто сомневается, что геометрия, например, может представить неисчислимое множество задач? Они так же бесчисленны, как бесконечны их начала, ибо известно всем, что теоремы, считающиеся последними, не имеют основания в самих себе, а вытекают из других данных, которые в свою очередь опираются на третьи и т.д. без конца.

С последними выводами, представляющимися нашему разуму, мы поступаем, как в материальных предметах, где точку, дальше которой не идут наши чувства, называем неделимой, хотя по своей природе она делима бесконечно.

Из этой двойной бесконечности знания мы чувствительнее к бесконечности величия; поэтому некоторые возымели уверенность в знании всех вещей. «Я буду говорить обо всем», — сказал Демокрит³.

С первого взгляда видно, что уже одна арифметика представляет бесчисленные свойства, не говоря о других науках.

Но бесконечность в малом видима гораздо меньше. Философы хотя и считали, что достигли ее, однако все преткнулись именно на этом. Отсюда-то произошли столь обычные заглавия, как *о начале вещей*, *о началах философии*⁴, и другие подобные, хотя и не по внешности, а

в действительности одинаково тщеславные с бросающимся в глаза *De omni scribi**⁵.

Мы, естественно, считаем себя более способными достигать центра вещей, чем обнимать их окружность. Видимая обширность мира, очевидно, превосходит нас, но так как малые вещи превосходим мы, то и считаем себя более способными овладевать ими; между тем, для постижения ничтожества нужно не меньше способности, как и для постижения всего. Бесконечность ее нужна для того и другого, и мне кажется, что постигнувший последние начала вещей мог бы дойти и до познания бесконечного. Одно зависит от другого и одно приводит к другому. Крайности сходятся и соединяются в силу своего удаления и находят друг друга в Боге, и только в Нем одном.

Признаем же предельность нашего существа и наших познаний; мы — нечто, но не все. Уделенная нам частица бытия не дает нам возможности познать первые начала, родящиеся из ничтожества, и обнять нашим взором бесконечное.

Наш разум, в порядке вещей умственных, занимает то же место, что наше тело в пространстве природы.

Всесторонне ограниченное, это состояние, занимающее середину между двумя крайностями, отражается во всех наших способностях. Наши чувства не выносят никаких крайностей. Слишком сильный шум оглушает нас; слишком яркий свет ослепляет; слишком далекое и слишком близкое расстояние мешает нам видеть; одинаково затемняет себя как чересчур медленная, так и непомерно быстрая речь; слишком много правды нас удивляет⁶: я знаю таких, которые не могут понять, что, отнимая от нуля четыре, получаем нуль⁷. Первые начала имеют для нас слишком много очевидности. Излишнее удовольствие беспокоит нас; чрезмерное созвучие не нравится в музыке,

---

* Обо всем познаваемом.

и раздражает слишком щедрое благотворение: нам хочется иметь возможность вернуть долг с излишком: *Beneficia co usque loeta sunt dum videntur ersoloi posse; ubi multum anterenere, pro gratia odium redditur**.

Мы не чувствуем ни крайнего тепла, ни крайнего холода. Чрезмерные обнаружения свойств пагубны, но нечувствительны для нас. Слаб как слишком юный, так и слишком старый ум; вредно и слишком мало и слишком много учиться. Крайности как бы совсем не существуют для нас, а мы для них: они ускользают от нас, или мы от них.

Таково наше действительное положение, и то что делает нас неспособными знать наверное или совершенно ничего не знать. Мы как бы носимся по обширной поверхности вод, не зная пути и постоянно бросаемые из конца в конец. Только что думаем укрепиться на одном основании, оно колеблется и покидает нас; хотим ухватиться за него, а оно, не поддаваясь нашим усилиям, ускользает из наших рук, обращается в вечное перед нами бегство. Ничто для нас не останавливается. Таково наше естественное положение, как оно ни противно нам: мы горим желанием найти твердую почву, последнее незыблемое основание, чтобы воздвигнуть на нем башню и по ней добраться до бесконечного; но все здание наше рушится, и земля разверзается под нами до самых недр своих.

Перестанем же искать уверенности и прочности. Наш разум вечно обманывается непостоянством кажущегося; ничто не может утвердить конечного между двумя бесконечностями, которые заключают его и от него убегают⁸.

Вполне сознав это, мы, думаю, будем сидеть спокойно, каждый в положении, назначенном ему природой.

---

* «Благодеяния только тогда принимаются благосклонно, когда за них можно отплатить; если же они слишком велики, то порождают не признательность, а ненависть» (Тацит. Анналы. Кн. IV, 18).

Так как это выпавшее на нашу долю срединное положение всегда удалено от крайностей, то что за важность, имеет ли человек несколько большее понятие о вещах или не имеет? Ежели имеет, то смотрит на них несколько свысока. Но не всегда ли неизмеримо далек он от конечного, и продолжительность нашей жизни не удалена ли так же бесконечно от вечности, протечет ли она десять лет более или менее?

С точки зрения бесконечного, все конечные вещи равны между собой; и я не вижу причины, почему один предмет заслуживал бы большего внимания с нашей стороны, чем другой. Нам больно всякое сравнение самих себя с конечным.

Если б человек изучил сперва самого себя, он увидел бы свое бессилие проникать за пределы конечного. Как может часть знать целое? Может быть, впрочем, он будет стремиться познать, по крайней мере, части, соизмеримые ему? Но все части мира находятся в таком отношении и сцеплении между собой, что невозможно, думается мне, узнать одну без другой и без целого.

Человек, например, имеет отношение ко всему ему известному. Ему нужно место в пространстве, время для существования, движение для жизни, элементы для создания его тела, тепло и пища для питания, воздух для дыхания. Он видит свет, ощущает тела; все находится с ним в известной связи.

Следовательно, чтобы познать человека, нужно знать, почему необходим, например, для его существования воздух; равно для ознакомления со свойствами и природой воздуха требуется узнать, каким образом он влияет на жизнь человека и т.д.*

---

* По мнению Э.Ава, и т.д. означает, что то же рассуждение следует применить и в отношении пространства, времени, движения.

Горение без воздуха не происходит, так что для познания одного нам необходимо исследовать другое.

Так как, следовательно, все вещи производятся и производят, пользуются помощью других и сами другим помогают, посредственно и непосредственно, и все взаимно поддерживаются естественной и неуловимой связью, которая соединяет самые отдаленные и различные между собой вещи, то я считаю невозможным познать части без познания целого, равно как и познать целое без подробного ознакомления с частями.

Бесконечность вещей как таковая или Бог также должны казаться поразительными в сравнении с нашим кратким веком. Подобный же эффект вызывает незыблемая и неизменная неподвижность природы, сопоставленная с непрерывно происходящими в нас переменами.

В довершение нашей неспособности к познанию вещей является то обстоятельство, что они сами по себе просты, а мы состоим из двух разнородных и противоположных натур: души и тела. Ведь невозможно же допустить, чтобы рассуждающая часть нашей природы была недуховна. Если бы нам считать себя только телесными, то пришлось бы еще скорее отказать себе в познании вещей, так как немыслимее всего утверждать, будто материя может иметь сознание. Да мы и представить себе не можем, каким бы образом она себя сознавала.

Следовательно, если мы только материальны, то совсем не можем познавать что-либо; если же состоим из духа и материи, то не можем вполне сознавать простые вещи, т.е. исключительно духовные и исключительно материальные.

Поэтому-то почти все философы смешивают понятия о вещах, говоря о чувственных, как о духовных, и о духовных, как о чувственных. Они смело повествуют, что тела стремятся книзу, к своему центру, избегают разрушения, боятся пустоты, имеют наклонности, сим-

патии, антипатии, т.е. такие свойства, которые присущи только духам. Говоря же о духах, они рассматривают их как бы находящимися в пространстве, приписывают им движение с места на место, что свойственно только телам.

Вместо того, чтобы воспринимать идеи этих чистых вещей, мы придаем им наши свойства и отпечатлеваем наше сложное существо на всех созерцаемых нами простых вещах.

Ввиду нашей склонности придавать всем вещам свойства духа и тела, казалось бы естественным предположить, что для нас весьма постижим способ слияния этих двух начал. На деле же именно это и оказывается для нас всего непостижимее. Человек сам по себе самый дивный предмет природы, так как, не будучи в состоянии познать, что такое тело, он еще менее может постигнуть сущность духа; всего же непостижимее для него, каким образом тело может соединяться с духом. Это самая непреодолимая для него трудность, несмотря на то, что в этом сочетании и заключается особенность его природы: *Modus quo corporibus adhaeret spiritus comprehendi ab hominibus non potest; et hoc tamen homo est**.

Вот часть причин недомыслия человека в отношении природы. Она двояко бесконечна, а он конечен и ограничен; она продолжается и существует без перерыва, а он преходящ и смертен; вещи в частности погибают и изменяются ежеминутно, и он видит их только мельком; они имеют свое начало и свой конец, а он не знает ни того, ни другого; они просты, а он состоит из двух различных натур. Чтобы исчерпать доказательства нашей слабости, я окончу двумя следующими размышлениями.

---

* «Способ, каким соединяется тело с духом, не может быть постигнут человеком; хотя это соединение - и составляет человека» (Бл. Август. О духе и душе)⁹.

2. Две бесконечности. Середина

69 Мы не можем понимать ни слишком быстрого, ни слишком медленного чтения.

71 Слишком много и слишком мало вина: не давайте ему вина — он не найдет истины; дайте ему чересчур много — то же самое.

70 Природа так прекрасно поставила нас в середину, что если мы изменим равновесие с одной стороны, то сейчас же изменим его и с другой. Это заставляет меня предполагать, что в нашей голове есть пружины, которые так расположены, что если тронуть одну, то непременно коснешься и противоположной.

381 Рассуждается плохо как в слишком юном, так и в слишком зрелом возрасте¹.

Пристрастие к чему-либо одинаково происходит и от недостаточного и от слишком частого помышления о предмете.

Если приняться за рассмотрение своего труда тотчас по его окончании, то бываешь слишком предрасположен к нему, а долго спустя — видишь, что стал чужд ему. Так и в отношении картин. Смотреть ли на них слишком близко или слишком издалека — одинаково нехорошо; а ведь должна быть одна неизменная точка, с которой картину видно лучше всего. Другие точки зрения слишком близки, слишком далеки, слишком высоки или чересчур низки. В искусстве живописи перспектива определяет такую точку; но кто возьмется определить ее в вопросах истины или морали²?

3

111 Играя на человеке, думают, что играют на обыкновенном органе; это действительно орган, но орган странный, изменчивый, трубы которого не следуют одна за другой по близлежащим степеням. Умеющие играть только на

обыкновенных органах не вызовут на таком органе стройных аккордов.

4

Мы так мало знаем себя, что иногда собираемся умирать, пользуясь полным здоровьем, или кажемся вполне здоровыми незадолго до смерти, не чувствуя, что скоро откроется горячка или образуется какой-нибудь нарыв¹. 175

Рассматривая малую продолжительность своей жизни, поглощаемую предшествующей и последующей вечностью, *memoria hospitis unius dicei proctereuntis**, незначительность занимаемого мной пространства, незаметно исчезающего в глазах моих среди необъятных пространств, невидимых ни мне, ни другим,—я прихожу в ужас и изумление, почему мне нужно быть здесь, а не там, почему теперь, а не тогда! Кто поставил меня здесь? По чьему повелению и назначению определено мне это место и это время? 205

Почему ограничено мое разумение? Мой рост? Моя жизнь — почему ограничена она сотней, а не тысячью лет? По какой причине природа дала мне именно такую продолжительность жизни, почему именно это число, а не другое выбрала она в вечности, перед которой всякие числа теряют свое значение? 208

---

* Прем. V, 14. — «Проходит, как память об однодневном госте».

Статья II

Величие человека

I

421

ОДИНАКОВО порицаю и берущих на себя задачу восхвалять человека, и видящих в нем только унижительные стороны, а равно и тех, которые думают лишь, как бы развлечь его; одобрять же могу только с воздыханием ищущих истину.

465

Стоики говорят: взойди внутрь себя, там твой покой; и это неправда. Другие говорят: не углубляйся в себя, ищи свое счастье вне себя — в развлечениях; и это неправда. Наступят недуги, и счастье окажется ни внутри, ни вне нас: оно в Боге, и вне, и внутри нас*.

II

415

Природу человека можно рассматривать с двух сторон: по отношению к цели его, и тогда он является великим и несравненным, или как смотрит большинство, как судят, например, о натуре лошади или собаки, т.е. хорошо ли она бежит и хорошего ли нрава¹, тогда человек покажется

---

* При болезнях развлечения немыслимы: стало быть, счастья вне нас мы обрести тогда уже не можем, как никогда не можем находить его и внутри себя, так как оно только в Боге, вечном, неистощимом источнике истинного блага, и поскольку мы обращаемся к этому первоисточнику, постольку возможно для нас и внутреннее и внешнее счастье. Так поясняем мы себе эти слова Паскаля.

отвратителен и жалок. Таковы два пути, ведущие к совершенно разным заключениям и служащие поводом к столь жарким спорам философов. Ибо один отрицает предположение другого; один говорит: он рожден не для этого (высокого) назначения, так как все действия его тому противоречат; другой говорит: он удаляется от своей цели, если делает такие низкие дела.

III

Мы такого высокого понятия о душе человека, что не можем переносить ее презрения, обойтись без того, чтобы хоть какая-нибудь душа нас не почитала: все блаженство людей состоит в этом почете. 400

Самая низкая черта в человеке, но, вместе с тем, и величайший признак его превосходства — это искание славы. Действительно, чем бы человек ни обладал на земле, каким бы здоровьем и удобствами ни пользовался, он недоволен, если не пользуется почетом у людей. Он так уважает разум человека, что, имея всевозможные преимущества, если не занимает выгодного места в умах людей, он недоволен. Это место ему нравится больше всего на свете; ничто не может отвлечь его от этого желания; и это самое неизгладимое свойство человеческого сердца. Даже презирающие род людской, приравнивающие его к животным¹, и те хотят, чтоб люди удивлялись и верили им. При этом они противоречат самим себе, своим собственным воззрениям: природа их, которая все превозмогает, убеждает их в величии человека сильнее, чем разум — в его низости. 404

IV

Несмотря на все обуревающие нас немощи, мы не можем подавить в себе невольного возвышающего нас инстинкта. 411

409 Величие человека так заметно, что доказывается даже самой его немощью. Что свойственно природе животных, то в человеке мы называем слабостью, доказывая этим, что если теперь природа его уподобляется природе животных, то, стало быть, он лишается лучшей природы, некогда ему свойственной.

Ибо кто, кроме царя, лишившегося трона, может считать себя несчастным вследствие потери царства? Разве считали Павла Эмилия несчастным, когда он перестал быть консулом? Напротив, все считали его счастливым, что он был консулом, потому что это звание не было пожизненным. Персея же называли несчастным, потому что он лишился царства, которое бы ему всегда должно было принадлежать, и даже удивлялись, что с горя он не лишил себя жизни¹. Горюет ли кто, что у него только один рот? И кто не посетует, лишившись одного глаза? Вряд ли кому приходило когда-нибудь в голову печалиться, что у него не три глаза; но ничто не может утешить лишившегося зрения.

VI

399 Несчастливым может быть только существо сознательное. Разрушенный дом не может быть несчастным. Беседовать сознательно может только человек. *Ego vir videns**.

VII

397 Человек велик, сознавая свое жалкое состояние. Дерево не сознает себя жалким. Следовательно, бедствовать — значит сознавать свое бедственное положение; но это сознание — признак величия.

---

* *Ego vir videns paupertatem meam*: Аз муж видя нищету мою (Плач. Иер. III, 1).

Вся бедственность, все эти несчастья человека доказывают его величие. Это — несчастья вельможи, царя, лишенного короны.

VIII

Так как о ничтожестве судят по величию, а о величии — по ничтожеству, то одни доказали полную нищету человека тем легче, что основали это доказательство на величии; а так как другие доказывали с таким же успехом величие, выводя его из самой бедственности, то все, что одни могли привести в доказательство величия, послужило другим лишь аргументом в пользу бедственности, потому что бедствие тем ощутительнее, говорили они, чем полнее было предшествующее ему счастье; другие же утверждали противное. Так споры их вращались в кругу бесконечном, ибо, по мере разумения своего, люди находят в себе и величие, и ничтожество. Одним словом, человек сознает свое жалкое состояние. Он жалок потому, что таков и есть на самом деле: но он велик, потому что сознает это. 416

IX

Я легко могу представить себе человека без рук, без ног, без головы, так как только опыт научает нас, что голова нужнее ног; но я не могу вообразить себе человека без мысли: это был бы камень или животное. 339

Следовательно, мысль отличает существо человека, и без нее нельзя себе его представить. Чем именно мы ощущаем удовольствие? Пальцами ли? Рукой ли? Мышцами ли, кровью ли? Понятно, что это ощущающее в нас должно быть нечто невещественное.

X

Мыслящий тростник. — Не в пространстве, занимаемом мной, должен я полагать свое достоинство, а в 348

направлении моей мысли. Я не сделаюсь богаче через обладание пространствами земли. В отношении пространства вселенная обнимает и поглощает меня, как точку; мыслью же своей я обнимаю ее.

XI

347 Человек самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая. Не нужно вооружаться всей вселенной, чтобы раздавить ее. Для ее умерщвления достаточно небольшого испарения, одной капли воды. Но пусть вселенная раздавит его, человек станет еще выше и благороднее своего убийцы, потому что он сознает свою смерть; вселенная же не ведает своего превосходства над человеком.

Таким образом, все наше достоинство заключается в мысли. Вот чем должны мы возвышаться, а не пространством и продолжительностью, которых нам не наполнить. Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности.

XII

146 Очевидно, человек создан для мышления; в этом все его достоинство, вся его заслуга и весь долг его мыслить как следует, а порядок мысли — начинать с себя, со своего Создателя и своего назначения.

А о чем думает свет? Он никогда об этом не думает: он помышляет о танцах, музыке, пении, стихах, играх и т.д., думает, как бы подраться, сделаться царем, не задумываясь при этом, что значит быть царем и что значит быть человеком.

XIII

365 Все достоинство человека в мысли. Мысль, стало быть, по природе своей есть нечто удивительное и несравненное. Чтобы сделаться достойной презрения, она должна была

обнаружить странные недостатки; да она и на самом деле имеет их, и самые смешные.

Как величественна она по своей природе! Как жалка она по своим недостаткам! А что можно сказать о мысли, в данный момент высказываемой мною? Как же она глупа!

XIV

Опасно слишком много указывать человеку на его сходство с животными, не показывая ему его величия. Опасно также слишком часто обращать его внимание на его величие, не напоминая о его ничтожестве. Опаснее всего оставлять его в неведении того и другого. Напротив, весьма полезно представлять ему то и другое. 418

Не следует человеку думать ни что он равняется животным, ни что он равен ангелам, и нельзя допускать, чтобы он не ведал ни того, ни другого; следует ему знать и то, и другое одновременно.

XV

Противоположности. После чего показать низость и величие человека.— Пусть человек узнает теперь цену себе. Пусть он любит себя, так как в его природе есть способность к добру; но пусть он ради этого не любит присущих ему злых сторон. Пусть презирает себя, так как эта способность праздная; но не презирает для этого и своей естественной склонности к добру. Пусть ненавидит, пусть любит себя: он носит в себе способность познавать истину и быть счастливым; но самой истины, постоянной и удовлетворяющей, в нем нет. 423

Поэтому мне хотелось бы возбудить в человеке желание отыскать эту истину, довести его до свободы от страстей и готовности последовать за истиной туда, где найдет ее. Зная, насколько его познание затемнено страстями,

мне бы хотелось, чтобы он возненавидел в себе чувственность, управляющую его волей, чтобы она не ослепляла его при выборе и не в силах была бы остановить его, когда выбор будет сделан.

XVI

443 По мере вразумления нашего мы открываем в человеке все больше и больше величия и низости.

Сперва обыкновенный уровень людей, затем идут люди более образованные, наконец, философы; последние составляют предмет удивления обыкновенных людей.

Высшая затем степень — христиане; им дивятся философы.

Что же удивительного после этого, что религия основательно знает то, что дается по мере просвещения?

XVII

469 Я сознаю, что мог бы совсем и не быть, ибо мое Я заключается в моей мысли¹; стало быть, я, который мыслю, не существовал бы, если бы мою мать убили прежде, чем я получил душу; следовательно, я существо не необходимое. Равно, я ни вечен, ни бесконечен; но я ясно вижу, что есть в природе Существо необходимое, вечное и бесконечное.

Статья III

Суетность человека, воображение, самолюбие

I. Суетность

Ы не довольствуемся жизнью, которую 147
имеем в себе и в собственном существе
нашем: мы хотим жить в мысли других
жизнью кажущейся и прилагаем к тому
все наши усилия. Мы беспрестанно за-
ботимся о том, как бы сберечь и украсить

это воображаемое существо, действительное же у нас в
небрежении; если мы не лишены хладнокровия, вели-
кодушия или верности, мы стараемся выставить их на-
показ, с целью придать эти добродетели тому мнимому
существу; мы готовы скорее лишиться их сами, чтобы
украсить ими то существо, так что охотно, например,
сделались бы малодушными, чтобы прослыть мужествен-
ными. Веским доказательством ничтожности нашего соб-
ственного существа служит то, что мы не довольствуемся
одним им без того другого, отрекаемся часто от одного
в пользу другого! Кто для сохранения своей чести не
пожертвовал бы жизнью, назван был бы бесчестным.

Слава так сладостна для нас, что, с чем бы она ни 158
соединялась, хотя бы даже со смертью, мы любим ее.

II

Гордость перевешивает все немощи. Она или скрывает 405
их, или если и обнаруживает, то тщеславится их сознанием.

153 Среди всех наших слабостей, заблуждений и пр. она так от природы сильна в нас, что мы с радостью отдаем самую жизнь, лишь бы только о том говорили.

III

150 Тщеславие так укоренилось в сердце человека, что похвалиться не прочь и солдат, и денщик, и повар, и носильщик; всякому любо иметь своих поклонников; да и философы не чужды этому чувству. Сами пишущие против славы хотят иметь славу хороших писателей¹, а читатели их похвалиться, что прочли их; да и сам я, пишущий это, имею, может быть, то же желание, а равно и читатель.

IV

148 Мы до того тщеславны, что хотели бы быть известными всему миру и даже последующим поколениям; суетность так сильна в нас, что уважение пяти-шести окружающих лиц доставляет нам удовольствие.

V

152 Любознательность то же тщеславие. Чаще всего мы хотим знать только для того, чтобы сообщить об узнанном. Не стали бы разъезжать по морям ради одного удовольствия видеть море, без надежды когда-нибудь рассказать о виденном.

VI

149 В городе, через который только проезжают, не заботятся приобрести уважение; иное дело, если приходится пробыть в нем некоторое время. Но сколько именно? Смотря по продолжительности нашей суетной и жалкой жизни.

VII

Желающий вполне узнать суетность человека пусть 162
рассмотрит только причины и последствия любви. При-
чиной ее *я не знаю что* (Корнель)¹, а последствия ужасны.
Это *не знаю что* настолько малое, что не может быть
узнано, движет государями, армиями, всем светом.

Будь нос Клеопатры покороче — иное было бы лицо
мира.

VIII

Удивительно, что столь очевидная вещь, как людское 161
тщеславие, до такой степени мало известно, что кажется
странным и необыкновенным назвать глупостью стрем-
ление к почестям и величию.

IX. Самолюбие*

Сущность самолюбия и этого человеческого я в том, 100
чтобы любить только себя и сообразоваться только с
собой. Но что же выходит? Оно не может помешать
своему предмету избавиться от множества его недостатков
и немощей: человек хочет быть великим, а видит себя
малым; хочет быть счастливым, а сознает себя несчастным;
желает быть совершенным, а находит себя полным не-
совершенств; хочет стать предметом любви и уважения
людей, а убеждается, что недостатки его заслуживают
лишь их отвращение и ненависть. Такое затруднительное
положение производит в нем самую несправедливую и
самую преступную страсть, какую только можно пред-
ставить себе: он начинает смертельно ненавидеть истину,
которая укоряет и убеждает его в его недостатках. Он
хотел бы уничтожить ее, но, не будучи в силах разрушить

---

* Этот отрывок и также следующий (*Воображение*) носят в из-
дании Фожера заглавие: *Обманчивые способности*.

ее самое, он, сколько может, разрушает ее в сознании своем и других, т.е. прилагает все усилия скрыть свои недостатки и от других, и от себя самого и не терпит, ни чтобы их указывали ему, ни чтобы видели сами.

Быть полным недостатков, без сомнения, дурно; но еще того хуже не хотеть сознавать их, так как этим мы прибавляем зло произвольного обмана. Мы не хотим, чтобы другие нас обманывали, находим несправедливым желание их пользоваться нашим уважением в большей мере, чем они заслуживают; поэтому несправедливо и с нашей стороны обманывать их и желать, чтобы они уважали нас превыше наших заслуг.

Таким образом, открывая в нас действительно присущие нам несовершенства и пороки, они ни малейше не обижают нас, ибо не они виной тому; напротив, они делают доброе дело, помогая нам избавиться от зла, состоящего в неведении этих недостатков. Мы не должны сердиться, что они знают их, ибо мы таковы на самом деле, и пусть они презирают нас, если мы достойны презрения.

Такие-то чувства должны бы родиться в правдивом и искреннем сердце. Что же сказать нам о нашем, видя в нас совсем противоположные наклонности? Разве не верно, что мы ненавидим правду и тех, которые ее высказывают, любим, когда они ошибаются в нашу пользу, и желаем от них большего уважения, чем то, которое они к нам питают?

Вот одно доказательство, которое меня ужасает. Католическая религия не обязывает открывать свои грехи всем без различия; она допускает утаение их от всех других людей, за исключением одного, которому мы должны открывать глубину нашего сердца, и показывать себя в своем настоящем виде. Это единственный человек, которого она повелевает нам не вводить в заблуждение и возлагает на него долг ненарушимой тайны, так что это знание в нем как бы не существует. Можно ли

представить себе что-нибудь более милосердное и доброе? Несмотря на то, испорченность человека так велика, что он еще находит суровым этот закон, и это было одной из главных причин возбуждения против Церкви значительной части Европы*.

Как несправедливо и нерассудительно сердце человека, если он находит дурное в возлагаемой на него обязанности делать по отношению к одному человеку то, что, по справедливости, он должен был бы делать по отношению ко всем людям! Разве справедливо с нашей стороны обманывать их?

Это отвращение к правде проявляется в различных степенях; но можно сказать, что до некоторой степени оно существует во всех, будучи неразлучно с самолюбием. Эта порочная щекотливость заставляет людей, принужденных необходимостью обличать и порицать других, прибегать к стольким изворотам и смягчениям, чтобы как-нибудь не оскорбить их. Им поневоле приходится умалывать наши недостатки, показывать вид, что извиняют их, примешивать похвалы и изъявления дружбы и уважения. При всем том это лекарство не перестает казаться горьким для самолюбия. Оно принимает его как только может меньше и всегда с отвращением, часто даже с тайной досадой на подающих.

От этого происходит, что имеющий интерес быть любимым нами избегает оказывать нам услугу, которая, по его мнению, может быть нам неприятна. С нами поступают так, как мы хотели бы, чтобы поступали с нами; мы ненавидим правду, и ее скрывают от нас; желаем лести, и нам льстят; мы любим, чтобы нас обманывали, и нас обманывают.

Поэтому чем выше наше положение в свете, тем больше мы удаляемся от истины, благодаря тому, что люди больше

---

* Здесь Паскаль, очевидно, понимает протестантизм.

остерегаются оскорблять тех, чье расположение полезнее, а вражда более опасна. Иной государь становится притчей в целой Европе, и только он один об этом не знает. Я не удивляюсь тому: говорить правду полезно для того, кому говорят, но невыгодно для говорящих, так как возбуждает против них ненависть. А так как приближенные государя считают свои интересы ближе себе, чем интересы монарха, то и не заботятся принести ему выгоду во вред себе.

Это несчастье, без сомнения, больше и обыкновеннее среди самых богатых и сильных; но не свободны от него и люди более мелкие, потому что всегда найдется интерес привлечь к себе людское расположение. Таким образом, жизнь человеческая не больше, как постоянная иллюзия; люди только обманывают и льстят друг другу. В нашем присутствии никто не говорит о нас так, как говорит за глаза. Связь между людьми основывается только на этом взаимном обмане. Не много бы дружб уцелело, когда бы каждый знал, что друг его говорит о нем в его отсутствие, хотя в таком случае он говорит о нем вполне искренне и беспристрастно.

Человек, таким образом, есть лишь притворство, ложь и лицемерие как по отношению к самому себе, так и к другим. Он не хочет, чтобы ему говорили правду, и сам избегает говорить ее другим; все эти склонности, столь чуждые справедливости и разуму, от природы глубоко коренятся в его сердце.

Х. Воображение

Воображение — это именно та обманчивая сторона в человеке, которая вызывает и руководит всеми его заблуждениями, сторона тем более опасная, что обманывает не всегда; иначе, если бы ложь была всегда присуща ей, она сделалась бы непогрешимым руководством истины. Но будучи всего чаще ложной, она не дает нам никаких

признаков, по которым бы мы могли судить о ней, так как отмечает одинаковыми чертами и ложь, и правду.

Я говорю не о глупцах, а о самых умных, и между ними-то преимущественно воображение имеет великий дар убеждать людей. Как бы громко рассудок ни говорил, он не может оценивать вещей.

Эта гордая власть, враждебная рассудку и старающаяся держать его в своих руках, чтобы показать свою всемогущую мощь, создала в человеке вторую натуру¹. У нее свои счастливы, свои несчастны, свои больные, свои богатые, свои бедняки; она заставляет разум верить, сомневаться или отрицать; она или устраняет чувства, или заставляет их действовать; у нее свои глупцы и свои умники. Всего же досаднее то, что она несравненно больше и полнее разума удовлетворяет своих приверженцев. Считающие себя умными гораздо довольнее собой, чем просто благоразумные люди. Они смотрят на людей свысока, ведут споры дерзко и уверенно, тогда как другие высказывают свое мнение робко и нерешительно. Эта смелость часто склоняет в их пользу мнение слушателей: так много расположения встречают эти мнимые мудрецы в среде судей им подобных! Самовоображение не может умудрить глупцов, но делает их счастливыми на зло разуму, который приносит своим приверженцам только несчастье. Одно покрывает их славой, другой — стыдом.

Кто распоряжается известностью? Что доставляет почет и уважение лицам, трудам, законам, знатным, как не эта воображающая способность? Всех богатств земли мало, если нет ее согласия.

Вот почтенный судья, сединами своими внушающий уважение целому народу; вы уверены, что он руководится одним чистым и высшим рассудком, судит о вещах по их внутреннему достоинству, не обращает внимания на

пустячные обстоятельства, которые могут поразить воображение только слабых! Вот он приходит слушать проповедь; он полон благоговения; готов подкрепить доводы рассудка горячностью христианской любви. Видно, что он собирается слушать проповедника с примерным уважением. Проповедник является, но, на грех, природа дала ему сильный голос и странные черты лица, а цирюльник плохо выбрил его*, да вдобавок случай заставил его в чем-то выпачкаться. Что же вы думаете? Я готов держать пари, что наш судья потеряет свою важность, какие бы высокие истины ни возвещались в проповеди.

Предложите величайшему философу перейти через пропасть по самой широкой и прочной доске: как бы разум ни убеждал его в отсутствии опасности, воображение его все-таки возьмет верх. Многие не могут даже подумать о подобной опасности, не изменившись в лице².

Кому не известно, что многие не могут видеть кошек, крыс, не могут слышать, как раздавливается уголь? Тон голоса влияет на самых рассудительных и видоизменяет разговор и читаемую поэму³.

Расположение или ненависть влияют на правосудие: как часто адвокат, получивший вперед хорошую плату, склоняется в пользу поручаемого ему дела⁴! Как смелый жест его поработает увлеченных этой внешностью судей⁵! Смешон рассудок, подчиняющийся любому веянию!

Я не намерен приводить всех последствий воображения, иначе пришлось бы перечислять почти все действия людей, руководимых почти одним воображением. Ибо разум принужден был уступить ему свое место, и самый сильный рассудок управляется теми правилами, которые людское мнение наобум ввело повсюду:

---

* Католическое духовенство ни бороды, ни усов не носит.

Наши судьи хорошо познали эту тайну. Их красные мантии, горностаевая опушка, роскошь судилищ, цветы лилии — вся эта торжественная обстановка была весьма необходима; и если бы наши доктора не носили ряс и туфель, а ученые — четырехугольных шапок и широких плащей*, никогда не могли бы они одурачить свет, который не может противостоять этой неотразимой внешности. Только военные люди не прибегают к таким переодеваниям, так как последствия их деятельности гораздо существеннее: они занимают свое место силой, а те гримасой.

Поэтому-то наши короли не прибегали к переодеваниям. Они не кутались в странные одежды, но зато окружали себя стражей, алебардами: эти вооруженные здоровые ребята, эти трубы и барабаны впереди шествия, эти окружающие их легионы внушают трепет самым мужественным¹. Значение их не столько в одежде, сколько в силе. Нужно иметь очень совершенный рассудок, чтобы не поддаваться обаянию величия при виде падишаха в его серале, окруженного сорока тысячами янычар.

Если бы судьи руководились истинным правосудием, а врачи обладали действительным искусством исцеления, то не нужны были бы им четырехугольные шапки: величие этих наук внушало бы само по себе достаточно уважения. Но, обладая только воображаемым знанием, им поневоле приходится прибегать к этим жалким средствам, поражающим воображение, с которым они имеют дело; и они действительно преуспевают.

Мы не можем видеть судейского в его полукафтани и шапке, не получив выгодного о нем мнения.

Воображение располагает всем: оно сообщает и красоту, и право, и счастье, которое составляет все на свете. Мне

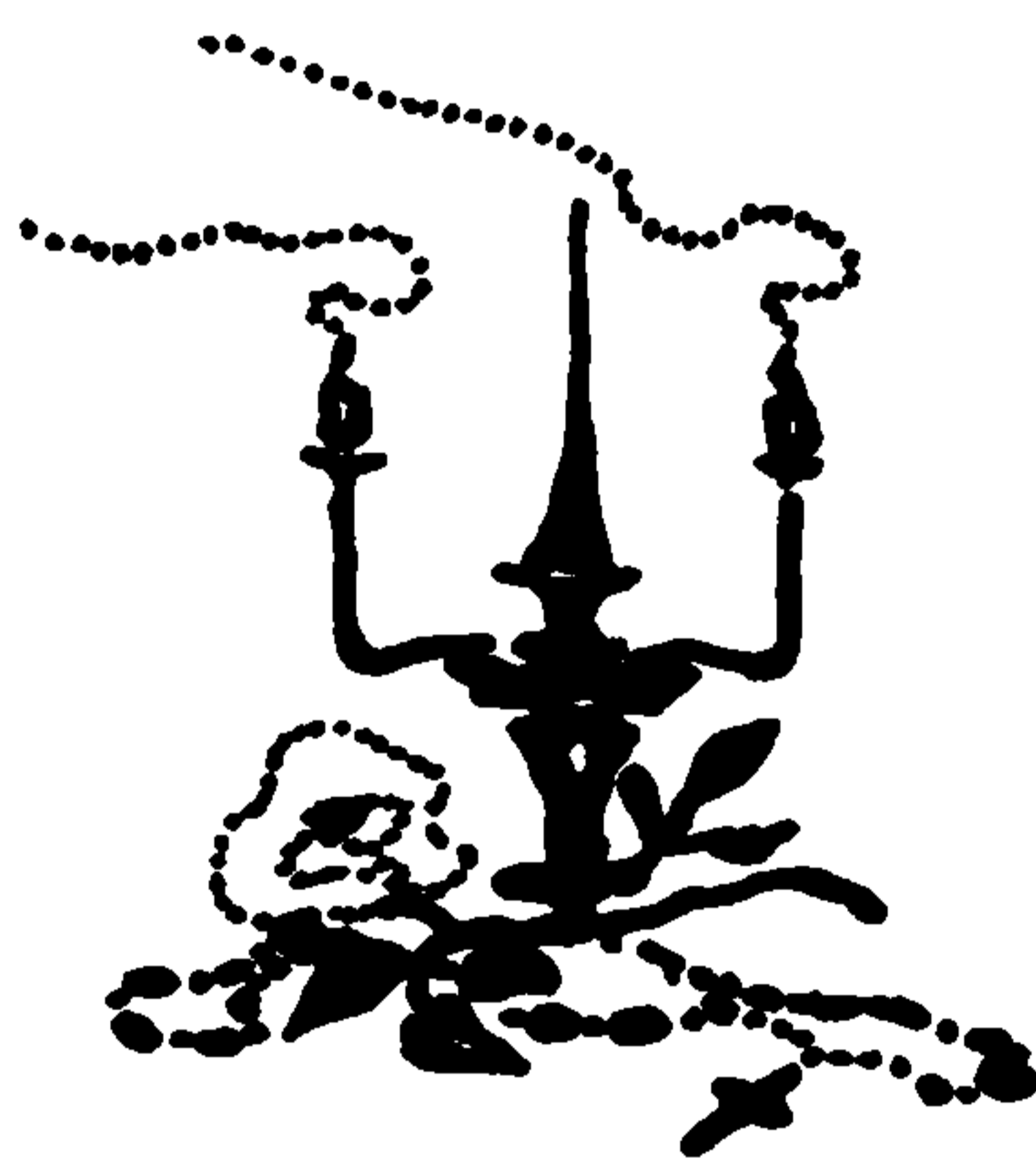
---

* Таков был костюм французских врачей того времени.

бы очень хотелось видеть итальянскую книгу, которой мне известно только заглавие и которая одна стоит многих книг: *Della opinione, regina del mondo**². Я подписываюсь под этой книгой, не читая ее, за исключением, конечно, дурного, если оно есть в ней.

Таковы действия этой обманчивой способности, которая, по-видимому, дана нам нарочно для того, чтобы вводить нас в неизбежное заблуждение. Но в нас есть и другие причины.

---

* *О мнении, владыке мира.*

Статья IV

Слабость человека, непрочность его естественных познаний

I

ЭТОГО следует начать главу об обманчивых способностях. 83

Без благодати человек полон врожденного и непоправимого заблуждения. Ничто не указывает ему истины: напротив, все вводит его в обман. Оба проводника истины, разум и чувства, помимо присущего обоим недостатка правдивости, еще злоупотребляют друг другом¹. Чувства обманывают рассудок ложными признаками. Разум тоже не остается в долгу²: душевные страсти помрачают чувства и сообщают им ложные впечатления. Таким образом, оба источника для познания истины только затемняют друг друга. Но, кроме того, все эти заблуждения, появляющиеся на свет случайно и без контроля со стороны рассудка, совместно с названными разнородными способностями...

II

Всего больше удивляет меня, что никто не дивится 374 своей слабости. Люди действуют серьезно, каждый следует своему образу жизни не потому, что польза и обычай того требуют, но каждый как будто наверное знает, в чем заключается сущность и истина. То и дело приходится нам убеждаться в своих ошибках, но, по какому-то странному смирению, мы думаем, что это происходит от наших

недостатков, а не оттого, что мы всегда слишком уверены в безошибочности своих суждений. Но для славы скептицизма хорошо, что на свете столько подобных людей нескептиков: ибо этим доказывается способность человека к самым чудовищным мнениям, вследствие его склонности думать, что он не только свободен от прирожденной и неизбежной слабости, но, напротив, от природы одарен мудростью. Ничто так не укрепляет позиций скептицизма, как наличие людей, которые не разделяют этих позиций. Стань все скептиками, и скептицизм окажется ложным¹.

III

82 Нас вводят в заблуждение не одни только прежние впечатления: ту же власть над нами имеют и прелести новизны. Отсюда происходят все пререкания между людьми: одни упрекают за то, что мы руководимся впечатлениями детства, другие — что мы слишком смело идем за новизной. Кто же держится золотой середины? Пусть он явится и укажет нам ее. Нет понятия, как бы оно естественно ни было, даже привычного с детства, которого не назвали бы ложным впечатлением — или науки, или чувств. Так как, говорят, вы с детства привыкли считать ящик пустым, потому что ничего в нем не видели, то и пришли к убеждению, что пустота возможна; это обман ваших чувств, укрепившийся в вас благодаря привычке, который необходимо исправить наукой. Другие же говорят: вам в школе говорили, что пустоты не существует, этим исказили ваш здравый смысл, который был прав до тех пор; теперь необходимо прибегнуть к вашему природному рассудку, чтобы исправить это ложное впечатление. Кто же обманывает? Чувства или наука?¹

В нас есть и другая причина заблуждений — болезни. Они повреждают и рассудок, и чувства. Если ощутителен вред от сильных болезней, то несомненно, что и малые недуги оказывают свою долю влияния на человека².

Наш личный интерес — вот еще чудесное орудие, которым мы с удовольствием выкалываем себе глаза. Самому правдивому человеку не позволено быть судьей в своем деле. Я знаю таких, которые ради того, чтобы не впасть в подобного рода самолюбие, делали величайшие несправедливости в обратную сторону. Верное средство проиграть самое чистое дело — обратиться за помощью к близким родственникам. Справедливость и правда — два такие тонкие острия, что орудия наши слишком тупы и к ним не подходят. Касаясь острия, они заворачивают его и попадают скорее на ложное, чем на истинное.

IV

Ум величайшего в мире судьи не настолько самостоятелен, чтобы не смутиться первой суматохой, которая произойдет около него. Не нужно пушечного выстрела, чтобы нарушить течение его мыслей; для этого достаточно скрипа флюгера или блока. Не удивляйтесь, что он рассуждает плохо: муха жужжит над его ухом; этого довольно, чтобы сделать его неспособным к правильному решению. Если вы хотите дать ему возможность найти истину, прогоните животное, которое беспокоит его рассудок и смущает эту могучую мысль, правящую городами и царствами. Вот он, забавный божок! *O ridicolosissimo eroe**!

V

Как трудно предложить что-нибудь на осуждение другого, не повредив его суждения самым способом предложения! Если сказать: я нахожу, что это хорошо, или что

---

* *О ты, забавнейшее заблуждение!*

это неясно, или тому подобное, то мнение судьи или увлекается этим суждением, или, напротив, раздражается. Лучше ничего не высказывать; тогда он будет судить о предмете, как он есть, т.е. сообразно тому, каков он в то время, и согласно другим обстоятельствам, приданным предмету не по своей воле. Но если вы и не высказали никаких замечаний, то весьма возможно, что самое молчание ваше произведет свое действие, смотря по тому, как он отнесется к нему, как объяснит себе его,— и может быть также, что если он физиономист, то само выражение вашего лица или тон вашего голоса повлияют на его решение. Так трудно не сдвинуть суждения с его природного основания, или, скорее, как мало твердых, незыблемых суждений!

VI

97 Самое важное в жизни — выбор ремесла. Выбор этот зависит от случая. По обычаю становятся каменщиком, солдатом, кровельщиком. «Он хороший кровельщик», или «солдаты дураки», — говорят одни; другие выражаются, наоборот, так: великое дело — только война, остальные занятия — пустяки. Как с детства наслушаются похвал известным ремеслам и порицания всех других, так и выбирают; потому что всякий, естественно, ищет похвального занятия, а не смешного. Отзывы окружающих несомненно действуют на нас: мы ошибаемся только в применении их. Сила обычая так велика, что из тех, кого природа создала просто людьми, вырабатываются представители всевозможных специальностей; целые области дают только каменщиков, другие только солдат и т.д. Конечно, природа не так однообразна, но и она подчиняется обычаю. Иногда берет верх и природа, удерживая человека в его прирожденных наклонностях, несмотря на обычай, хороший ли, дурной ли.

VII

Мы никогда не ограничиваемся настоящим. Желаем, чтобы поскорее наступило будущее, сожалеем, что оно как будто медленно подвигается к нам; или вспоминаем прошедшее, хотим удержать его, а оно быстро от нас убегает. Мы так неразумны, что блуждаем во временах, нам не принадлежащих, не думая о том, которое дано нам. Мы суетно пребываем мыслью во временах, которых уже нет более, и без размышления упускаем настоящее. Оно-то именно всегда и не нравится нам. Мы стараемся не видеть его, когда оно приносит нам горе; если же оно доставляет нам удовольствие, мы с сожалением смотрим, как оно бежит от нас. Стараемся поддержать его будущим и думаем располагать вещами, не нам принадлежащими, и во времени, до которого, кто знает, доживем ли. 172

Пусть всякий исследует свою мысль; окажется, что она всегда занята или прошедшим, или будущим. О настоящем мы почти не думаем, а если и думаем, то только ради того, чтобы из него научиться располагать будущим. Настоящее никогда не составляет нашей цели: прошедшее и настоящее — наши средства, а цель — одно будущее¹. Таким образом, мы никогда не живем, но надеемся жить: а так как всегда рассчитываем на счастье, то, несомненно, никогда его не достигаем (если стремимся только к такому, которое может быть уделом этой жизни).

VIII

Наше воображение так расширяет перед нами конечное время здешней жизни, вследствие постоянного размышления о нем, и так уменьшает вечность, благодаря недостаточному размышлению о ней, что из вечности делаем ничто, а из ничего вечность. И все это так глубоко укоренилось в нас, что никакая сила рассудка не может защитить нас от этого. 195

IX

176 Кромвель готов был потрясти весь христианский мир¹: семейство короля погибло, его же, казалось, навсегда приобрело могущество, но мелкая песчинка попала в его мочевой пузырь² — и что же? Когда сам Рим начал трепетать перед ним, эта мелкая песчинка умертвила его³, низвела в прежнее состояние его семейство, водворила мир и восстановила короля на престоле⁴.

X

99 Существует всеобщее и существенное различие между действиями воли и действиями всех иных способностей души. Воля — один из главных органов верования: она не образует верования, но дает оценку вещам, которые можно считать или истинными, или ложными, смотря по тому, как смотреть на них. Воля, отдающая преимущество одному перед другим, отвращает разум от исследования свойств вещи, ей не угодной, а потому ум, идущий в шаг с волей, останавливает свое внимание на том, что укажет воля, и судит по тому, что видит.

XI

84 Воображение увеличивает мелкие предметы до того, что они всецело наполняют нашу душу, и, по безрассудной дерзости, уменьшает великие предметы до своих собственных размеров, говоря, например, о Боге¹.

XII

436 Все занятия людей клонятся к приобретению имущества, но люди не сумели бы доказать, что владеют им по всей справедливости. Право их основывается только на фантазии законодателей, и сама прочность владения весьма сомнительна. То же и по отношению к знаниям: болезнь отнимает их у нас.

XIII

Если бы нам каждую ночь снилось одно и то же, то это производило бы на нас такое же впечатление, как если бы мы видели эти предметы в действительности. Если бы ремесленник наверняка рассчитывал каждую ночь в продолжение двенадцати часов видеть себя королем, то, полагаю, он был бы почти так же счастлив, как король, которому всякую ночь в течение двенадцати часов снилось бы, что он ремесленник. Если бы каждую ночь нам снилось, что нас преследуют враги, если бы, тревожимые этими тягостными призраками, мы проводили все дни в разнообразных занятиях, как бывает при путешествии, то мы страдали бы от этого почти так же, как если бы это было наяву, и нам стало бы страшно засыпать, как страшно бывает проснуться, когда нас действительно ожидают подобные неприятности. И в самом деле, эти грезы были бы едва ли не тягостнее, чем сама действительность. Но так как сны разнообразны и изменчивы, то и впечатления от них гораздо меньше, чем от видимого наяву, ибо последнее, хотя и с переменами, но повторяется чаще и постояннее. Притом перемены эти не так неожиданны и, главным образом, бывают только при путешествиях. Поэтому тогда говорят: мне кажется, что я грежу; ибо сама жизнь тот же сон, только менее непостоянный¹.

XIV

Против пирронизма.— ...Стало быть, это весьма странно, когда мы высказываемся о вещах с полной уверенностью, между тем как не обладаем способностью создавать понятия, не затемняя сущности вещей. Мы предполагаем, что все люди одинаково воспринимают впечатления внешних предметов, но предположение это делаем наугад, ибо никаких доказательств на то не имеем. Я понимаю, что

одинаковые слова употребляются в тождественных случаях, и всякий раз, когда двое видят, что тело или предмет переменяет свое место, оба выражают впечатление от одного и того же предмета одними и теми же словами, говоря, тот и другой, что он движется. И из этой тождественности определений выводят сильное доказательство тождественности идей. Но последняя вряд ли доказывается этим окончательно, хотя и многое можно сказать в защиту такого вывода. Мы знаем, что одни и те же последствия нередко выводят из различных предположений¹. Этого достаточно, чтобы внести путаницу в некоторые вопросы, но явно мало для абсолютного помрачения нашей естественной уверенности в реальном существовании вещей, а потому академики² здесь в проигрыше. Однако та же констатация явно лишает блеска и замутняет аргументы догматиков к вящей славе основополагающего постулата пирронизма, состоящего в признании двусмысленной двусмысленности и некоей сомнительной затемненности любого высказывания... Последняя мешает нашим сомнениям уничтожить всякую ясность и одновременно не дает естественному свету нашего разума истребить темноту непознанного³.

XV

- 91 *Spongia solis*¹.— Видя действие, повторяющееся постоянно при одних и тех же данных, мы выводим из этого понятие естественной необходимости, как ожидаем, что завтра будет день и т.д.; но часто природа нас обманывает и не подчиняется своим собственным законам.

XVI

- 327 Люди в повседневной жизни рассуждают правильно о самых различных вещах, поскольку пребывают в состоянии естественного неведения, которое суть наше подлинное состояние¹. Науки же имеют две соприкаса-

ющиеся между собой крайности: первая — то полное естественное неведение, в котором находятся все люди при рождении; другой крайности достигают великие души, которые, пройдя все доступное людям знание, убеждаются, что они ничего не знают, и, таким образом, приходят к тому же неведению, с которого начали. Но это неведение ученое, сознательное. Вышедшие из естественного неведения и не достигнувшие неведения сознательного принимают некоторый оттенок самодовольного знания и разыгрывают из себя знатоков. Они смущают мир и обо всем судят хуже прочих. Направляют мир, по обыкновению, народ да мудрецы, остальные презирают свет или презираемы им.

Статья V

Жалкое состояние человека¹

171

НИЧТО так не способно познакомить нас с жалким положением людей, как исследование истинной причины их непрерывной суеты в жизни.

Душа поселяется в теле на короткое время. Она знает, что это лишь переход к вечному путешествию и что она должна подготовиться к нему в короткий срок человеческой жизни. Естественные потребности отнимают у нее большую часть этого времени, так что на ее собственную долю остается его очень мало. Но и этот краткий досуг почему-то так сильно ее тяготит и затрудняет, что как будто она только о том и заботится, как бы от него избавиться. Для нее невыносимо тяжело жить с собой и думать о себе. Она стремится только к самозабвению, старается провести это столь короткое и столь драгоценное время без размышления, в занятиях, способных отвлечь всякую мысль об ожидающей ее вечности.

Вот источник всех суетных занятий, всякого так называемого развлечения, или препровождения времени. Единственная цель этого — проводить время, не чувствуя его, или, скорее, не чувствуя самого себя, — избегать, потерю этой части жизни, горечи и внутреннего недовольства,

которые бы необходимо возникли в душе человека, если б это убиваемое время было употреблено им на размышление о самом себе. Душа не находит в себе никакого удовлетворения. Всякий взгляд внутрь себя приносит ей огорчение. Это принуждает ее искать утешение вне себя, привязываться к предметам внешним, чтобы всячески изгладить мысль о своем действительном положении. Радость ее в этом самозабвении, и, чтобы сделаться несчастной, достаточно ей очутиться наедине с собой.

I

На людей с детства возлагается обязанность заботиться о своей чести и имуществе, а также об имуществе и чести их друзей. Их обременяют делами, обучают языкам и наукам, внушая при этом, что счастье их заключается в здоровье, чести, богатстве как их самих, так и друзей и что недостаток одного из этих благ влечет за собой потерю счастья. Таким образом, им дают дела и занятия, которые потом мучают их всю жизнь. Вот, скажете вы, странный способ приносить людям счастье; не вернейшее ли это средство сделать их несчастными? Вы хотите знать, как можно достичь этого? Стоило бы только отнять у них все эти заботы, тогда бы они увидали себя, стали думать, что они такое, откуда и куда идут. Но трудно привлечь их к этим занятиям и отвлечь от иных. Поэтому-то, надавав столько дел, советуют им всякую свободную минуту употреблять на развлечение, игру и занимать себя всецело.

Сколь пусто сердце человеческое и сколь, вместе с тем, преисполнено оно грязи.

II

Стараясь иногда объяснить себе, из-за чего люди подвергают себя трудам и опасностям при дворе, на войне, откуда происходит столько споров, страстей, смелых и

нередко дурных предприятий, я часто приходил к тому заключению, что все несчастье людей происходит только от того, что они не умеют спокойно сидеть в своей комнате.

Человек, имеющий средства к жизни, если бы находил удовольствие сидеть дома, не захотел бы пуститься путешествовать по морю или участвовать в осаде крепости. Он только тогда решился бы платить за место в армии, когда ему стало бы невыносимо оставаться в городе. Бесед и развлечений ищут только потому, что не находят никакого удовольствия сидеть дома.

Но, присмотревшись ближе и найдя причину всех наших несчастий, я захотел открыть, в чем она коренится в свою очередь. Оказалось, что начало ее заключается в естественном злополучии нашей слабой и смертной природы. Это состояние настолько жалкое, что решительно нет средств утешить себя, коль скоро о том подумаешь.

Какое положение себе ни представишь, собрания каких богатств ни вообразишь себе — все же положение государя кажется лучшим на свете. Но, думается мне, если бы и ему, которому предоставлено всевозможное довольство, пришлось остаться без развлечений и углубиться в самого себя, в свое положение и значение, — эта полнота земных благ оказалась бы не в силах поддержать его. Ему невольно придут на ум мысли о возможности восстания, наконец, о неизбежных болезнях и смерти, так что, едва он очутится без так называемого развлечения, как становится несчастным, и даже более несчастным, чем любой из его играющих и забавляющихся подданных.

142   Монаршее достоинство само по себе разве не настолько велико, чтобы осчастливить просящего его? Нужно ли еще развлекать его этой мыслью, как обыкновенных людей? Я хорошо понимаю взгляд, что можно принести счастье человеку, отвлекая его внимание от домашних невзгод и стараясь наполнить все его помыслы заботой,

как бы выучиться хорошо танцевать, но пригодно ли это для государя и будет ли он счастливее, развлекаясь, чем созерцая свое величие? Какой более достойный предмет может занимать его мысли? Не значило ли бы лишать его радостей, занимая его ум помышлением о том, как лучше выступать под звуки музыки или как ловчее кидать шар, вместо того, чтобы предоставить ему спокойно созерцать окружающее его величие славы. Пусть испытают: оставят короля совершенно одного, без всякого удовлетворения его чувств, вне всякой умственной заботы, без общества, чтобы он на свободе мог подумать о себе. И вы увидите, что король без развлечения вполне жалкий человек. Поэтому-то тщательно этого избегают, и в королевской свите всегда находится множество людей, на обязанности которых лежит доставлять государям после всякого дела забавы, так что незанятого времени у них никогда не остается. Другими словами, короли окружены людьми, несущими достохвальные заботы зорко следить за тем, чтобы король не оставался наедине и не имел повода размышлять о себе, хорошо зная, что, при всем его королевском достоинстве, он станет жалок, как только начнет думать о себе.

(Людей, занимающих высокие, обыкновенно столь трудные должности, поддерживает главным образом то, что они беспрестанно отвлечены от мысли о себе). Все вышесказанное ничего не говорит о христианских королях как о христианах, но характеризует их лишь как королей.

Обратите внимание на положение министра, канцлера, председателя суда: с утра до вечера их отовсюду осаждает множество людей, не оставляя им и одного часа в течение целого дня, когда бы они могли подумать о себе. Когда же они впадают в немилость и принуждены удалиться в свои поместья, где у них нет недостатка ни в богатствах, ни в служителях, готовых удовлетворить каждое их требование, они сейчас же начинают чувствовать свое

ничтожество, ибо никто уже не мешает им предаваться размышлениям о самих себе.

По той же причине мы ищем игр, женского общества, идем на войну, стремимся к высоким должностям: не потому, что в них действительно заключается счастье, и мы не воображаем себе, будто истинное благополучие в деньгах, которые можно выиграть в карты, или в зайце, которого гоним. Мы отказались бы принять такое счастье, если бы оно было предложено само по себе. Мы ищем не этого вялого и покойного пользования, при котором мы не освобождались бы от мыслей о нашем бедственном положении; нас привлекают не опасности войны, не трудности, сопряженные с высокими должностями; нам нужна суета, которая развлекала бы нас и не давала места столь неприятным мыслям.

По этой же причине мы так любим шум и передвижение: оттого так страшно тюремное заключение; оттого непостижимо для нас, как могут люди находить удовольствие в уединении. Участь монархов завидна во мнении людей, потому что приближенные их заботятся о доставлении им беспрестанно всевозможных удовольствий и развлечений.

Вот все, что могли изобрести люди, чтобы сделать себя счастливыми. Умничающие на эту тему и порицающие людей за то, что они по целым дням охотятся на зайца и не хотят попросту добыть его покупкой, плохо знают человеческую природу. Этот заяц не избавил бы нас от вида смерти и бедствий, но предохраняет от того охота. Поэтому, если бы они на упрек в суетности искомого ими с таким усердием, как следует подумав, ответили, что в этом они ищут усиленного и бурного занятия, которое бы отвлекло их от мысли о себе, и что ради этого они стремятся к предмету, могущему прель-

стить и привлечь их к себе всецело, то противники их не нашлись бы что возразить им. Но они не отвечают подобным образом, ибо не знают самих себя; не знают, что не добыча, а самая охота предмет их стремлений. Танец: следует хорошо подумать, куда поставить ногу¹.— Люди благородного происхождения совершенно искренне верят, что охота есть величайшее, поистине королевское удовольствие. Но доезжачему-то так не кажется.

Они воображают, что, получив такую-то должность, могли бы насладиться покоем, и не чувствуют всей ненасытности своей природы. Они уверены, что искренне стремятся к покою, а на деле ищут только забот.

В них есть тайный инстинкт, заставляющий их искать развлечения и внешних занятий и вызываемый постоянным ощущением своего безотрадного положения. Есть в них и другой тайный инстинкт, остаток величия нашей первобытной природы, внушающий им, что действительно счастье заключается только в покое, а не в суете. Эти два противоположные инстинкта сливаются в них в одно смутное предчувствие, скрывающееся от их взоров в глубине души, побуждающее их стремиться к покою через возбуждение и как бы всегда говорящее им, что удовлетворение, которого они лишены, наступит, если, поборов некоторые представляющиеся им трудности, они сумеют открыть себе тем путь к успокоению.

Так протекает вся жизнь. Ищут покоя в борьбе с некоторыми препятствиями. Коль скоро последние побеждены, покой делается невыносимым, так как приходится думать или о бедствиях, уже существующих или угрожающих в будущем. Если бы даже казалось, что отовсюду мы ограждены от невзгод, то скука, пользуясь своей особой властью, не замедлила бы подняться из глубины сердца, где она глубоко укоренилась от природы, и наполнила бы ум своим ядом.

Трудно было исполнить совет успокоиться, данный Пирру², который искал покоя в утомлении себя непрерывными подвигами.

Человек так несчастлив, что просто в силу своего природного свойства ему не избавиться от скуки даже тогда, когда, по-видимому, для нее нет никакой непосредственной причины. В то же время человек столь суетен, что, даже будь у него тысяча серьезных причин для тоски, ему достаточно такого пустяка, как бильярд или игра в мяч, чтобы развлечься.

«Но,— скажете вы,— какую он во всем этом преследует цель?» Да такую, что завтра он сможет похвалиться перед друзьями, дескать играет лучше того-то и того-то. По той же причине одни лезут из кожи вон в своих кабинетах, дабы показать ученым решение какой-либо алгебраической задачи, которую до сих пор никто не мог решить, другие подвергают себя крайнему риску, дабы похвалиться победой, которую одержали,— сие, на мой взгляд, столь же глупо. Наконец, третьи не щадят себя в запоминании всего этого, и не с целью стать более мудрыми, но только чтобы продемонстрировать свою осведомленность. И уж эти-то суть наиглупейшие из всей братии, ибо глупы и при знаниях, тогда как об остальных еще можно предположить, что, будь у них знание, они бы поумнели.

Иной человек, ежедневно играя по маленькой, живет без печали. Однако попробуйте ему каждое утро давать столько денег, сколько он мог бы выиграть за день, при том условии, что играть нельзя, и вы сделаете его несчастным. Возможно, мне скажут, что он стремится развлечь себя игрой, а не выиграть. Что ж, заставьте его играть не на деньги— он не удовольствуется этим и снова затоскует. Значит, неверно, будто развлечение—

основная цель его исканий, ибо развлечение вялое и бесстрастное ввергает в тоску. Он должен распалиться и обмануть самого себя, вообразив, что станет счастливым от выигрыша того, чего без игры никогда бы не захотел. И все это — дабы превратиться в средоточие страстей, испытать алчность, гнев, страх от предмета, им самим созданного, дабы уподобиться детям, пугающимся рожи, которую собственноручно намалевали.³

Как случилось, что этот человек, меньше месяца назад потерявший своего единственного сына, подавленный судебным процессом и с самого утра терзаемый дрязгами, теперь о том и не помышляет? Не удивляйтесь: он всецело занят одним — увидеть, куда направится вепрь, которого собаки преследуют столь яростно уже шесть часов. А нужно нечто большее? Если вам удастся придумать забаву, то любого, даже самого опечаленного человека, можно сделать счастливым на все время, пока она продолжается.

И при всевозможном счастье, если он не поглощен какой-либо страстью или забавой, мешающей скуке овладеть им, он скоро впадает в грусть и становится несчастным. Без забавы нет радости, как за забавой нет печали. Таким-то путем составляется благополучие лиц высшего общества, окруженных множеством людей, развлекающих их и тем поддерживающих их благополучие.

III

Легче умереть, не думая о смерти, чем перенести мысль о смерти, не подвергаясь опасности. 166

IV

Если бы человек вообще был счастлив, он чувствовал бы себя тем счастливее, чем менее бы его развлекали. Но такое счастье ведомо только Богу и святым. 170

Да, но разве не значит быть счастливым, находя удовольствие в забаве? Нет, ибо это счастье внешнее и зависит от множества случайностей, которые могут быть причиной неизбежных огорчений.

V

171 Единственным средством, утешающим нас в наших горестях, служит развлечение, но в то же время в нем и величайшая беда наша, потому что оно-то, главным образом, мешает нам думать о себе. Не будь его, мы бы жили в скуке, а эта скука побудила бы нас искать более верные средства от нее избавиться. Но развлечение услаждает нас, и с ним мы нечувствительно доживаем до смерти.

VI

127 Состояние человека: непостоянство, скука, беспокойство.

VII

164 Суетен тот, кто не замечает суетности света. А кто не видит ее, кроме молодежи, всецело поглощенной шумом, забавами и мыслью о будущем? Но отнимите у нее развлечение, и вы увидите, как она станет пропадать от скуки. Она инстинктивно почувствует тогда свое ничтожество, ибо, действительно, великое несчастье испытывать невыносимую скуку, когда поневоле приходится сосредоточивать свои мысли на самом себе, за неимением чем развлечься.

VIII

165 Если бы наше положение было действительно счастливое, то и не требовалось бы отвлекать нас от мысли о нем, чтобы сделать нас счастливыми.

Немного нужно для нашего утешения, потому что . 136
немногого достаточно, чтобы нас опечалить¹.

IX

Всего невыносимее для человека — это полный покой, 131
без страсти, без дела, без развлечения. Он чувствует тогда
свое ничтожество, свое несовершенство, свою зависимость,
немошь, пустоту. Немедленно из глубины души поднима-
ется скука, мрак, горесть, печаль, досада, отчаяние.

X

Когда солдат или работник жалуется на свой труд, 130
оставьте их без всякого дела.

XI. Философы

Прекрасное дело кричать человеку, который сам себя 509
не знает, чтобы он шел сам по себе к Богу! Не хуже
того и говорить это человеку, который знает себя*.

XII. Искание истинного блага

Люди обыкновенного уровня полагают свое благо в 462
богатстве, вообще в предметах внешних или, по меньшей
мере, в развлечении. Философы указали на суетность
всего этого, и всякий из них объяснял благо по-своему.

---

* Э.Лавэ следующими словами комментирует это место: «Если он не знает себя, то как знать ему Бога? Зная же себя, он понимает, насколько он слаб и несовершенен, а потому и не может сам по себе обратиться к Богу без помощи благодати. Поэтому только религия, уж никак не философия, может привести нас к Богу».

1 74 У философов можно насчитать 280¹ высших благ*.

361 Спор о высшем благе. *Ut sis contentus temelipso, et ex te nascentibus bonis*². В этих словах противоречие, ибо они (философы, стоики) советуют, наконец, самоубийство. О, как счастлива должна быть жизнь, от которой бегут, как от чумы!

XIII

109 Так как природа во всяком положении делает нас несчастными, то недостающее нам счастье мы стараемся вообразить себе, присоединяя к состоянию, в котором находимся, удовольствия, присущие состоянию, в котором не находимся. Достигнув же этих удовольствий, мы бы не нашли в них счастья, так как возымели бы другие желания, согласные с этим новым состоянием.

XIV

168 Люди, не будучи в силах избежать смерти, бедствий и неведения, вознамерились ради счастья совсем о них не думать; вот все, что они могли изобрести для облегчения себя от стольких зол. Но это утешение очень жалкое, ибо ведет не к исцелению зла, а только к временному сокрытию его; а скрывая зло, мы удаляем мысль о его действительном исцелении. Таким образом, благодаря странному извращению природы человека, выходит, что скука, самое чувствительное для него зло, как будто становится до некоторой степени его величайшим благом, будучи в состоянии более всего остального заставить человека подумать об истинном врачевании. По такой же иронии развлечение, которое он считает своим величайшим благом, в действительности есть его величайшее зло, ибо более прочего отвлекает его от искания

---

* По словам Варрона, приводимым Бл. Августином (*De Civ. Dei.* XIX, 2), в отношении понятия о высшем человеческом благе, можно было насчитать двести восемьдесят восемь сект.— *Прим. Э. Авэ.*

средства против его зол. То и другое служит замечательным доказательством жалкого и поврежденного состояния человека и в то же время его величия. Человек скучает от всего и ищет такого множества занятий потому только, что имеет представление о потерянном им счастье; но, не находя в себе этого счастья, он тщетно ищет его в вещах внешних, ибо счастье это не в нас, не в тварях, а только в одном Боге.

XV

Соломон¹ и Иов лучше всех знали и лучше всех 174
говорили о бедствиях человека — один, будучи самым счастливым, а другой — самым несчастным человеком; один, опытом познавший суетность удовольствий, другой — действительность зол.

Статья VI

Удивительные противоположности, встречающиеся в природе человека в отношении истины, счастья и многих других вещей

I

п 434

СЕГО поразительнее в человеческой природе — это противоположности, обнаруживающиеся в ней в отношении всего. Человек создан для познания истины, он желает ее горячо, он ищет ее, но в этих поисках теряет путь, приходит в смущение

до такой степени, что добытая истина легко может быть у него оспариваема. Из этого возникли обе секты, пирронистов и догматистов; одни хотели отнять у человека всякое познание истины, другие стараются уверить его в обладании ею; но доводы тех и других так мало правдоподобны, что только увеличивают затруднение и смущение человека, когда у него нет иного руководства, кроме того, которое он находит в своей природе.

434 Главные доводы пирронистов, не говоря о второстепенных, те, что мы не имеем никакой уверенности в истинности этих природных начал познания*, вне веры и откровения; что мы только чувствуем их лишь по внушению нашей природы. А это природное чувство не есть убедительное доказательство их истинности, потому что раз, помимо веры, нет никакой уверенности, сотворен ли человек благим Богом или злым демоном¹, или явился

* Ср. Д. IV: XIV.

случайно, то он в сомнении, даны ли нам эти начала истинными или неизвестно какими, смотря по нашему происхождению. Более того, никто вне веры не убежден, бодрствует он или спит, так как и во сне считают себя как бы вполне бодрствующими: во сне как бы на самом деле мы видим пространства, очертания, движения, видим, как протекает время, измеряем его и, наконец, действуем как бы совсем наяву. Таким образом, по нашему собственному признанию, значительная часть нашей жизни проходит во сне, когда, что бы нам там ни казалось, мы не имеем никакого понятия о действительности, ибо во сне наши чувства простая иллюзия. Следовательно, кто знает, не есть ли эта другая половина жизни, в которой мы бодрствуем, также сон, несколько отличный от первого, от которого мы пробуждаемся, когда полагаем, что спим²?

И кто сможет не усомниться в том, не воспринимаем ли мы все перевернутым, если признать, будто, находясь в обществе других людей, мы спим, в одиночестве — бодрствуем, а сновидения по воле случая, что в общем-то в порядке вещей, согласуются между собой? Наконец, поскольку грезят тем сильнее, чем чаще, нагромождая при этом одно сновидение на другое, нельзя ли предположить, что часть жизни, которую принимают за бодрствование, является в действительности тем сном, который объединяет в себе все остальные виды сна и от которого мы пробуждаемся вместе со смертью? Ведь отойдя в мир иной, мы обретаем не больше понимания истины и добра, нежели при сне естественном. Да и все те мысли, которые в нас сейчас присутствуют, не иллюзорны ли они на манер течения времени или пустых фантазий наших сновидений?

Вот главные положения этой и другой стороны*.

---

* Догматиков (коих доводы не приведены автором) и пирронистов.

Я опускаю доводы второстепенные, как, например, доводы пирронистов против понятий, приобретаемых обычаем, воспитанием, нравами, особенностями страны и т.п., которые хотя и увлекают большую часть обыкновенных людей, догматизирующих только на этих неверных основаниях, опрокидываются, однако, от малейшего дуновения пирронистов. Кто недостаточно убежден в этом, тому стоит только заглянуть в написанные ими книги: убедиться можно очень, даже слишком, скоро.

Я останавливаюсь на единственном сильном доводе догматиков, а именно, что, говоря искренне и чистосердечно, нельзя сомневаться в естественных началах познания.

Этому пирронисты противопоставляют неуверенность в нашем происхождении, заключающую в себе неуверенность и в нашей природе³; на это возражение ответ остается за догматистами испокон века.

На этой почве происходит между людьми постоянная борьба. В ней каждый поневоле принимает участие и примыкает обязательно или к догматизму, или к пирронизму, ибо думающий оставаться нейтральным становится пирронистом по преимуществу. В этой нейтральности вся суть и заключается: кто не против них, тот преимущественно за них. Пирронисты не сами за себя: они нейтральны, безразличны, не принадлежат ни к какой стороне, не исключая самих себя.

Что же делать человеку в этом состоянии? Сомневаться ли во всем, сомневаться ли в том, что он бодрствует, что его щиплют, что его жгут? Сомневаться ли ему в том, что он сомневается, сомневаться ли в том, что он существует⁴? Но это вещь невозможная, и я утверждаю, что никогда не было действительно совершенного пиррониста*. Природа поддерживает немощный разум и препятствует ему доходить до подобной крайности.

---

* В веке Паскаля слово *скептицизм*, синоним пирронизма, еще не употреблялось.

Можно ли, напротив того, утверждать, что человек несомненно обладает истиной,— человек, который, как ни мало его с этим торопят, не в силах доказать права этого владения и по необходимости должен расстаться со своей добычей?

Что же человек за химера? Какое невиданное хаотическое существо, какой предмет противоречий, какое чудо? Судья всех вещей, несмысленный червь земной, хранитель правды, смесь неуверенности и заблуждения, слава и отброс вселенной.

Кто разберется в этом хаосе? Природа смущает пирронистов, а разум пугает догматистов. Что же будет из тебя, о человек, желающий определить свое действительное положение своим природным рассудком? Тебе нельзя ни избежать одной из этих сект, ни оставаться в какой-либо из них.

Познай же, гордец, какой парадокс ты сам для себя представляешь. Смирись, немощный ум, умолкни, несмысленная природа; познай, что человек — существо, бесконечно непонятное для человека, и спроси у твоего Владыки о неведомом тебе истинном твоём состоянии. Послушай Бога.

Если бы человек не был поврежден грехом, он, в своей невинности, наконец, достиг бы прочного обладания и истиной, и блаженством. Но если бы человек был поврежденным изначала, то не имел бы никакого представления ни об истине, ни о блаженстве. Однако, при всем нашем несчастье, и если бы в нашем положении не было никакого начала величия, мы имеем представление о счастье, не будучи в силах достигнуть его; мы чувствуем образ истины, а владеем только ложью: не способные ни к абсолютному неведению, ни к несомненному знанию, мы носим в себе очевидное свидетельство, что некогда были на степени совершенства, с которой, к прискорбию, пали!

Мы познаем истину не одним разумом, но и сердцем; этим-то последним путем мы постигаем первые начала, и напрасно старается оспаривать их разум, который тут совсем неуместен. Напрасен стремящийся лишь к этому труд пирронистов. Мы знаем только, что мы совсем не грезим, как бы ни бессилен был ум наш доказать это; это бессилие свидетельствует лишь о слабости нашего разума, а не о сомнительности всех наших познаний, как они утверждают. Знание первых начал, как, например, что существует *пространство, время, движение, число*, прочно как ни одно из знаний, получаемых нами путем рассуждения. На эти-то знания сердца и инстинкта должен опираться разум и на них строить свои рассуждения. Сердцем мы чувствуем, что есть три измерения в пространстве и что числа бесконечны, а разум потом доказывает, что нет двух квадратных чисел, из коих одно было бы удвоением другого. Начала чувствуются, а суждения выводятся — то и другое с уверенностью, хотя и различными путями. Смешно со стороны разума требовать у сердца доказательств его основных начал, чтобы согласиться с ними, как одинаково смешно было бы сердцу требовать у разума чувствования всех делаемых им заключений, чтобы принять их.

Следовательно, это бессилие должно служить только к смирению разума, которому хотелось бы судить обо всем, а не к опровержению нашей уверенности, как если бы только один разум был способен руководить нами. Дай Бог, чтобы, напротив, мы никогда не имели нужды в разуме, а познавали все вещи инстинктом и чувством. Но природа отказала нам в этом благе, сообщив лишь весьма немногие понятия такого рода; все другие приобретаются только путем рассуждения.

Все люди домогаются счастья; в этом отношении между ними нет исключений. При всем различии употребляемых ими к тому средств, все стремятся к этой цели. Это

заставляет одних идти на войну, а других не идти; у тех и у других одно и то же желание, только исполнимое различными путями. Воля подвигает человека только в направлении к этому предмету, т.е. счастью. Это побуждение всех действий всех людей, включая самоубийц. Между тем, при всей давности существования человечества, никто никогда без веры не достигал той точки, на которую все метят. Жалуются все, государи и подданные, вельможи и разночинцы, старые и молодые, сильные и слабые, ученые и невежды, здоровые и больные, люди всех стран и времен, всех возрастов и всех положений.

Такой продолжительный, такой постоянный и однообразный опыт достаточно должен бы убедить нас в невозможности достигнуть блага нашими собственными усилиями; но пример этот ничему нас не научает. Между подходящими положениями никогда не бывает совершенного сходства, и всегда встречается, хотя и очень незначительное, различие, а по этой причине мы надеемся, что наше ожидание не будет обмануто в этом случае, как в другом. Таким образом, никогда неудовлетворяемых настоящим, опыт обманывает нас и от несчастья к несчастью приводит к смерти, вечному его завершению.

Что же возвещают нам эта жажда счастья и это бессилие его достигнуть, как не то действительное счастье, которым когда-то пользовался человек, но от которого теперь остался в нем лишь слабый след. Напрасно старается человек наполнить эту образовавшуюся пустоту всем его окружающим, прибегая к отсутствующим вещам за помощью, в которой отказывают ему вещи присущие. Те и другие не в состоянии помочь ему, так как эта бездонная пропасть может быть наполнена только предметом бесконечным и неизменным, т.е. самим Богом.

Он один есть истинное благо человека, и замечательно — с тех пор как Бог покинул его, что только в природе не в состоянии было заменить ему утраченное

благо — звезды, небо, земля, стихии, растения, животные, насекомые, болезни, войны, пороки, преступления. С тех пор, как он потерял истинное благо, все одинаково может казаться ему таковым до самоумерщвления включительно, хотя это последнее столь противно Богу, разуму и всей природе.

Одни ищут блага во власти, другие в науках и разных диковинах, третьи в сладострастии. Некоторые, несколько более приблизившиеся к истинному понятию о благе, нашли необходимым, чтобы всеобщее благо, желаемое всеми людьми, не заключалось ни в одной из особых вещей, могущих принадлежать только одному, ибо, будучи разделены, они более печалют обладателя их, жалеющего о недостающей части, чем удовлетворяют его пользованием части, ему принадлежащей. Эти люди поняли, что истинное благо должно быть доступно всем одновременно и в одинаковой степени, чтобы не было места зависти, и никто против своего желания не мог его лишиться. (Они поняли его, но найти не могли, а вместо прочного и действительного блага ухватились за пустой образ фантастической добродетели).

464 *Философы.*— Мы исполнены вещей, стремящихся ввергнуть нас во внешнее. Наш инстинкт дает нам чувствовать необходимость искать счастья вне себя. Наши страсти влекут нас наружу, хотя бы даже и не представлялось предметов, способных вызвать их. Внешние предметы искушают и влекут нас к себе, даже когда мы о них и не думаем. Поэтому сколько бы ни говорили философы: войдите внутрь себя, там ваше благо,— им не верят; верят 350 только самые пустые и глупые. (Что может быть смешнее и суетнее предлагаемого стойками, и где столько лжи, как в их умствованиях?) Они полагают всегда возможным то, что возможно лишь иногда, и что если желание славы побуждает к чему-нибудь одним, то то же могут сделать и другие. Это возбуждение лихорадочное, которому здо-

ровое состояние подражать не может. На том основании, что есть стойкие христиане, Эпиктет заключил, что стойким христианином может стать кто угодно.

Внутренняя борьба между рассудком и страстями за- 413
ставила ищущих покоя разделиться на две секты: одни хотели отказаться от страстей и сделаться богами, другие отказаться от разума и превратиться в грубых животных. (Де Барро)⁵. Но ни те, ни другие не достигли цели; не могли устранить разума, всегда осуждающего низость и несправедливость страстей и нарушающего покой тех, которые им предаются; равно и страсти вечно живы в людях, желающих от них отказаться.

Вопреки всякому догматизму, мы бессильны доказать, 395
что обладаем истиной, и, с другой стороны, никакой пир-
ронизм не в силах у нас этого оспорить. Мы жаждем 437
истины, а находим в себе одно сомнение. Ищем счастья,
а встречаем лишь горе и смерть. Мы не в состоянии не
желать истины и счастья, но не способны ни к верному
знанию, ни к счастью. Это желание оставлено нам сколько
в наказание, столько и для того, чтобы дать нам почув-
ствовать, с какой высоты мы пали.

II

Если человек не создан для Бога, почему счастлив он 438
только в Боге¹? Если человек создан для Бога, почему
он так сопротивляется Богу?

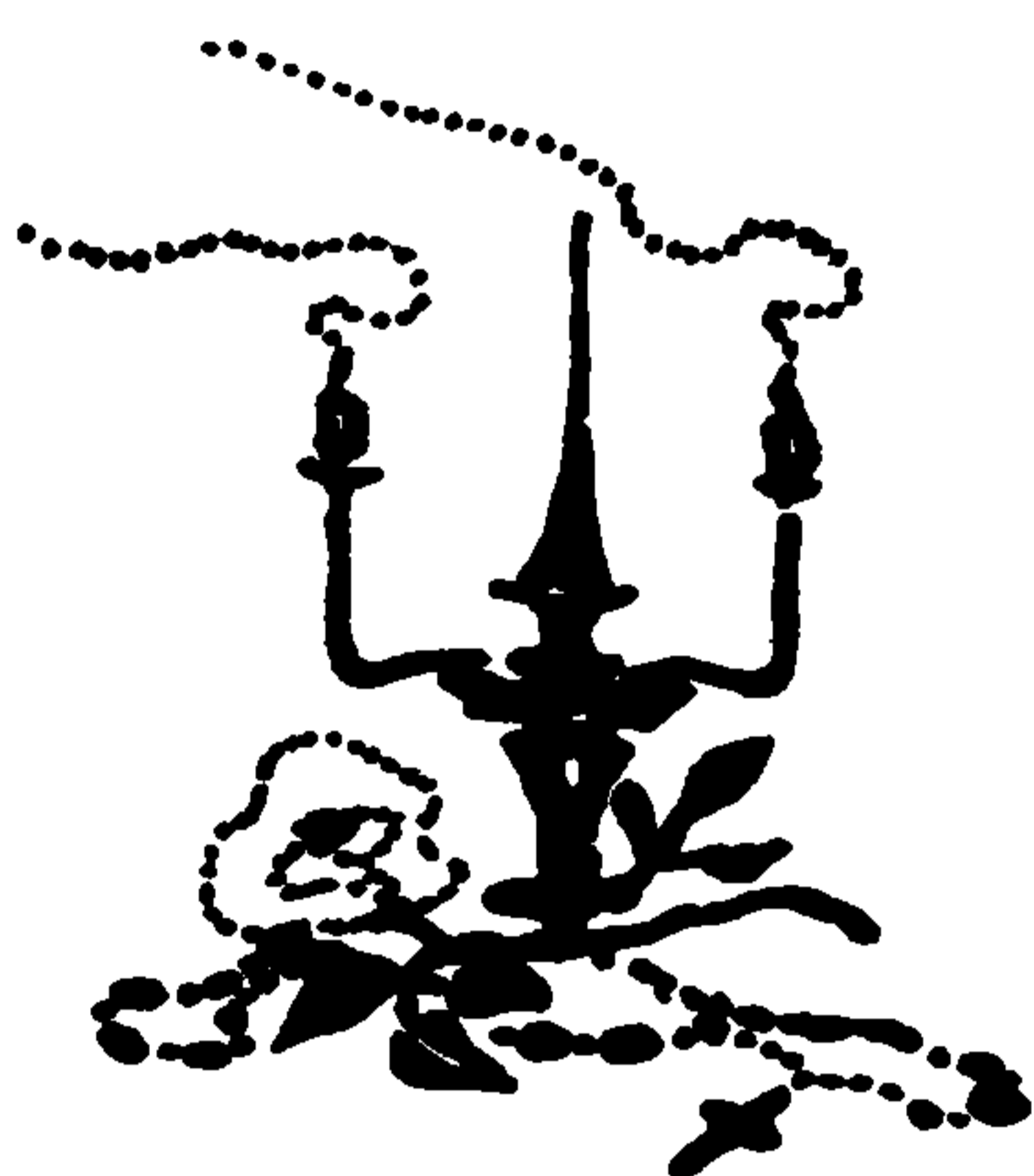
III

Человек не знает, куда себя причислить. Он, видимо, 427
блуждает, пал со своего настоящего места и не может
опять найти его. Он с беспокойством, но без успеха,
повсюду ищет его в непроницаемом мраке.

IV

199 Представьте себе толпу людей в цепях, приговоренных к смерти; каждый день некоторые из них умерщвляются на виду остальных; остающиеся видят свое собственное положение в положении им подобных и, смотря друг на друга с чувством скорби и безнадежности, ожидают своей очереди. Вот картина положения человечества.

Статья VII

Против равнодушия атеистов

ОТЯ бы они, по крайней мере, как следует узнали оспариваемую ими религию, прежде чем опровергать ее. Если бы эта религия похвалялась, будто ясно видит Бога, что Он вполне открыт ей, то действительно значило бы опровергать ее, говоря, что в мире нет ничего такого, что воочию свидетельствовало бы о присутствии Божию. Но она, напротив, говорит, что люди находятся во мраке и отчуждении от Бога, что Он сокрыл себя от их познания и в писании Сам называет Себя *Богом сокровенным**; наконец, она сама старается утвердить два следующие положения: что Бог установил в Церкви ощутительные признаки, по которым могли бы узнать Его искренне Его ищущие, и в то же время Он настолько сокрыл эти признаки, что видеть Его могут только стремящиеся к Нему всем своим сердцем. Какая же польза для них, если они, будучи столь небрежными искателями истины, жалуются, что ни в чем не могут открыть ее? Ибо мрак, в котором они находятся и в котором упрекают Церковь, лишь служит подтверждением одного из упомянутых положений Церкви, не касаясь другого, и утверждает ее учение, нисколько не разрушая его.

---

* Исх. XLV, 13.

Опровержение их имело бы силу в том только случае, когда бы они по праву могли сказать, что, употребив все усилия к отысканию истины, даже в том, что указывается как путь к истине самой Церковью, удовлетворительного результата не достигли. Говоря так, они действительно пошатнули бы одно из притязаний религии. Но я надеюсь показать здесь, что ни один разумный человек не говорил и не может говорить подобным языком. Известен образ действий людей такого порядка. Они думают, что сделали все возможное для вразумления себя, употребив несколько часов на чтение какой-нибудь Библейской книги и задав несколько вопросов священнику об истинах веры. А потом хвалятся тщетностью своих исканий в книгах и между людьми. Но, право, не могу удержаться, чтобы не высказать не раз повторенного мной,— что подобная небрежность невыносима. Здесь речь идет не о каком-нибудь второстепенном вопросе, чтобы возможно было такое отношение к делу: речь идет о нас самих и обо всем, что нам должно быть особенно дорого.

Бессмертие души столь важный вопрос для нас, касается нас так глубоко, что равнодушие к нему служило бы признаком потери всякого сознания. В зависимости от ожидания вечных благ в будущей жизни все наши действия и наши мысли должны принимать столь различное направление, что нет возможности не сообразовать всякого нашего суждения с точкой зрения на этот важнейший для нас предмет.

Итак, первый интерес и первый долг наш — уяснить себе этот вопрос, от которого зависит все наше поведение. Поэтому-то между неубежденными в этом я строго различаю стремящихся всеми силами вразумить себя в этом отношении от тех, которые живут, нисколько о том не беспокоясь и не думая.

Я могу лишь с сочувствием относиться к людям, которые искренне скорбят, находясь в этом сомнении, видят в нем величайшее несчастье и, не жалея никаких усилий, чтобы рассеять его, считают это стремление своим главным и серьезнейшим делом.

Но что касается тех, которые проводят жизнь, не думая об этой последней цели жизни и потому только, что не находят в себе самих данных для своего убеждения, не заботятся поискать их вне себя и тщательно исследовать, принадлежит ли это мнение к разряду принимаемых народом по своей доверчивой простоте, или оно из числа тех темных, по существу, вопросов, которые, однако, имеют очень прочное и непоколебимое основание,— на таких людей я смотрю совершенно иными глазами.

Эта небрежность в деле, касающемся самого человека, его вечности, всего, что должно быть дорого ему, не столько трогает, сколько возмущает меня; по-моему, такое явление изумительно, ужасно, даже уродливо. Я говорю так не под влиянием священной ревности благочестия. Напротив, я хочу сказать, что чувство это должно вытекать из здравого человеческого рассудка, в интересах самолюбия. Для этого нужно проницательности не больше, чем у самых простых, самых непросвещенных людей.

Не нужно иметь особенно возвышенную душу, чтобы понять, что в здешней жизни не может быть полного и действительного удовлетворения; что все наши удовольствия одна суета, а бедствия бесконечны; что, наконец, смерть, угрожающая нам ежечасно, должна неминуемо поставить нас через немного лет в ужасающую необходимость быть или навеки уничтоженными, или навеки несчастными.

Нет ничего ни несомненнее, ни ужаснее этого. Как бы мы ни храбрились, таков конец самой лучшей, в мирском смысле, жизни. Следовало бы поразмыслить об этом и

сказать потом, не неоспоримо ли на самом деле, что в этой жизни нет иного блага, кроме надежды будущей жизни; что тем счастливее человек, чем ближе к ней, и что как нет более несчастий для того, кто совершенно уверен в ожидающей его вечности, так и не может быть счастья для людей, нисколько в этом отношении не просвещенных.

Конечно, велико несчастье находиться в этом сомнении, но мы обязаны, по крайней мере, стараться выйти из него; если оно есть в нас, а потому сомневающийся и не ищущий уверенности крайне несчастлив и вместе крайне несправедлив. Если он при этом спокоен и доволен, хвалится и тщеславится этим, даже находит предмет радости и гордости в таком состоянии — я решительно теряюсь, как назвать такое нелепое существо.

И откуда могут являться подобные чувства? Какая радость не видеть впереди ничего, кроме неизлечимых зол? Что славного в этом непроницаемом мраке, и как может здравомыслящий человек рассуждать следующим образом?

«Я не знаю, кто дал мне место в этом мире, ни что такое мир, ни что такое я сам. Я нахожусь в страшном неведении всего. Не знаю ни своего тела, ни своих чувств, ни души, ни даже той части меня самого, которая мыслит то, что я говорю, размышляет обо всем и о себе самой и, однако, так же мало знает себя, как и все остальное. Я вижу обнимающие меня неизмеримые пространства вселенной, сам же приурочен к небольшому уголку этого необъятного протяжения, не ведая, почему именно здесь, а не там мое место, почему данное мне малое время назначено мне в этот, а не в другой момент, как всей предшествовавшей мне, так и последующей вечности».

«Отовсюду мне видны неизмеримые величины, заключающие меня в себе, как атом, как мимолетную, минутную тень».

«Все, что я знаю, это недалекая моя смерть, и самое недоступное моему познанию — та же неизбежная для меня смерть».

«Как неизвестно мне мое прошлое, так неведомо и будущее: одно только знаю, что по выходе из этого мира я навсегда повергаюсь или в ничтожество, или в руки разгневанного Бога, не ведая, какое из этих двух положений станет моим вечным уделом. Таково мое состояние, полное бедствий, немощей, мрака. И из всего этого я заключаю, что должен проводить все дни своей жизни, не помышляя проникнуть в грядущую судьбу мою. Может быть, мне и удалось бы несколько рассеять свои сомнения, но я не хочу брать на себя эту заботу, не сделаю ни шагу навстречу этому свету, а потом, относясь с презрением к тем, которые бы взяли на себя такой труд, я без боязни и предразмышления встретил бы это великое событие, без сопротивления дал бы вести себя на смерть, не будучи уверен в вечности своего будущего состояния».

Кто пожелал бы иметь другом человека, говорящего таким языком? Кто выбрал бы его из числа других, чтобы вверить ему свои дела? Кто прибегнул бы к нему в минуту своей скорби? И, наконец, какую пользу в жизни мог бы принести такой человек?

Действительно, для религии достаславно иметь врагами таких неблагоприятных людей: сопротивление их так неопасно для нее, что, напротив, служит к утверждению ее главных истин. Ибо христианская вера, главным образом, стремится установить два следующих положения: растление нашей природы и искупление. А если они и не доказывают истины Искупления святостью своих нравов, то, по крайней мере, замечательным образом подтверждают растление природы такими неестественными чувствами.

Ничто так не важно для человека, как его положение; ничто так не страшно, как вечность. Поэтому в людях совершенно неестественно равнодушие к утрате своего бытия и к опасности подвергнуться вечному бедствию. Совсем не так относятся они ко всем другим вещам: боятся всего до малейшей безделицы, стараются все предусмотреть, всему сочувствуют; и тот самый человек, который проводит столько дней и ночей в досаде и отчаянии по поводу потери должности или какого-нибудь воображаемого оскорбления своей чести,— тот же самый человек знает, что со смертью теряет все, и это не беспокоит и не волнует его. Явление уродливое, что в одном и том же сердце в одно и то же время обнаруживается такая чувствительность к самым малейшим вещам и такое равнодушие к самым важным.

Это необъяснимое увлечение, с одной стороны, и неестественное усыпление, с другой, свидетельствуют о всемогущей силе, вызывающей эти явления.

Только странным извращением природы человека можно объяснить себе, почему многие считают славным положение, которое, по-видимому, невыносимо и для одного человека. Между тем, по опыту мне известно, что эта удивительная многочисленность подобных людей только кажущаяся, ибо большинство их притворяется индифферентными, будучи на самом деле совершенно иного мнения. Это люди, слышавшие, что выдавать себя верующим не принято в изящном обществе. Они называют это свержением ига и подражают вольнодумцам по моде. Но не трудно было бы доказать им, как сильно они обольщают себя, думая снискать этим уважение. Оно приобретается не таким путем, даже между людьми светскими, имеющими здравое суждение о вещах и знающими, что достигнуть успехов в свете можно только обнаруже-

нием в себе честности, верности, здравомыслия и способности приносить пользу своему другу; ведь люди, естественно, любят только то, что может быть им полезно. А что за выгоду обещает нам человек, который, как выражается он, свергнул иго, не верит в существования Бога, который бы следил за его действиями, считает себя единственным господином своего поведения и только самому себе готов дать в нем отчет? Думает ли он, что таким признанием в состоянии приобрести наше доверие, что мы можем ожидать от него утешения, советов или помощи в минуту жизненной невзгоды? Не воображают ли они, что доставили нам удовольствие, высказавшись о душе, как о легком дуновении ветра или частице пара, и притом таким гордым и самодовольным тоном. А разве это такая вещь, чтобы говорить о ней шутя? Неуместнее ли было бы, напротив, высказывать такую мысль с выражением печали, как о самой скорбной вещи в мире?

Если бы они серьезно думали о том, то увидали бы сами, что такое отношение к делу столь неуместно, так противно здравому смыслу, так несогласно с порядочностью и во всех отношениях далеко от хорошего тона, которого они добиваются, что скорее в состоянии вразумить, чем развратить тех, в коих есть некоторая склонность им последовать. И, в самом деле, заставьте их дать отчет в своих чувствах и причинах религиозного сомнения: они приведут вам столь слабые и ничтожные доводы, что убедят вас в противном. Это самое было однажды, весьма кстати, сказано им одной особой: если вы будете разговаривать подобным образом, то, по чести, вы меня сделаете верующим. И он был прав: кто не ужаснулся бы, увидев, что разделяет взгляд людей, столь достойных презрения.

Поэтому неверующие только по внешности должны чувствовать себя несчастными, насилуя свой здравый

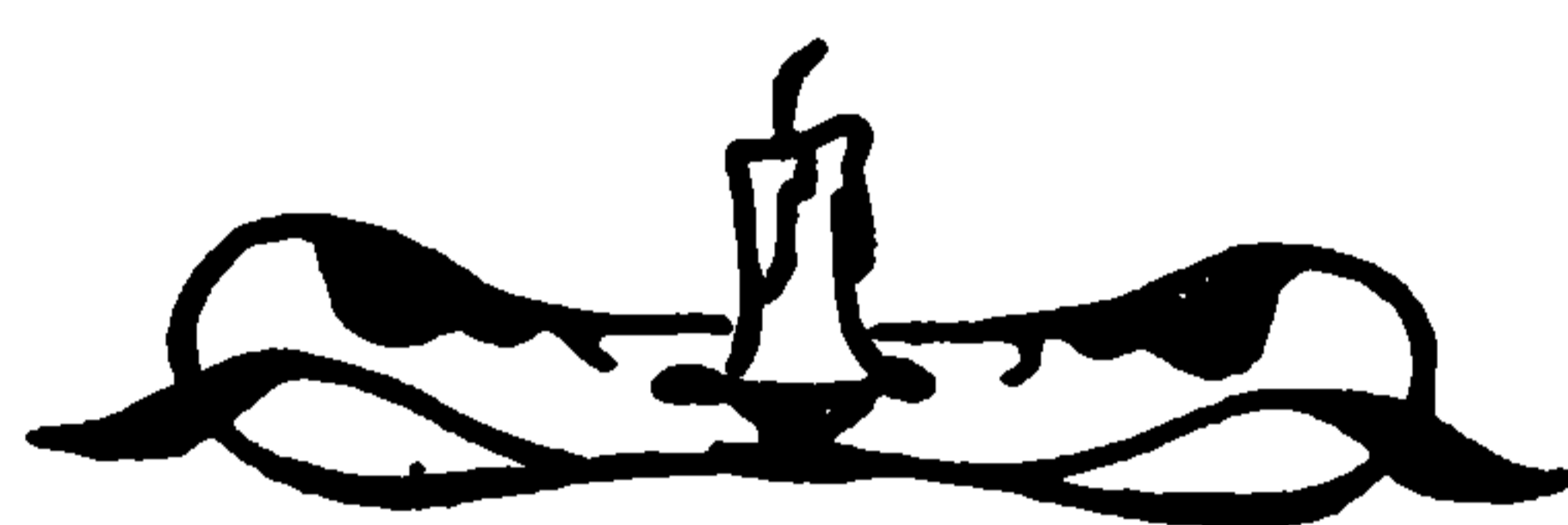

смысл ради того, чтобы сделаться людьми самыми дерзкими и безрассудными¹. Если они в глубине души скорбят о том, что недостаточно просвещены в этом отношении, то напрасно скрытничают: такое признание несколько не предосудительно. Стыдно только быть совершенным невеждой в этом вопросе. Ничто так не обличает крайней слабости ума, как непризнание всей силы несчастья безбожника. Ничто не доказывает так дурных наклонностей сердца, как нежелание видеть оправдавшимися вечные обеты. Самый трусливый тот, кто выказывает себя храбрцом перед Богом. Итак, пусть они предоставят это нечестье тем, которые действительно способны к нему вследствие своей испорченности: пусть, по крайней мере, будут честными людьми, если не могут быть христианами, и пусть, наконец, признают, что есть только два разряда людей, действительно рассудительных,— это или те, которые, уже зная Бога, служат Ему всем своим сердцем, или те, которые всем сердцем ищут Его, потому что Его не знают.

Но что касается живущих в неведении Бога и не старающихся обрести Его, то они сами себя считают так мало достойными собственных забот, что становятся недостойными и попечений со стороны других. Необходимо все человеколюбие презираемой ими религии, чтобы не презирать их до предоставления их собственному безумию. Эта религия обязывает смотреть на них, пока они живы, как на способных к восприятию могущей просветить их благодати, и веровать, что через короткое время они могут исполниться веры в большей мере, чем мы сами; мы же, напротив, можем впасть в ослепление, подобное тому, в котором находятся они. Следовательно, мы должны делать для них то, что желали бы, чтоб делали для нас, если бы мы были в их положении: должны убеждать их сжалиться над самими собой и сделать хотя несколько шагов ради попытки получить

вразумление. Пусть они отдадут этому чтению хотя небольшую часть того времени, которое так бесполезно тратят на другие занятия. Несмотря на их отвращение к такому чтению, они, может быть, найдут в нем кое-что, или, по крайней мере, много и не потеряют. Что же касается приступающих к чтению с совершенной искренностью и действительным желанием встретить истину, то я надеюсь, что они получат удовлетворение и собранными мной здесь доказательствами убедятся в истинности столь божественной религии.

Статья VIII

Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская религия

233

АША душа поселена в теле, где она находит число, время, протяжение. Она рассуждает об этом, называет это природой, необходимостью и иному верить не может¹.

Единица, прибавленная к бесконечному, ничем его не увеличивает, как один фут ничего не прибавит к бесконечной мере. Конечное уничтожается в присутствии бесконечного и становится чистым ничтожеством. Так и наш ум перед Богом; так и наше правосудие перед правосудием Божьим.

Божественной справедливости стоило бы быть столь же грандиозной, как и Божественное милосердие. Однако указанная справедливость, применяемая к отвергнутым, является все же чем-то менее захватывающим воображение и должна поражать нас гораздо меньше, нежели милосердие, предназначенное для избранных².

Мы знаем, что есть бесконечное, а природы его не знаем, как зная, что можно было бы считать числа конечными, не сомневаемся поэтому, что в числе есть бесконечное, но мы не знаем, каково оно. Неправильно считать его четным, равно неправильно и утверждать, что оно нечетно, так как с прибавлением к нему единицы оно нисколько не изменяется в своей природе. Между

тем, это — число, а всякое число четно или нечетно; таков, несомненно, характер всех конечных чисел.

Таким образом, можно хорошо знать, что Бог есть, не зная, что Он такое.

Почему, видя столько вещей, совершенно отличных от истины как таковой, мы не можем признать существование этой самой наисущественнейшей истины³?

Существование и природа конечного нам известны, потому что мы сами подобно ему конечны и имеем протяжение.

Таким образом, нам известны существование и природа конечного, поскольку мы сами конечны и протяженны. Мы знаем о существовании, но не ведаем природы бесконечного, поскольку последнее протяженно, как и мы, однако, в отличие от нас, не имеет пределов. Но мы не знаем ни существования, ни природы Бога, так как Он ни протяжения, ни границ не имеет.

Будем рассуждать теперь на основании природного рассудка*.

Если Бог есть, то Он окончательно непостижим, так как, не имея ни частей, ни пределов, Он не имеет никакого соотношения с нами. Поэтому мы неспособны познать, ни что Он, ни есть ли Он. Раз это так, кто осмелится взять на себя решение этого вопроса? Только не мы, не имеющие с ним никакого соотношения.

Как же после этого порицать христиан, что они не могут дать отчета в своем веровании, когда они сами признают, что их религия не такова, чтобы можно было давать в ней отчет? Они заявляют, что в мирском смысле это *безумие***⁴. А вы жалуетесь, что они вам не доказывают ее! Если бы стали доказывать, то не сдержали бы слова: именно это отсутствие с их стороны доказательств и говорит в пользу их разумности⁵.

---

* Т.е. вне света веры.

** Ср. I Кор. I, 19, а также II главу того же послания.

«Да, но если это извиняет тех, кто говорит, что религия недоказываема, и снимает с них упрек в непредставлении доказательств, то это самое не оправдывает принимающих ее».

Исследуем этот пункт и скажем: Бог есть или Бога нет. Но на которую сторону мы склонимся? Разум тут ничего решить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этого бесконечного расстояния разыгрывается игра, исход которой не известен. На что вы будете ставить? Разум здесь не при чем, он не может указать вам выбора. Поэтому не говорите, что сделавшие выбор заблуждаются, так как ничего об этом не знаете.

«Нет, но я порицал бы их не за то, что они сделали тот или другой выбор, а за то, что они вообще решились на выбор; так как одинаково заблуждаются и выбравшие чет, и выбравшие нечет. Самое верное совсем не играть».

Да, но делать ставку необходимо: не в вашей воле играть или не играть. На чем же вы остановитесь? Так как выбор сделать необходимо, то посмотрим, что представляет для вас меньше интереса: вы можете проиграть две вещи, истину и благо, и две вещи вам придется ставить на карту, ваши разум и волю, ваше познание и ваше блаженство; природа же ваша должна избегать двух вещей: ошибки и бедствия. Раз выбирать необходимо, то ваш разум не потерпит ущерба ни при том, ни при другом выборе. Это бесспорно; а ваше блаженство?

Взвесим выигрыш и проигрыш, ставя на то, что Бог есть. Возьмем два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потеряете ничего. Поэтому, не колеблясь, ставьте на то, что Он есть.

«Отлично, следует так поступить; но, может быть, я делаю слишком большую ставку?»

Посмотрим. Так как случайности выигрыша и потери одинаковы, то если бы вам представлялась возможность выиграть только две жизни за одну, то и тогда рискнуть

этой одной не было бы неразумно. А если бы можно было выиграть три жизни, риск был бы еще уместнее (так как вы в необходимости играть), и вы поступили бы неблагоприятно, не рискнув своей жизнью ради выигрыша трех жизней в такой игре, где случайности выигрыша и проигрыша одинаковы. Но есть вечная жизнь и вечное счастье. Поэтому было бы глупостью не поставить на карту конечного ради бесконечного, если бы даже из бесконечного числа случайностей одна только была на вашей стороне; не говоря уже об игре при одинаковых шансах за и против. Выигрыш и риск здесь уравновешены. Везде, где дано бесконечное и нет бесконечно великого риска проигрыша против вероятности выигрыша, там нечего взвешивать, а нужно отдавать все. Таким образом, будучи принуждены играть, мы, желая сохранить свою жизнь, вместо того чтобы рискнуть ею ради выигрыша бесконечного — столь же возможного, как и проигрыш ничтожества, — доказываем, что действуем вопреки рассудку.

Ни к чему не послужило бы возражение, будто рискуешь верным ради гадательного выигрыша и что бесконечное расстояние, отделяющее *несомненность* ставки от *сомнительности* выигрыша, равняется конечному благу, которое ставится несомненно ради сомнительного бесконечного. Это не так. Всякий игрок рискует с уверенностью ради выигрыша, в котором не уверен, и тем не менее он несомненно рискует конечным для сомнительного выигрыша конечного же, нисколько не погрешая этим против рассудка. Ложно думать, что между этой уверенностью в ставке и неуверенностью в выигрыше расстояние бесконечно. В действительности же бесконечность есть только между несомненностью выигрыша и несомненностью потери. Но сомнительность выигрыша пропорциональна несомненности ставки, как это вытекает из отношения случайностей выигрыша и потери. Отсюда выходит, что

если случайностей с одной стороны столько же, сколько и с другой, то идет партия равная против равной, и тогда уверенность в ставке равняется неуверенности в выигрыше. Таким образом, наше предложение бесконечно сильно, когда рисковать приходится конечным в игре, где случайности выигрыша и проигрыша одинаковы, и выигрышем может быть бесконечное. Это доказывается само собой; и если люди способны понимать какие-нибудь истины, это одна из них.

«Согласен и признаюсь в этом. Но нет ли возможности узнать оборотную сторону этой игры?»

Как же, для этого есть Писание и пр.

«Так, но у меня руки связаны, и я лишен возможности говорить; меня заставляют играть, и я лишен свободы: меня не выпускают, а я создан так, что не могу верить. Что же мне теперь делать?»

Это верно. Но поймите, по крайней мере, что вы бессильны верить, так как, несмотря на принуждение со стороны разума, вы все-таки верить не можете. Старайтесь же убедить себя не добыванием новых доказательств бытия Божия, а уменьшением своих страстей. Вы хотите достигнуть веры, а пути к ней не знаете; желая излечиться от неверия, просите лекарств. Спросите об этом у тех, которые, подобно вам, были связаны, а теперь жертвуют всем своим достоянием. Эти люди знают путь, которым вы намерены идти, и вылечились от недуга, от которого и вы хотите избавиться. Начните так же, как и они начали; а они начинали с того, что делали все так, как бы уже веровали: пили святую воду, заказывали обедни и т.д. От этого вы уверуете и поглупеете*⁶.

---

* Монтень сказал раньше Паскаля: *«Нужно сделаться безумным, чтобы умудриться»* (Опыты. Кн. II, гл. XII). Апост. Павел говорит: *«Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом»* (I Кор. III, 19).— Прим. Фожера.

«Но этого-то я и боюсь».

Почему же? Что вы этим теряете?

Верность этого средства для нашей цели доказывается уже способностью его смягчать страсти, служащие воле значительным препятствием и т.д.

Да и чего дурного можете вы опасаться от этого решения? Вы сделаетесь верным, честным, скромным, признательным, благодетельным, искренним, истинным другом. Действительно, вы отшатнетесь от заразительных удовольствий, славы, наслаждений; но разве вам нечем будет заменить их?

Я говорю вам, что останетесь в выигрыше в этой жизни; с каждым вашим шагом по этому пути вам будет представляться выигрыш столь несомненным, а риск — таким ничтожным, что вы, наконец, убедитесь, что держали пари на нечто действительно несомненное, бесконечное, за которое ничем не заплатились.

«О, я в восторге от этой беседы и т.д.».

Если эта речь вам нравится и кажется сильной, знайте, что она написана человеком, который до и после нее становился на колени и молился бесконечному Существо, коему он предается всецело, чтобы Он предал Себя и вас ради вашего блага и Его славы. Знайте, что сила в немощи совершается⁷.

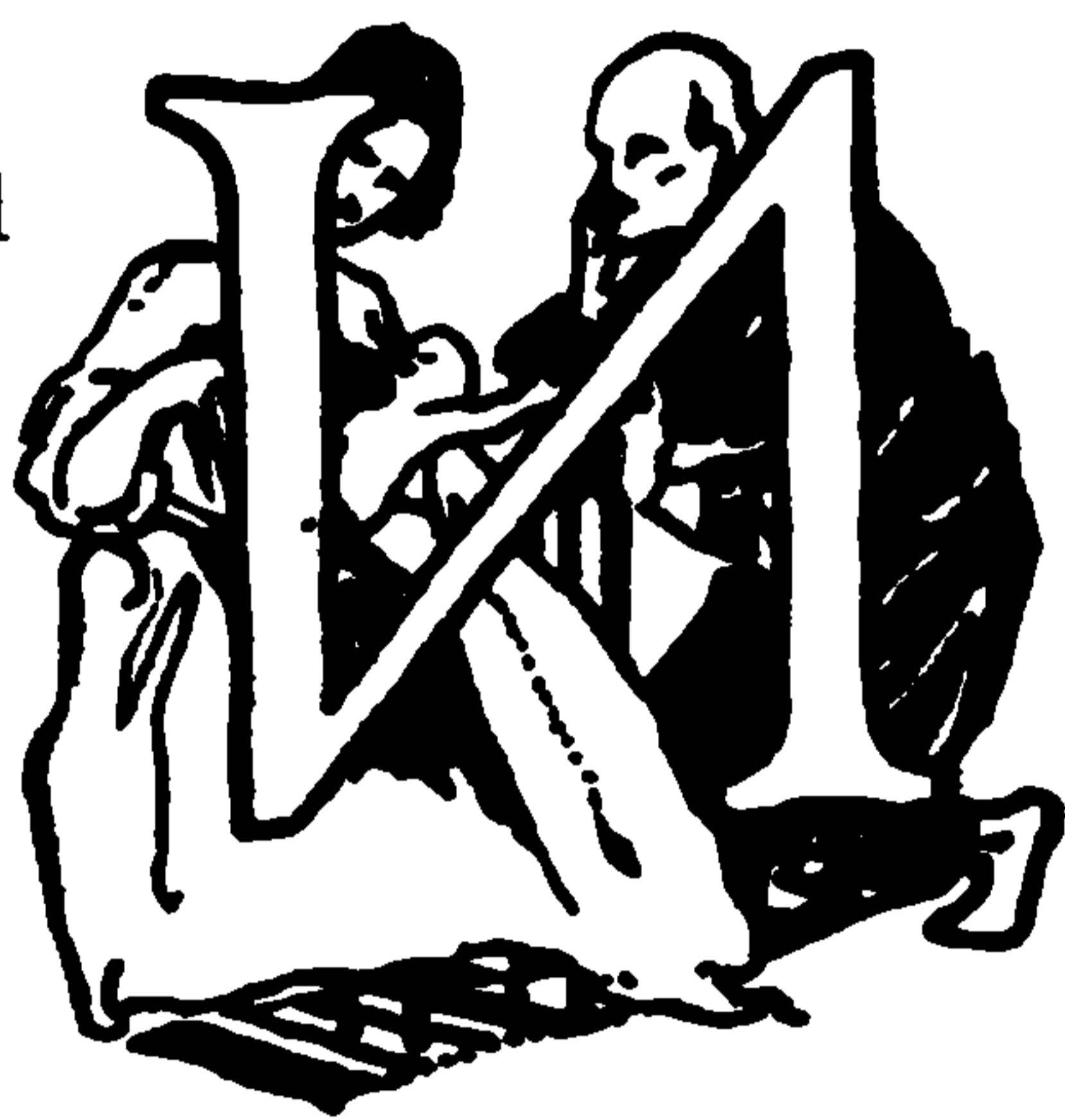

Статья IX

Признаки истинной религии

I

491

ИСТИННАЯ религия должна обязывать любить своего Бога. И это весьма справедливо; между тем, только одна наша религия возлагает эту обязанность. Она должна также признать греховность и немощность человека (самому достичь добродетели); наша религия это исполнила. Она должна дать к тому средства, одно из которых есть молитва. Никакая (другая) религия (никогда) не просила у Бога помощи в этой любви и послушании его воле.

II

442 Истинная природа человека, его истинное благо, истинная добродетель и истинная суть вещи, познание которых неразделимо.

III

433 Чтобы быть истинной, религии нужно знать нашу природу, знать наше величие и в то же время наше ничтожество, а равно и причину того и другого. Какая другая религия, кроме христианской, познала это?

IV

Другие религии, как, например, языческая, более до- 251
ступны для простого народа, ибо ограничиваются одной
внешней стороной, но непригодны для людей мыслящих.
Последним более соответствовала бы чисто умственная
религия: зато она не годилась бы для народа. Одна
христианская религия отвечает этим обоим требованиям:
в ней есть и внешняя, и внутренняя сторона. Она воз-
вышает народ до понимания ее внутреннего содержания
и принижает горделивых до внешней своей стороны; без
этого она была бы несовершенна, ибо необходимо, чтобы
народ понимал дух буквы, а мыслящие и рассуждающие
подчиняли свой ум букве. Внешность должна сопро- 250
вождать внутреннее настроение, чтобы не просить чего-
либо от Бога, т.е. нужно становиться на колени, молиться
устаами и т.д., так чтобы гордый человек, не хотевший
подчиниться Богу, подпал бы теперь в подчинение твари.
Ждать помощи от этой внешности было бы суеверием,
как нежелание присоединить ее к внутреннему содер-
жанию обличало бы гордость.

V

Никакая другая религия не учила человека ненавидеть 468
себя. Потому никакая другая религия не может нравиться
тем, которые ненавидят себя, ища существа, действительно
достойного любви. Такие люди, если бы никогда и не
слыхали о религии уничиженного Бога, приняли бы ее
немедленно. Ни одна религия (кроме христианской) не 431
признала в человеке самой совершенной и в то же время
самой жалкой твари. Одни, хорошо сознавая его совершен-
ства, считали низостью и неблагодарностью те невысокие
понятия, которые люди, естественно, имеют о себе; другие
же, вполне понимая всю справедливость невысокого поня-
тия о себе человека, встречали презрительной насмешкой

606 это одинаково свойственное ему сознание величия. Только наша религия научила, что человек рождается во грехе; никакая философская секта этого не сказала; стало быть, и ни одна не сказала правды.

Никогда на земле не существовало секты либо религии, подобных религии христианской.

VI

585 Если бы существовала только одна религия, то Бог был бы очень явен, как и в том случае, если бы мученики были только в нашей религии.

VII

585 Так как Бог сокровен, то всякая религия, которая не говорит, что Бог сокровен, и не объясняет этого, ложна и непоучительна. Наша вера, напротив, говорит: *Истинно Ты Бог сокровенный**.

613 Эта религия, заключающаяся в веровании, что человек из состояния славы и общения с Богом впал в состояние печали, раскаяния и удаления от Бога, но что после этой жизни мы будем восстановлены (в наше первобытное состояние) имеющим явиться Мессией,— существовала всегда на земле. Все миновало, не миновала только эта вера, ради которой все существует. Люди в первые века бытия совратились во всякое беззаконие, непорядок, но в то же время между ними были святые, как Енох, Ламех и другие, которые терпеливо ждали Христа, обещанного от начала мира. Ной был свидетелем высочайшей степени человеческой злобы и удостоился быть восстановителем человечества, нося в себе надежду о Мессии, коего он был образом. Авраам был окружен язычниками, когда Бог сообщил ему тайну пришествия Мессии, которого он приветствовал издали**. Во времена Исаака и Иакова

---

* Ис. XLV, 15.

** Иоан. VIII, 56.

идолопоклонство было распространено по всей земле, но эти святые пребывали в вере, и Иаков, умирая и благословляя своих детей, охваченный священным восторгом, который заставляет его прервать свою речь, восклицает: «Спасения твоего ожидаю, Господи*!»

Египтяне были заражены идолопоклонством и магией; даже сам народ Божий был увлечен их примером. Однако Моисей и другие веровали в Того, Кто был сокрыт от глаз их, и поклонялись Ему ради вечных благ, Им для них уготованных.

Затем ложные божества господствовали у греков и римлян; поэты их сочинили сотню различных теологий, философы разделились на тысячи всевозможных сект, а в то же время в сердце Иудеи постоянно являлись избранные люди, носившие в себе и проповедовавшие мысль о пришествии только им известного Мессии.

Наконец, по совершении времен, Он явился; и с тех пор родилось столько схизм и ересей, пало столько государств, произошло столько перемен во всем, а Церковь, поклоняющаяся Тому, Кто не переставал быть предметом поклонения, просуществовала без перемены. Замечательно, несравнимо и вполне божественно то, что эта непрерывно пребывающая религия подвергалась постоянным нападениям. Тысячу раз она была накануне полного разрушения, и всякий раз, когда находилась в таком положении, Бог воздвигал ее чрезвычайными средствами Своего могущества. Вот что изумительно, а также и то, что она прибыла, не преклоняясь и не падая под властью тиранов.

Государства не могли бы существовать, если бы часто не подчиняли своих законов силе необходимости. Но

614

---

* Быт. XLIX, 18. Эти слова на самом деле не имеют никакого видимого отношения ни к предшествующему, ни к последующему (заметка Авэ). Нам, напротив, они кажутся вполне уместными, как подтверждающие и в Иакове пребывание надежды на будущего Искупителя.

религия никогда не испытывала этого и не прибегала к такому средству. Для государств необходимо это приноравливание к обстоятельствам, или нужно бывает чудо, чтобы спасти их. Неудивительно сохранить себя через подчинение необходимости, и это еще не значит собственно соблюсти себя. В конце концов государства все-таки разрушаются. Религия же, пребывшая нерушимой и непреклонной при всех обстоятельствах, уже одним этим доказывает свою божественность.

VIII

857 Слишком неясна была бы истина, если бы не имела видимых признаков. Из таковых чудесен тот, что она всегда сохранялась в Церкви и видимом обществе. Наоборот, истина была бы слишком ярка, очевидна, если бы в этой Церкви было только *одно* мнение; но, чтобы узнать, какое мнение истинно, нужно только распознать то, которое было во все времена, ибо несомненно, что истинное мнение всегда в ней пребывало, ложное же всегда было непрочным и с течением времени погибало.

616 Таким образом, вера в Мессию существовала всегда и непрерывно. Предание об Адаме было еще живо в Ное и Моисее. Затем Мессию предвозвещали пророки, предсказывая и многие другие события, которые, совершаясь от времени до времени в глазах людей, свидетельствовали об истинности служения пророков, а следовательно, и о неложности их обещаний касательно Мессии.

Иисус Христос творил чудеса, равно и апостолы, которые обратили всех язычников; и таким путем все пророчества исполнились, доказав навсегда истинность Мессии.

IX

693 Я вижу несколько противоположных, а следовательно, и ложных религий, за исключением одной. Каждая из

них хочет уверить в себе своим собственным авторитетом и угрожает неверным. Я не даю им веры. Всякий может говорить так, каждый может выдавать себя за пророка. Но в христианской религии я нахожу пророчества и их исполнение, чего нет ни в какой другой религии.

X

Единственная религия, противная природе в нынешнем 605
ее состоянии, отвергающая все наши удовольствия и
кажущаяся на первый взгляд несогласной со здравым
смыслом, одна только и пребывала на земле постоянно.

XI

Весь ход вещей должен иметь предметом утверждение 556
и величие религии; люди должны иметь в самих себе
чувства, согласные с ее учением; наконец, она настолько
должна быть предметом и средоточием всех стремлений,
чтобы познавший ее учение мог уяснить себе как всю
природу человека в частности, так и всю внутреннюю
историю человечества вообще.

Нечестивцы хулят христианскую веру, потому что плохо знают ее¹. Они воображают, что она состоит только в поклонении Богу великому, могущественному и вечному. В этом собственно заключается деизм², почти столь же далекий от христианской религии, как и атеизм, вполне противоположный первому. Отсюда они заключают, что эта религия не истинная, не видя, как все клонится к установлению того положения, что Бог не обнаруживает себя людям в той мере, как бы Он мог.

Но к каким бы заключениям они ни прибегали относительно деизма, они не будут в состоянии ничего противопоставить религии христианской, заключающейся, собственно, в тайне Искупителя, который, соединяя в Себе обе природы, божескую и человеческую, освободил

людей от повреждения греха, чтобы примирить их с Богом в Своей божественной личности.

Она указывает человеку одновременно две истины: что существует Бог, к которому он может приблизиться, и что, с другой стороны, есть повреждение в природе человека, делающее его недостойным Бога. Равно важно людям знать то и другое: одинаково опасно для человека знать Бога, не зная своего ничтожества, и знать свое ничтожество, не ведая могущего исцелить его Искупителя. Одно из этих познаний без другого производит или гордость философов, ведавших Бога, но не сознававших своего ничтожества, или безнадежность атеистов, сознающих свое ничтожество без надежды от него избавиться. Таким образом, как с одной стороны человеку равно необходимо знать обе эти истины, так равно необходимо было милосердию Божию привести нас к познанию их, что и делает христианская религия, и в этом она заключается. Пусть исследуют порядок мира в этом отношении, тогда увидят, что все клонится к установлению этих двух основных начал христианской веры*.

XII

450 Только слепой не нашел бы нас исполненными высокомерия, тщеславия, похотей, слабостей, ничтожества и неправды. Что можно сказать о человеке, который, сознавая все это, не хочет избавления? Как можно не уважать религию, столь хорошо знающую наши недостатки? Как не желать оправдания ее истины, когда она обещает нам столь желанное исцеление?

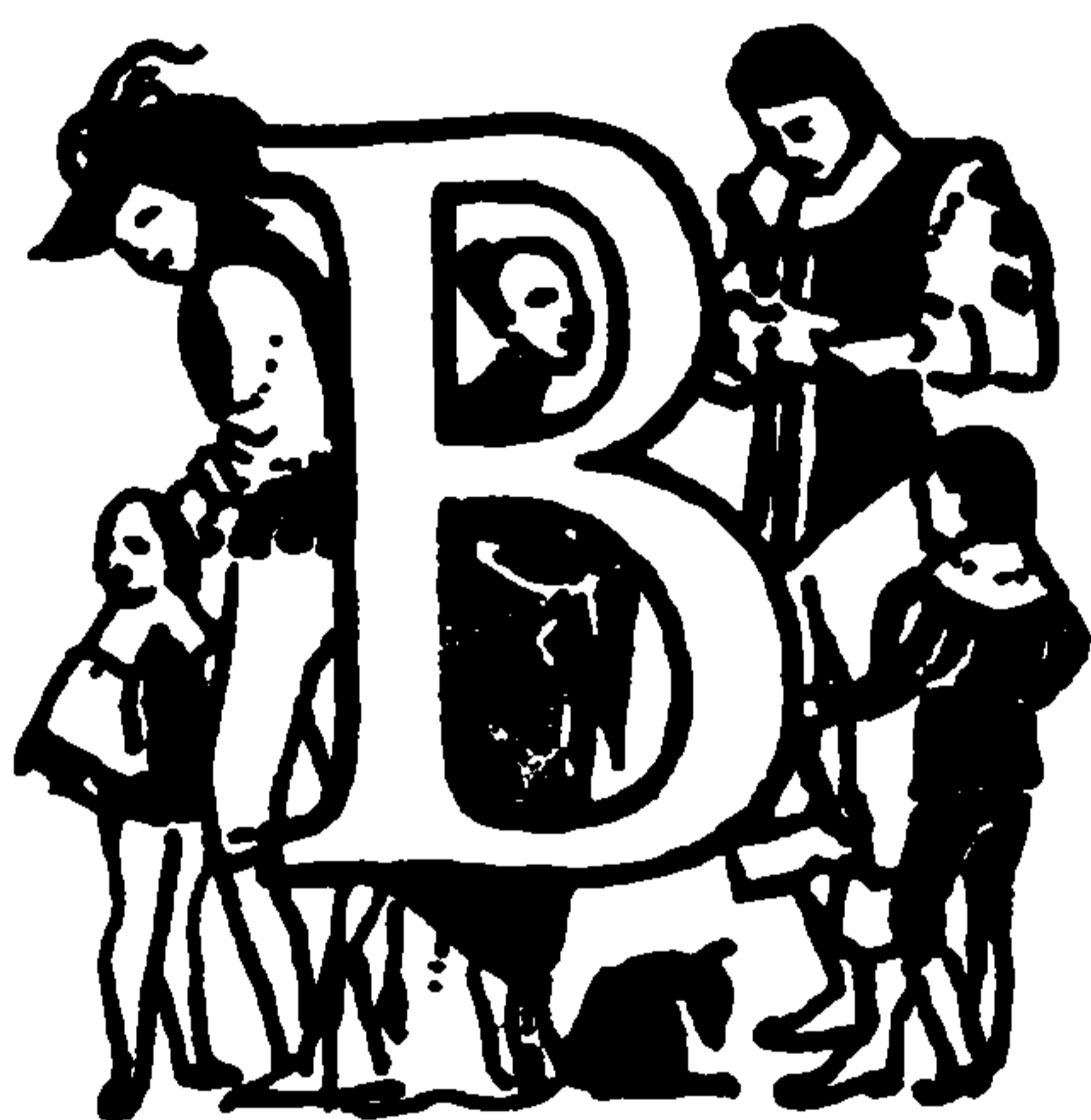
---

* Т.е. первородного греха и Искупления.

Статья X
**Истинная религия доказывается
заключающимися в человеке
противоположностями
и первородным грехом**

I¹

ЕЛИКИЕ и жалкие стороны настолько 430
заметны в человеке, что истинная религия
необходимо должна объяснить какими-ни-
будь важными причинами это одновре-
менное величие и ничтожество.

Если все имеет одну причину и все ве-
дет к одной цели, то дело истинной религии научить
нас почитать и любить только одну эту цель. Но так
как мы не в состоянии почитать то, чего не знаем, а
любить можем только самих себя, то необходимо, чтобы
религия, указывая нам эти обязанности, указала нам также
нашу несостоятельность и научила нас, как помочь ей.

Чтобы сделать человека счастливым, она должна пока-
зать ему, что есть Бог, что мы обязаны любить Его, что
наше истинное благо пребывать в Нем и наше един-
ственное несчастье быть в разлучении с Ним; что мы
полны мрака, мешающего нам познавать и любить Его,
и что, таким образом, мы окончательно неправы, не
исполняя своего долга любви к Богу, а подчиняясь вле-
чениям плоти. Она должна объяснить нам причину про-
тивления нашего Богу и собственному благу; указать нам
средства. Испытайте в этом отношении все религии мира,

и вы не найдете ни одной, кроме христианской, которая удовлетворяла бы этим требованиям.

Не укажут ли нам на философов, которые говорят, что все благо заключается в нас самих? Истинное ли это благо? Нашли ли они средство против наших зол? Приравнять человека к Богу, значит ли исцелить его самонадеянность? Ставлящие нас наравне с животными и магометане, полагающие все благо человека в удовлетворении его плотских склонностей даже и в будущей вечной жизни,— разве они дали нам средство против наших плотских вожделений? Поднимите ваши взоры к Богу, говорят одни, посмотрите на Того, которому вы уподоблены и который создал вас для поклонения Ему; мудрость уравнивает вас с Божеством, если вы будете ей следовать. «Возвысь чело, свободный человек»,— призывает Эпиктет (Беседы. XVII, 20). Другие же говорят: опусти взор долу, ничтожный червь, и посмотри на животных, твоих сородичей.

Что же будет с человеком? Приравняется ли он Богу или животному? Какое страшное расстояние! Что же станется с нами? Одно может быть заключение из всего этого, что человек заблудился, что он упал со своего места, ищет его с беспокойством и не может найти. Кто укажет ему дорогу? Самые великие люди не могли этого сделать. Какая религия научит нас исцелить гордость и привязанность к нашей плоти? Какая религия, наконец, укажет нам наше благо, наши обязанности, слабости, отвлекающие нас от их исполнения, причину этих слабостей, лекарства к уврачеванию последних и средство добыть таковые. Все другие религии оказались бессильными в этом отношении. Но вот что говорит нам Премудрость Божия:

«Напрасно, о люди, ищете вы в самих себе средств против ваших несчастий. Весь ваш разум может прийти только к сознанию, что в самих себе вы не найдете ни

истины, ни блага. Философы обещали вам это, но не могли исполнить своего обещания. Они не знают ни вашего истинного блага, ни вашего истинного положения. Как могли бы они дать средства против болезней, которых сами не познали? Ваши главные недуги — гордость, отвлекающая вас от Бога, и чувственность, привязывающая вас к земле: а они, если и старались излечить, то лишь от одного из этих недугов. Если они обращали ваше внимание на Бога, то только для того, чтобы дать пищу вашему высокомерию. Они заставили вас думать, что вы подобны Ему по своей природе. Те же, которые видели тщету этих притязаний, бросили вас в другую пропасть, убеждая вас, что ваша природа одинакова с животными, и научили вас искать блага в удовлетворении одних плотских стремлений, составляющих удел животных. Не такими средствами могут быть исцелены ваши неправды, которых эти судьи и не знали совсем. Не ждите, говорит Премудрость, ни истины, ни утешения от людей. Я одна создала вас и одна могу сказать вам, кто вы. Но вы уже не в том состоянии, как Я создала вас. Я сотворила человека святым, невинным, совершенным; Я наполнила его светом и разумением; Я сообщила ему Свою славу и Свои превосходства. Глаз человека созерцал тогда величие Божие. Он не был тогда во мраке, который его теперь ослепляет, не был подвержен удручающим его ныне смерти и печалям. Но он не смог вынести столько славы, не впад в самомнение. Он захотел сделаться средоточием самого себя и независимым от Моей помощи. Он вышел из Моего повиновения, и, уподобляясь Мне в желании находить блаженство в самом себе, был покинут Мной. Возбудив подчиненную ему тварь, Я сделала из нее врагов ему, так что ныне человек сам стал подобен зверям и настолько удален от Меня, что у него осталось лишь смутное понятие о его Творце, — так затемнены и изглажены его понятия! Чувства, не зависящие от разума

и часто подчиняющие его себе, увлекли его к исканию наслаждений. Всякая тварь или вредит ему, или его искушает: господствует над ним, подчиняя его себе силой или обольщая своими прелестями, что еще ужаснее и непреоборимее».

«Вот в каком состоянии находятся теперь люди. У них остается некоторое представление о счастье их первобытного состояния, но они повергнуты в бедствия своего ослепления и плотских побуждений, сделавшихся их второй природой».

«Из этого открытого вам Мной начала вы можете узнать причину стольких противоречий в вашей природе, составлявших предмет удивления людей и приводивших их к столь различным воззрениям. Обратите теперь внимание на всевозможные побуждения к величию и славе в человеке, которых не могло искоренить в нем все сознание испытываемых им бедствий и ничтожества, и рассудите, не следует ли причину этого искать в какой-либо иной природе».

II

434 Удивительно, между тем, что самая непостижимая для нашего разума тайна — преемственность, или наследственность, первородного греха — и есть именно то, без чего мы никоим образом не можем познать себя! И действительно, ничто не противоречит так нашему разуму, как ответственность за грех первого человека тех, которые, будучи столько удалены от первовиновника греха, никак, по-видимому, не могут нести вины за него. Эта наследственность вины кажется нам не только невозможной, но и крайне несправедливой: с нашим жалким правосудием никак не согласуется вечное осуждение неспособного сына за грех, в котором он принимал, по-видимому, так мало участия, — как в событии, совершившемся за несколько тысяч лет ранее его появления на

свет. Конечно, такое учение поразительно для нас; но без этой тайны, самой таинственной из тайн, мы не будем понятны самим себе. Вся наша жизнь, все наши действия вращаются в глубине этой тайны; так что без нее человек еще непостижимее самой тайны.

Первородный грех есть безумие в глазах людей, но я этого не отрицаю. Вы не можете, стало быть, упрекнуть меня в неразумии за это учение, так как я выдаю его за безумное. Но это безумие мудрее человека (I Кор. 1: 25). Ибо без этого учения как определить, что такое человек? Все состояние его зависит от этой незаметной точки. И как бы он заметил ее своим разумом, когда эта вещь выше его разума и когда разум его, весьма далекий от возможности открыть ее доступными ему путями, отдаляется от нее тотчас же, как ее укажут ему? 445

III

Так как оба эти состояния (невинности и растления) налицо, то вам нельзя не признать их. Следите за собой, и вы найдете несомненные признаки этих двух природ. Могло ли бы столько противоречий заключаться в простом существе? 430

Эта двойственность в человеке так заметна, что были люди, полагавшие в нем две души; простое существо казалось им неспособным проявлять такое разнообразие — безмерную гордость и страшное унижение. 417

Эти-то противоположности, наиболее удалявшие меня, по-видимому, от понимания религии, и привели меня скорее всего к признанию ее истинности. 424

Признаюсь, коль скоро христианская религия открывает ту истину, что природа человеческая испорчена и отпала от Бога, она, вместе с тем, делает доступным моему взору повсюду обнаруживающиеся признаки этой истины; ибо указанная природа, как в человеке, так и 441

вне человека, повсюду свидетельствует об утраченном Боге и о некоей естественной испорченности человека.

435 Без этих Божественных указаний что могли сделать люди? Они или возносились чрезмерно под влиянием остававшегося в них внутреннего ощущения о былом величии, или пресмыкались ввиду своей настоящей немощи. Не видя всей истины, они не могли достигнуть совершенной добродетели. В силу признания своей природы, неповрежденной одними и неисправимой другими, они впали или в гордость, или в леность, порождающие все остальные пороки, будучи не в состоянии или не предаться им по малодушию, или избавиться от них по гордости. Зная превосходство человека, люди не знали его поврежденности; а это заставляло их избегать лености, но зато вводило в самомнение. Если же они сознавали испорченность своей природы, то не разумели ее достоинств и, избегая таким образом тщеславия, повергались в отчаяние.

Таким путем возникли секты стоиков и эпикурейцев, догматиков и академиков и т.д. Одна христианская религия могла исцелить оба эти порока — и не мудростью земной, а простотой Евангелия. Справедливым и правым она поведала, что может возвысить до общения с самим Божеством, хотя и в этом состоянии они еще носят в себе источник растления, который в течение всей жизни подвергает их заблуждению, бедствиям, смерти, греху; нечестивым же она обещает возможность спастись милосердием их Искупителя. Таким образом, заставляя трепетать оправдываемых и утешая осуждаемых ею, она так справедливо умеряет страх надеждой, указывая на общую всем способность грешить и возможность помилования, что, не толкая человека в отчаяние, она смиряет его бесконечно сильнее, чем бы это мог сделать один человеческий ум. С другой стороны, она бесконечно больше естественной гордости возвышает человека, не допуская

его до кичливости. Такими средствами она доказывает, что ей одной, свободной от греха заблуждения, приличествует служить наставницей и исправительницей людей.

Кто же может не уверовать и не поклониться этому небесному свету? Не яснее ли дня, что мы чувствуем в себе неизгладимый признак величия и неодинаково ли верно, что мы ежечасно испытываем последствия нашего жалкого состояния? Разве в этом хаосе и в этом чудовищном смятении не слышится нам незаглушимый голос истины о раздвоенности нашей природы?

IV

Мы не понимаем ни славного состояния Адама, ни (сущности) его греха, ни происшедшей в нас от того перемены. Свершились эти события при условиях, совершенно отличных от наших, которых постичь мы не в силах. Да это нам и не нужно знать, чтобы выйти из нашего жалкого положения: для нас важно убедиться, что мы действительно жалки, повреждены, разлучены с Богом, но искуплены Иисусом Христом: а на это есть на земле замечательные доказательства. 560

V

Христианство странно: оно повелевает человеку признать себя ничтожным, даже презренным и в то же время повелевает ему уподобляться Богу. Без такого противовеса это возвышение сделало бы его безмерно тщеславным, а принижение — отвратительным до последней степени. 537

VI

Унижение доводит до отчаяния, величие внушает высокомерие. 526

О степени нашей поврежденности можно судить уже по тому, что для восстановления человека потребовалось столь великое средство, как воплощение Сына Божьего.

VII

529 В христианской религии нет унижения, которое делало бы нас неспособными к добру, как нет святости, свободной от зла.

524 Нет иного более соответствующего человеку учения, как учение христианское, которое указывает ему его двойную способность получать и терять благодать, в силу двойной постоянно угрожающей ему опасности — отчаяния или гордости.

VIII

525 Философы не возбуждали чувств, соответственных этим двум состояниям вместе; они, вопреки действительному состоянию, внушали побуждения или одного величия, или одного унижения. Требуется же самоунижение не по природе, а как покаяние; не для того, чтобы пребывать в нем, но чтобы восходить к величию. Равно желательны побуждения величия, не по заслуге, а по благодати и через унижение.

IX

541 Ни один человек так не счастлив, так не разумен, так не добродетелен и достоин любви, как истинный христианин. Как мало гордится он верой в возможность своего единения с Богом! Как мало возмущается, сравнивая себя с червем земным!

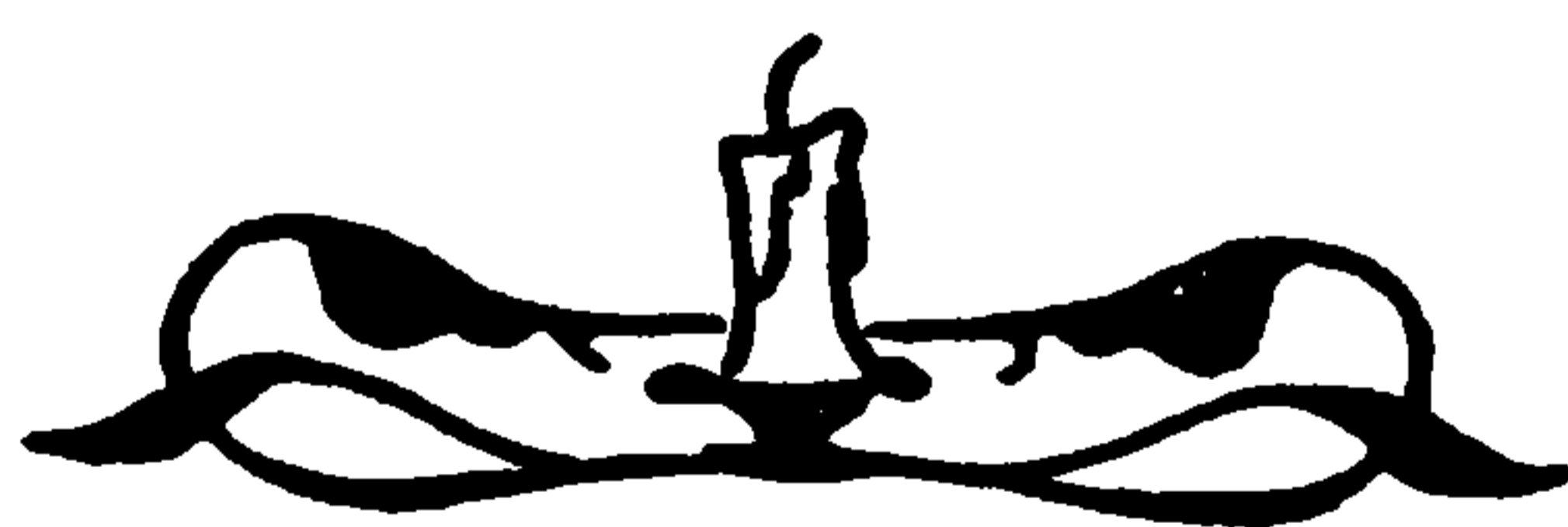
538 Вот поистине великолепный способ восприятия жизни и смерти, благ и бедствий!

X. «Невероятно, чтобы Бог соединялся с нами»

430 Говорить так можно только ввиду нашего ничтожества. Но если такое воззрение ваше искренне, то идите дальше в этом же смысле и признайте вместе со мной, что мы действительно так низки, ничтожны, что сами никак не в состоянии судить, может или не может Его милосердие

сделать вас способными к общению с Ним. Мне весьма хотелось бы знать, откуда тварь, признающая себя столь слабой, получила право измерять милосердие Божье и ставить ему пределы по своему усмотрению. Так же мало зная Бога, как и самого себя, и столь смущаясь видом собственного своего состояния, человек дерзает говорить, будто Бог не может дать ему возможности общения с Ним! Еще я спросил бы, требует ли Бог от познавшего Его чего-либо, кроме любви к Себе, и почему он думает, что Бог не может сделать Себя доступным познанию и любви. Если он что-либо видит в окружающем его мраке и находит какой-нибудь предмет для своей любви из числа земных вещей, почему, если Бог несколько осветит ему Свое существо, не будет он в состоянии познать и любить Его так, что Богу благоугодно будет допустить его к общению с Собой? В подобного рода рассуждениях несомненно высказывается невыносимое высокомерие, хотя, по-видимому, они основываются на кажущейся скромности; будь смирение это искреннее и правдиво, оно призналось бы, что, не зная сами нашего существа, мы можем получить это знание только от Бога.

Статья XI

Подчинение и власть разума

I

267

ОСЛЕДНИМ выводом разума должно быть признание, что существует бесчисленное множество вещей, его превосходящих. Слаб тот разум, который не доходит до этого сознания. Если столько естественных вещей превышает пределы

его понимания, то что сказать о вещах сверхъестественных? Нужно где следует сомневаться, где следует утверждать и где следует подчиняться. Кто не поступает так, тот не знает силы разума. Есть люди, грешащие против этих трех правил: они или считают все нетребующим доказательств, потому что не умеют доказывать, или во всем сомневаются, в чем бы следовало подчиняться, или, наконец, подчиняются во всем, не зная, где следует обратиться к рассудку.

II

273 Если все подчиним рассудку, то наша религия не будет иметь ничего таинственного и сверхъестественного. Если же пренебречь началами разума, то она покажется нелепой и смешной.

270 Разум, говорит блаженный Августин, никогда бы не подчинился, если бы не признавал, что есть случаи, где

он должен подчинять. Стало быть, он справедлив, подчиняясь там, где находит это нужным.

III¹

Благочестие отличается от суеверия. Доводить благочестие до суеверия значит разрушить его. Еретики упрекают нас в этом суеверном подчинении. Справедлив был бы упрек, если бы мы требовали этого подчинения в таких вещах, где оно неуместно. 255

Ничто так не согласно с рассудком, как отречение от рассудка <в предметах веры, и ничто так не противоречит разуму, как отречение от него в вещах, не составляющих предметов веры>. Исключать разум вполне или признавать только один разум — две крайности, <одинаково опасные>. 272 253

IV

Вера, конечно, открывает нам нечто, чего через чувства мы познать не можем, но никогда им не противоречит. Она выше их, а не против них. 265

V

Некоторые говорят: «Если бы я увидел чудо, я бы уверовал». Как могут эти люди уверять, что сделают то, чего не знают? Они воображают, что вера заключается в поклонении Богу, который как будто делает из этого предмет торговли, и как будто веровать и поклоняться Богу следует так, как они воображают. Уверовать в Бога значит признавать себя ничтожеством перед этим вечным Существом, которого гнев мы столько раз на себя навлекли и которое, по всей справедливости, может каждую минуту нас уничтожить; необходимо сознаться, что без Него мы бессильны, что, кроме немилости Его, мы ничего от Него не заслужили. Вера состоит в признании, что между нами и Богом существует непреодолимое препятствие, которое без посредника устранено быть не может. 470

VI

284 Не удивляйтесь простым людям, верящим без рассуждений. Бог внушает им любовь к Нему и презрение к самим себе. Он склоняет к вере их сердца. Верой и упованием не наполнится сердце, без помощи Божьей. Давид несомненно знал это, если так обращался к Богу: *Приклони сердце мое к откровениям Твоим* (Ис. СХVIII, 36).

VII

286 Те, которые веруют, не читав ни Ветхого, ни Нового Завета, имеют к тому внутреннее, вполне святое расположение; и то, что они слышат о нашей религии, вполне с этим чувством согласуется. Они чувствуют, что их создал Бог: они хотят любить только одного Бога, а презирать только самих себя. Они чувствуют, что это расположение их не от них самих, что они неспособны приблизиться к Богу, и если Бог сам не приблизится к ним, они не могут иметь никакого общения с Ним. В учении нашей религии они также слышат, что следует любить только Бога, а презирать только себя; но так как мы повреждены грехом и не способны принять Бога, то Бог сам сделался человеком, чтобы соединиться с нами. Этого достаточно для убеждения тех, которые имеют такое расположение в сердце и сознают свой долг и свою немощь.

VIII

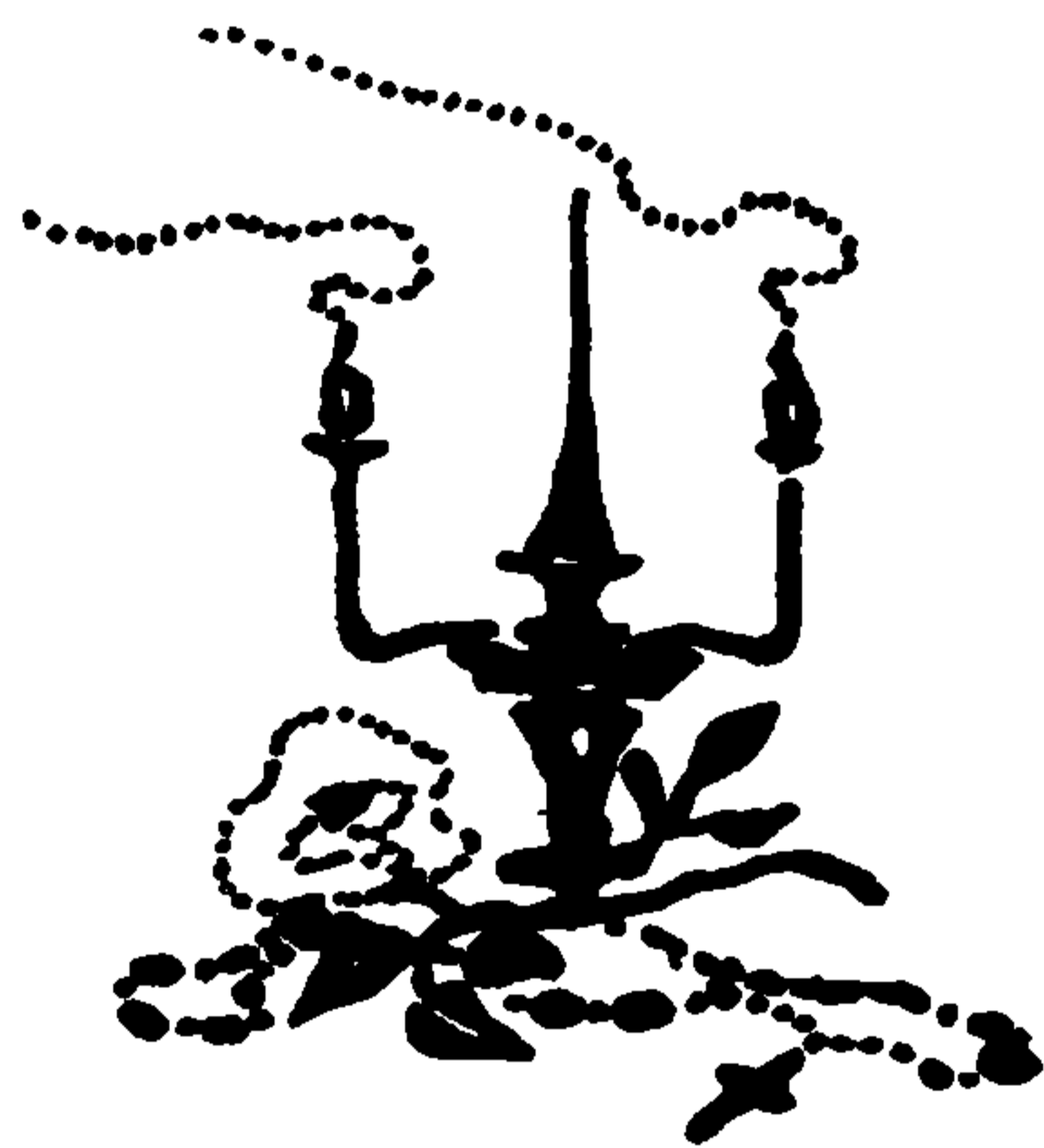
287 Христиане, не знающие пророчеств и доказательств, могут так же хорошо судить о них, как и знающие. Они рассуждают сердцем, как другие умом. Сам Бог внушает им веру, и оттого вера их весьма действительна.

Согласен, что, может быть, тот или другой из христиан, верующих без доказательств, не найдется чем убедить неверующего, который уже сам кое-что знает. Но человек, знакомый с доказательствами религии, без труда докажет,

что этот верующий действительно вдохновлен Богом, хотя сам и не может доказать этого.

Ибо если сказано Господом в пророчествах (которые суть несомненные пророчества), что в царстве Иисуса Христа Он распространит свой дух на народы, дабы сыновья и дочери, все дети церкви могли пророчествовать¹, то несомненным выглядит факт нисхождения Божьего Духа на этих последних, но не на остальную часть человечества.

Статья XII

Изображение человека, который, испытав тщетность усилий обрести Бога одним разумом, начал читать Писание

I

693

ИДЯ ослепление и жалкое состояние человека (а равно обнаруживающиеся в его природе удивительные противоречия), видя, что вселенная безмолвна, а человек лишен света, предоставлен самому себе, как бы заблудился в этом уголке мира, не зная, кто и для чего его привел сюда и что с ним будет по смерти,— видя все это, я прихожу в ужас подобно человеку, которого сонного перенесли на пустынный, дикий остров и который, проснувшись, не может понять, где он находится и как ему уйти с этого острова. Удивительно, как люди не приходят в отчаяние от такого ужасного положения! Я вижу других в состоянии, подобном моему, обращаюсь к ним с вопросом, больше ли меня они сведущи; они отвечают, что нет, а затем, эти несчастные заблудившиеся, осмотревшись и заметив несколько привлекательных предметов, не замедлили им отдаться и привязались к ним. Что меня касается, я не мог удовольствоваться этим и, сообразив, что, по всей вероятности, есть многое, помимо видимого мной, начал искать, не оставил ли Бог, о котором говорит весь мир, каких-либо следов своего существования.

Я вижу множество религий в разных частях мира и во все времена истории. Но они не содержат ни нравственных учений, которые бы могли привлечь меня, ни свидетельств истины¹, достойных внимания: так что я одинаково отказался бы от религии Магомета, как и от религии Китая, древних римлян или египтян, по той единственной причине, что так как ни одна из них не имеет признаков истинности более другой, то и разум мой не может дать предпочтения ни одной из них. 619

Но рассматривая таким образом это изменение и странное разнообразие нравственных понятий и верований в различные эпохи, я нахожу в одном уголке света народ, отделенный от всех других народов земли и самый древний из них, с историей, на несколько столетий предшествующей самым древним из известных нам историй. Я нахожу, что этот народ, велик и многочислен, произошел от одного человека, поклоняется единому Богу и руководится законом, который считает полученным от Него Самого. Этот народ утверждает, что ему одному из всех народов земных Бог открыл Свои тайны, что все человечество повреждено и находится под гневом Божьим, что оно предоставлено своим чувствам и своему собственному разуму, отчего в нем и происходят те странные заблуждения и постоянные перемены в религиях и обычаях, тогда как этот народ остается неизменным в своем поведении. Он уверяет, что Бог не навсегда оставит другие народы в этом мраке, а пошлет Избавителя для всех, что этот народ сам существует на свете, чтобы возвещать о Нем, создан с прямой целью быть глашатаем этого великого события и призвать другие народы соединиться с ним в ожидании этого Искупителя.

Народ с такой странной и необыкновенной историей невольно останавливает на себе мое внимание. 620

Сначала я вижу, что он весь состоит из братьев, и тогда как все другие народы образуются соединением

множества семейств, он, несмотря на свою удивительную многочисленность, произошел от одного человека. Составляя таким образом как бы одну общую плоть и члены друг друга², они из одной семьи создают могущественное царство. Такое явление нельзя не назвать единственным в своем роде.

Насколько доступно человеческому знанию, это семейство, или этот народ самый древний на свете. Этим-то он, на мой взгляд, и заслуживает особого уважения, главным образом, в смысле нашего настоящего исследования, ибо, если когда-либо Бог входил в общение с людьми, то, очевидно, именно к этому народу следует обратиться за сведениями о таком событии.

Этот народ весьма замечателен не только по своей древности, но и по продолжительности своего существования — от времени своего происхождения и до наших дней, потому что когда народы Греции и Италии, Лакедемона, Афин, Рима и другие, появившиеся гораздо позже, уже давно исчезли, этот народ все еще существует. Несмотря на неоднократные стремления могущественнейших государей стереть его с лица земли, как свидетельствуют их летописцы и как легко предположить по обыкновенному порядку вещей, он сохранился в течение столь многих столетий. Простираясь от самых первых до самых последних времен, история его в своем течении обнимает продолжительность всех известных нам историй.

619 Рассматриваю закон, который выдается этим народом за полученный им от Бога, и нахожу его удивительным; это первый из всех законов, и настолько прочный, что, когда самого слова *закон* еще не существовало у греков, евреи уже около тысячи лет имели его и хранили без перерыва. Мне также кажется удивительным, что первый существовавший в мире закон был настолько совершенен, что самые великие законодатели брали его за образец; отсюда вышел закон двенадцати таблиц в Афинах³, за-

имствованный впоследствии Римом. Доказать это было бы не трудно, но Иосиф (Флавий)⁴ и другие достаточно написали об этом предмете.

Книга, возвестившая об упомянутом законе, первом из всех, сама является наиболее древней в мире. Книги Гомера, Гесиода и др. были созданы 600—700 лет спустя⁵.

Тот закон⁶, которым указанный народ руководствовался, есть абсолютно наидревнейший в мире закон, наиболее совершенный и единственный, непрерывно сберегавшийся в одном и том же состоянии. Именно это великолепно демонстрируют Иосиф («Против Апиона»), а также Филон Иудей в различных местах своих произведений. Означенные авторы дают увидеть, что закон сей является столь старинным, что лишь через тысячу лет после его появления само имя закона вошло в обиход наидревнейших из прочих народов. Ведь даже Гомер, описавший историю стольких государств, никогда это имя не использует. О совершенстве рассматриваемого закона можно судить посредством простого разбора, из которого видно, что в упомянутом законе предусмотрено все и явлены такая мудрость, такое здравомыслие, такая справедливость, что древнейшие греческие и римские законодатели именно заимствованиям отсюда обязаны своей славой. Содержание так называемых Двенадцати Таблиц, а также иных установлений названных законодателей доказывает, что Иосиф уже осветил данный вопрос. 620

Вместе с тем, однако, этот закон самый строгий и суровый из всех законов; под страхом смерти он возлагает на человека множество своеобразных и тягостных обязанностей. Станным кажется, что такой закон в течение стольких веков соблюдался таким мятежным и нетерпеливым народом, тогда как все другие государства от времени до времени изменяли свои законы, хотя и несравненно легче исполнимые.

II

631 *Искренность евреев.*— С любовью и верностью он хранит книгу, в которой Моисей объявляет, что евреи были всегда неблагодарны Богу и, как ему известно, станут еще более неблагодарны после его смерти, но он призывает небо и землю свидетелями против них; наконец, Бог, разгневавшись на них, рассеет их между всеми народами земли; так как они прогневили Его поклонением чуждым богам, то Он воздаст им по заслугам, призвав народ совершенно Ему чуждый¹.

Моисей хочет, чтобы все эти слова были сохранены навечно, и чтоб книга его находилась в Ковчеге Завета, дабы всегда могла служить свидетелем против них (евреев).

630 Исайя говорит то же самое. XXX.

Тем не менее книгу, которая так бесчестит их, они хранят и готовы положить за нее свою жизнь. Такая искренность беспримерна в мире и не в порядке вещей.

628 Существует большая разница между книгой, написанной частным лицом, которую оно предлагает народу, и книгой, составленной самим народом. Нельзя сомневаться в том, что эта книга не уступает народу в древности.

(Она написана современным автором). Всякая несовременная история сомнительна, каковы, например, Сивиллины² и Трисмегистовы³ и многие другие книги, оказавшиеся ложными впоследствии. Нельзя сказать того же об авторах, описывающих современное им.

III

628 Между книгами может быть большая разница. Я не удивлюсь, что греки составили Илиаду, а египтяне и китайцы свои летописи: нужно только знать, каким образом они появились.

Эти повествователи сказочных событий не были современниками описываемого ими. Гомер сочиняет роман и за таковой выдает его, так как никто не сомневался,

что ни Трои, ни Агамемнона никогда не существовало, как не существовало и золотого яблока¹. Он и не думал выдавать это за историю, а просто хотел развлечь слушателей. Книга его была единственной в его время; красота формы увековечила ее содержание; всякий заучивает ее и говорит о ней; знание ее обязательно, а потому каждый знает ее наизусть. Прошло четыреста лет, свидетелей описываемых событий давно нет в живых, никто уже не может знать, достоверны они или сказочны; но раз повествование перешло от предков, можно и поверить ему.

Статья XIII О евреях*

I

621

ОГДА, по сотворении мира, по ниспослании всемирного потопа, Богу не предстояло более ни разрушать мира, ни восстанавливать его¹, ни проявлять себя подобными великими знаменьями, Он начал созидать на земле народ с нарочной целью продлить его существование до той поры, когда Мессия создаст Духом Своим новый народ².

II

643

Исайя L, 1. Красное море, образ искупления. *Ut sciatis quod filius hominis habet potestatem reunittendi peccata, tibi dico: surge*¹. Желая показать, что Он может создать народ, святой невидимой святостью, и исполнить его вечной славы, Бог создал вещи видимые; явив Свое милосердие в благах видимой природы, Он хотел показать, что может дать и блага в невидимом. Так Он спас этот народ от потопа, возродил его от Авраама, освободил из рук врагов и дал ему покой. Конечно, все это совершено Богом не для того только, чтобы ввести Свой народ в землю обетованную.

---

* В издании Боссю 1779 г. статья озаглавлена: *Евреи с точки зрения нашей религии*. В издании Фожера: *О еврейском народе*.

III

Кроме того, в создании еврейского народа и в стольких 645
явленных ему чудесах Бог хотел показать, что, желая
лишить его благ плотских и преходящих, Он лишает их
таковых не вследствие Своей немощи.

В евреях укоренилась мысль, что Бог любит их отца, 670
Авраама, его плоть и происходящих от этой плоти; ради
этого Он размножил их и отличил от всех других народов,
не позволяя им смешиваться с последними; когда они
стали бедствовать в Египте, Он вывел их оттуда, обна-
ружив при этом великие знамения Своего к ним благо-
воления: питал их манной в пустыне и привел в землю
обильную, дал им царей и великолепно построенный
храм, где они, принося в жертву животных, могли бы
получать очищение пролитием их крови; наконец, имел
намерение послать им Мессию, чтобы сделать их вла-
стителями всего мира, и предсказал время его пришествия.

Евреи привыкли к великим и поразительным событиям, 746
так что чудесный переход их через Чермное море и
введение их в Ханаанскую землю считались ими как бы
образцами будущих действий их Мессии, которые будут
еще поразительнее и совершенно затмят собой чудеса
Моисея.

Когда они уже состарились в этих плотских заблуж- 670
дениях, явился в предсказанное время Иисус Христос,
но не в ожидавшейся ими славе, так что они и не
подумали, что это действительно Он. После его смерти
святой Павел стал проповедовать людям, что все пред-
сказанное исполнилось символически, что царство Божие
явилось не в плоти, а в духе, что враги людей не вавило-
няне, а их собственные страсти, что Бог благоволил не
к храмам, воздвигнутым рукой человека, а к его чистому
и смиренному сердцу, что обрезание тела бесполезно, а

важно обрезание сердца, что Моисей не дал им хлеба небесного и т.д.*

Но не желая открывать этих тайн народу, их недостойному, и желая в то же время предсказать им, чтобы дать возможность верить им, Бог время совершения их предрек ясно и несколько раз ясно выражал и самые тайны, но большей частью образами, с той целью, чтобы любившие самые образы остались при таковых, а любившие образуемое увидели его. (От этого произошло то, что при появлении Мессии народы разделились: объяснявшие пророчества духовно приняли Его, а понимавшие их буквально отвергли Его, чтобы послужить Ему же свидетелями).

IV

662 Плотские¹ иудеи не понимали ни величия, ни унижения предсказанного в их пророчествах Мессии. Они не узнали Его в Его величии, о котором написано: Мессия будет Господом Давида, хотя и сын его². Он был раньше Авраама, и тот видел Его**³. Они не поверили ни Его славе, ни Его вечности. Одинаково не признали Его ни в унижении, ни в смерти. Мессия, сказали они, останется вечно, а этот говорит, что умрет⁴. Так они не признали его ни вечным, ни смертным; но искали в нем только земного величия.

670 Евреи до того любили вещи вторичные и до того были увлечены их постижением, что явили совершенное незнание подлинной реальности, когда она наступила в предсказанное время и предсказанным способом.

---

* См. Иоан. VI, 32; Гал. IV, 24; I Кор. III, 16; X, 2—6, 11; II Кор. III, 6; Римл. II, 28, 29; Евр. IX, 24.

** Автор имел при этом в виду следующие тексты Евангелия: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался... Прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Иоан. VIII, 56, 58).

V

Те, кому вера дается трудно, стараются оправдаться неверием иудеев. Если это было так ясно, почему же они не уверовали?— говорят такие люди, внутренне желая, чтобы те поверили и не подали бы примера к их собственному неверию. Но этот самый отказ иудеев уверовать служит основанием нашей веры. Мы были бы менее склонны к ней, будь евреи одного с нами мнения: тогда у нас был бы лишний предлог не верить. Достоинно удивления, что иудеи созданы большими любителями предреченных событий и такими противниками их осуществления (и что притом самое противление это было предсказано). 745

VI

Чтобы дать людям средство уверовать в Мессию, необходимо было предпослать Ему пророчества, которые возвещались бы людьми, свободными от всякого подозрения, известными во всей стране за самых верных, прилежных и ревностных. 571

С такой целью Бог избрал тот чувственный народ, которому и вверил хранение пророчеств, изображавших Мессию освободителем и раздаятелем земных благ, любимых этим народом. Вследствие этого евреи горячо возлюбили свои пророчества, обещавшие им Мессию, уверяя все народы, что Он действительно явится и именно в том виде, как это сказано в их книгах, которые они готовы были открыть для всякого. Однако, когда Мессия действительно явился, но в унижении и бедности, они, разочарованные в своих ожиданиях, сделались Его злейшими врагами. Таким образом, народ, который меньше всего на свете можно заподозрить в расположении к нам (христианам), благодаря несравненной ревности и приверженности к своему закону и пророчествам, сослужил нам добрую службу, сохранив их неприкосновенными.

571 Отвергли и распяли Иисуса Христа, послужившего им соблазном, те самые люди, которые были и остаются хранителями книг, свидетельствовавших о Нем, предсказывавших, что Он будет отвергнут и сделается камнем преткновения. Самым отречением своим от Него они доказали Его истинность. Эта последняя одинаковым образом подтверждается как принявшими Его правыми иудеями, так и неправыми, отрекшимися от Него, ибо то и другое было предсказано.

Потому-то духовный смысл пророчеств, противный этому народу, был скрыт под любезным ему смыслом плотским. Будь явен духовный смысл пророчеств, евреи неспособны были бы любить их; а вследствие этого у них не достало бы усердия сохранить свои книги и свои обряды. Но если б они дорожили этими духовными обетованиями и сохранили их неповрежденными до пришествия Мессии, то свидетельство их не имело бы силы, так как они сами были бы Его сторонниками. Этим и объясняется прикровенность внутреннего смысла. С другой стороны, будь этот смысл скрыт до совершенной невозможности его обнаружить, он не мог бы служить доказательством в пользу Мессии. Что же было сделано? Внутренний смысл был прикрыт внешним во многих местах пророческих писаний, а ясно открыт лишь в некоторых. При этом, однако, предсказания, относительно времени и состояния мира, были ясны, как солнце. Духовный смысл так очевиден в некоторых местах, что не видеть его можно было только при том ослеплении, которое является следствием полного порабощения духа телу.

Таково было промышление Божие. Духовный смысл прикрыт другим во многих местах писаний и раскрыт в нескольких, но так, по крайней мере, что места, где он скрыт, могут быть объяснены двояко, т.е. из них может

быть извлечен и материальный, и духовный смысл, тогда как, где он раскрыт, двойного объяснения быть не может — там смысл только духовный.

Таким образом, ввести в заблуждение это не могло, будь иудеи народом, менее преданным земному.

Ибо, если блага обещаны были в изобилии, что мешало им различать между ними блага истинные, как не их любовь к плоти, заставившая их видеть земное на месте духовного? Полагавшие же свое благо только в Боге исключительно к Богу и относили его. Воля человеческая действует под влиянием двух побуждений: корыстолюбия и любви. Это не значит, что корысть не совместима с верой в Бога и любовь к ближнему исключает привязанность к благам земным; но корысть, пользуясь дарами от Бога, служит миру; а любовь, напротив (пользуется миром и угождает Богу).

Наше отношение к вещам определяется конечной целью. Все, что мешает нам достигнуть ее, мы называем *враждебным*. Отсюда твари, хотя и добрые, — враги праведных, коль скоро отвращают их от Бога, и Бог сам является, таким образом, врагом тех, алчным стремлением которых Он препятствует.

Поэтому, если слово *враг* зависит от конечной цели, то праведные понимали под ними вавилонян; оттого-то выражение *враги* и было неясно только суетным. Исайя говорит по этому поводу: *Завяжи свидетельство и запечатай откровение при учениках Моих* (Ис. VIII, 16) и что Иисус Христос *будет камнем преткновеня* (Ис. VIII, 14). Но *блажен, кто не соблазнится о Мне* (Мф. XI, 6). Также ясно говорит об этом и Осия: *Кто мудр, чтобы разуместь это? Кто разумен, чтобы познать это, ибо правы пути Господни, и праведники ходят по ним, а беззаконные падут на них* (Ос. XIV, 10).

Хотя этот Завет имел свойство, просвещая одних, ослеплять других, но самими ослепляемыми он удостоверил

675

истину, которую должны были уразуметь другие; потому что получаемые от Бога видимые блага были так велики и так божественны, что могли служить несомненным указанием, что Он в состоянии дать им невидимые блага и Мессию.

VIII

757   Время первого явления Мессии было предвозвещено, о времени же второго никаких указаний не имеется*, потому что первое должно было совершиться в тишине; второе же в славе и при такой обстановке, что даже враги Мессии не могут не узнать Его. Но так как первое явление Его должно было быть лишь малозаметным и узнано только испытавшими Писание, то что могли сделать иудеи, Его враги? Принять Его значило бы доказать Его истинность, ибо это было бы естественным поступком со стороны хранителей обетования о Мессии; отречение было бы таким же сильным свидетельством о Нем.

IX

675   Иудеи видели чудеса и исполнение пророчеств; учение же закона их было любить и поклоняться лишь единому Богу, и это учение было постоянно, так что имело все признаки истинной религии, какой на самом деле и было оно. Но необходимо отличать учение иудеев от учения их закона. Учение иудеев, хотя и опиралось на чудеса, пророчества и непрерывность существования, не было,

---

* Вместо полного отрицания автор мог бы сказать: не предсказано с одинаковой ясностью; потому что *время, времена и полувермя*, упоминаемые у пророка Даниила (VII, 25 и XII, 7), и *сорок два месяца* у св. Иоанна (Апок. XI, 2 и XIII, 5), по-видимому, относятся сюда, по учению богословов. Но что значат эти времена и эти месяцы? Об этом в Писании ничего не сказано. Иисус Христос, открывая также *признаки*, предшествующие концу мира, прибавляет: «*Когда вы все это увидите, знайте, что царствие Божие близко*» (Мф. XXIV, 33; Марк. XIII, 29; Лук. XXI, 31).— *Прим. в издании 1787 г.*

однако, истинным, ибо чуждалось другой основы — поклоняться и любить только Бога.

Итак, иудейскую религию, как она передана в священных книгах, следует отличать от таковой в передаче народа. Ее учение о нравственности и блаженстве смешно в передаче народа, но несравненно в писанном законе. Основание данной религии положено достойным удивления образом: это самая древняя и самая достоверная книга в мире; в то время, когда Магомет, чтобы сохранить свою книгу, запрещает читать ее¹, Моисей с той же целью повелевает всем читать свою*.

Наша религия столь божественна, что лишь для ее подтверждения только и может существовать какая-либо другая божественная религия.

Х

*Fac secundum exemplar quod tibi ostensum est in monte*¹. 673

Обрядовая сторона иудейской религии была основана на уподоблении истине о Мессии, и эта последняя была признана иудейской религией, служившей ей образом.

Истина у иудеев — не что иное, как образ самой себя, и только на небесах она пребывает несокровенной.

Для Церкви эта истина также сокрыта и познается в связи с образом.

Образ создан от истины, но истина познаваема от образа.

Сам св. Павел говорит, что брак запрещался по людскому, а не по Божьему наущению², но он же, рассуждая на эту тему в послании коринфянам³, создает своего рода мышеловку для самого себя. Ибо если бы некий пророк говорил одно, а затем, подобно св. Павлу, другое, то неминүемо был бы обвинен во лжи.

---

* Второз. XXXI, 11.

XI

607 Кто будет судить о еврейской религии по ее грубым представителям, тот плохо узнает ее. Она ясно изображена в священных книгах и в передаче пророков, которые достаточно показали, что понимали закон не буквально. Так и наша религия, божественная в Евангелии, апостолах и предании, смешна в устах ее дурных истолкователей*.

XII

608 (Иудеи были двух разрядов: одни имевшие лишь язы-
ческие склонности, другие — склонности только хри-
607 стианские). По понятиям первых, Мессия должен быть великим земным царем. В глазах чувственных христиан Иисус Христос пришел для того, чтобы снять с нас обязанность любить Бога и дать нам таинства, которые все делают помимо нас. Ни то, ни другое понятие не согласно ни с христианской, ни с еврейской религией. Истинные иудеи, как и истинные христиане, приняли Мессию как научающего их любить Бога и посредством этой любви побеждать своих врагов**.

XIII

676 Завеса, закрывающая книги Писания для иудеев, закрывает их и для плохих христиан, а равно для всех, недостаточно презирающих самих себя. Но как легко становится понимать св. книги и познать Иисуса Христа, когда действительно презираешь себя¹!

---

* Здесь, как и в следующем параграфе, автор подразумевает иезуитов, допуская, что для примирения с Богом достаточно одного внешнего покаяния без действительного и искреннего желания человека очистить себя исповеданием грехов.

** Своих врагов, т.е. свои страсти.

XIV

Чувственные иудеи занимают середину между христианами и язычниками. Язычники совсем не знают Бога и любят только землю. Евреи знают истинного Бога и любят только землю. Евреи и язычники любят одни и те же блага. Евреи и христиане ведают одного и того же Бога. 608

XV

Это, очевидно, народ созданный нарочно быть свидетелем Мессии*. Он хранит книги, любит их, но совершенно их не понимает. Заранее предсказано, что судьбы Божии вверены им, но в книге запечатанной**.

Пока для поддержания закона являлись пророки, народ сказывал к нему пренебрежение. Когда же пророков не стало, их заменила ревность народа. 703

XVI

Так как время сотворения мира все более и более отдалялось, Бог дал миру современного бытописателя¹ и стражем писания поставил целый народ для того, чтобы это повествование было самым достоверным во всем мире и чтобы все люди могли получить столь необходимое сведение, которого, помимо этого источника, получить нельзя. 622

XVII

Моисей был несомненно человек и способный, и умный; поэтому, если бы в своем бытописании он руководствовался собственным умом, то ясно не высказал бы ничего такого, что противоречило бы рассудку. 578

---

* Ср. Исх. XLIII, 10; XLIV, 8.

** Ис. XXIX, 11.

Так, самые, по-видимому, слабые стороны делаются сильными. Например, обе родословные — евангелистов Матфея и Луки — не ясно ли свидетельствуют, что между двумя авторами никакого предварительного соглашения не было?

624 Почему, например, Моисей изображает жизнь первых людей продолжительной и выводит так мало поколений¹? Потому что события затемняются не от продолжительной жизни людей, а от множества сменившихся поколений.

Истина изменяется только по мере смены людей. Между тем, два самые достопамятные события — сотворение мира и потоп — он ставит² так близко одно к другому, что современники того и другого почти соприкасаются (по малому числу отделяющих их друг от друга поколений. Так что в то же время, когда он описывал их, воспоминание о них должно было быть еще вполне живо в уме всех евреев).

625 Сим, знавший Ламеха, современника Адама, по крайней мере, видел Авраама; Авраам видел Иакова³, видевшего в свою очередь тех, которые видели Моисея. Стало быть, сотворение мира и потоп — события истинные. Ведь опорой подобному выводу служат люди, которым были хорошо известны указанные события.

626 Продолжительность жизни патриархов не только не вредила сохранению в памяти минувших событий, а напротив, способствовала этому. Если нередко человек бывает плохо посвящен в историю своих предков, то это происходит оттого, что он совсем не жил с ними, а когда достиг разумного возраста, тех уже не было в живых. Когда люди вообще жили подолгу и дети долгое время видели своих отцов, последние в течение продолжительного времени могли сообщать детям о прошлом. А о чем же было родителям беседовать со своими детьми, как не об истории своих предков, — в то время, когда вся история только в том и заключалась, когда не существовало ни

наук, ни искусств, составляющих теперь в значительной мере предмет обыкновенных житейских разговоров. Да и вообще в древних народах заметна особая забота о сохранении своих родословных.

XVIII

Чем более я исследую книги еврейского народа, тем 737
более истин я открываю в них. Передо мной их прошедшая и последующая жизнь. Вот у них нет более ни идолов, ни царей; явилась, как и было предсказано, синагога и ее жалкие приверженцы — наши враги и в то же время замечательные свидетели истины пророчеств, где предсказаны их жизнь и самое ослепление. Такая связь предшествующего с последовавшим мне кажется изумительной; я не могу не признать этой религии за вполне божественную по ее значению, продолжительности истории, по нравственным сторонам, по ее действиям, наконец, — по страшному ослеплению иудеев, как предречено: *И ты будешь ощутью ходить в полдень**. *Дадут книгу человеку, ведущему писание, и ответит: не могу прочесть***. Я поднимаю руки к моему Искупителю, который, согласно повторявшимся в течение четырех тысяч лет пророчествам, пришел пострадать и умереть за меня на земле именно в то время и при тех обстоятельствах, как было предсказано: по Его милосердию я мирно жду смерти в надежде навеки соединиться с Ним; и живу пока с радостью, пользуясь ли благами, которые Ему благоугодно ниспослать мне, перенося ли скорби и болезни, посылаемые Им для моего же счастья, и переносить которые Он научил меня Своим примером.

Поэтому я отвергаю все другие религии, а в этой религии нахожу ответ на все возражения. Верно, что

---

* Второз. XXVIII, 29.

** Ис. XXIX, 11, 12.

столь чистый Бог может открывать себя только чистому сердцу.

Я нахожу на самом деле, что сколько человечество ни помнит себя, ему постоянно объявлялось о его всеобщей испорченности и об имеющем явиться Искупителе; свидетель же этой истины не один человек, но множество людей и целый народ, нарочно для того созданный и провозвещавший ее в течение четырех тысяч лет. Народ, с которым по древности существования не может сравниться никакой из народов. 400 лет распространялись по миру его книги.

Статья XIV

Об образах;

образный характер древнего закона

I

СТЬ образы ясные и наглядные, но есть 650 и другие, которые кажутся слегка притянутыми за волосы и являются обоснованными лишь для тех, кто уже убеждался в их истинности каким-либо иным, отличным от наглядности, способом. Они схожи с апокалиптиками¹, но все же имеется определенная разница, не позволяющая считать их несомненными. Причем в такой мере, что было бы верхом несправедливости заявлять, будто упомянутые образы столь же хорошо обоснованы как и некоторые из наших². Ибо у них отсутствуют те доказательства, которые есть у наших.

Посему речь идет о предметах неравноценных. Подобные вещи не следует уравнивать и смешивать, поскольку столь схожие в каком-либо одном отношении, они оказываются весьма различными в другом. Лишь ясные места текста, если они божественны, могут внушить благоговение и перед неясностями.

Как в случае с теми, кто говорит на некоем непонятном языке: не знающие его могут усмотреть здесь нелепость и только.

II

Одна из главных причин, почему пророки облакали 571 обещаемые ими духовные блага в символы благ земных,

была та, что они имели дело с народом чувственным, который нужно было сделать носителем завета духовного.

768 Иисусу Христу служил прообразом Иосиф: любимец своего отца, посланный им навестить своих братьев и т.д.; невинный, он был продан братьями за двадцать динариев и через то сделался их господином, спасителем их, спасителем чужих и спасителем всего мира; этого бы не случилось, когда бы у братьев не было намерения погубить его и не будь он продан и осужден ими.

В темнице невинный Иосиф между двумя преступниками; Иисус Христос на кресте между двумя разбойниками. Иосиф предсказывает избавление одному и смерть другому на основании одних и тех же признаков. Иисус Христос спасает избранных и осуждает отверженных, виновных в одних и тех же преступлениях*. Иосиф только предсказывает, Иисус Христос совершает. Иосиф просит того, который будет спасен, вспомнить о нем, когда достигнет славы: спасаемый Иисусом Христом просит Его помянуть его, когда Он будет в царствии Своем.

III

643 Благодать есть лишь преобразование славы, ибо не составляет конечной цели. Себя благодать обнаруживает посредством закона, но сама, в свою очередь, служит средством обнаружения славы, т.е. является одновременно и образом, и принципом или причиной¹.

---

* «Иисус Христос спасает избранных и осуждает отверженных, виновных в одних и тех же преступлениях». Так перевели мы следующий подлинный текст автора: *Jésus-Christ sauve les élus, et damne les réprouvés sur les mêmes crimes*. Э.Азэ в своем комментарии (Париж. 2 изд. 1866 г., т. II, стр. 2) объясняет это равенство избранных и отверженных одинаковым для всех наследием первородного греха. По тексту же издания Боссю 1779 г. то же место *Мыслей* излагается так: «И.Х. спасает одного и осуждает другого, несмотря на одинаковость преступлений».

IV

Синагога не погибала совсем, потому что предображала собой (Церковь). Но поскольку она всего лишь образ, то ей приходится пребывать в рабстве. Образ этот существовал до пришествия Истины с тем, чтобы Церковь всегда была зримой, идет ли речь о предвещанном или же о действительности. 646

V

Чтобы сразу доказать истинность обоих Заветов, нужно лишь убедиться, сбылись ли в Новом Завете пророчества Завета Ветхого. Чтобы исследовать пророчества, нужно понимать их, потому что, если видеть в них один лишь (буквальный) смысл, то никакого предсказания о Мессии мы не найдем в них; напротив, если в них заключается два смысла (буквальный и внутренний), то пришествие Его в лице Иисуса Христа несомненно. 642

Значит, весь вопрос в том, имеют ли пророчества этот двойкий смысл или нет (представляют ли они образы или реальность, т.е. следует ли искать в них чего-либо помимо того, что представляется на первый взгляд, или ограничиться прямым смыслом).

Если закон и жертвоприношения суть истины (сами по себе), то они должны быть приятны Богу, а не наоборот. Если же это не более как предображение, то они должны быть в одно и то же время и угодны, и неуютны*. А так как во всем Писании они вызывают такие двойкие отношения к себе (то остается признать в них образы). 645

VI

Доказательством исключительно образного значения Ветхого Завета и что под временными благами пророки 650

---

* Т.е. не нравиться сами по себе и нравиться в качестве образов.—
Прим. Э.Авэ.

подразумевали блага иные — служит, во-первых, то соображение, что было бы недостойно Бога призывать людей к наслаждению лишь одними земными благами. Во-вторых, если пророки и говорят весьма ясно о ниспослании со временем благ земных, однако возвещают в то же время, что их речь темна, что смысл ее совсем не будет понятен; из этого можно заключить, что этот смысл не тот, который она непосредственно собой представляет, и что, следовательно, они предсказывают иные жертвы, иного Искупителя и т.д.: они говорят, что их поймут только в конце времен (Иерем. XXIII, 20; XXX, 24).

В-третьих, слова пророков будут противоречить и опровергать друг друга, если признать, что они под словами *закон* и *жертвы* понимают только закон и жертву в Моисеевом смысле; тогда противоречие их было бы очевидно и резко. Но, стало быть, они разумели иное, если противоречили сами себе в одной и той же главе.

VII

685 Сказано, что закон будет изменен, что будет изменена жертва, что у них (иудеев) не будет ни царя, ни князя, ни жертвоприношений; что будет заключен новый союз; что закон будет обновлен; правила, которые им даны были, не будут более годны; что жертвы их будут противны Богу, который совсем не требовал их.

Вопреки этому сказано (в другом месте), что закон и союз этот пребудут вечно, как и жертвы; что в Иудее не искоренится царствующий род, пока не придет Царь Вечный. Выражается ли во всех этих изречениях действительность? Нет. Или в них выражены только образы? Тоже нет. Но то или другое они выражают. Однако первые, исключая реальность, этим самым указывают на свой образный характер.

Всеми этими местами из пророчеств не могло говориться о действительности: всеми могло говориться об образе. Стало быть, ими высказана не действительность, а образ.

VIII

Образы.— Изображение отмечено присутствием и отсутствием, согласием и несогласием. Реальность же исключает отсутствие и несогласие. 678

Чтобы знать, имеют ли закон и жертвоприношение значение действительности или образа, нужно посмотреть, видели ли и разумели ли пророки, говоря об этих предметах, только этот древний союз, или они видели в нем нечто иное, ими предобразуемое, так как через изображение познается изображаемое. Для того нужно лишь исследовать то, что они говорят.

Возвещая, что союз будет вечным, понимают ли они тот самый союз, о котором они говорят, что он будет изменен? Так и по отношению к жертвам и т.п.

IX

Пророки ясно говорят, что Израиль всегда будет любим Богом и закон Его будет вечно; в то же время они сказали, что смысл их слов скрытый и понят не будет. 678

Тайное письмо имеет два смысла. Когда перехватывают важное письмо, в котором находят ясный смысл, и в то же время в письме сказано, что смысл его скрытый или затемненный настолько, что будут видеть его, не видя, и понимать, не понимая, тогда, несомненно, остается предположить, что это шифр с двойным смыслом, тем более,

что в его буквальном смысле встречаются резкие противоречия. Какого же уважения от нас заслуживают открывающие нам этот шифр и объясняющие скрытый смысл его, когда при этом извлеченные таким путем начала оказываются столь естественными и ясными? Сделано это Иисусом Христом и апостолами. Они научили нас, что враги наши суть наши страсти; что Искупитель духовен и царство Его будет духовное; что в пришествии Его будут две стороны: одна — унижения, чтобы смирить человека надменного, другая — славы, чтобы возвысить человека смиренного; что Иисус Христос будет Богом и человеком.

Х

545 Иисус Христос постоянно указывал людям, что они любят самих себя, что они рабы, слепы, страждущи, несчастные и грешники; что Ему надлежит избавить, просветить, исцелить их и сделать блаженными; что этого можно достигнуть, когда люди будут презирать самих себя и последуют испытанному Им унижению и крестной смерти.

683 Вот что говорит нам св. Павел: буква мертвит; все совершалось образами; надлежало Христу пострадать: Богу испытать унижение. Обрезание сердца, истинный пост, истинная жертва, истинный храм. Пророки указали, что все это должно быть духовно.

Не пища преходящая, но та, которая не перейдет.

«Вы будете воистину свободными». Следовательно, всякая свобода суть лишь образ этой, подлинной, свободы¹.

«Я есть истинный хлеб с неба»².

675 Итак, он, наконец, разъяснил нам, что все эти вещи только предображения, и что такое *истинно свободный*,

истинный израильтянин, истинное обрезание, истинный хлеб небесный и т.д.

ХІ

В этих обещаниях всякий находит то, что таится в 675
глубине его сердца: блага земные или блага духовные;
Бога или тварь; но с той, однако, разницей, что ищущие
в них тварь находят ее, но с некоторыми противоречиями,
с запрещением любить ее, с повелением поклоняться
только Богу и, что одно и то же, только Его любить; и,
наконец, находят, что для них Мессия не приходил. Тогда
как ищущие Бога обретут Его, но без всякого проти-
воречия, лишь с заветом любить Его одного и с провоз-
вестием, что приход Мессии состоится в предсказанное
время, дабы наделить их теми благами, которых они
жаждут.

ХІІ

Источники противоречий в Писании таковы: Бог, уни- 679
женный даже до смерти на кресте, Мессия торжеству-
ющий над смертью через Свою смерть, два естества в
Иисусе Христе, двукратное пришествие, два состояния в
природе человека.

Чтобы хорошо обрисовать человека¹, нужно лишь со- 684
гласить все заключающиеся в нем противоположные чер-
ты, и недостаточно выставить ряд качеств, согласных
между собой, не сообразив их с качествами противо-
положными; чтобы понять смысл автора, необходимо со-
гласить все места, которые противоречат друг другу.

Таким образом, чтобы понять Библию, нужно открыть
в ней такой смысл, в котором бы согласовались все
взаимно противоречащие места. Недостаточно подыскать

смысл, подходящий к нескольким согласным между собой местам: нужно найти такой, который бы примирил места, даже противоречащие.

Каждый автор имеет смысл, к которому подходят все противоречащие места, иначе в нем нет никакого смысла, чего нельзя сказать о священном Писании и пророках. Несомненно, однако, что они имели слишком много здравого смысла. Поэтому приходится отыскать в них такой смысл, который согласовал бы все противоречия.

Истинный смысл не тот, который извлекали из своих книг иудеи: но в Иисусе Христе все противоречия сгладились.

Иудеи не сумели согласовать прекращение царства и княжества, возвещенное Осией², с пророчеством Иакова³.

Если принимать закон, жертвоприношения и царство за реальности, то всех мест в Писании согласовать нельзя. Необходимо, стало быть, признать, что разумеются эти вещи не как действительность, а только как образы. Иначе нельзя было бы согласовать мест одного и того же автора, одной и той же книги, иногда даже одной и той же главы. Это достаточно указывает, каков был смысл автора.

Подобно тому, как Иезекииль говорит, что будут жить по Божьим заповедям и не будут жить по ним⁴.

XIII

728 Не было разрешено приносить жертвы вне Иерусалима, бывшего местом, избранным Богом, не дозволено даже есть десятину в другом месте (Второзак. XII, 5 и сл.; XIV, 23 и сл.; XV, 20; XVI, 2, 7, 11, 15).

Осия предсказал, что у них не будет ни царей, ни князей, ни жертв, на кумиров, что и исполнилось теперь, так как иудеи не могут приносить законной жертвы вне Иерусалима.

Когда слово Бога, Бога истинного, представляется неверным буквально, то оно верно в смысле духовном. *Сиди одесную Меня*¹. Буквально — это неверно, но верно по духу. В этих выражениях говорится о Боге применительно к понятиям человеческим; это имеет лишь тот смысл, в каком люди приглашают занять место по правую свою руку, — в этом смысле говорит и Бог. Так что этим объясняется только намерение Божие, а не способ, каким Он его исполнит.

Так, когда сказано: Бог принял благоухание фимиамов ваших и в награду дает вам землю обильную, то этим словам можно уподобить такое положение в наших земных отношениях, когда человек, угожденный вашими воскурениями, захотел бы дать вам в награду хорошую, тучную землю; такое же намерение Бог имеет по отношению к вам, поскольку вы сами относитесь к божеству словно к обыкновенному человеку, которому адресуются благоволия. Потому *iratus est*², «Бог ревностный» и т.д. Ибо вещи божественные, будучи невыразимыми, не могут быть высказаны до конца³.

XV

Единственная конечная цель книг Ветхого Завета есть любовь к Богу. Все, что в них не клонится к этой единственной задаче, есть ее проображение, ибо, ввиду единственности цели, все, что не выражает ее непосредственно, есть образ*.

Бог таким путем разнообразит эту единственную заповедь любви, чтобы удовлетворить наше ищущее разнообразия любопытство, и этим разнообразием ведет нас всегда к тому, что нам единственно нужно. Ибо нужно

---

* Любовь к Богу (*la charité*) принята здесь и в других местах в самом высоком богословском смысле; это третья добродетель: любовь к Богу, совлеченная всяких земных помыслов.— *Прим. Авз.*

только одно*, а мы любим разнообразие, и Бог удовлетворяет обе эти наши потребности путем разнообразий, ведущих к единственной нашей *потребе*.

XVI

670 Раввины объясняют сосцы жены¹ символически, как и все, что не выражает их единственной цели, т.е. земных благ.

XVII

692 Некоторые из них вполне сознают, что у человека нет других врагов, кроме его чувственности, которая и отвлекает его от Бога, но не Сам Бог; что не тучная земля, а один Бог есть действительное благо. Полагающие благо человека во плоти, а зло в том, что их отвлекает от чувственных удовольствий, пусть пресыщаются ими и в них умрут. Но кто ищет Бога всем своим сердцем, у кого нет иного горя, кроме невозможности созерцать Его, у которых одно желание — иметь Его, и одни враги¹ — препятствия к этому; которые скорбят, видя себя окруженными и обуреваемыми такими врагами, пусть они утешатся, я возведу им счастливое событие: у них есть Избавитель, и я им покажу Его; я им покажу, что для них есть Бог; другим я Его не открою. Я дам узреть, что хотя обещан был Мессия, который освободит от врагов, однако в действительности Он придет освободить от несправедливостей, а не от врагов в обычном понимании.

XVIII

692 Когда Давид предсказывает, что Мессия избавит Свой народ от врагов его, то этому предсказанию можно придать чувственный смысл, т.е. что Он избавит от египтян. В

---

* «А одно только нужно» (Лук. X, 42).

таком случае я бы не сумел доказать, что пророчество это сбылось¹. Но можно также подумать, что избавление будет от беззаконий, ибо действительно враги не египтяне, а беззакония. Стало быть, слово *враги* имеет здесь двойкий смысл.

Но если в другом месте Давид², вместе с Исайей и другими пророками* говорит, что Мессия избавит Свой народ от беззаконий, то двусмысленность устраняется и слово *враги* означает просто *неправды*, потому что если бы он разумел этим словом грехи, то свободно мог бы назвать их врагами; если же он думал о врагах, то не мог означить их словом *неправды*³.

А Моисей, Давид и Исайя употребляли одни и те же выражения. Кто же скажет, что они разумели не одно и то же и что смысл Давида, который, очевидно, разумел неправды, говоря о врагах, не был и смыслом Моисея, когда этот последний говорит о врагах.

Даниил в IX главе молится об избавлении народа из вражеского плена; но он понимает плен греха и в доказательство этого говорит, что Гавриил пришел сказать ему, что молитва его услышана и остается ждать еще только семьдесят седьмин; тогда народ будет избавлен от неправды, греху придет конец, и Освободитель, Святой из святых⁴, принесет правду *вечную* — не законную, а вечную.

Коль скоро эта тайна открыта, невозможно не видеть 680 ее. Пускай прочтут Ветхий Завет при этом свете и увидят, были ли заветы жертвоприношения в прямом смысле, был ли рад Авраам конечным предметам попечения Божия о нем и была ли обетованная земля действительным местом упокоения? Нет. Стало быть, это были образы. Пусть исследуют также все предписанные церемонии и

---

* Ис. XLIII, 25 и сл.

все заветы, не клонящиеся непосредственно к обнаружению заповеди любви,—окажется, что все это образы*.

Все названные жертвоприношения и церемонии представляют собой либо образы, либо вздор. Однако имеются основания слишком уж высокого порядка, чтобы считать указанные вещи просто вздором.

Нужно разобраться: фиксировали пророки свое внимание на самом по себе Ветхом Завете или все же видели там нечто другое.

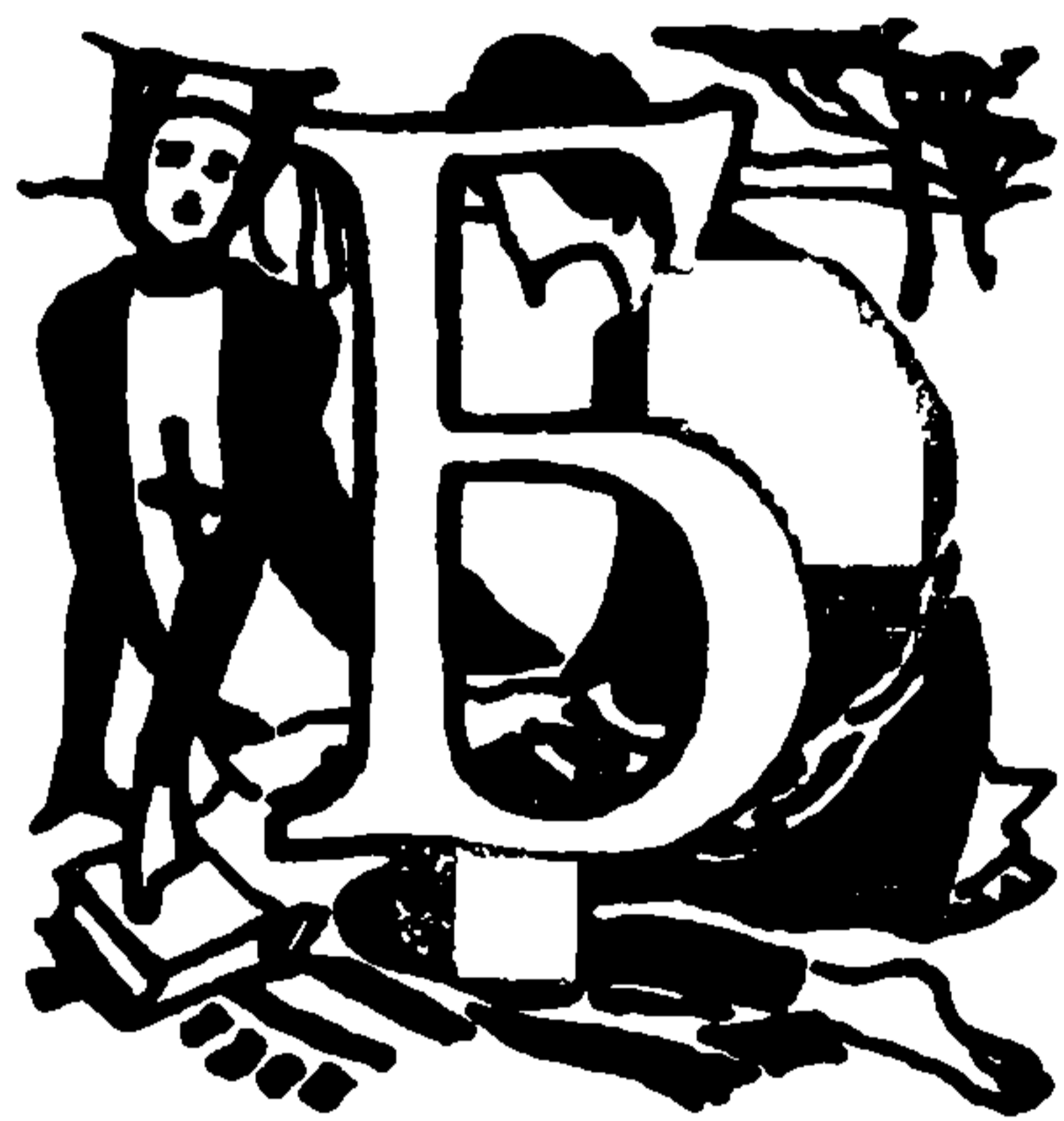
---

* У пр. Осии «Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений» (VI, 6).

Статья XV Об Иисусе Христе

I

БЕСКОНЕЧНОЕ расстояние между телом и умом дает понятие о еще неизмеримо бесконечнейшем расстоянии между умом и любовью*, ибо она сверхъестественна. 793

Весь блеск почестей и величия не имеет цены в глазах людей, посвятивших себя исследованиям в умственной области. Величие людей ума недостижимо взору богатых, царей, полководцев и других мира сего. Величие Мудрости, которая может быть только в Боге, невидимо ни людям плоти, ни людям ума. Это три порядка, вполне отличные друг от друга.

Великие гении имеют свою сферу власти, свой блеск, свое величие, свои победы и не нуждаются в величии материальном, не имеющем никакого значения для их духовной цели. Они видимы не телесными, а умственными очами — этого достаточно. Святые также имеют свою власть, свой блеск, свои победы и совсем не нуждаются в величии материальном или умственном; оно не имеет никакого к ним отношения, ничего им не прибавляет и ничего не убавляет. Они видимы Богом и ангелами, а не телами и душами любопытных; они довольствуются Богом.

---

* См. прим. к парагр. XV предыдущей статьи.

Архимед, и не будучи знатного происхождения, пользовался бы таким же высоким уважением. Он не давал битв, но оставил миру свои открытия. О, как он велик и блестящ в глазах ума! Иисус Христос, без богатств и без обнаружения какой-либо учености, имеет Свое значение — святости. Он не дал нам никаких изобретений, Он не царствовал, но был кроток, терпелив, свят перед Богом, страшен демонам, чист от всякого греха. О, как славно, как чудновеличественно было Его пришествие перед очами сердца, способными разуместь Премудрость.

Архимеду не было цели выставлять в своих сочинениях о геометрии свое княжеское достоинство, хотя он имел его. Для Господа нашего Иисуса Христа, чтобы блистать в Своем царстве святости, было бесполезно являться в царском величии; зато Он пришел во всем блеске *святости* Своего достоинства.

Смешно смущаться униженным положением Иисуса Христа; как будто это унижение имело что-нибудь общее с тем величием, которое Он имел обнаружить. Пусть этого величия ищут в Его жизни, в Его страданиях, скромном происхождении, смерти, в выборе учеников, в Его отношении к ним, когда те Его покинули, в Его таинственном воскресении и в остальном; тогда оно представится им столь великим, что не будет повода смущаться этим лишь кажущимся унижением. Но есть люди, могущие восхищаться только чувственным величием, как будто духовного не существует; другие же доступны впечатлению только умственного величия, как будто в Премудрости не заключается величия еще более высокого.

Все тела, небо, звезды, земля и ее царства ничто в сравнении с самым обыкновенным умом, потому что он постигает как все эти предметы, так и себя; тело же ничего сознавать не в состоянии. Все тела, все умы, взятые вместе, и все их произведения — ничтожество пе-

ред малейшим движением любви, как принадлежащей к бесконечно высшему порядку.

Все тела вместе не могли бы произвести ни малейшей мысли, так как мысль относится к высшему порядку. Из всех тел и умов нельзя было бы извлечь движения истинной любви, потому что высшая любовь принадлежит совсем к иному порядку — сверхъестественному.

II

Иисус Христос жил в такой неизвестности (в мирском смысле), что историки, описывавшие только важные государственные события, едва Его заметили. Что ни Иосиф Флавий, ни Тацит, ни другие летописцы совсем не упоминают об Иисусе Христе, то это обстоятельство скорее говорит за, нежели против Него; ибо несомненно, что Иисус Христос был, и Его религия произвела большой шум, и что эти люди имели о том сведения. Они, очевидно, скрыли это событие с намерением, а если и говорили о нем, то другие уничтожили или изменили написанное.

III

Какой человек имел когда-либо больше блеска? Весь еврейский народ задолго предсказывает Его пришествие. Язычники поклоняются Ему, когда это пришествие совершилось. Те и другие считают Его своим средоточием. Но кто из людей в то же время так мало пользовался всем этим блеском? Из тридцати трех лет жизни Он тридцать провел в неизвестности. В течение трех остальных Он слывет за обманщика; священники и старейшины Его отвергают; друзья и близкие презирают Его. Наконец, Он умирает, преданный одним из Своих учеников, непризнанный другим и покинутый всеми. Какую долю имеет Он в этом блеске? Никогда человек не имел такого величия; никогда человек не был более унижен. Весь

этот блеск послужил только нам, чтобы мы могли вразумиться им; Ему же Самому в нем доли не было.

IV

797 Иисус Христос высказывает величайшие истины так просто, что кажется, как будто Он предварительно не размышлял о них, но вместе с тем выражает их настолько ясно, что не остается сомнения относительно того, что Он о них думает. Эта ясность в соединении с такой простотой — изумительна.

800 Кто указал евангелистам качества, отличающие вполне героическую душу, что они с таким совершенством изобразили ее в Иисусе Христе? Зачем они представляют Его слабым в предсмертные минуты? Разве они не могли изобразить Его более стойким в смерти¹? Конечно, могли, ибо тот же св. Лука, описывая смерть св. Стефана, изображает его более крепким в эти минуты, чем был Иисус Христос². Они представляют его подверженным страху смерти до наступления необходимости умереть, а затем изображают Его вполне стойким. Но если они описывают Его смущенным, то лишь пока Он Сам смущает Себя; когда же Его смущают люди, Он становится совершенно твердым.

764 Церкви стоило такого же труда доказать, что Иисус Христос был человеком, в опровержение отрицавших это, как и доказать, что Он был Богом³; видимые же данные противоречили одинаково сильно тому и другому.

V

769 Обращение язычников было предоставлено только благодати Мессии. Иудеям долго пришлось бороться с ними, но без успеха: все, что говорили Соломон и пророки, оказалось напрасным. Мудрецы, как Платон и Сократ, не могли убедить (язычников признать единого Бога).

Оба Завета взирают на Иисуса Христа: Ветхий — как на свою надежду, Новый — как на свой образец, оба — как на свое средоточие. 740

Пророки предсказывали, но сами не были предсказаны. Затем святые были предсказаны, но сами не пророчествовали. Иисус Христос возвещен пророками и пророчествует Сам. 739

Иисус Христос для всех, Моисей для одного народа. 774

Иудеи были благословенны в лице Авраама: *Благословлю благословляющих тебя* (Быт. XII, 3). Но *все народы благословятся в семени его* (Быт. XVIII, 18).

Свет во откровение языкам (Лук. II, 32).

Не сделал Он того никакому народу (Пс. CXLVII, 9), сказал Давид, говоря о законе; говоря же о Иисусе Христе, должно сказать: *То сделал Он для всех народов.*

Итак, Иисус Христос для всего мира. Сама Церковь приносит жертву только за верных; Иисус Христос принес крестную жертву за всех.

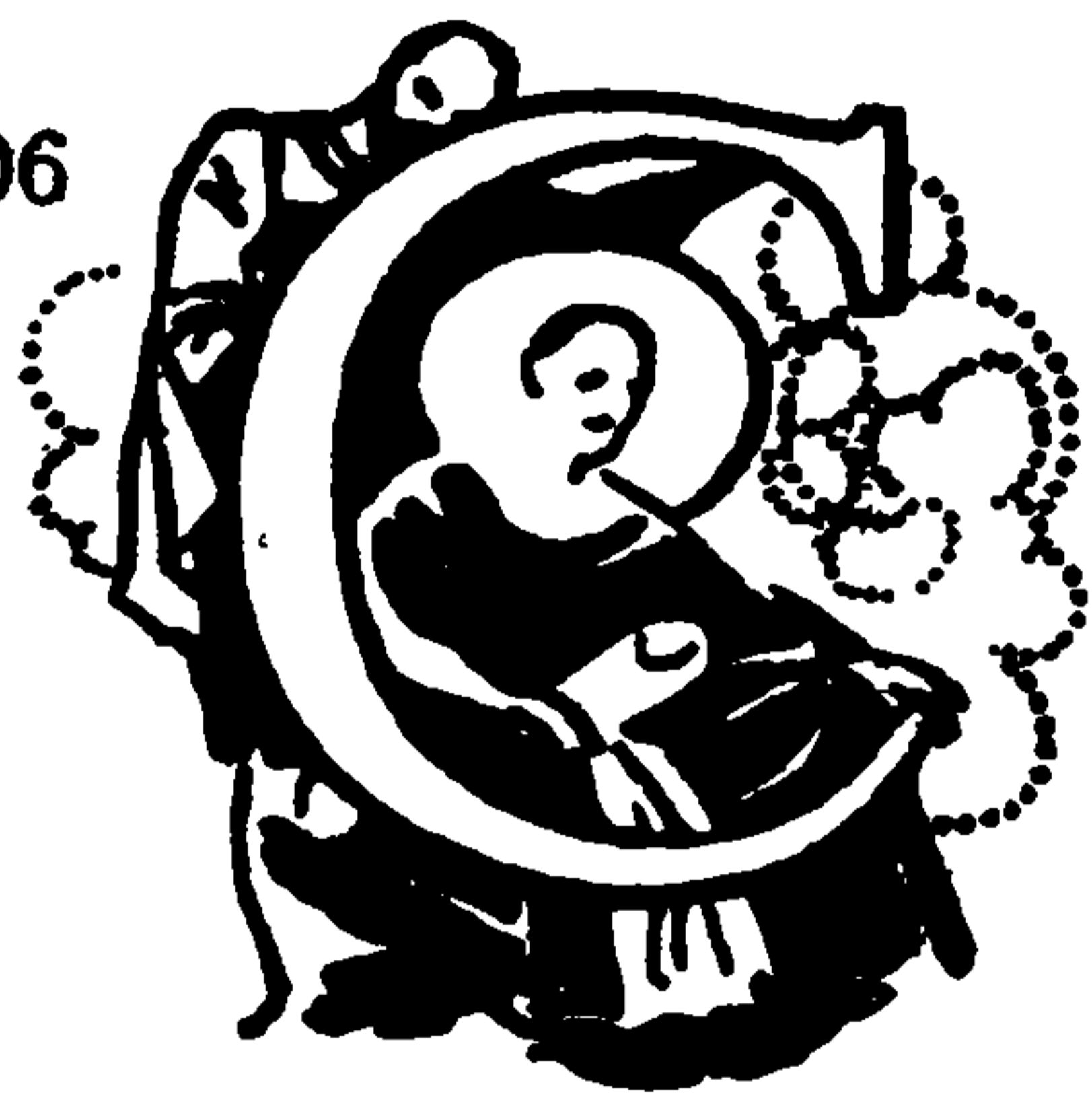

Статья XVI

Свидетельство об Иисусе Христе пророков

I

706

АМЫМ сильным свидетельством об Иисусе Христе служат пророчества. Поэтому они составляли предмет особого попечения Божия, ибо предрекаемое ими событие есть чудо, существующее от рождения Церкви до конца ее. Для того Бог воздвигал

пророков в течение тысячи шестисот лет; в течение следующих четырехсот лет Он рассеял все эти пророчества вместе со всеми хранившими их иудеями по всем странам мира. Таково было приготовление к рождению Иисуса Христа, ибо, прежде чем весь мир уверовал в Его Евангелие, требовалось не только существование пророчеств, чтобы вызвать эту веру в него, но чтобы пророчества эти были распространены в мире, дабы весь мир мог принять Его.

710

Если бы один человек написал книгу пророчеств об Иисусе Христе, предсказал бы время и обстоятельства Его пришествия, и если бы Иисус Христос явился согласно этим предсказаниям — была бы и в этом уже сила невероятная. Но произошло более того. Целый ряд людей, в течение четырех тысяч лет, постоянно и без изменений являлся один вслед другого предсказывать это самое событие. Целый народ возвещает его в продолжение четырех тысяч лет, чтобы общим голосом подтвердить хра-

нимые им о том заветы и, вопреки всем угрозам и преследованиям, дает, наконец, свое свидетельство. Это достойно уже совсем иного внимания.

II

Время пришествия Мессии было предсказано по отношению к положению еврейского народа, к положению народов языческих, состоянию храма и к числу лет: нужна большая смелость, чтобы так подробно описать обстановку предрекаемого события. 708 709

Необходимо было, чтобы существование четырех языческих монархий* совпало с окончанием царства Иуды и совершением семидесяти седьмин, но все это должно было предшествовать разрушению храма.

Было предсказано, что при четвертой монархии, до разрушения второго храма, раньше чем иудеи были лишены самостоятельности, в семидесятую седьмину Даниила, пока еще цел был второй храм, язычники будут просвещены и приведены к познанию Бога иудеев; что любящие Его будут избавлены от своих врагов и исполнятся страха и любви к Богу. 724

Так и случилось: в четвертую монархию, до разрушения второго храма и т.д., язычники во множестве поклоняются Богу и ведут ангелоподобную жизнь, девицы посвящают Богу свою девственность и свою жизнь; мужчины отказываются от всех удовольствий. В чем Платон не мог уверить небольшое число избранных и сведущих людей, в том тайная сила немногими словами убеждает сотни тысяч простых, необразованных людей.

Что означает все это? То, что еще задолго было предсказано: *«Излию от духа Моего на всякую плоть»* (Иоил. II, 28). Все народы пребывали в неверии и служении плоти, и что же стало?! Вся земля возгорелась горячей любовью к ближнему; великие мира бросают свои почести, 772

---

* По другим изданиям: *четвертой языческой монархии.*

богатые оставляют свои богатства; девицы терпят мученичество: дети покидают уютный родительский кров, чтобы жить среди лишений в пустыне. Откуда происходит такая сила? Это значит, что явился Мессия, и вот последствия и признаки Его пришествия.

724 В течение двух тысяч лет ни один язычник не знал Бога евреев*; но в predeterminedенное время множество язычников поклоняется этому единому Богу; капища разрушены, сами цари подчиняются кресту. Что все это значит? Что Дух Божий излит на землю.

729 Предречено, что, когда придет время Мессии, Он установит новый союз, который заставит позабыть исход из Египта (Иерем. XXXI, 31, 32); что он вложит закон во внутренность и напишет его в сердцах (Иерем. XXXI, 33); что Иисус Христос вложил страх в глубину сердца (Иерем. XXXI, 33 и XXXII, 40), дабы страх этот не был только внешним, как до сего было.

735 Далее сказано, что иудеи отвергнут Иисуса Христа и сами будут отвергнуты Богом, потому что избранный виноградник дал только дикие ягоды (Ис. V, 2, 3, 4 и сл.), что избранный народ окажется неверным, неблагодарным: *Всякий день простирал Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям* (Ис. LXV, 2); что Бог поразит их слепотой и они будут и днем ходить ощупью, подобно слепым (Второз. XXVIII, 28, 29).

734 Что Церковь вначале будет малой, а потом разрастется (Иезек. XVII).

730 Тогда идолопоклонство будет разрушено; Мессия низвергнет идолов и приведет народы к почитанию истинного Бога (Иезек. XXX, 13).

Храмы идолов будут разрушены, и у всех народов по всей земле будут приносить Ему жертву чистую, а не животных (Мал. I, 11).

---

* Т.е. со времени Авраама.

Он будет царем иудеев и язычников (Пс. II, 6 и 8; LXXI, 8 и 11 и сл.). И вот этот царь иудеев и язычников преследуется теми и другими, сговорившимися убить Его — Властителя тех и других, разрушившего и культ Моисея в Иерусалиме, который был его центром, а впоследствии — местопребыванием первой Церкви христианской, и культ языческий в Риме, бывшем средоточии язычества, а потом Его главной Церкви.

Он укажет людям путь совершенный (Ис. II, 3; Мих. 733 IV, 2 и сл.).

И ни раньше, ни после не являлось ни одного человека, которого учение, хотя приблизительно, уподоблялось бы божественности этого учения.

Вот приходит Иисус Христос и говорит людям, что 783 сами они единственные враги себе; что разлучают их с Богом страсти их; что Он пришел разрушить эти страсти и даровать им Свою благодать, дабы создать из них всех единую святую Церковь, в которую Он введет язычников и иудеев; что Он пришел низвергнуть идолов одних и суеверие других.

Этому противятся все люди не только в силу естественного сопротивления чувственности, но, сверх всего, против этой нарождающейся религии восстают все цари земные, как и было предсказано*. Все сильные мира сего сплотились между собой для этой цели; ученые, мудрецы, цари. Одни пишут, другие осуждают, третьи убивают. И, несмотря на такие препятствия, простые, немощные люди отражают все эти силы и даже подчиняют себе этих царей, этих ученых, этих мудрецов и изгоняют идолопоклонство со всей земли. И все это совершается силой, возвестившей о том устами пророков.

Иудеи, убивая Иисуса Христа, чтобы не принять Его 761 за Мессию, тем самым сообщили Ему последний признак Мессии; продолжая не признавать Его, они становятся

---

* Пс. II: 1,2.

безупречными Его свидетелями; убивая Его и продолжая от него отрекаться, они выполнили пророчества (Ис. LX; Пс. LXXI).

727 (Кто не узнал бы Иисуса Христа по стольким особым признакам, какие были предсказаны? Ибо написано):

У него будет предтеча (Мал. III, 1);

Он родится младенцем (Исх. IX, 6);

Он родится в городе Вифлееме (Мих. V, 2);

Произойдет из колена Иуды (Быт. XLIX, 8 и сл.) и племени Давида (II Царств., VII, 12 и сл.; Ис. VII, 13 и сл.); будет являться главным образом в Иерусалиме (Мих. IV, 1; Агг. II, 7, 9);

Он должен ослепить мудрецов и ученых (Ис. VI, 10); благовествовать бедным и малым (Ис. LXI, 1), открыть глаза слепцам, и исцелять недужных (Ис. XXXV, 5 и 6), и привести к свету томящихся во мраке (Ис.* XLII, 16);

Он укажет путь совершенный (Ис. XXX, 21) и будет наставником язычников (Ис. LV, 4; XLII, 1—7);

Пророчества должны быть непонятны неверующим (Дан. XII; Ос. XIV, 10), но понятны тем, кто достаточно сведущ;

Он будет жертвой за грехи мира (Ис. LIII, 5);

Он станет краеугольным и драгоценным камнем (Ис. XXVIII, 16);

Он сделается камнем преткновения и скалой соблазна (Ис. VIII, 14);

Иерусалим должен споткнуться об этот камень (Ис. VIII, 15);

Строители* имеют отринуть этот камень (Пс. CXVII, 22);

Бог положит этот камень в основу угла** (Пс. CXVII, 22);

---

* Строители, работающие над созиданием духовного храма, в котором желает обитать Бог.

** Т.е. угла, имеющего соединить оба народа, иудеев и язычников, в поклонении одному и тому же Богу.

И этот камень вырастет в гору необъятную и наполнит всю землю (Дан. II, 35);

Сказано также, что Он будет отвергнут (Пс. СХVII, 22), не признан (Ис. LIII, 2 и 3), предан (Пс. XL, 10), продан (Зах. XI, 12), оплеван и заушен (Ис. L, 6), осмеян (Пс. ХХХIV, 16), оскорбляем всевозможными способами (Пс. LXVII, 27), напоен желчью (Пс. LXVII, 22), пронзен (Зах. XII), что будут пронзены ноги и руки Его (Пс. ХХI, 17); что Он будет предан смерти (Дан. IX, 26) и об одежде Его будут бросать жребий (Пс. ХХI, 19);

Что в третий день Он воскреснет (Пс. XV, 10; Ос. VI, 3);

Что Он взойдет на небо (Пс. XLVI, 6 и LXVII, 19), чтобы воссесть одесную Бога (Пс. СIХ, 1);

Что цари вооружатся против Него (Пс. II, 2);

Что, сидя одесную Отца, Он поразит врагов Своих (Пс. СIХ, 5);

Что цари земли и все народы поклонятся Ему (Пс. LXXI, 11);

Что иудеи останутся народом (Иерем. ХХХI, 36);

Что они будут скитаться (Амос. IX, 9) без царей, без жертвоприношений, без алтарей и т.д. (Ос. III, 4), без пророков (Пс. LXXIII, 9), ожидая избавления и не находя его (Ис. LIX, 9; Иерем. VIII, 15).

Призвание язычников Иисусом Христом, (Ис. LII, 15; LV, 5; LX и т.д. Пс. LXXXI).

Ос. 1, 9: «Не будете вы Моим народом, и Я не буду впредь вашим Богом, и затем умножитесь вы в рассеянии...»

III

Мессия один должен был произвести великий народ 766
святых и избранных, руководить им, питать его, ввести его в место упокоения и святости, освятить его перед Богом, сделать из него храм Божий, примирить с Богом,

спасти от гнева Божия, избавить от рабства греху, явно господствующему в человеке, дать законы этому народу, начертать эти законы в его сердце, предать Себя за него в жертву Богу, сделаться агнцем непорочным и Самому стать заклателем жертвы,— предложить свою плоть и кровь и в то же время принести в жертву Богу хлеб и вино.

736 (Предсказано), что имел прийти Освободитель, который сотрет главу змия, избавит Свой народ от грехов, *от всех беззаконий его* (Пс. СХХІХ, 8); что учредится Новый Завет и пребудет вечно; что будет новое и вечное священство по чину Мелхиседекову; что Христос будет славен, могуществен, крепок и, тем не менее, явится в таком уничижении, что не будет признан; что Его не примут за Того, кто Он есть; что его отринут, предадут смерти; народ Его, который от Него отречется, не будет больше Его народом; что язычники примут Его и найдут в Нем прибежище; что Он покинет Сион для царства в средоточии языческого мира; что, несмотря на то, евреи будут существовать всегда; что Он должен произойти от Иуды и в то время, когда прекратятся цари от рода его.

IV

617 Пусть обратят внимание на следующее. От начала мира ожидание или поклонение Мессии существует без перерыва (Он был обещан первому человеку непосредственно после его падения). Затем являлись люди¹, говорившие, что Бог открыл им, что должен родиться Искупитель, который спасет Свой народ. Позднее Авраам возвещает о бывшем ему откровении, что Мессия произойдет от него через имеющего родиться у него сына². Иаков объявляет, что из двенадцати сыновей его родоначальником Мессии будет Иуда³. Впоследствии Моисей и пророки предсказали, когда и как Он явится: они сказали, что данный им закон имеет значение только в ожидании закона Мессии, что до тех пор он будет су-

ществовать непрерывно, но что новый закон будет пребывать вечно⁴, и таким образом их закон, или закон Мессии, коего Он был обещанием, будет на земле всегда. Так и было на самом деле; и, наконец, явился Иисус Христос при всех предсказанных обстоятельствах. Это достойно удивления.

Если (скажут) это так ясно было предсказано иудеям, 749 как же они не поверили? Или почему же они не были истреблены за то, что воспротивились такому ясному делу? Я отвечаю: было предсказано как то, что они не поверят такой ясной вещи, так и то, что они не будут истреблены окончательно. И ничто не может торжественнее засвидетельствовать в пользу Мессии, ибо недостаточно было одного существования пророков: необходимо было, чтобы пророчества их были сохранены вне сомнения. А так как, и т.д.

V

Пророки перемешали пророчества о других событиях 712 с пророчествами о Мессии для того, чтобы предсказания касательно Мессии не остались без доказательства, а таковые по отношению к прочим событиям не остались без плода¹.

Не имеем царя, кроме Кесаря, говорили иудеи (Ин. XIX, 721, 15). Следовательно², Иисус Христос был Мессия, так как 720 у них не было царя, кроме того чужеземца, а другого они не хотели.

Семьдесят седьмин Даниила могут объясняться двояко: 723 в отношении начала их исчисления, по причине неопределенности выражения самого пророчества, и в отношении конца исчисления, по причине разногласия хронологов. Но; эта разница не может превышать двухсот лет.*

---

* Здесь очевидно, ошибка: замечательно, что из всех предшествовавших мне издателей, только издатель 1787 года один заметил ее: Паскаль, как сказано, писал свои мысли наскоро, без последовательности, в виде простых заметок. Вполне уместно предположить, что, желая поставить *двадцать лет*, он по оплошности прибавил нуль, и вышло двести. В

(Пророчества, изображающие Иисуса Христа бедным, представляют Его также властителем народов (Ис. LIII, 2 и сл.; Зах. IX, 9 и 10).

(Пророчества, указывающие время, изображают Иисуса Христа лишь Господом язычников и страждущих, а не восседающим на облаках в качестве Судии; те же пророчества, которые изображают Его судящим народы и славным, совсем не отмечают времени).

(Когда говорится о Мессии, как о великом и славном, то это, очевидно, относится к Нему, как к Судии, а не как Искупителю мира [Ис. LXVI, 15, 16]).

оправдание этого предположения всего лучше сослаться на примечание к изданию 1787 г.:

«До Иисуса Христа разница, о которой здесь идет речь, не могла превышать *приблизительно восьмидесяти* лет от первого распоряжения Кира о возвращении иудеев в Иерусалим, около 536 года нашего обычного летоисчисления, до последнего указа, данного Артаксерксом Длинноруким о восстановлении стен Иерусалима, около 454 года. *Со времени Иисуса Христа* разница не больше как около двадцати лет; потому что летописцы довольно согласны в том, что семьдесят седьмин могут начинаться лишь со времени царствования Артаксеркса Длиннорукого; но одни считают их от позволения, данного Ездру этим государем в седьмой год его царствования, а другие считают их от разрешения, данного Неемии этим же государем в двадцатый год царствования; одни считают эти годы от принятия его отцом своим, Киром, в соправители царства, около 474 г. до нашей эры, так что *седьмой год* совпал бы с 467 годом смерти Ксеркса; другие опять считают их от смерти Ксеркса, так что *двадцатый* пришелся бы к 447 году, что и составляет промежуток ровно в *двадцать лет*. Некоторые полагают, что годы, о которых говорит Даниил, лунные годы; другие принимают их за годы солнечные».

По мнению Э.Ава, нет повода считать ошибкой со стороны Паскаля, что вместо 20 он поставил будто бы 200 лет, потому что Паскаль обращается здесь к иудеям, утверждающим, что пришествие Мессии не было. А для этой цели разница и в 200 лет не играет особой роли. Он как бы допускает, что если в определении эпохи, с которой следует начинать исчисление седьмин, расходится даже на 200 лет, то и тогда у иудеев не будет почвы для их отрицания Мессии, так как раньше или позже, в течение этого двухсотлетнего периода, Мессия должен был явиться и действительно явился.

Статья XVII

Различные свидетельства об Иисусе Христе

I

Е верить апостолам значит предполагать, 802
что они или были обмануты сами, или
обманывали других: но то и другое одина-
ково трудно. Ибо в первом случае невоз-
можно обмануться настолько, чтобы счи-
тать человека воскресшим из мертвых; вто-
рое же предположение нелепо. Чтобы быть последова- 801
тельным, пусть представят себе этих двенадцать человек
собранными после смерти Иисуса Христа вместе, для
того чтобы сговориться уверять всех в Его воскресении.
Но отсюда должна начаться для них борьба со всевоз-
можными приманками, на которые так падко человеческое
сердце,— любовь к переменам, обещания наград и пр.
Если бы хотя один из них, увлеченный подобными соб-
лазнами или, еще скорее, устрашенный темницей, пыт-
ками, смертью, отказался от своих слов, то гибель была
бы для всех несомненна. Пусть же сообразят это.

Пока Иисус Христос был с ними, Он мог их под- 802
держивать. Но потом, если Он не явился им, кто заставил
их действовать?

II

Текст Евангелия замечателен во многих отношениях 798
и, между прочим, в том, что не содержит никаких

выражений вражды к мучителям и врагам Иисуса Христа. В отличие от столь свойственной историкам склонности поносить все враждебное, в Евангелии нет никаких упреков ни Иуде, ни Пилату, ни одному из иудеев.

Если это смирение евангелистов было притворное, как и другие прекрасные черты их писаний, и притворялись они только для того, чтобы выставить эти достоинства, то, не смея сами обратить на них внимание других, они не преминули бы приобрести друзей, которые бы взяли на себя указать эти черты в их пользу. Но, действуя вполне искренно, без всякого расчета, они не обратили ничьего внимания на это. И, полагаю, многое тому подобное до сих пор осталось незамеченным в их писаниях, а это доказывает в апостолах отсутствие всякого умысла.

III

838 Сначала Иисус Христос, затем апостолы и, наконец, первые святые творили много чудес, потому что, за несовершенством еще всего предсказанного пророчествами и так как они сами были окончательным их исполнением: свидетельствовать могли только чудеса. Было предсказано, Мессия обратит народы¹. Каким образом сбылось бы это пророчество без обращения народов? И как обратились бы народы к Мессии, если бы не видели этих последних осуществлений свидетельствующих о Нем пророчеств. Стало быть, до Его смерти, воскресения и до обращения Им народов еще не все было совершено, а потому во все это время нужны были чудеса. Теперь же чудеса не нужны против иудеев, так как исполненные пророчества — постоянное чудо.

IV

640 Замечательно и достойно особого внимания, что еврейский народ, при всем своем несчастном положении, существует в продолжение стольких лет. Чтобы быть

свидетелями Иисуса Христа, евреи должны существовать и, в то же время, бедствовать за то, что Его распяли. Хотя постоянное бедствие исключает возможность продолжительной жизни, тем не менее они, хотя и бедствуют, но существуют.

(Но не были ли они почти в таком же положении во время плена? Нет. Пленом скипетр не был отнят от Иуды окончательно, потому что возвращение их было обещано и предсказано). Когда Навуходоносор увел народ, то, чтобы они не подумали, что скипетр будет взят от Иуды¹, им заранее было предсказано, что пленение будет непродолжительное, и самостоятельность будет возвращена им². Они постоянно получали утешения от пророков, и цари их продолжались. Но при вторичном разрушении храма обещания восстановить его не было, как не было ни пророков, ни царей, ни утешения, ни надежды, ибо скипетр навсегда был отнят у них. 639

Не значило быть в плену, когда существовала уверенность через семьдесят лет получить избавление. Но теперь у них нет никакой надежды. 638

Бог обещал им, что, хотя Он рассеет их по краям света, однако, если они будут верны закону, Он соберет их опять. Они очень верны ему, но остаются в угнетении. (Стало быть, Мессия явился, а закон, содержащий эти обещания, перестал существовать вследствие установления закона нового).

V

Если бы иудеи были обращены Иисусом Христом, то у нас были бы только сомнительные свидетели, будь же они истреблены окончательно, мы совсем не имели бы свидетелей. 750

Иудеи отвергают Его, но не все. Святые Его принимают, чувственные — нет. И это не только не умаляет Его славы, но, напротив, довершает ее. Причина их неверия, 760

и притом единственная, высказанная в их писаниях, в Талмуде и у раввинов, та, что Иисус Христос не покорил народы вооруженной рукой: *Препояши Себя по бедру мечом Твоим, Сильный**, только и могут сказать они. Иисус Христос был убит, говорят они, изнемог, не покорил язычников Своей силой, Он не дал нам добычи с них, он совсем не дает богатств. Только то? Этим именно Он и дорог мне. Я бы совсем не хотел того, которого они себе представляют.

Совершенно очевидно, что лишь тот жизненный уклад, которого они придерживались, помешал им принять Мессию. Но как раз в силу означенного отказа они стали безупречными Его свидетелями и, более того, таким образом способствовали исполнению пророчеств.

Посредством этого неприятия, установившегося со стороны иудеев, проявился следующий парадокс: пророчества, которые суть единственные, способные их убедить чудеса, допускают противоречивые истолкования¹.

VI

701 Как сладко очами веры видеть, как Дарий и Кир, Александр, римляне, Помпей и Ирод¹, сами того не сознавая, действуют во славу Евангелия.

VII

601 Религия язычников сегодня никаких оснований не имеет. Утверждают, что прежде таковыми служили говорящие оракулы. Но что за книги пытаются уверить нас в этом? Достойны ли они доверия в силу особой добродетельности их авторов? Сохранялись ли с той заботой, каковая могла бы убедить, что они никак не искажены? Мусульманская вера основывается на Коране и Магомете. Но этот пророк, который должен бы быть последней надеждой мира,— был ли он предсказан? И какие особые признаки имеет

---

* Пс. XLIV, 4.

он, которые бы отличали его от всякого человека, пожелавшего выдавать себя за пророка? Какие чудеса, по его словам, совершил он сам? Какую открыл он тайну, какой научил нравственности, какое указал блаженство?

Магомет не имеет свидетельств о себе. Зато должны 595
быть очень сильны его умственные доводы, раз они основаны только на своем собственном авторитете. Что же говорит он? Что ему нужно верить.

Различие между Иисусом Христом и Магометом.— Ма- 599
гомет утвердил свою религию на избиении других, Иисус Христос — отдав на избиение Своих; Магомет запрещал читать¹; апостолы, напротив, читать приказывали. Наконец, самое резкое различие: Магомет искал успехов человеческих, тогда как Иисус старался страдать и умер по-человечески. Вместо того, чтобы заключить, что если имел успех Магомет, то Иисус Христос мог иметь его и подавно, — следует сказать: так как Магомет имел успех, то Иисус Христос должен был погибнуть.

Статья XVIII

Для чего Бог, скрываясь от одних, обнаруживает Себя другим

I

430

ОГ хотел искупить людей и дать возможность спасения ищущим Его. Но люди оказываются столь недостойными, что Бог, по справедливости, отказывает некоторым, вследствие их загрубелости, в том, что дарует, по незаслуженному ими милосердию, другим. Если бы Он пожелал побороть упорство самых загрубелых, Он мог бы сделать это, обнаружив Себя им так торжественно, что они не могли бы усомниться в истинности Его существования,— как явится Он в последний день при таком громаде, молнии и разрушении природы, что мертвые воскреснут и самые слепые увидят Его.

Но не в таком виде пожелал Он совершить свое кроткое пришествие; так как множество людей оказались недостойными Его милосердия, то Он не хотел даровать им того блага, от которого они сами отказываются. Поэтому весьма справедливо, что Он явился не в полноте Своего божественного величия, что, несомненно, заставило бы уверовать в Него всех людей, однако и не настолько таинственно, чтобы Его не могли узнать искренно Его ищущие. Он хотел дать таким людям полную возможность узнать Его и потому, желая быть явным для ищущих Его всем сердцем и скрытым от тех, которые

всем сердцем своим бегут Его, Он умеряет возможность Его познания: ясно открывая Себя стремящимся к Нему и скрываясь от людей равнодушных.

II

Достаточно имеется света для желающих только видеть 430
и достаточно мрака для людей, желания которых направ-
лены в другую сторону. Достаточно ясности для про- 578
свещения избранных и довольно темноты, чтобы смирять
их. Достаточно темноты для ослепления осуждаемых и
довольно света, чтобы осудить их и сделать незаслу-
живающими прощения.

Если бы мир существовал с целью поучать человека 556
бытию Бога, то оно проявлялось бы всюду неопровер-
жимым способом; но так как мир существует только
через Иисуса Христа и для Него, а также для того, чтобы
указывать людям на их испорченность и необходимость
искупления, то все в мире и носит доказательство этих
двух истин. Все, что проявляется в нем, не означает ни
полного отсутствия, ни явного присутствия Божества, но
присутствие сокровенного Бога: все носит на себе такой
признак.

Если бы никогда не было никаких обнаружений Бога, 559
то это постоянное лишение было бы двусмысленно и
одинаково могло относиться к небытию вообще Бога или
к недостойнству людей познавать Его. Но то обстоятель-
ство, что Он открывал Себя по временам, хотя и не
всегда, устраняет эту двусмысленность. Если же являлся
хотя один раз, значит Он всегда существует. Отсюда
можно вывести только то заключение, что есть Бог, но
люди Его не достойны.

III

(Цель Бога скорее совершенствовать волю, чем ум. Но 581
полная ясность послужила бы в пользу только уму и

586 повредила бы воле). Если бы не существовало никакой тайны, человек не чувствовал бы своей испорченности. Если бы совсем не было света — человек не надеялся бы на врачевание. Потому не только справедливо, но и полезно для нас, что Бог отчасти сокрыт от нас и отчасти только открыт нам, ибо одинаково опасно для человека знать Бога, не зная своего бедственного состояния, ни знать свою беспомощность, не ведая Бога.

IV

557 Стало быть, верно, что все указывает человеку на его положение; но нужно хорошо понимать это, ибо не верно думать, что все обнаруживает Бога, и не верно, что Он сокрыт повсюду. Верно же взятое все вместе, т.е. что Он скрывается от испытующих Его и открывается ищущим Его; люди, все вместе, недостойны Бога, но могут Его удостоиться; недостойны вследствие своего повреждения и достойны по своей первоначальной природе.

V

562 На земле нет ничего, что не свидетельствовало бы или о жалком положении человека, или о милосердии Бога; или о беспомощности человека без Бога, или о могу-
п 560 ществе человека с Богом. Вся вселенная возвещает человеку или о его поврежденности, или о его искуплении. Все возвещает ему его величие или ничтожество. Каков человек, предоставленный Богом самому себе, видно на язычниках; покровительство Божие обнаруживается в иудеях.

VI

575 Избранным все служит к добру, даже самые неясности Писания, ибо они чтут их за его ясные стороны; наоборот, у других все обращается во зло, даже самые очевидности, так как они проклинаяют их за неясности, коих не понимают.

Если бы Иисус Христос пришел только во освящение 795
людей, то все Писание и все события клонились бы к
этому, и легко было бы обратить неверных. Если бы
Иисус Христос явился только для того, чтобы ослепить,
то все Его действия были бы неясны, и мы не имели
бы никакого средства убедить неверующих. Но так как
Он пришел *как освящение и камень преткновения и
соблазна*, по словам пр. Исайи (VIII, 14), то уверить
неверующих мы не можем, и они не могут убедить нас;
однако тем самым мы их убеждаем, утверждая, что из
всех Его действий нельзя вывести решения, исключитель-
ного в пользу той или другой стороны.

Иисус Христос пришел ослепить зрящих и дать зрение 771
слепым; исцелить больных и послать смерть здоровым;
призвать к покаянию и оправдать грешников, и праведных
оставить в грехах их; обогатить неимущих и оставить ни
с чем богатых.

Что говорят о Иисусе Христе пророки? Что Он явно 751
будет Богом? Нет. Но они говорят, что Он в действитель-
ности Бог сокровенный; что Его не узнают, будут думать,
что это совсем не Он, что Он будет камнем преткновения,
о который споткнутся многие, и т.д.

Бог, чтобы сделать Мессию узнаваемым для добрых 758
и неузнаваемым для злых, так и предсказал о Нем устами
пророков. Если бы образ явления Мессии был предсказан
ясно, то в нем не было бы ничего непонятного даже для
злых. Если бы время было предсказано туманно, то была
бы неясность даже для добрых; ибо доброта сердца их
не подсказала бы им, например, что *мем* закрытая (D)
означает шестьсот лет¹. Но время явления было пред-
сказано ясно, способ же — только символически, иноска-
зательно.

Вследствие этого злые, принимая обещанные блага за
материальные, заблуждаются, несмотря на то, что время

предсказано ясно; добрые же не заблуждаются, ибо понимание обещанных благ зависит от склонностей сердца, которое называет благом то, что любит; таким образом, предсказание, ясное в отношении времени и темное в отношении благ, обманывает только злых.

VIII

753 Каким должен был быть Мессия, когда ради Него скипетр непрерывно имел оставаться у Иуды, а по Его пришествии отойти от Иуды¹?

Чтобы заставить их видеть не видя и понимать не разумея, это было лучшее средство.

288 Вместо того, чтобы жаловаться на сокровенность Бога, вы должны благодарить Его, что Он так явно обнаружил Себя, и еще должны быть благодарны Ему, что Он не открыл Себя ни мудрецам, ни высокомерным, недостойным знать столь святого Бога.

IX

578 Родословная Иисуса Христа перемешана в Ветхом Завете со столькими другими, не идущими к делу, что выделить ее невозможно. Иное дело, если бы Моисей исчислял только предков Иисуса Христа. Однако, при ближайшем рассмотрении, родословную Иисуса Христа нетрудно отличить от других, с ней смешанных, благодаря жизнеописаниям Фамари¹, Руфи² и пр.

Все кажущиеся слабыми стороны приобретают положительную силу в глазах посвященного и верующего. Так, например, обе родословные, у евангелистов Матфея и Луки³,— что может быть очевиднее, что они написаны без всякого предварительного уговора.

X

751 Пусть же не упрекают нас в недостатке ясности, ибо мы сами признаем, что эта неясность существует. Но

пусть признают истинность нашей религии в самой неясности ее, в силу недостаточного нашего знакомства с ней и нашего равнодушия к ее изучению. 565

Если бы существовала только одна религия, то Бог был бы слишком явен, как и в том случае, если бы мученики были среди последователей только нашей религии. 585

Чтобы оставить злых при их заблуждении, Иисус Христос не говорил ни что Он не происходит из Назарета, ни что Он не Сын Иосифа¹. 796

XI

Как Иисус Христос жил неузнанным среди людей, так и правда Его пребывает без внешних отличительных признаков среди обыденных истин, так и евхаристия среди обыкновенных хлебов. 789

Если милосердие Божие, будучи даже прикровенным, наставляет нас на путь спасения, то какого же света должны мы ждать от Него, когда Он вполне обнаружится? 848

Ничего мы не поймем в делах Божих, если не поставим себе за правило, что Он желал ослепить одних и просветить других. 566

Статья XIX

Ветхий и Новый Заветы по существу одна религия

I

ПО-ВИДИМОМУ, существенными составными частями вероисповедания иудеев были: происхождение их от Авраама, обрезание, жертвоприношения, церемонии, кивот завета, иерусалимский храм и, наконец, закон и заключенный через Моисея союз с Богом.

Я утверждаю, что религия иудеев заключается совсем не в этом: единственным выражением ее должна была быть любовь к Богу, и Бог осуждал все остальное.

Бог совсем не признавал прав происхождения от Авраама.

Иудеи, как и другие народы, подвергаются наказанию от Бога, если не послушают Его: *если же ты забудешь Господа Бога твоего, и найдешь затем богов других, и будешь служить им, и поклоняться им, то свидетельствуюсь вам сегодня, что вы погибнете как народы, которые Господь истребляет от лица вашего* (Второзак. VIII, 19, 20).

Иноплеменники наравне с иудеями могут быть приняты Богом, если возлюбят Его: *да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от Своего народа...» Присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть*

рабами Его... Я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моем доме молитвы; всесожжения их и жертвы их (будут) благоприятны на жертвеннике Моем: ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов (Ис. LXI, 3, 6, 7).

Истинные Иудеи считали свою заслугу по силе верности Богу и Его заповедям, а не по происхождению от Авраама: *только Ты Отец наш; ибо Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твое: «Искупитель наш» (Ис. LXIII, 16).*

Сам Моисей сказал им, что Бог не принял бы никого¹: *Бог, говорит он, не смотрит на лица и не берет даров (Второзак. X, 17).*

Суббота — не что иное, как знак (Исх. XXXI, 13), знак памяти об исходе из Египта. Соблюдение ее более не необходимо, поскольку нужно забыть Египет.

Заповедано обрезание сердца. *Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковъйны. Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык. Бог великий и страшный, Который не смотрит на лица (Второзак. X, 16, 17; Иерем. IV, 4).*

Бог совершит это со временем: *И обрежет Господь, Бог твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей (Второзак. XXX, 6).*

Необрезавшие сердца своего будут осуждены. Бог осудит народы необрезанные, а также и весь народ Израиля, потому что *сердце его не обрезано (Иерем. IX, 25, 26).*

Вера внешняя и обрядность, без участия сердца, ни к чему не служат: *раздирайте сердца ваши, а не одежды, говорит пророк (Иоил. II, 13. См. также Ис. LXIII).*

Я утверждаю, что обрезание было символом, установленным для отличия иудеев от других народов (Быт. XVII, 11).

Оттого во время нахождения их в пустыне они не обрезывались, ибо не было возможности смешаться им с другими народами; оттого же обрезание стало ненужным со времени пришествия Иисуса Христа.

Любовь к Богу внушается во всем Второзаконии: *во свидетели пред вами призывают небо и землю: жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя* (Второзак. XXX, 19, 20).

Иудеи, за недостатком этой любви, будут осуждены за свои пороки, и язычники займут место их. *Сокрою лицо Мое от них и увижу, какой будет конец их; ибо они род развращенный, дети, в которых нет верности* (Второзак. XXXII, 20, 21). *Они возбудили гнев Мой, служа иным богам; и Я в возмездие им, возбужу в них ревность, призвав к Себе народы, не вопрошавшие обо Мне и не искавшие Меня* (Ис. LXV)*.

Временные блага суть блага ложные, истинное же благо есть единение с Богом (Пс. LXXII).

Праздники их не благоугодны Богу (Амос. V, 21).

Как не угодны ему и жертвоприношения их (Ис. XLVI, 1—3; Иер. VI, 20; Ис. XLIX, 18), даже со стороны добрых (Ис. XLIX, 8—14). Установлены же жертвы только ввиду загрубелости иудеев. Замечательны слова пр. Михея (VI, 6, 8; см. также I кн. Царств XV, 22 и Ос. VI, 6).

Приношения язычников будут приняты Богом, и неблагоприятны будут жертвы иудеев (Мал. I, 10, 11).

Бог заключит новый завет чрез Мессию, старый же будет отвергнут (Иерем. XXX, 31, 32).

Прежнее все забудется (Ис. XLIII, 18, 19).

---

* Этими словами выражено здесь только извлечение из всей LXV главы книги пр. Исайи, применительно к подлиннику, почему и допущен курсив, как у автора.

Не вспомнят более о ковчеге завета (Иерем. III, 16).

Храм будет отвергнут (Иерем. VII, 12—14).

Отвергнуты будут жертвоприношения, и установлены чистые жертвы (Мал. I, 10, 11).

Чин жертвенных служб Аарона будет осужден, и введено Мессией служение по чину Мельхиседекову (Пс. CIX).

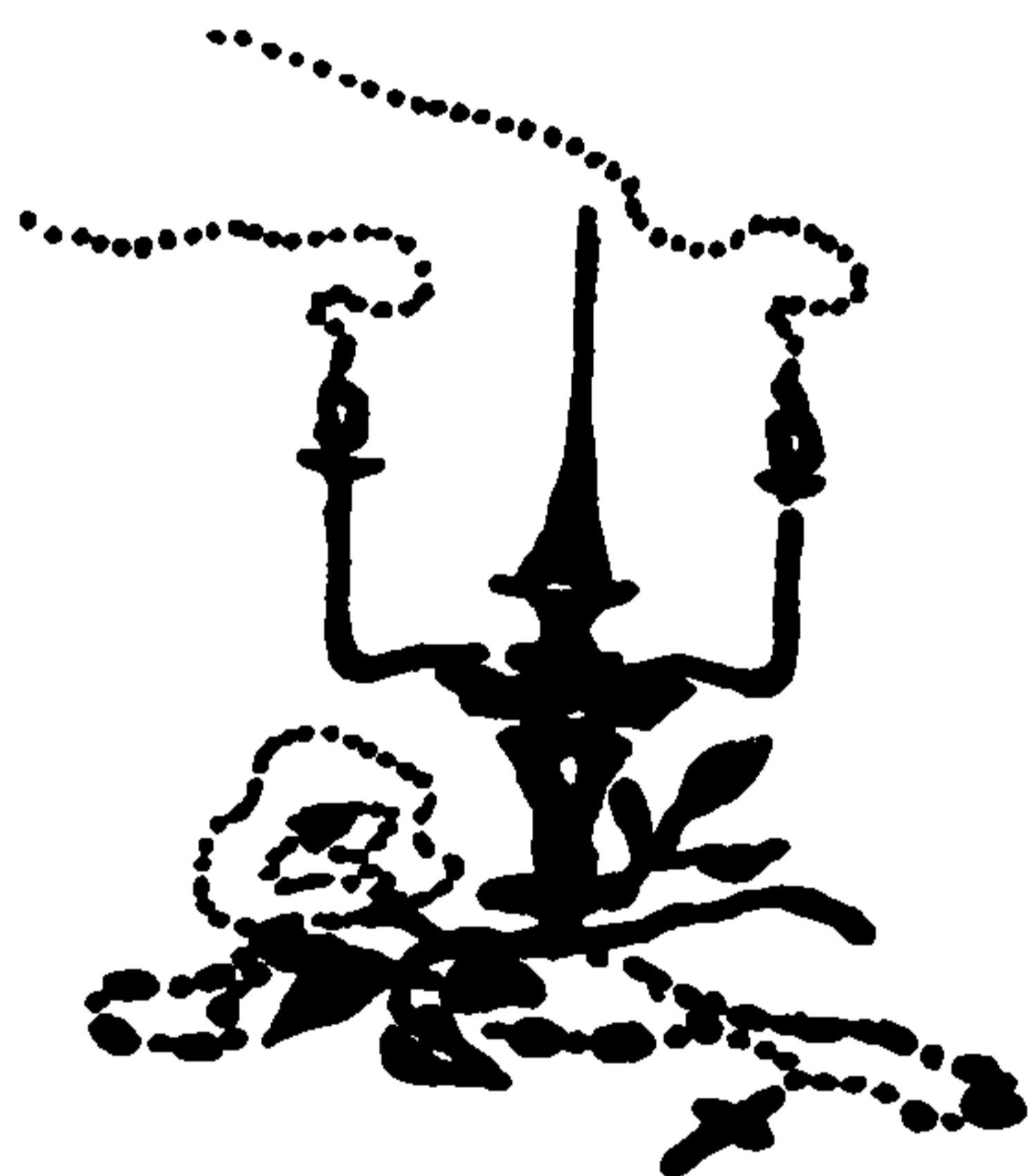
Это священство будет вечное (Пс. CIX).

Иерусалим будет осужден, а Рим принят*. Имя иудеев будет оставлено для проклятия и заменено другим (Ис. LXV, 15).

Это последнее имя будет лучше, чем у иудеев, и будет вечным (Ис. LXI, 5).

Иудеи останутся без пророков, без царя и без князя, без жертвы и без жертвенника (Ос. III, 4).

Иудеи, тем не менее, не перестанут быть народом (Иерем. XXXI, 36).

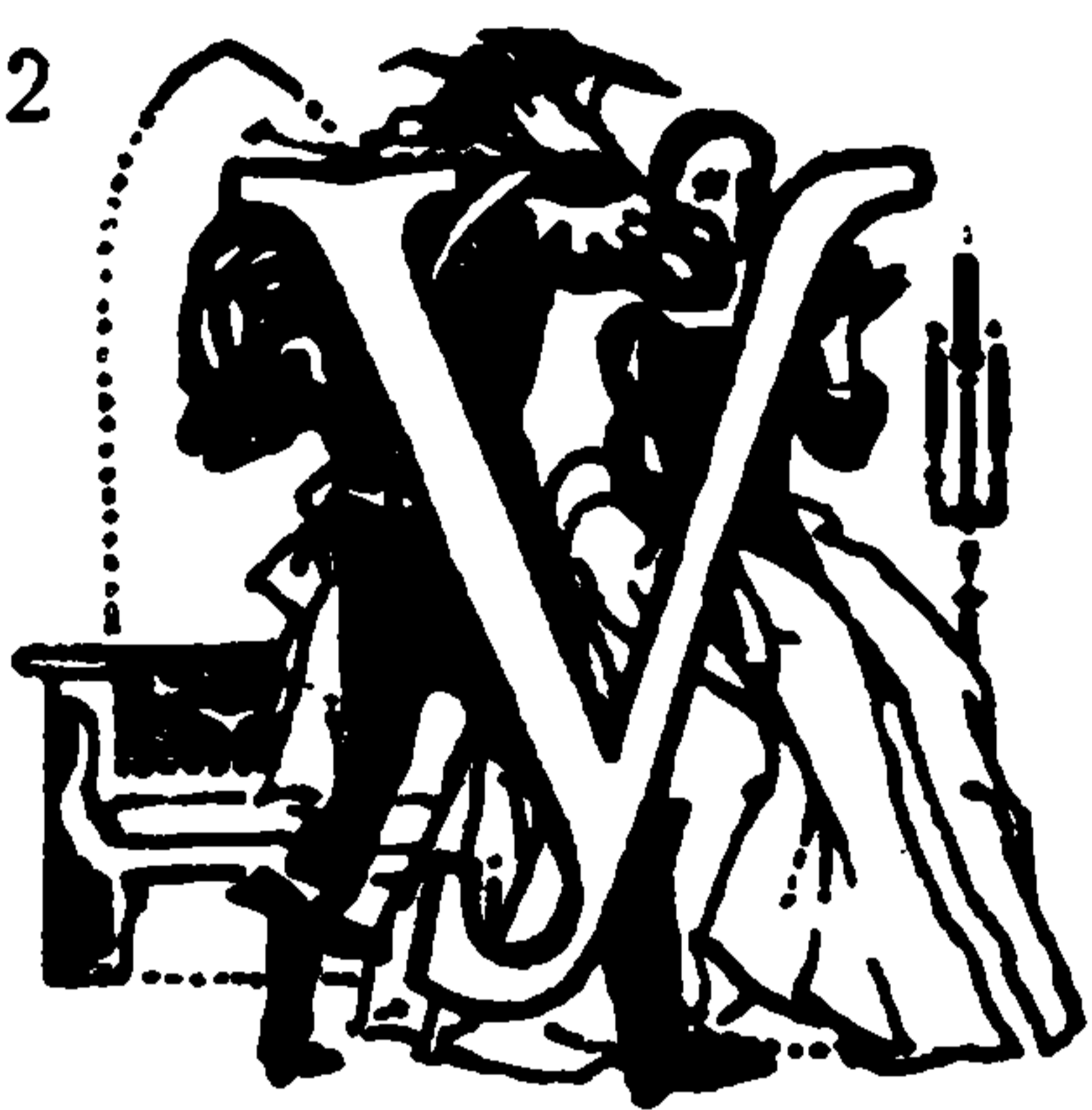
* Автор понимает под именем Рима язычников, охотнее и многочисленнее вступивших в Церковь Христову, чем иудеи.

Статья XX
Истинное, благотворное
познание Бога достижимо
только через Иисуса Христа*

I

242

ДИВЛЯЮСЬ смелости, с которой эти лица** берутся говорить о Боге с нечестивыми. Первым делом они стараются доказать Божество делами природы¹.

Я не удивлялся бы такому приему, если бы они говорили к верующим, ибо имеющие живую сердечную веру, конечно, ни на минуту не сомневаются, что все существующее есть дело Бога, которому они поклоняются. Иное дело, когда приходится оживить этот свет в людях, отрешенных от веры и благодати и, несмотря на все усилия своего ума, вместо света находящих только мрак и пустоту. Говорить таким людям, будто стоит только рассмотреть малейшую из окружающих их вещей, чтобы ясно обнаружить в ней присутствие Бога, и в доказательство этого великого и важного предмета описывать им пути луны и планет и тем считать дело убеждения сделанным — значит давать им повод думать, что доказательства нашей религии весьма слабы. По убеж-

---

* Часть этой статьи в издании Фожера носит заглавие: *Предисловие ко второй части.*

** Вариант. «Большинство берущих на себя задачу доказывать Божество нечестивым обыкновенно начинают с дел природы и т.д.» (Издание 1670 г.).

дению и по опыту я нахожу, что это, напротив, вернейшее средство породить в них презрение к религии.

Не так говорит об этом Писание, которому лучше известны дела Божии. Оно, напротив, утверждает, что Бог сокрыт, и с тех пор, как природа повреждена, Он оставил людей в ослеплении, от которого исцелиться они могут только через Иисуса Христа, и без Него невозможно никакое общение с Богом: *И Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть* (Матф. XI, 27).

Вот что ставит нам на вид Писание, многократно повторяющее, что ищущие Бога найдут Его, но совсем не при помощи дневного света, так как ищущие света среди белого дня или воды в море — найдут то и другое; нет, очевидность присутствия Божия в природе не такова. Писание говорит нам в другом месте: *истинно Ты есть Бог сокровенный* (Ис. XLV, 15).

II

Иисус Христос есть средоточие всего. Кто знает Его, 556
тому ясны причины и значение всех вещей.

Заблуждающиеся заблуждаются только вследствие того, что не видят одной из этих истин. Конечно, можно знать Бога, не сознавая своей немощи, и сознавать свою немощь без Бога, но нельзя познать Иисуса Христа, не зная одновременно и Бога, и своей немощи.

Вот почему я не намерен доказывать здесь доводами естественного разума ни существования Бога, ни св. Троицы, ни бессмертия души, и ничего подобного. Я делаю это не только потому, что чувствовал бы себя недостаточно сильным находить в природе доказательства для убеждения загрубелых безбожников, но потому еще, что без Иисуса Христа это познание бесполезно и бесплодно. Если бы кто-нибудь пришел к убеждению, что отношения чисел суть истины нематериальные, вечные и зависят от первоначальной истины, в которой они существуют и которую

называют *Бог*, я не счел бы этого человека значительно подвинувшимся на пути к своему спасению.

III

243 Замечательная вещь, что ни один из канонических авторов не пользовался природой для доказательства Бога; Давид, Соломон и т.д.— все стремятся возбудить веру в Бога, но никогда вы не встретите у них подобного выражения: пустоты не существует— значит есть Бог. А эти люди были помудрее тех, которые теперь обязательно прибегают к подобной аргументации.

IV

428 Если вы соглашаетесь, что доказывать существование Бога рассмотрением природы значит обнаружить слабость аргумента, то не презирайте Писания; если же, напротив, считаете признаком силы, что оно познало противоречия в природе человека, то за это вы должны уважать Писание.

V

556 Ничего нельзя познать из дел Божьих, если не принять за правило, что Бог хотел ослепить одних и просветить других.

VI

543 Метафизические доказательства Бога так запутаны и так далеки от человеческих мыслей, что производят впечатление очень слабое; а если бы и принесли пользу некоторым, то разве только в ту минуту, когда эти доказательства у них перед глазами; но час спустя они уже начинают бояться— не обманулись ли. *Quod curiositate cognoverint superbia amiscrunt**.

---

* «Найденное ими, при помощи пытливого разума, они утратили вследствие гордости». Вероятно, на память цитировано Паскалем из блаж. Августина.— Прим. Э.Авв.

(Впрочем, такого рода доказательства могут привести нас только к спекулятивному понятию о Боге, а понимать Его только таким образом не значит понимать Его).

Именно от этого возникают попытки познавать Бога без Иисуса Христа, вступать напрямую в общение с божеством, постигаемым без помощи Посредника. Оттого, вместо познания Бога с помощью Посредника, познают лишь собственное ничтожество.

VII

Бог христиан не есть только Бог геометрических истин и стихийного порядка; таков Бог язычников и эпикурейцев. Это не только Бог, промысляющий о жизни и земных благах людей с целью дать ряд счастливых лет жизни поклоняющимся Ему: то Бог иудеев. Но Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог христиан есть Бог любви и утешения; это Бог — наполняющий верные Ему души и сердца, внедряющий в них ощущение их беспомощности и Своего бесконечного милосердия, соединяющийся с ними в глубине души их, наполняющий ее кротостью, радованием, упованием, любовью, делающий их неспособными стремиться к чему-либо иному, кроме Его Самого. 556

Бог христиан есть Бог, дающий душе чувствовать, что Он ее единственное благо, что весь ее покой в Нем и единственная радость ее в любви к Нему; это Бог, внушающий душе в то же время ненависть к препятствиям, которые ее задерживают в стремлении любить Его всеми силами. Самолюбие и чувственность, составляющие эти препятствия, невыносимы для души, и Бог дает ей чувствовать, что себялюбие глубоко коренится в ней и что Он один может исцелить ее. 544

Познание Бога без сознания нашей немоци производит гордость. Сознание же нашей немоци без познания Иисуса Христа ведет к отчаянию. Но познание Иисуса Христа ограждает нас и от гордости и от отчаяния, ибо в Нем 527

мы обретаем как сознание своей немощности, так и единственный путь к ее уврачеванию.

547 Мы можем познавать Бога, не зная своего жалкого состояния, или знать последнее, не ведая Бога; или — ведать Бога и нашу немощь, не зная средства избавиться от обуревающих нас зол. Но мы не можем знать Иисуса Христа, не зная одновременно и Бога, и нашей греховной немощи, а вместе и средства против последней, ибо Иисус Христос не есть просто Бог, но Бог, восстанавливающий нас из нашей немощи¹.

556 Таким образом, все ищущие Бога помимо Иисуса Христа и останавливающиеся на природе или не находят никакого света, который бы мог удовлетворить их, или кончают тем, что изобретают средство познавать Бога и служить Ему без посредника и таким путем доходят или до атеизма, или до деизма — двух вещей, почти одинаково противных христианской религии.

836 Следовательно, все наши стремления должны быть направлены к познанию Иисуса Христа, потому что только через Него мы можем получить уверенность, что знаем Бога так, как знать Его нам полезно.

Он есть истинный Бог людей, т.е. немощных и грешных. Он есть предмет и средоточие всего: кто не знает Его, не знает ничего ни в порядке мира, ни в себе самом. Ибо помимо Иисуса Христа нам недоступно не только познание Бога, но и самих себя.

546 Без Иисуса Христа человек предоставлен пороку и своей немощи; с Иисусом же Христом человек освобождается от того и другого. В Нем вся наша добродетель и все наше блаженство; вне Его лишь порок, бедствие, заблуждение, мрак, отчаяние, и, кроме мрака и беспорядка, мы не видим ничего ни в природе Бога, ни в нашей собственной.*

---

* В рукописи есть только часть этого параграфа, но он целиком помещен в издании 1670 г. и в *Истории аббатства Пор-Рояль* (1752 г., т. IV, с. 468—476).

Статья XXI

Мысли о чудесах

I

О учению различаются чудеса, и по чудесам различается учение. 803

II

Чудеса бывают ложные и истинные. Чтобы была возможность определять их достоинство, они должны иметь какой-либо отличительный признак, иначе они были бы бесполезны. А они не бесполезны, напротив, служат основанием. Необходимо поэтому, чтобы правило для определения чудес не разрушало доказательства, доставляемого истинными чудесами об истине — главной цели чудес. 803

Не будь вовсе ложных чудес, не было бы места и сомнению. При отсутствии правила для различения истинных от ложных чудеса были бы бесполезны, и в них не было бы основания для веры.

Как различать истинные чудеса от ложных, о том говорит Моисей в двух местах (Второзак. XIII, 1, 2, 3 и XVIII, 22); также Иисус Христос: *никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня* (Марк. IX, 39). Хотя сущность чудес и сообразована с

христианским учением, для самого по себе учения они бесполезны.

836 (Откуда следует, что открыто объявляющий себя про-
тивником Иисуса Христа не может делать чудес Его
именем. Поэтому, если он и делает их, то не именем
835 Иисуса Христа, и ему не должно давать веры. Таковы
случаи, когда чудеса исключают веру. Других исключений
не должно допускать: в Ветхом Завете, когда чудо имеет
целью отвратить вас от Бога, в Новом Завете — от Иисуса
Христа.

Поэтому при виде чуда нужно или подчиниться ему,
или иметь необыкновенные признаки противного: нужно
видеть, отрицает ли совершающий чудо или Бога, или
Иисуса Христа, или Церковь.

III

487 Ложна всякая религия, не поклоняющаяся Богу как
началу всех вещей и в своем нравственном учении не
указывающая любить одного Бога как цель всех вещей.
Всякая религия, не признающая Иисуса Христа теперь,
есть очевидно ложная: и чудеса никакой пользы принести
ей не могут).

808 Иудеи имели о Боге, как мы о Иисусе Христе, учение,
подтвержденное чудесами; им было запрещено верить
чудотворцам, если бы те хотели совратить их в ложное
учение, даже более того,—им было повелено прибегать
в таких случаях к первосвященникам и их держаться*.

И таким образом те же причины, которые побуждают
нас отказать в вере чудотворителям, имели и иудеи отно-
сительно появлявшихся среди них пророков.

Однако они были весьма виновны, отвергая творивших
чудеса пророков и Иисуса Христа, и не были бы виновны,
если бы чудес не видели. *Если бы Я не сотворил между*

---

* Второзак. XVII, 12; Мал. II, 7.

ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха (Иоан. XV, 24).

Пророчество не может быть названо чудом. Так, ап. Иоанн говорит вначале о чуде в Кане Галилейской¹ и лишь после о том, что Иисус Христос сказал самаритянке, правильно указав все ее жизненные обстоятельства². Затем Он исцелил сына царедворца, и ап. Иоанн назвал это «вторым знамением»³.

Отсюда следует, что Иисус Христос считал Свои чудеса 843 верными доказательствами того, чему учил, и иудеям надлежало верить им. И действительно, собственно чудеса сделали иудеев виновными в их неверии. Свидетельства, которые Иисус Христос и апостолы извлекают из Писания, не доказательны, ибо ими подтверждается только, что Моисей предсказал пришествие пророка, но не доказывается, что этот пророк был именно Иисус Христос, а в этом весь вопрос. Эти места Писания показывают лишь, что признание Иисуса Христа Мессией не противоречит Писанию, а не то, что оно прямо согласуется с ним. Однако и подобного вывода достаточно, чтобы исключить пренебрежительное отношение к чудесам.

IV

Иисус Христос говорил, что Писание свидетельствует о Нем, но не показывал, в каком именно смысле.

Пророчества одни не могли доказать истинности Иису- 829 са Христа как Мессии во время Его жизни*, а потому не было бы вины в неверии в Него до Его смерти, если бы недостаточно было чудес Его, помимо учения. А неуверовавшие в Него при Его жизни были грешниками, и, как Сам Он говорит, грешниками непрощительными. Следовательно, противясь чудесам, они противились истинному свидетельству, так как, за неимением истолкований, они должны были руководствоваться чудесами.

---

* Это было объяснено раньше (ст. III).

Стало быть, для веры достаточно одних чудес, если они не противоречат учению.

Иисус Христос свою истинность как Мессии никогда не доказывал согласностью Своего учения с Писанием и пророчествами, но всегда доказывал ее чудесами.

Стало быть, если учение непротиворечиво, то вполне достаточно одних чудес для его обоснования, и такому учению должно верить.

808 Никодим по чудесам Иисуса Христа признал, что учение Его от Бога: *Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог* (Иоан. III, 2). Он не судит о чудесах по учению, но об учении судит по чудесам.

843 Существует взаимный долг между Богом и людьми. *Рассудим,—* говорит Бог устами пророка (Ис. I, 18) и в другом месте,— *что же еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему?* (Ис. V, 4).

Долг людей к Богу — принимать посылаемую Им религию; долг Бога к людям — не вводить их в заблуждение. Опасность впасть в заблуждение была бы неминуема, если бы делающие чудеса проповедовали учение, не очевидно ложное в глазах здравого смысла, и Сам величайший Чудотворец не предупредил людей о грозящей им опасности со стороны лжеучителей, подкрепляющих свою проповедь знамениями. Если бы, таким образом, при случающихся в Церкви разделениях, еретики, вроде ариан, утверждавших, что их учение основано на том же Писании, как и у католиков, стали совершать чудеса, когда в истинной Церкви их бы не совершалось, то это наверное привлекло бы многих на их сторону. Ибо, насколько человек, возвещающий нам тайны Божии, не достоин веры, когда опирается только на свой личный авторитет, так что и нечестивцы сомневаются в нем, так, напротив, даже в глазах нечестивых заслуживает веры

тот, кто, в доказательство своего общения с Богом, воскрешает мертвых, предсказывает будущее, переносит моря, исцеляет болезни. Неверие фараона¹ и фарисеев² есть следствие сверхъестественного ожесточения.

Следовательно, когда видят безупречное учение, соединенное с чудесами, то здесь не возникает трудностей. Когда же перед нашими глазами предстают чудеса, соединенные с подозрительным учением, то в подобном случае надлежит исследовать, что является более ясным³. Иисус Христос был подозрителен.

Между понятиями искушать и вводить в заблуждение 821
есть большая разница. Бог искушает, но никогда не вводит в заблуждение. Искушать значит давать поводы, совсем не налагающие необходимости. Вводить в заблуждение значит ставит человека в необходимость делать ложные заключения и им следовать.

Так как Бог вводить в заблуждение не может, то 843
человеку, скрывающему свое дурное учение и обнаруживающему только учение доброе, согласное, по его словам, с Богом и Церковью, очевидно невозможно делать чудеса, чтобы провести ложную и тонкую доктрину — этого быть не может. Еще менее возможно, чтобы Бог, который знает сердца, творил чудеса ради подобного человека.

V

Далеко не одно и то же не быть за Иисуса Христа и 836
говорить это, или не быть за Иисуса Христа и показывать вид, что принадлежишь к Его последователям. Первые могут делать чудеса, последние — нет; ибо относительно одних можно прямо заключить, что они против истины, относительно же других — нельзя; от этого различить чудеса становится гораздо легче.

841 Таким образом, чудеса решают спорные случаи между иудеями и язычниками, иудеями и христианами, католиками и еретиками, оклеветанными и клеветниками¹, между двумя крестами².

828 (Это самое наблюдалось во всех случаях борьбы правды против заблуждения, Авеля против Каина, Моисея против магов фараона³, Илии против лжепророков⁴, Иеремии против Анании⁵, Михея против лжепророков⁶, Иисуса Христа против фарисеев⁷, ап. Павла против Вариисуса⁸, апостолов против заклинателей бесов⁹, христиан против неверных, католиков против еретиков; в деяниях Илии и Еноха; на примере Антихриста¹⁰. Правда всегда одерживает верх в чудесах).

827 (Наконец) в спорах об истинном Боге или об истинности религии никогда не случалось чудес на стороне заблуждения без того, чтобы еще большие чудеса не совершались также и на стороне истины.

Иоанн VII, 40: Споры между иудеями при жизни Христа напоминают сегодняшние споры между христианами.

829 (Во времена Иисуса Христа) одни веровали в Него, другие не веровали, основываясь на пророчествах, говоривших, что Он родится в Вифлееме. Но последним надлежало обстоятельнее расследовать, не в самом ли деле Он там родился. В виду убедительности Его чудес, они должны были вполне увериться относительно кажущихся противоречий Его учения с Писанием, и эта неясность не извиняла, но ослепляла их. Те же, кто отказывается верить в чудеса сегодня, ссылаясь на странные противоречия, присутствующие в чудесах, не заслуживают прощения.

843 Иисус Христос исцелил слепорожденного и сотворил много других чудес в субботний день, чем ослеплял фарисеев, настаивавших, что следует судить о чудесах по учению.

(Но в силу того же самого правила, по которому следовало веровать в Иисуса Христа, никак нельзя будет веровать Антихристу). 826

Иисус Христос не говорил ни против Бога, ни против Моисея. Антихрист и лжепророки, предсказанные в обоих Заветах, будут открыто говорить против Бога и против Иисуса Христа, скрывающего свою вражду к Богу. Бог не допустил бы открыто совершать чудеса. 843

Моисей предсказал Иисуса Христа и заповедал Ему следовать*. Иисус Христос предсказал Антихриста и запретил ему следовать**.

Чудеса Иисуса Христа не предсказаны Антихристом; чудеса же Антихриста предсказаны Иисусом Христом¹¹. Потому, если бы Иисус Христос не был Мессия, Он непременно ввел бы в заблуждение; но не разумно было бы впасть в заблуждение от чудес Антихриста. Вот почему чудеса Антихриста нисколько не вредят чудесам Иисуса Христа. (Действительно), когда Иисус Христос предсказывал чудеса Антихриста, думал ли Он разрушить этим веру в Свои собственные чудеса?

Нет ни одного основания для веры в Антихриста, по которому не следовало бы верить в Иисуса Христа, но для веры в Иисуса Христа есть такие основания, которые не могут служить для веры в Антихриста¹².

VI

Чудеса послужили основанием и впредь послужат продолжению Церкви до Антихриста, до конца. 852

Бог (чтобы сохранить для Своей Церкви это доказательство) или изобличил ложные чудеса, или предсказал их; таким образом, Он возвысил Себя, а вместе и нас самих над тем, что в наших глазах сверхъестественно. 824

---

* См. Второзак. XVIII, 15.

** Мф. XXIV, 23, 24.

846 (Так будет и в грядущем; или Бог не допустит ложных
850 чудес, или Он сотворит еще большие): ибо чудеса имеют такую силу, что Бог должен был предупредить, дабы (при сопротивных Ему чудесах) не подумали, как бы очевидно это ни казалось, что они от Бога, иначе они могли бы соблазнить людей.

Следовательно, места в тринадцатой главе Второзакония, содержащие запрещение верить или слушать тех, которые будут совершать чудеса и отвращать от служения Богу, затем следующие слова в Евангелии от Марка: *Восстанут лжехристы и лжепророки, и будут знаменья и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных* (Марк. XIII, 22), а также некоторые другие подобные места далеко не содержат в себе чего-либо противного авторитету чудес, что скорее не указывало бы на силу их.

VII¹

826 Не верить истинным чудесам заставляет недостаток любви: *Вы не верите,*— говорит Иисус Христос, обращаясь к иудеям,— *потому что вы не из овец Моих* (Иоан. X. 26). Тот же недостаток любви заставляет верить чудесам ложным: *За то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи* (II Сол. II, 10, 11).

817 Когда я размышлял, откуда у лжеучителей, выдающих себя за обладателей спасительных средств, является столько последователей, готовых иногда отдать в распоряжение их даже саму жизнь, то мне казалось, что настоящая причина этого та, что в числе подобных средств есть и истинные, иначе было бы невозможно существование стольких ложных средств, и чтоб им давали такую веру. Если бы вообще не было средств ни против какого зла и все виды его были бы неисцелимы, то нельзя было

бы допустить, чтоб люди вообразили себе, будто они могут дать эти средства, а тем более чтобы столько других людей давали веру выдающим себя за обладателей таких средств. Если бы явился человек и стал уверять, будто может избавить от смерти,—ведь никто не поверил бы ему, потому что такого примера никогда не было. Но так как, даже по признанию самых великих людей, было много средств, оказавшихся истинными, то у людей явилось доверие как к этим истинным, так и вообще ко всяким средствам. Народ рассуждает обыкновенно так: если вещь возможна, значит она существует; ибо раз она не может быть отрицаема вообще, вследствие некоторых частных обнаружений ее на деле, то народ, не могущий различить, которые из этих частных проявлений истины, верит им всем. Подобно этому верят столь многим ложным влияниям луны вследствие того, что некоторые ее влияния, как, например, прилив, существуют в действительности.

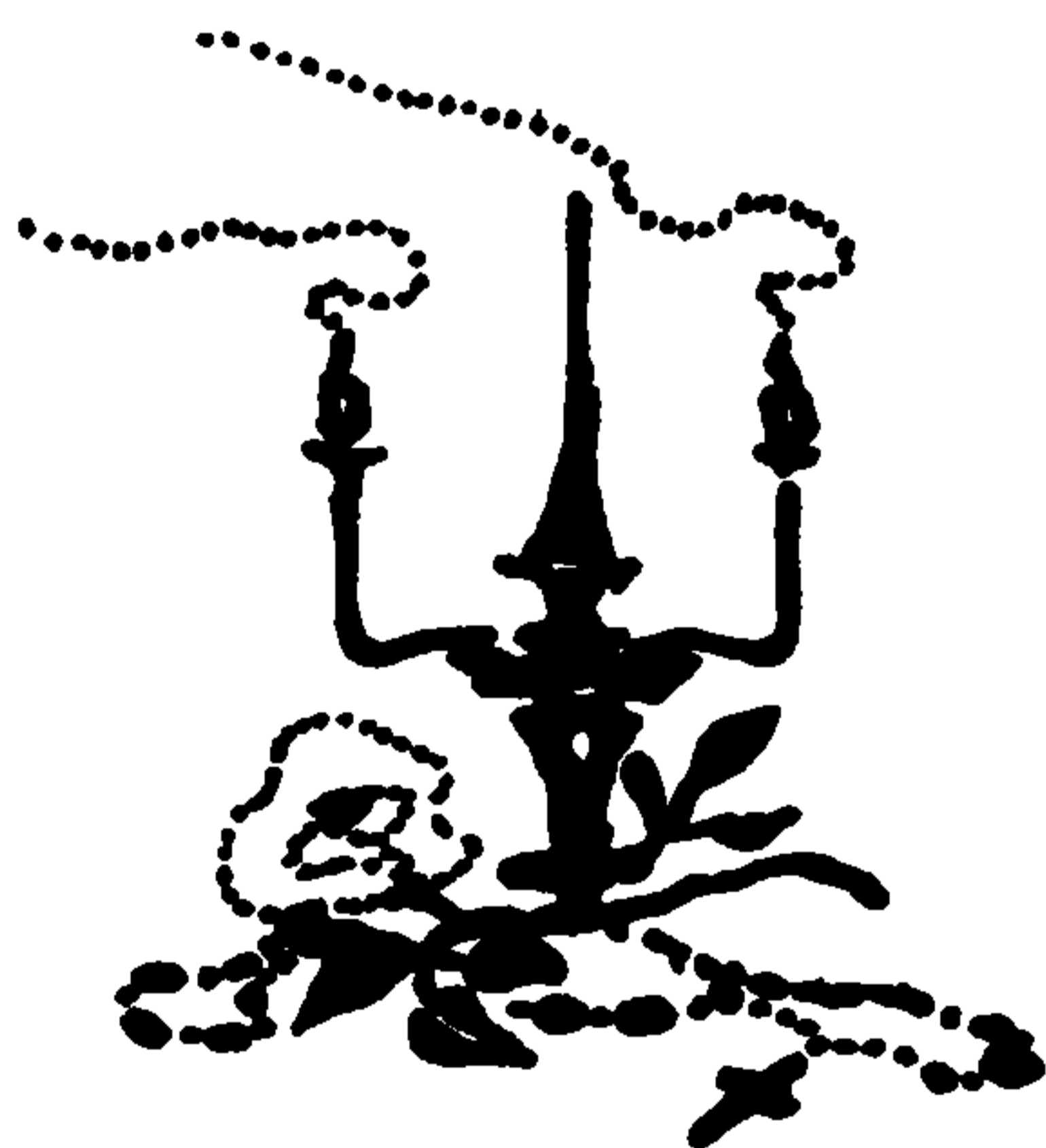
Желая объяснить себе, почему существует столько ложных чудес, ложных откровений, волшебств и т.п., я пришел к предположению, что причина этого та, что в числе ложных явлений такого рода есть и истинные. Невозможно же думать, чтобы было столько ложных чудес, если бы не было истинных, столько ложных откровений, когда бы не было откровений истинных, ни столько ложных религий, не будь одной—истинной. Ибо людям невозможно было бы представить себе того, что никогда не было, а тем более невозможно, чтобы столько других людей тому поверили. Но так как на свете действительно бывали весьма великие вещи и потому находили веру и у великих людей, то впечатление таких истинных событий было причиной, что почти все люди стали способными верить и ложным. И, таким образом, вместо заключения, что совсем нет истинных чудес, потому что есть столько ложных, следует, напротив, сказать, что есть истинные

чудеса, если есть столько ложных, и есть ложные только потому, что есть истинные; а также, что есть ложные религии только потому, что есть одна истинная. Этому противоречит существование религии и у дикарей; но если дикари имеют религию, то это потому, что они слышали, как можно заключить по кресту, найденному св. Андреем (Первозванным)², об истинной религии, о потопе, об обрезании и т.д. Происходит это оттого, что ум человека, склонившись в эту сторону под влиянием истины, делается склонным к принятию и всякой лжи.

VIII

852   Сказано: веруйте в Церковь; но не сказано: верьте чудесам — по той причине, что последнее естественно, а первое — нет. Одному нужно было научить, другому не нужно.

Статья XXII

Различные мысли о религии

I

КЕПТИЦИЗМ Пиррона, в ряду других 432
дохристианских систем философии, был
вполне прав, ибо люди до Иисуса Христа¹
не знали своего истинного положения —
считать ли им себя ничтожными или ве-
ликими. Те, которые думали решить эти
вопросы, сами ничего не знали, действовали наобум, без
всякого основания, и всегда заблуждались, потому что
были односторонни, вполне отвергая одно из двух*.

II

Бог, управляющий всем с кротостью, влагает религию 185
в ум посредством умственных заключений, а в сердце
посредством благодати. Но желать поселить религию в
сердце и в уме насильно, угрозами, значит вселять в них
не религию, а страх. Сначала пожалейте неверующих; 181
они и так несчастны. Поносить их было бы уместно

---

* Пиррон же был прав, говоря, что познание истины для человека невозможно. Только через Иисуса Христа мы познаем, с одной стороны, ничтожество и неспособность человека к высшему познанию и благу — единению с Богом; с другой стороны, возможность человеку прийти в общение с Богом через искупительную и благодатную жертву Спасителя.

только в том случае, когда бы это могло принести им пользу; но это вредит им.

523 Вся вера заключается в Иисусе Христе и в Адаме; вся мораль в сознании чувственности и необходимости благодати*.

III

277 Сердце имеет свои основания, которых ум не знает: это явствует из множества данных. Я говорю, что сердцу человеческому свойственно от природы любить самого себя, и эта любовь его направляется в ту или другую сторону, смотря по тому, какими основаниями оно руководится; и ожесточается оно против того или другого по своему выбору. Вы отвергли одно и соблюли другое¹: по
278 рассуждению ли вы любите? Сердце чувствует Бога, а не разум. Вот что есть вера: Бог ощутителен для сердца, а не для разума.

IV

584 Мир существует для дел, милосердия и суда; но люди, составляющие этот мир, уже не те, какими вышли из рук Творца; они стали врагами Божьими, которым, по милосердию Своему, Он сообщает достаточно света для того, чтобы они могли возвратиться к Нему, если захотят искать Его и за Ним последовать, но вместе и для того, чтобы наказывать их, если они откажутся искать Его и за Ним следовать.

---

* В основе христианской веры лежит грехопадение Адама, вследствие которого человек утратил свое первое блаженное состояние и пал в состояние поврежденное, немощное; лишился средств достигнуть собственными силами общения с Богом. Цель эта может быть достигнута только через веру в Иисуса Христа, который Своей смертью восстановил путь к блаженству, утраченный через грех первого человека.

V

Хорошо утомиться в бесполезном искании истинного блага, чтобы протянуть руки к Избавителю с просьбой о помощи. 422

Мало, говорю я, есть истинных христиан даже в отношении веры. Много есть верующих, но по суеверию; много есть неверующих, но по легкомыслию. Средних между двумя этими разрядами мало. 256

К суеверным я не причисляю ведущих вполне благочестивую, нравственную жизнь, а также всех верующих по внушению сердца.

VI

Достойно сожаления в людях, что все они рассуждают только о средствах, а не о цели. Всякий заботится, как ему выполнить назначение, приличное своему званию или положению, но выбор положения или отечества — дело судьбы. Жалко видеть, что столько магометан, еретиков, язычников следует примеру и образу жизни своих отцов потому только, что им внушили, что этот образ жизни наилучший. Этим предубеждением определяется всякое звание и профессия, слесаря ли, солдата ли, и т.п. Поэтому-то дикари не понимают, что может быть хорошего в Провансе* 98

VII

Что бы ни говорили, нужно признаться, что в христианской религии есть нечто удивительное! Это, скажут, потому, что вы родились в ней. Совсем не потому: я именно по этой причине сопротивляюсь такому признанию из боязни, чтобы это предубеждение не подкупило меня. Но хотя я и родился в ней, я не перестану признавать ее такой¹. 615

---

* Ср. статью *Слабость человека*, параграф VI.

VIII

561 Есть два способа убеждать в истинах нашей религии: один силами рассудка, другой — авторитетом убеждающего. Пользуются же не вторым, а первым способом. Не говорят: следует верить этому, потому что так говорит Писание, которое от Бога; но говорят обыкновенно, что следует верить по такой-то и такой причине*. Однако последние доводы слабы, так как разум может подчиняться всему.

п 194 (Самые, по-видимому, рьяные противники славы религии не будут бесполезны для других. Мы воспользуемся ими как первым аргументом: в таком сопротивлении есть что-то неестественное, ибо подобное заблуждение не натурально. Если их безумие заставляет их так сопротивляться своему собственному благу, то оно послужит для других предупреждением, благодаря ужасу, который внушается столь плачевным примером и столь достойным сожаления безумием).

IX

556 Без Иисуса Христа мир не существовал бы, ибо ему надлежало или быть разрушенным, или стать подобием ада.

Познающий лишь природу, не познает ли он ее для того, чтобы впасть в ничтожество? Познавший ее одну, обретет ли он ее одну, обретет ли он что-то, кроме несчастья¹?

Не следует человеку совсем ничего не видеть, не следует также видеть ему столько, чтобы у него было основание предположить, что он обладает истиной вполне. Но видеть ему нужно лишь настолько, чтобы увериться в утрате этой истины; ибо для познания утраченного нужно и видеть и не видеть; и таково именно состояние,

---

* По мнению Э.Авэ, автор имеет здесь в виду Монтеня и Декарта.

в котором находится природа. К чему бы он ни пристал, я не оставлю его там в покое...

Дело истинной религии указать человеку и его величие, и его ничтожество, научить его уважать и презирать себя, любить и ненавидеть. 494

Я замечаю, что христианская религия основана на предшествовавшей религии, как оно и есть на самом деле. 619

Я не говорю здесь о чудесах Моисея, Иисуса Христа и апостолов, потому что сначала они не представляются убедительными, но хочу лишь выставить здесь все те неоспоримые основания этой христианской религии, которые не могут быть заподозрены кем бы то ни было.

Х

Религия столь великая вещь, что становится вполне справедливым, когда ее лишаются те, которые не дают себе труда искать ее, если она не ясна. На что же жалуются, когда она может быть найдена, если поискать ее? 574

Гордость уравнивает и перевешивает все немощи и недостатки. Это — чудовище и яркое свидетельство ослепления человека. Вот он пал со своего места и с беспокойством ищет его. 406

Вследствие повреждения мира грехом надлежит всем находящимся в этом состоянии знать его, безразлично, уживаются ли они с ним или им тяготеет. Но несправедливо всем видеть искупление. 449

Когда говорят, что Иисус Христос умер не за всех, то злоупотребляют известным пороком людей, готовых тотчас придрасться к этому исключению. Это значит помогать отчаянию вместо того, чтобы отвлекать от него и оживлять надежду*. 781

---

* По поводу этого параграфа Эрнест Авэ говорит следующее: «Этот отрывок не ясен. Янсенистов обвиняли в веровании, будто Иисус Христос умер не за всех, а только за предназначенных быть спасенными»

ХІ

Нечестивцы, слепо предающиеся своим страстям, не зная Бога и не трудясь искать Его, подтверждают сами собой то оспариваемое ими основание веры, что природа людей находится в поврежденном состоянии. Иудеи, такие упорные противники христианской религии, подтверждают собой другое основание этой ненавистной им религии — что Иисус Христос есть истинный Мессия, пришедший искупить людей, вывести из состояния растления и беспомощности, в котором они находились. Подтверждают они это столько же своим настоящим положением, предсказанным в пророчествах, сколько этими самими пророчествами, ими же хранимыми, как непререкаемые свидетельства, по которым можно узнать Мессию. (Таким образом, доказательства поврежденности человечества и искупления его Иисусом Христом; т.е. двух основных истин, утверждаемых христианством, выводятся из существования нечестивых, живущих в полном равнодушии к религии, и иудеев, находящихся в непримиримой вражде с ней).

ХІІ

486 Достоинство человека заключается в его невинности, в господстве над тварями и пользовании ими; теперь же оно состоит в отрешении себя от тварей и покорности им*.

Его смертью. Это было одним из пяти положений, осужденных папой, как находившихся в учении Янсения, и от него сторонники Янсения отрекались его именем. Очевидно, однако, что янсенистская доктрина содержала в себе это положение, и самым горячим и наименее политичным сторонникам ее не следовало отступать. К ним ли обращается здесь Паскаль и от них ли отрекается? Или, скорее, не противников ли он укоряет, что те так злобно настаивали на соблазнительной стороне этого янсенистского догмата вместо того, чтобы держаться его утешительной стороны. Надежда — одна из трех добродетелей».

* Т.е. в покорном перенесении зол, сопряженных со здешней жизнью.

(Есть люди, заблуждение которых тем опаснее, что принцип своего заблуждения они выводят из какой-либо истины. Ошибка их не в следовании ложному взгляду, а в следовании одной истине при исключении другой). 863

Церкви постоянно приходилось сталкиваться с наличием в своих рядах заблуждений, противоположных друг другу, но, наверное, никогда оба подобных заблуждения не наличествовали, как это имеет место сегодня, в одно и то же время. Однако, если по причине множества возникших заблуждений церковь вынуждена претерпевать более обычного, то, в силу того же положения, она обретает и преимущество видеть, как заблуждения парализуют друг друга.

Она скорбит об обоих, но в особенности о кальвинистах¹ из-за их схизмы.

Очевидно, что многие из принадлежащих и к той, и к другой крайности ошибаются и им нужно помочь открыть глаза.

Вера содержит в себе многочисленные истины, кажущиеся противоположными друг другу. *Время смеяться, время плакать*² и т.д. *Responde. Ne respondeas*³ и т.д.

Источником этого является единство двух природ Иисуса Христа, а также наличие двух миров (сотворение нового неба и новой земли; новая жизнь и новая смерть; двойственный характер всех вещей и имен вещей). И наконец — два человека, каждый из которых имеет свою правду (ибо они суть два мира и одна частица и образ Иисуса Христа; посему им подходят любые характеристики — справедливый и грешник; мертвый, живой; живой, мертвый; избранный, отвергнутый и т.д.).

Есть т.о. много истин и веры, и нравственности, по видимому, противоречащих друг другу, но, тем не менее, существующих одновременно в замечательном согласии. 862

Источник всех ересей есть исключение каких-либо из этих истин; а источник всех возражений, делаемых нас еретиками, есть неведение каких-либо из этих истин.

Обыкновенно бывает так, что, не будучи в состоянии понять взаимное отношение двух противоположных истин, они принимают одну и исключают другую.

1-й пример: Иисус Христос есть Бог и человек. Ариане⁴, не умея связать этих двух, по их мнению, несовместимых понятий, говорят, что Он человек: в этом смысле они католичны. Но они отрицают Его божественность: в этом они еретики. Они утверждают, что мы отрицаем Его человеческую природу: в этом их неведение.

2-й пример, по поводу св. Таинств.

Мы веруем, что так как существо хлеба изменяется и преосуществляется в существо тела Господа нашего Иисуса Христа, то Он действительно присутствует в нем⁵. Вот одна истина. Другая истина та, что это таинство есть также один из символов креста и славы и воспоминание того и другого.

Так католическая вера соединяет эти две, по-видимому, противоположные истины.

Ересь нашего времени, не понимая, что это таинство включает вместе и присутствие Иисуса Христа, и символ этого присутствия, что это жертва и в то же время воспоминание жертвы, думает, что нельзя принять одну из этих истин, не исключив другую.

По этой причине они придерживаются того только мнения, что это таинство имеет лишь значение символа, и в этом нет ереси. Они думают, что мы исключаем эту истину, оттого и делают нам столько упреков, ссылаясь на отцов Церкви, ясно на то указывающих. Наконец, они отрицают реальное присутствие Иисуса Христа в таинстве, и в этом их ересь.

3-й пример: индульгенции⁶.

Потому-то самое простое средство помешать возникновению ересей — поучать всем истинам, и самое верное средство опровергать их — объяснять все истины.

Благодать будет всегда в мире, как и природа; она, так сказать, естественна. Поэтому всегда будут и пелагиане⁷ и католики, и всегда будет борьба; потому что первое рождение производит одних, а благодать второго рождения производит других*.

Одной из мук осужденных будет сознание, что они осуждены своим собственным разумом, которым думали осудить христианскую религию⁸.

XIV

Между жизнью обыкновенных и святых людей общее то, что те и другие стремятся к блаженству; разница только в предмете блаженства. Те и другие называют своими врагами препятствующих им в достижении цели**.

О том, что хорошо и что дурно, нужно судить согласно с волей Бога, который не может быть несправедливым или заблуждающимся, а не с нашей собственной, всегда слепой и злой, волей.

XV

Когда св. Петр и апостолы (Деян. XV) рассуждали об уничтожении обряда обрезания, причем возникал вопрос о действии против закона, они не справлялись с пророками, а просто руководствовались изливанием Духа Святого на необрезанных. Они гораздо вернее судят, что, стало быть, Бог принимает тех, которых Он исполняет Своего Духа, что дело не в соблюдении закона; они

---

* Т.е. благодать пребудет в мире, пока последний (или природа) не прекратится, а потому существование царства благодати совечно природе. В силу первого естественного рождения, вносящего в мир и поврежденный разум, всегда будет происходить борьба между ним и разумом, обновленным благодатным вторым рождением, или крещением.

** Ср. статью: *О евреях*, VII.

знали, что целью закона был лишь Дух Святой и поэтому, если получали Его необрезанным, то обрезание не обязательно.

XVI

484 Двух законов достаточно для упорядочения всего христианского государства, чем всех законов политических (любви к Богу и ближнему*).

285 Религия соответствует всякого рода умам. Простые люди, каковых большинство, довольствуются ее настоящим состоянием и устройством; и эта религия такова, что одним своим существованием доказывает свою истинность. Другие восходят до апостолов, а самые ученые и до начала мира. Ангелы видят ее еще лучше и дальше.

282 Очень счастливы те, которым Бог вложил религию в сердце; убеждать их нет надобности. Людям же, лишенным веры, мы можем внушать ее только путем рассудочным, в ожидании, что Сам Бог запечатлеет ею сердца их, без чего вера для спасения бесполезна.

Бог, чтобы оставить за Собой одним право просвещать нас и чтобы сделать нам недоступным понимание нашего собственного существа, скрыл от нас завязку тайны так высоко или, вернее, так глубоко, что мы не в состоянии достигнуть ее, и не работой своего ума, а только покорностью его можем мы действительно познать самих себя.

XVII

226 Нечестивцы, признающие только разум своим руководителем, должны быть необыкновенно сильны умом. Что же мы от них слышим? Не видим ли мы, говорят они, что живут и умирают животные, как и люди, турки, как и христиане? У турок есть свои обряды, свои пророки, свои учителя, свои святые, свои подвижники, как и у нас, и т.п. А разве это противоречит Писанию? Разве

---

* См. Марк. XII, 28 и сл.

оно не говорит всего этого? Если вы мало заботитесь о познании истины, достаточно с вас и этого, чтобы оставаться в покое. Но если вы всем сердцем хотите познать истину, то этого недостаточно, и вам нужно узнать подробности. Может быть, этого довольно было бы для суетного вопроса философии; но здесь, где идет дело обо всем... Впрочем, после легкого размышления в таком роде идут развлечься и т.д. Пусть же, исследовав саму эту религию, узнают, не дает ли она преднамеренного повода к тому, чтобы существовало подобное незнание? Быть может, она и просветит нас в данном вопросе.

Страшно становится видеть, как постоянно утекает все наше достояние <и как возможно так привязываться к нему, чтобы не искать чего-либо прочного¹>.

Образ жизни на свете должен находиться в зависимости от следующих различных предположений: первое, можно ли всегда оставаться на свете; второе, верно ли, что уже недолго остается прожить на нем; и не верно ли, что пробудешь на нем еще только один час. Последнее предположение — наше.

XVIII

По вероятностям судя, вам следует заняться отысканием истины. Ибо вы погибли, если умрете, не поклонившись истинному Началу. Но, скажете вы, если бы Он хотел, чтобы я поклонился Ему, Он бы дал мне возможность узнать Свою волю. Он так и сделал, но вы пренебрегли узнать ее. Поищите, по крайней мере, это стоит труда.

Атеисты должны бы высказывать вполне ясные, очевидные вещи. А что доказывают они, как не потерю здравого рассудка, утверждая, будто материальность души вполне очевидна? Я понимаю нежелание углубляться в мнения Коперника, но смертность или бессмертие души — вопрос всей жизни.

XIX

564 Пророчества, даже сами чудеса и другие доказательства нашей религии не таковы, чтобы можно было назвать их абсолютно убедительными; но в то же время нельзя сказать, что нет смысла верить им. Таким образом, в них есть одновременно и очевидность, и темнота — в просвещение одних и помрачение других. Но эта очевидность такова, что она превосходит или, по крайней мере, равняется очевидности противоположного: так что не разум может решить ей не следовать, а разве только чувственность и ожесточенность сердца. Таким образом, в доказательствах нашей религии достаточно очевидности для осуждения и недостаточно для убеждения; из этого явствует, что в признающих ее действует любовь, а не разум, а в отвращающихся от нее действует тоже не разум, а чувственность.

Не понимаю, как можно оставаться равнодушным и не принимать религии, которая в совершенстве ведает то, что познается более и более по мере приобретаемого света.

XX

288 Два рода людей признают одного Бога: имеющие кроткое сердце и любящие самоунижение, на какой бы высокой или низкой ступени умственного развития они ни стояли; или имеющие достаточно ума, чтобы видеть истину, несмотря на все свое сопротивление ей. Мудрецы из язычников, утверждающие, что есть только один Бог, подвергались преследованию, иудеи презирались, а христиане и того более.

XXI

223 Что можно сказать против воскресения или против зачатия Пресвятой Девы? Разве труднее воссоздать человека или животное, чем сотворить его?

Существует большая разница между спокойствием и 908 уверенностью совести. Спокойствие приобретается только искренним стремлением к истине, и только истина сообщает уверенность.

Есть две одинаково неизменные истины веры: одна — что человек, в состоянии первобытного блаженства, или в состоянии благодати, возвышен над всей природой, уподобляется Богу и становится способным к общению с Ним; другая — что, в состоянии повреждения и греха, он лишился своего прежнего состояния и приравнялся животным. Оба эти положения одинаково тверды и верны. Писание ясно возвещает нам их в некоторых местах: *Радость моя с сынами человеческими* (Притч. VIII, 31). *Излию духа Моего на всякую плоть* (Иоил. II, 28). *Вы — боги* и т.д. (Пс. LXXXI, 6); в других оно говорит: *Всякая плоть трава* (Ис. XL, 6). *Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают* (Пс. XLVIII, 13). *Сказал я в сердце Своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог и чтобы они видели, что они сами по себе животные* (Екклез. III, 18).

XXIII

Примеры славной смерти лакедемонян мало нас тро- 481 гают, ибо что можем мы извлечь из того? Смерть же мучеников нас трогает, потому что это наши члены*. У нас есть общая связь с ними: их решительность может повлиять на нашу не только своим примером, но тем, что может быть ею заслужена наша решительность. Ничего такого нет для нас в примерах язычников; общего с ними мы ничего не имеем. Ведь не обогащает же нас богатство чужого, как богатство отца или мужа.

---

* Посл. к римл.: «Ибо как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы многие одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» XII, 4, 5.— Прим. Э.Авэ.

XXIV

515 Предсказано, что избранные не будут сознавать своих добродетелей, а осужденные своих грехов: *Господи, скажут те и другие, когда мы видели Тебя алчущим?* и т.д. (Матф. XXV, 37, 44).

784 Иисус Христос не желал совсем, чтобы о Нем свидетельствовали демоны или к тому непризванные люди: свидетелями Своими Он называл Бога и Иоанна Крестителя.

XXV

868 Сравнению прошедших событий в Церкви с видимым в ней теперь мешает то обстоятельство, что обыкновенно смотрят на св. Афанасия¹ и других, как на увенчанных ореолом славы. Теперь, когда время осветило вещи, это так и представляется. Но во времена гонений этот великий святой был человек, по имени Афанасий, подобно прочим. *Илия был человек, подобно нам*, говорит св. апостол Иаков (V, 17), и, стало быть, столь же доступный страстям, как и мы*. Этими словами апостол хочет отнять у христиан то неверное мнение, которое заставляет нас отвергать примеры святых, как несоответствующие нашему состоянию: то были святые, говорим мы, а не такие, как мы.

А что, собственно, тогда произошло? Св. Афанасий был просто человеком по имени Афанасий, обвиненным в многочисленных преступлениях, осужденным таким-то и таким-то собором за то-то и то-то. Приговор признали справедливым все епископы и сам папа. И говорилось об Афанасии тогда все, обычно говоримое об упорствующих в вопросах веры — дескать, возмущает спокойствие, создает схизму и т.д.

---

* Т.е. доступный присущим людям немощам.

Рвение, знание. Четыре типа людей: усердные, но лишенные знания; сведущие, но неусердные; не обладающие ни знанием, ни усердием; и, наконец, сподобившиеся и знания, и усердия. Относящиеся к первым трем типам осудили Афанасия, последние же — оправдали и за то сами оказались отлученными от церкви. И, тем не менее, именно эти последние и спасли церковь.

XXVI

Иные люди имеют презрение к религии; они ненавидят ее и боятся, что она истинна. Чтобы исцелить это зло, нужно начать с указания, что религия совсем не противоречит разуму; затем, что она достойна уважения, и внушать это уважение; что она заслуживает любви, и внушать желание найти ее истинной, а потом показать, что она действительно истинна, достойна уважения, потому что вполне познала человека, и достойна любви, как обещающая истинное благо. 187

Одно слово Давида или Моисея, как, например, что Бог обрежет сердца (Второзак. XXX, 6), позволяет нам судить о их духе¹. Если бы все остальные речи их были двусмысленные, если бы нельзя было с уверенностью сказать, слова ли это философов или христиан², то одно подобное слово определяет все остальные, как одно слово Эпиктета решает противоположно смысл всего остального. Только до этого слова продолжается обоюдоострие, но не далее. 690

(Не ужасно, если бы была ошибка в признании христианской религии истинной; но какое несчастье ошибиться, считая ее ложной!) 241

XXVII

Условия, самые удобные для жизни светской, самые неудобные для жизни в Боге; и наоборот, по мнению 906

света, нет ничего труднее религиозной жизни, а по Божьему, ничего нет легче этого. Всего легче, в мирском смысле, занимать высокий пост и обладать богатством; нет ничего труднее, как жить в таких условиях по-Божьи, не привязываясь и не услаждаясь ими.

XXVIII

666   **Ветхий Завет** заключал в себе образы будущего радования. Новый же Завет содержит средства к его достижению. Образы были о радости, средства же в покаянии: пасхальный агнец вкушался с горькими травами (Исх. XII, 8) <в знак того, что радость обретается только горечью¹>.

XXIX

744   Слово *Галилея*, как бы случайно произнесенное толпой иудеев, обвинявших Иисуса Христа перед Пилатом (Лук. XXIII, 5), подало последнему повод послать Иисуса Христа к Ироду¹, в чем исполнилась тайна, что Ему надлежало быть судиму и иудеями и язычниками. Простая, по видимому, случайность была причиной исполнения тайны.

XXX

530   Одно лицо сказала мне однажды, что чувствовало большую радость и уверенность, идя от исповеди; другое — что оно оставалось в страхе. По этому поводу я подумал, что из двух этих людей вышел бы один хороший человек и что в каждом из них недоставало того, что чувствовал другой.

XXXI

Приятно быть на корабле, выдерживающем бурю, когда 859
уверен, что он никогда не погибнет. Преследования, обра-
щенные против Церкви, походят на стихии, обуревающие
такой негибнущий корабль.

Историю Церкви следует собственно назвать *Историей* 858
истины.

XXXII

Так как грехи наши имеют два источника, гордость и 497
леность, Бог открыл нам в Себе два свойства для их
исцеления: Свое милосердие и Свое правосудие. Свойство
правосудия смирять гордость, как бы ни святы были
дела человека: *и не входи в суд**; милосердию же свой-
ственно побеждать леность, внушая добрые дела, как
сказано: *Благость Божия ведет тебя к покаянию* (Рим.
II, 4); *Покаемся, может быть, Бог умилосердится* (Ион.
III, 9). Таким образом, милосердие Божие далеко не
оправдывает нерадения, напротив, последнее всего более
противоречит этому свойству Божию, и вместо того, чтобы
говорить: если бы в Боге совсем не было милосердия,
нужно было бы употреблять всевозможные усилия, чтобы
жить добродетельно, следует сказать так: «Так как Бог
милосерд, то нужно всячески стараться о добродетели».

XXXIII

Все, что в мире, есть похоть плоти, или похоть зрения, 458
или гордость жизни, *похоть плотская, и похоть очей, и*
гордость житейская (I Иоан. II, 16). Несчастлива земля
проклятия, скорее опаляемая, чем орошаемая этими тремя
огненными реками! Счастливы те, которые среди этих
потоков не погружаются в них, не дают им увлекать
себя, но крепко держатся — не стоя, а сидя в низкой и

---

* Пс. CXLI, 2.— «*И не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих*».

прочной ладье, из которой они никогда не поднимаются до рассвета; но, мирно отдохнув в ней, простирают руки к имеющему поднять их, поставить на ноги и укрепить на ступенях священного Иерусалима, где они уже безопасны от ударов и нападений гордости. До тех же пор они плачут не от сожаления о гибели преходящих вещей, увлекаемых потоками, но от воспоминания о своей дорогой отчизне, небесном Иерусалиме, о котором непрестанно воздыхают в своем продолжительном из него изгнании!

XXXIV

263 Чудо, говорят, укрепило бы мое верование. Говорят так, пока его не видят. Пределы, по-видимому, ограничивающие наш кругозор, если смотреть на них издалека, не ограничивают его более, когда мы к ним приблизимся, ибо отсюда открывается опять новый вид. Ничто не останавливает подвижности нашего ума. Говорят, что нет правила без исключения, как нет столь общей истины, которая бы не представляла с какой-нибудь стороны недостатка или неполноты. Достаточно не быть ей абсолютно всеобщей истиной, чтобы дать нам повод приложить исключение именно к настоящему случаю и сказать: это не всегда верно, стало быть, есть случаи, где этого не бывает. Остается потом лишь показать, что данный случай принадлежит сюда же; и нужно иметь большую неудачу или быть очень неумелым, чтобы когда-нибудь не достигнуть этого:

XXXV

665 Заповедь любви не есть заповедь символическая. Утверждать, будто Иисус Христос, пришедший снять символы и заменить их истиной, явился только ради установления

символа любви и устранения существовавшей до Него действительности — это ужасно*.

«Если свет суть тьма, то что есть тогда тьма¹?»

XXXVI

Сколько, благодаря изобретению увеличительных стекол, открыто нами новых существ, неизвестных прежним философам! По поводу упоминаемого в св. Писании множества звезд со злорадством восклицали: их только тысяча двадцать две, мы это знаем¹! 266

XXXVII

Человек так создан, что если постоянно говорят ему, что он глупец, то он верит этому, как и в том случае, если сам будет повторять себе; ибо человек с самим собой ведет внутреннюю беседу, которой упорядочение весьма важно: *Худые сообщества развращают добрые нравы* (I Кор. XV, 33). Нужно по возможности больше пребывать в молчании и беседовать только о Боге, который есть истина; и таким путем, наконец, сам убедишься в этом. 536

XXXVIII

Какая разница между солдатом и монахом относительно послушания? Ведь тот и другой одинаково обязаны повиноваться старшим и зависят от них, и выполняют одинаково трудные обязанности. Но солдат всегда надеется стать начальником, хотя никогда им не делается; несмотря на то, он не теряет надежды и всегда стремится к цели своих желаний. Монах в то же время дает обет вечного повиновения. Таким образом, они не различаются по своей всегдашней служебной подчиненности, зато отличаются тем, что один всегда надеется, а другой никогда. 539

---

* Сказано против иезуитов, допускавших, что для отпущения грехов достаточно одного внешнего приобщения к св. Тайнам без одновременного движения любви участника к Богу.— Прим. Э.Авэ.

XXXIX

472 Наша воля никогда бы не удовлетворялась, если бы имела власть над всем, чего захочет; но удовлетворение получается в ту же минуту, стоит лишь отказаться от собственной воли. Имея ее, нельзя быть вполне довольным; без нее же можно быть только довольным.

485 Истинная и единственная добродетель заключается в самопрезрении, так как мы достойны презрения за свою чувственность¹, и — в отыскании истинно достойного предмета нашей любви. Но как мы не можем любить того, что вне нас, приходится любить существо, которое в нас, но которое не мы. А таково только Единое Существо. Царство Божие внутри нас (Лук. XVII, 21); всеобщее благо в нас самих, но не есть мы.

XL

249 Суеверен тот, кто возлагает свою надежду на обрядности, и горд, надменен, не желающий им подчиниться.

XLI

903 Все религии и все секты руководились природным рассудком. Одни христиане принуждены брать руководства извне и согласоваться с правилами, которые Иисус Христос оставил нашим предкам для передачи нам. Есть люди, тяготящиеся этим принуждением. Они, подобно другим народам, хотят следовать своему воображению. Напрасно мы взываем к ним, как некогда пророки вzywали к иудеям: *Идите в среду Церкви; узнайте законы, оставленные ей предками, и идите по стезям их.* Они же, подобно иудеям, отвечают: *Мы не пойдём по ним; мы хотим следовать помыслам нашего сердца и быть подобно другим народам**.

---

* См. I кн. Царств. VIII, 20.

XLII

Есть три средства уверовать: разум, привычка и вдохновение. Христианская религия, одна имеющая разум, не признает своими истинными чадами верующих без вдохновения; это не значит, что она исключает разум и привычку, — совершенно напротив: должно открывать свой ум доказательствам, укрепляться в них привычкой; смирением и покорностью приготовить себя для вдохновений, которые только и могут иметь истинное и спасительное влияние: *Да не упразднится крест Христов* (I Кор. I, 17). 245

XLIII

Никогда зло не совершается полнее и радостнее, как вследствие ложного вывода совести. 895

XLIV

Иудеи, призванные к покорению народов и царей, сделались рабами греха, а христиане, коих призвание — подчиняться и служить, делаются свободными сынами*. 671

XLV

Можно ли назвать мужеством, если человек при последнем издыхании вздумает противиться всемогущему и вечному Богу? 194 п.

XLVI

*История Китая*¹. — Я охотно верю событиям, как свидетели не убоялись пожертвовать жизнью². 593

[Кто вызывает больше доверия: Моисей или Китай?]

Увидеть это в общем нетрудно. Я ведь говорю вам, что иные обречены на ослепление, иные — на просветление.

---

* См. Посл. к римл. VI, 20; VIII, 14, 15 и сл.

Одной этой фразой я разрушаю все ваши доводы. «Но Китай весьма затемняет дело», — скажете вы. А я отвечу: «Китай затемняет, но есть и ясность. Ищите ее».

Таким образом, все, что вы говорите, касается лишь первой части представленного мною утверждения, но никак не затрагивает второй. То есть, приносит не вред, но пользу.

Нужно, стало быть, видеть детали, следует положить карты на стол.

XLVII

262 Предрассудок и вожделение. Сомнения, дурные желания. Дурной страх связан не с верой в существование Бога, но с сомнениями в этом существовании.

Добрый страх происходит от веры, дурной — от сомнения. Добрый страх приводит к надежде, так как порождается верой, и присущ человеку, уповающему на Бога, в которого он верит; дурной же страх влечет за собой отчаяние, ибо это страх перед Богом неверующего в Него. Одни боятся не найти Бога, в которого веровали, другие боятся найти Бога, которого они отрицали.

XLVIII

886 Все язычники говорили о зле Израиля, и пророк также¹, но израильтяне далеко не имели бы права сказать ему: Ты говоришь, как язычники, ибо над тем, что язычники говорят одинаково с ним, он возвышается в своей величайшей силе².

XLIX

Бог не желает, чтобы мы веровали Ему без рассуждения, и не налагает на нас никакой тирании, но он и не думает также давать нам отчет во всем¹. Чтобы согласовать эти противоположности, Он путем убедительных доказательств желает ясно обнаружить нам свои

божественные признаки, которые убедили бы нас в Его существовании, и показать нам свою силу в чудесах и иных неопровержимых знамениях, так чтобы мы, не колеблясь, верили вещам, Им нам указуемым, раз мы не найдем иной причины отрицать их, как только потому, что сами не можем знать, существуют они или нет.

L

Есть только три разряда людей: одни, обретшие Бога 257 и служащие ему; другие, не нашедшие Его, но стремящиеся к тому; третьи те, которые живут без Бога и не ищут Его. Первые рассудительны и счастливы, последние безумны и несчастны, средние несчастны, но разумны.

LI

Люди часто принимают свое воображение за ощущения 275 своего сердца и, лишь подумав об обращении, уже считают себя обратившимися.

Разум действует медленно, руководствуется столькими 252 соображениями и принципами, которые должны быть всегда в виду, что ежечасно утомляется и заблуждается, за неимением налицо всех этих принципов. Чувство же действует иначе; оно работает быстро и всегда готово к действию. Поэтому следует, чтобы верой было исполнено наше сердце, иначе она будет постоянно колебаться.

LII

Если Бог существует, то следует любить только Его, 479 а не преходящую тварь. Рассуждение нечестивых в книге Премудрости* основано только на предположении, что

---

* Прем. Солом. II, 1—9. По тексту этой главы, собственно, не видно, чтобы упоминаемые в ней неправо умствующие прямо отрицали существование Бога: они не верят только в бессмертие души.— *Прим. Э.Авв.*

Бога не существует. А если так, говорят они, то будем наслаждаться тварью: иного исхода быть не может. Но если бы они знали, что есть Бог, достойный любви, то пришли бы к совершенно противоположному заключению. А вот каково заключение мудрых: если есть Бог, то не будем наслаждаться тварью. Отсюда дурно все, что побуждает нас привязываться к твари, ибо мешает нам — или служить Богу, если мы Его знаем, или искать Его, если мы Его не ведаем. А так как мы полны чувственности, то полны и зла и, следовательно, должны презирать самих себя и все, что возбуждает в нас привязанность к чему-либо иному, кроме одного Бога.

LIII

478 Когда мы хотим думать о Боге, не является ли многое, отвращающее нас от этого и уклоняющее наши мысли в совершенно другую сторону? Все это — зло, родившееся вместе с нами.

LIV

477 Неправда, будто мы достойны любви других, и несправедливо нам желать этого. Если бы мы родились разумными или равнодушными, с познанием самих себя и других, мы бы совсем не имели этой склонности. Однако мы родимся с этой склонностью, стало быть, родимся несправедливыми, ибо всецело преданы самим себе. Это противно всякому порядку, ибо истинный порядок требует стремления ко всеобщему благу. Самолюбие служит началом всякого беспорядка в войне, в политическом устройстве, в хозяйстве, в отдельном человеческом теле и т.д. Следовательно, воля наша испорчена.

Если члены естественных и гражданских общин стремятся ко благу целого, то общины в свою очередь должны стремиться ко благу того более общего целого, которого части они составляют. Таким образом, хотя мы рождаемся

несправедливыми и испорченными, нам следует стремиться к всеобщему.

Слеп не презирающий в себе чувства самолюбия и того инстинкта, который заставляет служить себе, как Богу. Кто не согласится, что нет ничего более противоречащего справедливости и истине? Ибо не верно, что мы заслуживаем любви, и не только несправедливо, но и невозможно достигнуть этого, так как все требуют того же самого. Стало быть, это очевидная несправедливость, в которой мы родились и от которой избавиться не можем, хотя и должны о том заботиться¹. 492

Однако ни одна религия (кроме христианской) не заметила ни этого греха², ни того, что мы родились в нем и должны бороться с ним, и ни одна не подумала дать человеку средства для этой борьбы.

LV

В человеке происходит вечная внутренняя борьба между рассудком и страстями. Он мог бы наслаждаться некоторым миром, если бы у него был только рассудок без страстей... или одни страсти без рассудка. Но раз в нем есть то и другое, он не может быть без борьбы, не имея возможности быть в мире с одним, не воюя в то же время с другим. Таким образом, человек всегда разъединен и в противоречии с самим собой. 412

Если неестественно слеп человек, живущий без всякого желания познать самого себя, то просто страшна слепота человека, живущего дурно и притом верующего в Бога. 495

LVI

Несомненно, что душа или смертна, или бессмертна. То или другое определение имеет решающее значение на нравственность, тем не менее, философы устанавливали мораль независимо от этого. 219

210 Как бы красива ни была комедия в остальных частях, последний акт всегда бывает кровавым. Набросают земли на голову — и конец навеки!

LVII

482 Бог, сотворив небо и землю, не сознающие счастья своего бытия, хотел создать существа, которые бы познали Его и составили одно тело чувствующих и сознательных членов. Наши члены совсем не сознают своей связи, удивительного между собой отношения, забот, прилагаемых природой, чтобы вложить в них силы, дать им рост и жизнь. Как бы они были счастливы, если б сознавали это и видели! Но для этого им необходимо иметь сознание своего назначения и добрую волю, чтобы согласовать ее с волей всемирной души. Если бы, получив сознание, они удерживали получаемое ими питание только для себя самих, не передавая его другим членам, они оказались бы не только несправедливыми, но и жалкими, доказали бы этим не любовь, а ненависть к самим себе: ибо не только благополучие, но и долг их состоит в согласовании себя с волей и действиями целой души, которая любит их больше, чем они сами.

LVIII

483 Быть членом значит жить и двигаться только в духе целого и для целого. Отделившийся член, не видящий более тела, к которому принадлежит, живет недолго и погибает.

Однако он думает, что составляет целое, и, не видя тела, от которого зависит, полагает, что зависит только от себя и сам составляет свое средоточие и свое целое. Но, не имея в себе жизненного начала, он лишь заблуждается и дивится непрочности своего существа, чувствуя, что сам не составляет целого, и не видя в то же время, что он член какого-то целого. Наконец, когда ему удастся

познать себя, он как бы возвращается к себе домой и любит уже себя только как часть целого, сожалеет о своих прошлых заблуждениях.

По своей природе он не мог бы любить постороннюю вещь, как только ради самого себя, ради своей пользы, ибо все любит себя больше, чем остальное. Но, любя тело, член любит самого себя, ибо только в нем, им и для него существует: *А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (I Кор. VI, 17).

Тело любит руку; и рука, если бы имела волю, должна была бы любить себя так, как любит ее душа: всякая любовь к себе, бóльшая такой любви,— несправедлива. *А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом.* Любят себя как члена Иисуса Христа. Любят Иисуса Христа как тело, коего часть составляют. Все едино, как едины лица св. Троицы.

Любить нужно только Бога, а презирать только себя. 476

Если бы нога никогда не знала, что принадлежит к телу и что есть тело, от которого она зависит; если бы она знала и любила только себя¹, а потом узнала, что принадлежит телу, от которого и зависит, как сожалела бы, как смущалась бы она своей прежней жизнью,— что была бесполезна для тела, сообщавшего ей свою жизнь. Как жалко погибла бы она, если бы тело отвергло и отлучило ее, как она сама от него отлучалась. Как горячо молила бы она не отвергать ее! Как смиренно подчинялась бы воле, управляющей телом, даже до согласия быть отрезанной, если нужно! Да иначе она потеряла бы свое значение как члена, ибо всякий член необходимо должен быть готов умереть ради тела — единственной цели всего.

Чтобы члены были счастливы, они должны иметь волю, согласную с волей тела. 480

Чувственность и сила суть источники всех наших чисто человеческих действий: чувственность вызывает действия произвольные, сила — невольные. 334

463 *Против философов, ищущих Бога без Иисуса Христа.*— Платоники, даже Эпиктет и его последователи, верят, что один Бог достоин любви и удивления; однако и они желали, чтоб люди любили их и удивлялись им последователи, и они, стало быть, не знают о растлении и немощности своей природы. Если они считают себя исполненными чувства любви и готовности поклониться Ему и в этом находят свое главное благо, то пусть их в добрый час. Но если они чувствуют нерасположение к этому, склонны только к желанию быть самым в почете у людей и, вместо всякого совершенствования, не принуждая людей, будут стараться внушать им, что благо их в любви к ним, я назову такое совершенство ужасным. Как! Они знали Бога и не пожелали, чтобы люди любили только Его, а не их самих почитали; захотели стать произвольным предметом людского счастья!

498 Правда, не легко вступать на путь благочестия. Но эта трудность происходит не от начинающего образоваться в нас благочестия, а от неоставляющего еще нас нечестия. Если бы наши чувства не противились покаянию и наша греховность не противоречила чистоте Божией, то благочестивая жизнь не представляла бы никаких для нас трудностей. Мы страдаем лишь по силе сопротивления высшей благодати прирожденного нам порока. Сердце наше разрывается в этих противоположных усилиях. Но было бы несправедливо это насилие ставить в вину Богу, привлекающему нас, вместо того, чтобы приписать его миру, который нас удерживает. Это подобно ребенку, которого мать вырывает из рук хищников; он должен любить в испытываемой боли любовное и законное насилие матери, старающейся освободить его, и ненавидеть только грубое и тиранического насилие неправо удерж-

живающих его. Самая жестокая борьба, какую Бог мог бы послать людям в этой жизни, была бы тогда, если бы Он оставил их без этой борьбы, которую принес с Собой. *Не мир пришел Я принести, но меч*, говорит Он и, чтобы указать эту борьбу, продолжает: *Огонь пришел Я низвесть на землю* (Матф. X, 34; Лук. XII, 49). До него свет пользовался ложным миром.

LXI

Бог смотрит только на внутреннего человека; Церковь 905 судит только по внешности. Бог разрешает от греха, как только видит раскаяние в сердце; Церковь — когда видит раскаяние в делах. Бог создает Церковь чистую внутренне; своей внутренней и вполне духовной чистотой она смутит внутреннее нечестие надменных мудрецов и фарисеев. Церковь создаст собрание людей, коих нравы настолько чисты с внешней стороны, что приведут в смущение нравы язычников. Если есть столь искусно замаскированные лицемеры, что Церковь не в состоянии открыть в них сердечную злобу их, то она терпит их, ибо если они еще и не приняты Богом, которого обмануть они не могут, то приняты людьми, которых они обманывают. Таким образом, она не обещивается их поведением, так как оно, по-видимому, свято.

Но вы* хотите, чтобы Церковь не судила ни по внутреннему человеку, судить которого может только Бог, ни по внешнему, так как Бог взирает лишь на душу, и таким образом, отнимая у нее всякое право выбора, вы удерживаете в Церкви самых распутных людей, бесчестящих ее в такой степени, что ни еврейские синагоги, ни философские секты не потерпели бы их в своей среде как недостойных, а презирали бы как нечестивых.

---

* Тут Паскаль обращается к иезуитам.

LXII

520 Закон не разрушил природы, а просветил ее¹: благодать не разрушила закона, но заставила его действсвать². Обретенная в крещении вера суть источник всей жизни христиан³ и тех, кто обращается к христианству.

582 Из самой истины делают себе кумира, потому что истина без любви не есть Бог: она—образ Его и не должна быть, подобно кумиру, любима и поклоняема; тем менее допустимо любить и поклоняться противному ей, т.е. лжи.

Я могу полюбить даже абсолютную неясность. Но если Бог повергает меня в некое полузатемненное состояние, мне нравится и эта доля неясности. И потому я уже не усматриваю за полной неясностью никакого достоинства, она не по душе мне. Теперь это некий изъясн и знак того, что я творю себе идола из неясности, отделенной от божественного порядка. Итак, покоряться следует лишь означенному порядку.

LXIII

11 Все крупные увеселения опасны для христианской жизни; но между всеми развлечениями, изобретенными светом, нет ничего опаснее театральных представлений. Это такое натуральное и изящное изображение страстей, что порождает и возбуждает их и в нашем сердце, в особенности любовную страсть, и главным образом когда изображают ее вполне целомудренной и честной. Ибо чем невиннее она представляется невинным душам, тем способнее они трогаться ею. Сила ее нравится нашему самолюбию, которое тотчас получает желание воспроизвести столь хорошо представленное на сцене; в то же время совесть убаюкивается честностью созерцаемых чувств, страх чистых душ пропадает; они начинают воображать, что не значит оскорблять чистоту, любя такой кажущейся им мудрой любовью. И вот из театра выходят с сердцем,

столь переполненным всевозможными красотами и прелестями любви, с душой и умом, так уверенными в ее невинности, что является полная готовность получать первые впечатления любви или, скорее, искать случая произвести их на чье-нибудь сердце, чтобы получить те же самые удовольствия и такие же жертвы, которые видели столь прекрасно изображенными в комедии.

LXIV

Распушенность взглядов так нравится людям, что странным становится, как могут не нравиться их <иезуитов¹> мнения. Это потому, что они превзошли всякую меру. Мало того, есть много людей, видящих правду, но не могущих достичь ее. Зато мало таких, которые бы не знали, что чистота религии противоречит нашему растлению. Смешно сказать, будто вечная награда ожидает двуличные² души. 915

LXV

Я боюсь, не дурно ли я написал, что меня проклинаят; но пример стольких благочестивых писаний заставляет меня верить противному. Хорошо писать больше не позволено — так испорчена или невежественна инквизиция. 920

Лучше повиноваться Богу, чем людям¹. Я ничего не боюсь, ни на что не надеюсь; другое дело, епископы. Пор-Рояль² боится, да и не политично разлучать их: они перестанут бояться и сделаются более опасными*.

Молчание самое сильное гонение. Никогда святые не умолкали. Конечно, для этого нужно призвание, но призвания этого не приходится ждать от решений совета³: говорить заставляет необходимость.

---

* Здесь понимаются члены Пор-Рояля, гонимые иезуитами и папством.

Если мои *Письма* осуждены в Риме — я осуждаю в них то, что осуждено на Небе⁴. *Ad tuum, Domine Jesu, tribunal apello*⁵.

Инквизиция и Общество иезуитов — два бича истины.

LXVI

580 Природа имеет совершенства, свидетельствующие, что она образ Божий, и имеет недостатки в доказательство того, что она не более как образ.

LXVII

414 Люди столь необходимо безумны, что значило бы еще раз сойти с ума, чтобы не быть безумным.

LXVIII

917 Рвение святых в искании и делании добра было бесполезно, если учение о пробабилизме¹ считать верным.

LXIX

508 Чтобы сделать из человека святого, необходима благодать; сомневающийся в том не имеет понятия ни о святости, ни о человеке¹.

LXX

880 Желают спокойствия совести и ради этого хотят, чтобы папа был непогрешим в вопросах веры, а ученые доктора — в своих нравах.

LXXI

874 О том, что такое папа, нельзя судить по некоторым словам отцов, как говорили это греки на одном соборе¹ (важное правило!), но по действиям Церкви и отцов, и по канонам.

LXXII

Папа — первый. Кто другой известен всем? Кто другой признан всеми за имеющего власть управлять умом всего тела*, так как он держит втирающуюся всюду главную ветвь**. Как легко всему этому выродиться в тиранию! Вот почему Иисус завещал своим ученикам: *Vos autem non sic*¹. 872

LXXIII

Еретично объяснять *omnes* всегда в смысле *все* и еретично не объяснять его иногда в смысле *все*. *Bibite ex hoc omnes****: гугеноты¹ — еретики, потому что переводят *omnes* словом *все*. *In quo omnes peccaverunt*****: гугеноты — еретики, потому что исключают детей верных. Необходимо, стало быть, следовать отцам и преданию, чтобы знать, когда и как объяснять *omnes*, ибо можно опасаться ереси и с той и с другой стороны. 775

LXXIV

Что угодно может стать причиной нашей смерти, даже те вещи, которые созданы, чтобы служить нам. Нас могут убить стены дома или ступеньки лестницы, если мы не ступаем по ним с осторожностью. 505

Малейшее движение влияет на всю природу: один камень производит изменение в целом море. Так и в благодати: малейшее действие влияет на все остальное. Стало быть, все важно.

В каждом поступке следует видеть его последствия, наше настоящее, прошлое, будущее состояние, видеть других людей, которых он может затронуть, а также

* Т.е. всей Церкви.

** Подразумевается орден Иисуса.

*** Мф. XXVI, 27. — «Пейте из нее все».

**** Римл. V, 12. — «В нем все согрешили».

усматривать связь между всеми этими вещами. Тогда только мы станем достаточно осмотрительными.

LXXV

451 Все люди от природы ненавидят друг друга. Пользовались, как умели, чувственностью для общественного блага. Но это лишь притворство, ложное подобие любви
453 к ближнему, ибо в сущности это тоже ненависть. Это злое начало в человеке, *figmentum malum*¹, только прикрито, а не устранено.

LXXVI

511 Если хотят сказать, что человек слишком ничтожен, чтобы входить в общение с Богом, то нужно быть очень великим, чтобы иметь возможность судить о том.

LXXVII

871 Если смотреть на Церковь как на единицу, то любой папа, глава ее, есть как бы все. Если считать ее за множественность, то папа не больше как часть ее. Множественность, не восходящая в единство, есть беспорядок; единство, не зависящее от множественности, есть тирания.

LXXVIII

876 Бог не творит чудес в обычном руководстве Своей Церковью. Было бы страшным чудом, если бы непогрешимость была в одном, но во множественности она кажется такой же естественной, как тайное присутствие Божие в природе, как и во всех прочих творениях Его.

LXXIX

589 Из того, что христианская религия не единственная на свете, далеко не следует, чтобы она не была истинной; напротив, это-то и заставляет верить в ее истинность¹.

Писание есть наука не ума, а сердца. Оно понятно только для чистых сердцем. Завеса, прикрывающая Писание для иудеев, имеет силу и в отношении христиан. Любовь не только главный предмет священных книг, но и дверь в них.

Если бы все действия наши имели в виду только несомненное, тогда, пожалуй, ничего не следовало бы делать и в отношении религии, не имеющей в себе несомненности. Но чего только не предпринимается в целях, вполне проблематичных! Таковы морские путешествия, битвы. По-моему, совсем ничего не следовало бы делать, потому что уверенности нет ни в чем, и в религии больше несомненности, чем в надежде, что мы увидим завтрашний день; уверенности, что мы доживем до завтрашнего дня, не существует, зато очень возможно, что мы его не увидим. Нельзя того же сказать о религии. К вещам несомненным ее отнести нельзя. Но кто осмелится сказать, что ее наверное не существует? А обыкновенно считают, что поступают разумно, работая для завтрашнего дня и ради возможного, ведь трудиться ради возможного предписывает вполне очевидное якобы требование выгоды.

Св. Августин указывал, что в морских путешествиях, на войне и т.д. люди стремятся к возможному результату. Но он не усматривал того требования выгоды, которое бы объяснило необходимость подобных стремлений. Монтень подметил, сколь обижает нас обвинение в недостатке ума¹ и что обычай всемогущ². Но понимал ли он причины этого положения дел?

Все люди, трудящиеся ради возможного, видят только следствия, но не причины. По сравнению с теми, кому открыты причины, они выглядят как обладающий лишь

глазами перед тем, кто наделен умом. Ибо следствия принадлежат к сфере чувственного, причины же постигаются исключительно с помощью ума. И хотя следствия также предстают некоему умственному взору, подобная разновидность ума по отношению к уму, знающему причины, напоминает телесные чувства в сравнении с умом.

LXXXII

354 В природе человека не поступательное движение вперед, но скорее — суетливое метание то вперед, то назад.

Лихорадка вызывает то озноб, то жар. И ощущение холода указывает на силу горячки при этом заболевании не меньше, нежели ощущение жара.

Изобретения людей из столетия в столетие идут вперед. То же можно сказать о добродетели и зле мира вообще.

Plerumque gratae principibus vices¹.

LXXXIII

336 Нужно иметь заднюю мысль и по ней судить обо всем, говоря при этом одинаково с народом.

LXXXIV

303 Сила — царица мира, а не мнение; но в качестве мнения признается только то, что употребляет силу.

LXXXV

370 Случай дает мысли, случай их отнимает; ни сохранять, ни приобретать искусством их нельзя. Я хотел было записать убегающую мысль, но, как оказалось, зафиксировал лишь то, что она от меня таки убежала.

LXXXVI

Слушаются только уха, за неимением сердца*.

30

LXXXVII

Дети боятся намалеванного ими лица, потому что они 88
дети¹; но как сделать, чтобы столь слабое в детском
возрасте укрепилось с годами? Меняют только слабость**.

LXXXVIII

Одинаково непостижимо как бытие Бога, так и Его 230
небытие; пребывание или отсутствие души в теле; сот-
ворен ли мир или не сотворен; существует природный
грех или не существует?

LXXXIX

Неверующие оказываются самыми легковерными. Они 816
верят в чудеса Веспасиана, чтобы не верить чудесам
Моисея***.

XC

Вера есть дар Божий. Не думайте, что мы считаем ее 279
даром рассудка. Другие религии не говорят этого о своей

---

* Эта фраза взята из заметок автора к «Письмам к провинциалу». Вероятно, слова эти были вызваны замечанием иезуитов, которым не нравился слог какого-нибудь места писем.

** В издании Э.Авэ слово *faiblesse* заменено словом *fantaisie*.

*** О том, что Веспасиан, находясь в Александрии, исцелил будто бы своей слюной слепого и другого, разбитого параличом, рассказывает Тацит (Ист. IV, 81). См. также Светония и Флавия.

вере; чтобы получить веру, которая все-таки не дается им, они не знают иного средства, кроме рассуждений.

664 Бог обратил чувственность иудеев на службу делу Иисуса Христа.

ХСІ

502 Авраам ничего не просит для себя, но только для своих слуг*; так праведный ничем не пользуется в мире ради себя, но только ради страстей своих, над которыми господствует говоря: пойдя и прийдя**. *Sub te erit appetitus tuus****.

Страсти, таким образом управляемые, делаются добродетелями. Необходимо только пользоваться страстями, как рабами, и, давая им пищу, препятствовать душе отведывать ее, потому что страсти, беря верх, делаются пороками и тогда дают свою пищу душе; душа же, питаясь ею, отравляется.

ХСІІ

588 Наша религия и мудра, и безумна. Мудра потому, что она самая сведущая и самая обоснованная путем чудес, пророчеств и т.д. Безумна потому, что совсем не этим всем руководствуется верующий. Хотя этого достаточно для осуждения неверующих, но не то заставляет верить верующих. Верить заставляет их крест: *Да не упразднится крест Христов*****. Потому-то апостол Павел, пришедший в превосходстве слова и мудрости, говорит, что он пришел не в превосходстве слова и мудрости, ибо пришел про-

---

* См. Быт. XIV, 24.

** См. Мф. VIII, 9, слова сотника.

*** «*Да будут вожделения твои покорны тебе*». Таковы, приблизительно, слова Бога к Каину. См. Быт. IV, 7.

**** I Кор. I, 17.

поведовать*. Приходящие же с целью убеждать могут говорить, что пришли в мудрости и слове**.

XCIII

*Fascinatio nugacitatis*¹. Чтобы страсть не вредила, будем поступать так, как будто жить нам остается только одну неделю. 203

XCIV

Изо всего, что есть на земле, истинный христианин принимает участие только в огорчениях, а не в радостях; он любит своих ближних, но любовь свою не ограничивает этими пределами, а простирает ее на своих врагов и затем на врагов Бога. 767

---

* В подлиннике *convertir* — обращать, но мы перевели словом *проповедовать*, придерживаясь текста относящегося сюда места Посл. к Коринф. (I, 21, 23), где сказано: «Благоугодно было Богу безумием проповеди спасти верующих... А мы проповедуем Христа распятого».

** I Кор. 22—24. — «Иудеи требуют чудес, и эллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа, распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие. Для самих же призванных иудеев и эллинов Христа, Божью силу и Божью премудрость». Выражение «в превосходстве слова и мудрости» заимствовано из 1 стиха II главы того же Послания. Вообще, весь этот параграф основан на смысле I и II главы упомянутого Послания ап. Павла.

Статья XXIII

Размышления о Тайне Христовой

I

553

ИСУС Христос переносит в Своих страстях муки, причиняемые Ему людьми, но в смертной борьбе страдает муками, Самим на Себя наложенными: *Сам восскорбел**. Эта казнь уже не от руки человеческой, но от руки всемогущей и только всемогущим Существом переносимая.

Иисус Христос ищет некоторого утешения по крайней мере у троих наиболее близких друзей Своих, но те спят. Он просит их пободрствовать с Ним несколько времени, но те с полным небрежением покидают Его; в них так мало сострадания, что оно даже не в силах отогнать их сон и на минуту. Таким образом, Иисус вполне одиноким был предоставлен гневу Божию.

Иисус одинок на земле, которая не только не сочувствует и не разделяет Его страданий, но даже их не ведаёт: ведомо это лишь Небу и Ему Самому.

Иисус в саду, но не в том саду, исполненном всяческих утех, где первый Адам погубил себя и все человечество, а в саду мучений, где спасен был он и с ним весь человеческий род.

---

* Иоан. XI, 33.

Эти муки и это небрежение Он переносит в страшный час ночи.

Я полагаю, что Иисус жаловался только в этот единственный раз, но и тут Он жалуется, как бы не будучи в состоянии вместить в Себе Свою крайнюю скорбь: *Душа Моя скорбит смертельно**.

Иисус ищет общества и облегчения со стороны людей. Мне кажется, это единственный случай во всей его жизни. Но Он не получает ни того, ни другого, ибо ученики Его спят.

Иисус будет в агонии до конца мира: нельзя спать в это время.

Иисус, среди этого всеобщего равнодушия, когда даже избранные друзья отказались поощрять с Ним, найдя их спящими, огорчается ввиду опасности, которой они подвергают не Его, а самих себя**. Он предупреждает их относительно их собственного спасения и их пользы: обнаруживает в этом сердечную нежность к ним, несмотря на их неблагодарность, и предвещает, что дух бодр, а плоть немощна¹.

Находя их еще спящими, от чего не могло удержать их опасение ни за Него, ни за себя, Иисус не будит их, с любовью предоставляя им покоиться².

Иисус молится, пребывая в неуверенности относительно воли Отца и страшась смерти. Но затем, уверившись, полностью отдает себя Всевышнему Волеию: *Eamus*³. *Prossesit*. (Иоанн)⁴.

Иисус просил людей, но не был ими услышан.

Иисус, пока ученики Его спали, совершил их спасение. Он совершил спасение каждого из верных, пока они спали, и в небытии, до их рождения, и во грехах после рождения.

---

* Мф. XXVI, 38; Марк. XIV, 34.

** «Опасности искушения». См. Мф. XXVI, 41; Марк. XIV, 38 и Лук. XXII, 46.

Слова «да мимо идет от Меня чаша сия» Он произносит один раз, и то с покорностью, по два раза молится о ниспослании Ему этой чаши, если на то есть воля Отца⁵.

Иисус в тоске. Он полностью вверяет Себя Отцу Своему, видя всех друзей Своих спящими, а врагов — неусыпными.

Не видя в Иуде его вражды, но изъявляя ему Свою любовь и признавая его, называя другом, Иисус усматривает в этом апостоле установление Божье⁶.

Иисус оставляет среду Своих учеников, чтобы предаться смертной тоске; в подражание ему следует покинуть самых близких друзей и присных наших.

Ввиду предсмертных и величайших мук Иисуса продлим и усугубим нашу молитву*.

II

553 [Мы взываем к милосердию Божьему не для того вовсе, чтобы Он оставил нас в покое среди наших пороков, но, напротив, с тем, чтобы Он освободил нас от всего порочного.

Если Бог Собственной Своей рукой дал нам повелителей, о, сколь следовало бы им руководствоваться добротой сердца. Как общая необходимость, так и фактические подтверждения этого выглядят неустранимыми.]¹

Утешься: ты не стал бы искать Меня, если бы уже не обрел Меня.

Я думал о тебе в Своих предсмертных муках; Я пролил за тебя кровь Мою.

Ты не столько испытываешь себя, сколько искушаешь Меня, думая, в состоянии ли будешь совершить такой-то и такой-то подвиг: когда он совершится, то совершителем его буду Я.

---

* Лук. XXII, 44. — «И находясь в борении, прилежнее молился».

Руководствуйся Моими правилами; посмотри, как управляла рука Моя в жизни Девы и апостолов, предавшихся Моей воле.

Отец любит все, что Я творю.

Хочешь ли ты, чтобы продолжал потеть кровавым потом Своей человеческой природы, когда и слез не даешь Мне?

Мое дело обратить тебя на путь спасения: не бойся ничего и молись с упованием.

Я предстою тебе в Писании Своим словом, в Церкви Своим духом и учением, в священниках Своей властью, в верных молитвой.

Врачи не принесут тебе исцеления, ибо смерть для тебя неминуема. Мной же получается исцеление и бессмертие тела*.

Неси телесные узы и рабство; в настоящее время Я избавляю тебя только от рабства духовного.

Я наилучший из друзей твоих, ибо больше всех их сделал для тебя. Они не стали бы страдать так, как пострадал от тебя Я, и за тебя, неверного, жестокого, не умерли бы, как сделал это Я и как всегда готов сделать и делаю для Своих избранных.

Если бы ведомы были тебе грехи твои, не вынесло бы этого твое сердце. О, Господи! Я готов потерять свое сердце, ибо верю в злобу грехов моих по словам Твоим.

Нет, ибо Я, показавший тебе грех твой, могу исцелить тебя и говорю тебе то в знак моего желания помочь тебе. По мере твоего раскаяния во грехах ты познаешь их, и тебе будет сказано: вот возвращены тебе грехи твои. Раскаивайся же в своих скрытых грехах и в видимой злобе грехов, тебе известных.

— Господи, все предаю Тебе.

---

* См. Кор. XV, 53.— «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие».

— Я люблю тебя больше, чем ты любишь свою скверну. *Ut immundus pro luto**. Мне приличествует слава твоего спасения, а не тебе, червь земной.

Вопрошай своего духовного отца, когда Мои собственные слова дают тебе повод ко злу, тщеславию или любопытству.

III

553 Я вижу всю бездну моей гордости, любопытства, чувственности. Никакой правды нет в моих отношениях к Богу, ни к Иисусу Христу. Но, не знавший греха, Он сделан для нас жертвой за грех**; все бичи Твои пали на Него. Он принижен больше меня, но не только не отвращается от меня, а еще удостаивает меня обращением к моей помощи***.

Но Он исцелился от незаслуженных язв Своих и исцелит мои язвы, справедливо мной заслуженные. К Его язвам мне надлежит приложить свои и присоединиться к Его страданиям: спасая Себя, Он спасает и меня.

Но не дерзнем наносить Ему в будущем новые раны. *Eritis sicut dii scientes bonum et malum*¹. Всякий превращается в Бога, когда выносит суждение на манер: «это хорошо, то плохо». И, однако, сколь, верша подобный суд, удручаются или радуются из-за какой-нибудь случайности.

Следует придавать величие малому на основании величия Иисуса Христа, который поступает подобным образом в отношении нас и живет в нашей жизни. Великое

---

* «Как человек нечистый любит свою нечистоту». Неизвестно, откуда заимствовано Паскалем это выражение, но его нет в Писании.— Прим. Э.Авэ.

** II Кор. V, 21.

*** Вероятно, автор имеет в виду то место Еванг. от Матфея (XXVI, 38), где Спаситель просит учеников пободрствовать с Ним: «побудьте здесь и бодрствуйте со Мной».

же — да увидим малым и непрочным, на основании Его всемогущества.

IV

Утешьтесь: не от себя вам нужно ждать спасения; 517
напротив, вы должны ждать его, ничего не ожидая от себя.

V

Гробница Господня.— Иисус Христос умер, но видим 552
на кресте. Он умер и скрыт во гробе.

Иисуса погребали только святые.

Иисус не совершил никакого чуда у гроба.

Входят в него также одни святые.

Во гробе Иисус принимает новую жизнь, а не на кресте. Это последняя тайна страданий и искупления.

Иисусу Христу негде было на земле приклонить главу, как только во гробе.

Враги Его прекратили свои преследования только у Его гроба.

VI

Я часто беседую с тобой, когда не может говорить с 555
тобой твой духовник, ибо я не хочу, чтобы ты был лишен назидания. И, может быть, Я делаю это по его молитвам, так что он невидимо руководит тобой. Ты бы не искал Меня, если бы Я не был в тебе; успокойся же.

VII

Сравнивай себя не с другими, а со Мной. Когда не 555
находишь Меня в тех, с которыми себя сравниваешь, значит сравниваешь себя с гнусными. Если же находишь, то сравнивай. Но кого ты будешь сравнивать? Себя ли самого или Меня в себе? Если себя, то это такая же

скверна. Если Меня, то сравниваешь Меня со Мной же. Так, Я Бог во всем.

VIII

554 Мне кажется, что Иисус Христос по воскресении позволял прикасаться только к Своим ранам. *Не прикасайся ко Мне* (Иоан. XX, 17). Нам подобает только сострадать Ему.

IX

554 ...Приобщаться Себе Он допустил как смертный на Тайной Вечере, как воскресший — ученикам в Эммаусе¹, как восшедший на небо — всей Церкви².

X

744 «Молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Лук. XXII, 46). Впасть в искушение опасно; и если кто впадает в него, то потому что не молится.

И ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих*.
Но предварительно, обратившись, Господь воззрел на Петра**.

Св. Петр просит позволения ударить Малха¹ и ударяет, не выслушав ответ; Иисус Христос отвечает потом***.

---

* Лук. XXII, 32.

** Там же 61, 62.— «Тогда Господь, обратясь, взглянул на Петра; и Петр вспомнил Господа, как Он сказал ему: прежде чем пропоет петух, отречешься от Меня трижды. И вышедши вон, горько заплакал». На этом тексте Паскаль хочет основать учение о вызывающей и предупреждающей благодати: он хочет показать, что Петр обращается к Иисусу только после того, как Иисус обратился к нему.

*** Так всегда бывает с согрешающим человеком: благодать не предупредила его, и Бог допустил его действовать, прежде чем сказать ему.

XI

Иисус Христос не хотел быть убитым без соблюдения 790
форм правосудия, ибо гораздо постыднее умирать по
правосудию, чем вследствие несправедливого возмущения.

XII

Ложное правосудие Пилата было только причиной 791
лишних страданий для Иисуса; потому что, по своему
несправедливому суду, он велит бичевать Его и затем
убить. Лучше бы ему раньше убить Его. Таковы ложные
блюстители правосудия. Они делают добрые дела и дур-
ные, чтобы угодить миру, показать, что они не совсем
на стороне Иисуса Христа, так как стыдятся Его. Наконец,
в случаях сильного искушения, они Его убивают.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Часть I

Мысли об Уме и Стиле

1

РАЗЛИЧИЕ между познанием математическим и непосредственным.— Начала математического познания отчетливы, но в обыденной жизни неупотребительны, поэтому с непривычки в них трудно вникнуть; зато всякому, кто вникнет, они со-

вершенно очевидны, и только совсем дурной ум не способен построить правильного рассуждения на основе столь самоочевидных начал.

Начала непосредственного познания, напротив, распространены и общеупотребительны. Тут нет нужды во что-то вникать, делать над собой усилие, тут нужно другое — хорошее зрение, и не просто хорошее, а безупречное, ибо этих начал так много и они так разветвлены, что охватить их сразу почти невозможно. Меж тем пропустишь одно — и ошибка неизбежна. Вот почему нужна большая зоркость, чтобы увидеть все до единого, ясный ум, чтобы, основываясь на столь известных началах, сделать потом правильные выводы.

Итак, обладай все математики зоркостью, они все были бы способны к непосредственному познанию, ибо умеют делать правильные выводы из хорошо известных начал, а способные к непосредственному познанию были бы способны и к математическому, если бы дали себе труд

пристально взглядеться в непривычные для них математические начала.

Но такое сочетание встречается не часто, потому что человек, способный к непосредственному познанию, не пытается вникнуть в математические начала, а способный к математическому большей частью слеп к тому, что у него перед глазами; вдобавок, привыкнув делать заключения на основе хорошо им изученных точных и ясных математических начал, он теряется, столкнувшись с началами совсем иного порядка, на которых зиждется непосредственное познание. Они еле различимы, их скорее чувствуют, нежели видят, а кто не чувствует, того и учить вряд ли стоит: они так тонки и многообразны, что лишь человек, чьи чувства утончены и безошибочны, улавливает и делает правильные, неоспоримые выводы из подсказанного чувствами; притом зачастую он не может доказать верность своих выводов пункт за пунктом, как принято в математике, ибо начала непосредственного познания не выстраиваются в ряд, как начала познания математического, и подобного рода доказательство было бы бесконечно сложно. Познаваемый предмет надо охватить сразу и целиком, а не изучать его постепенно, путем умозаключений — на первых порах, во всяком случае. Таким образом, математики редко бывают способны к непосредственному познанию, а познающие непосредственно — к математическому, так как первые пытаются подходить математически к тому, что доступно лишь непосредственному познанию, и приходят к абсурду, ибо хотят во что бы то ни стало начать с определений, а потом перейти к основным началам, меж тем как в данном случае метода умозаключений ничего не дает. Это не значит, что разум вообще от них отказывается, нет, но он их делает незаметно, не напрягаясь, без всяких ухищрений; выразить словами сущность этой работы разума

не может никто, да и понимание того, что она вообще происходит, доступно лишь немногим.

С другой стороны, когда перед человеком, познающим предмет непосредственно и привыкшим охватывать его единым взглядом, предстают проблемы, ему совершенно непонятные и требующие для решения предварительного знакомства со множеством определений и непривычно сухих начал, он не только устрашается, но и отвращается от них.

Что касается дурного ума, ему равно недоступно познание и математическое и непосредственное.

Стало быть, ум сугубо математический будет правильно работать, только если ему заранее известны все определения и начала, в противном случае он сбивается с толку и становится невыносимым, ибо правильно работает лишь на основе четко сформулированных начал.

А ум, познающий непосредственно, не способен терпеливо доискиваться первичных начал, лежащих в основе чисто спекулятивных, отвлеченных понятий, с которыми он не сталкивается в обыденной жизни и ему непривычных.

2

Разновидности здравого рассудка: бывает так, что человек, здраво рассуждающий о явлениях определенного порядка, несет вздор, когда вопрос касается явлений другого порядка.

Один умеет делать множество выводов из немногих начал — это свидетельство здравости рассудка.

Другие делают множество выводов из явлений, основанных на множестве начал.

Например, некоторые правильно выводят следствия из немногих начал, определяющих свойства воды, но для этого надо обладать большой здравостью ума, ибо следствия эти трудно различимы.

Люди, способные вывести столь сложные следствия, отнюдь не всегда хорошие математики, ибо математика заключает в себе множество начал, а бывает ум такого склада, что он способен постичь лишь немногие начала, но зато до самой их глубины, меж тем как явления, основанные на многих началах, для него непостижимы.

Стало быть, существуют два склада ума: один быстро и глубоко постигает следствия, вытекающие из того или иного начала, и его можно назвать проницательным умом; другой способен охватить множество начал, не путаясь в них,— это математический ум. В первом случае человек обладает умом сильным и здравым, во втором — широким, и не всегда они сочетаются: человек может быть наделен умом сильным, но ограниченным или умом широким, но поверхностным¹.

3

Кто привык судить и оценивать по подсказке чувств, тот ничего не смыслит в логических умозаключениях, потому что стремится проникнуть в предмет исследования с первого взгляда и не желает исследовать начала, на которых он зиждется. Напротив, кто привык изучать начала, тот ничего не смыслит в доводах чувства, потому что ищет, на чем же они основываются, и не способен охватить предмет единым взглядом.

4

Проникновение, математика.— Истинное красноречие пренебрегает красноречием, истинная нравственность пренебрегает нравственностью, иными словами, нравственность оценивающая пренебрегает нравственностью расудочной, не знающей никаких правил.

Ибо в оценке всегда присутствует чувство, равно как в выкладках разума — научные доводы. Проникновение

свойственно оценивающему чувству, математический анализ — рассуждающему уму.

Пренебрежение философствованием и есть истинная философия.

5

Кто оценивает произведение, не придерживаясь никаких правил, тот по сравнению с людьми, эти правила знающими, все равно что не имеющий часов по сравнению с человеком при часах. Первый заявит: «Прошло два часа», — другой возразит: «Нет, только три четверти», — а я посмотрю на часы и отвечу первому: «Вы, видно, скучаете», — и второму: «Прошло не три четверти часа, а полтора; время для вас бежит». А если мне скажут, что для меня оно тянется и вообще мое суждение основано на прихоти, я только посмеюсь: спорщики не знают, что оно основано на показаниях часов.

6

Чувства так же легко развратить, как ум:

И чувство и ум мы совершенствуем или, напротив, развращаем, беседуя с людьми¹. Стало быть, иные беседы совершенствуют нас, иные — развращают. Значит, следует тщательно выбирать собеседников; но это невозможно, если ум и чувство еще не развиты или не развращены. Вот и получается заколдованный круг, и счастлив тот, кому удастся выскочить из него.

7

Чем умнее человек, тем больше своеобычности он находит во всяком, с кем общается. Для человека заурядного все люди на одно лицо.

Существует множество людей, которые слушают проповедь как вечерню.

Если хотите спорить не втуне и переубедить собеседника, прежде всего уясните себе, с какой стороны он подходит к предмету спора, ибо эту сторону он обычно видит правильно. Признайте его правоту и тут же покажите, что, если подойти с другой стороны, он окажется неправ. Ваш собеседник охотно согласится с вами — ведь он не допустил никакой ошибки, просто чего-то не разглядел, а люди сердятся не тогда, когда не все видят, а когда допускают ошибку: возможно, это объясняется тем, что человек по самой своей природе не способен увидеть предмет сразу со всех сторон и в то же время по самой своей природе если уж видит, то видит правильно, ибо свидетельства наших чувств неоспоримы.

Доводы, до которых человек додумывается сам, обычно убеждают его больше, нежели те, которые пришли в голову другим.

Скарамуш¹, думающий лишь об одном.

Ученый Доктор, не замолкающий и через четверть часа после того, как все уже сказано, — так распирает его само желание говорить.

Людям нравится наблюдать ослепленную страстью Клебулину¹, поскольку последняя ничего не знает о своем заблуждении. Если бы она не заблуждалась, то вмиг перестала бы вызывать симпатию.

Внимая рассказу, со всей подлинностью живописующему какую-нибудь страсть или ее последствия, мы находим в себе подтверждение истинности услышанного, хотя до сих пор и не подозревали, что эта истина открыта нам, и начинаем любить того, кто помог нам увидеть ее в себе, ибо он открыл заложенное не в нем, а в нас самих. Таким образом, мы проникаемся приязнью к нему и потому, что он оказал нам великую услугу, и потому, что такое взаимопонимание всегда располагает сердце к любви.

Красноречие, стремящееся кротко увещевать нас, не опираясь на какую-либо силу, является тираном, но никак не королем¹.

Красноречие — это искусство говорить так, чтобы те, к кому мы обращаемся, слушали не только без труда, но и с удовольствием и чтобы, захваченные темой и подстрекаемые самолюбием, они захотели поглубже в нее вникнуть.

Стало быть, оно состоит в умении установить связь между умами и сердцами наших слушателей и нашими собственными мыслями и словами, а это значит, что прежде всего мы должны хорошо изучить человеческое сердце, знать все его пружины, только тогда наша речь дойдет до него и его убедит. Поставим себя на место тех, кто нас слушает, и проверим на самих себе, верна ли избранная нами форма, гармонирует ли она с темой, производит ли на собравшихся такое впечатление, что они не в силах ей противостоят. Надо по возможности сохранять простоту и естественность, не преувеличивать мелочей, не преуменьшать значительного. Форма должна

быть изящна, но этого мало, она должна соответствовать содержанию и заключать в себе все необходимое, но только необходимое.

17

Реки — это дороги, которые и сами движутся, и нас несут туда, куда мы держим путь.

18

Общее и укоренившееся заблуждение полезно людям, когда речь идет о чем-то им непонятном, — например, о Луне, влиянию которой приписывают и смену времен года, и моровые недуги, и пр.: главный недуг человека — беспокойное любопытство ко всему для него непостижимому, и уж лучше пусть он заблуждается, чем живет во власти такого бесполезного чувства. [Стиль произведений Эпиктета, Монтеня и Соломона де Тюльти¹ наиболее безыскусен и при этом характеризуется наибольшей доходчивостью, дольше остается в памяти и, поскольку весь состоит из мыслей, родившихся в обыкновенных беседах, располагает к частому цитированию. Например, когда говорят об общем заблуждении, распространенном в свете, согласно которому Луна — причина всего происходящего, вряд ли станут пренебрегать словами Соломона де Тюльти о том, что, если неизвестна истина какой-либо вещи, хорошо бы придерживаться общего заблуждения насчет последней и т.д., ибо речь здесь идет об одной и той же мысли, но рассмотренной с другой стороны.]

19

Только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать.

Порядок.— Почему должен я подразделять свою мораль на четыре части¹, а не на шесть? Почему должен предполагать, что добродетелей, вероятнее всего, четыре, десять или одна? Почему «воздерживайся и терпи»², а не «следуй природе»³, или «во всяком деле, избегай несправедливости»⁴, как говорит Платон, или не что-то там еще?— Но, в таком случае, скажете вы, все должно заключаться лишь в одном слове.— Да, но этот вывод бесполезен, если его не объяснить. А если приступить к объяснению, то едва лишь станет видимым искомое правило, содержащее в себе все другие, как моментально возобновляется та самая путаница, которой мы хотели избежать. Следовательно, когда все эти этические предписания заключены в одном, то пребывают они там в качестве скрытых и бесполезных, как в сундуке, и способны обнаруживаться лишь посредством присущего им от природы беспорядка. Ибо все они созданы природой, внутренне никак не соотносенными друг с другом.

21

Природа создала свои истины независимыми друг от друга. Потому, когда наше искусство стремится соотносить их между собой, результат выглядит неестественным: ведь каждая истина стремится на присущее лишь ей место.

22

Пусть не корят меня за то, что я не сказал ничего нового: ново уже само расположение материала; игроки в мяч бьют по одному и тому же мячу, но не с одинаковой меткостью.

С тем же успехом меня могут корить и за то, что я употребляю давно придуманные слова. Стоит расположить уже известные мысли в ином порядке — и получится

новое сочинение, равно как одни и те же, но по-другому расположенные слова образуют новые мысли.

23

Иначе расставленные слова обретают другой смысл, иначе расставленные мысли производят другое впечатление.

24

Язык.— Отвлекать ум от начатого труда следует, только чтобы дать ему отдых, да и то не когда вздумается, а когда нужно, когда этому время: отдых не вовремя утомляет, а утомление отвлекает от труда. Вот как хитро плотская невоздержанность принуждает нас делать обратное тому, что требовалось, и при этом не платит ни малейшим удовольствием — той единственной монетой, ради которой мы готовы на все.

25

Красноречие.— Существенное должно сочетаться с приятным, но приятное следует черпать только в истинном.

26

Красноречие — это живописное изображение мысли; если, выразив мысль, оратор добавляет к ней еще какие-то черточки, он создает не портрет, а картину¹.

27

Разное. Язык.— Кто, не жалея слов, громоздит антитезы, тот уподобляется человеку, который ради симметрии делает ложные окна на стене: он думает не о точности слов, а о точности фигур.

Симметрия воспринимается с первого взгляда и основана на том, что, во-первых, нет резону без нее обходиться, а, во-вторых, человеческое тело тоже симметрично; именно поэтому мы привержены к симметрии в ширину, но не в глубину и высоту.

Когда читаешь произведение, написанное простым, натуральным слогом, невольно удивляешься и радуешься: рассчитывал на знакомство только с автором, а познакомился с человеком. Но каково недоумение людей, наделенных хорошим вкусом, которые надеялись, что, прочитав книгу, узнают в ее создателе человека, а узнавали только автора. *Plus poetice quam humane locutus es*¹. Как облагораживают человеческую натуру люди, умеющие доказать ей, что она способна говорить обо всем, даже о теологии!

Мы браним Цицерона за напыщенный слог, меж тем у него есть почитатели, и в немалом числе.

Между нашей натурой,— не важно, сильна она или слаба,— и тем, что нам нравится, всегда есть некое сродство, которое и лежит в основе нашего образца приятности и красоты.

Все, что отвечает этому образцу, нам по душе,— дом, напев, речь, стихи, женщина, птица, река, деревья, убранство комнат, одежда и т.д. А что не отвечает, то человеку с хорошим вкусом не может понравиться.

И подобно тому, как есть глубокое сродство между домом и напевом, созданным в согласии с этим образцом, хотя каждый в своем роде, так есть сродство и между всем, что создано на основе дурного образца. Это вовсе

не значит, что дурной образец один,— напротив, их бесчисленное множество; но если взять, например, безвкусный сонет, то, какому бы дурному образцу он ни соответствовал, между ним и женщиной, одетой по тому же образцу, всегда есть сродство.

Чтобы уяснить себе, насколько смехотворен дурной сонет, довольно понять, какому образцу он соответствует, а затем представить себе дом или женский наряд, сработанный по тому же образцу.

33

Поэтическая красота.— Мы говорим «поэтические красоты», почему бы не сказать «математические красоты», «медицинские красоты»? Но так не говорят, и причина этому в следующем: все знают, в чем заключается предмет математики и что он состоит в доказательствах, и в чем заключается предмет медицины и что он состоит в исцелении, но никто не знает, в чем заключается приятность, которая и есть предмет поэзии. Никто не знает, каков тот существующий в природе образец, которому следует подражать, и, за незнанием этого, придумывают такие замысловатые выражения, как «золотой век», «чудо наших дней», «роковой» и т.д., и называют это странное наречие «поэтическими красотами».

Но представьте себе женщину, разряженную по такому образцу,— а суть его в том, что любой пустяк облекается в пышные слова,— и вы увидите красотку, увешанную зеркальцами и цепочками, и расхохочитесь, ибо куда понятнее, какова должна быть приятная женщина, чем каковы должны быть приятные стихи. Но те, у кого дурной вкус, станут восхищаться обликом этой женщины, и найдется немало деревень, где ее примут за королеву. Потому-то мы и называем сонеты, написанные по такому образцу, «первыми на деревне».

В свете не прослывешь знатоком поэзии, или математики, или любого другого предмета, если не повесишь вывески «поэт», «математик» и т.д. Но человек всесторонний не желает никаких вывесок и не делает различия между ремеслом поэта и золотошвея.

К человеку всестороннему не пристает кличка поэта или математика и т.д., он и то и другое и может судить о любом предмете. Но это никому не бросается в глаза. Он легко присоединяется к любой беседе, которую застал, вошедши в дом. Никто не замечает его познаний в той или иной области, пока в них не появится надобность, но уж тут о нем немедленно вспоминают; точно так же не помнят, что он красноречив, пока не заговорят о красноречии, но стоит заговорить — и сразу все вспоминают, какой он хороший оратор.

Стало быть, когда при виде человека первым делом вспоминают, что он поднаторел в поэзии, это отнюдь не похвала; с другой стороны, если беседа идет о стихах и никто не спрашивает его мнения — это дурной знак.

Хорошо, когда кого-нибудь называют не математиком, или проповедником, или красноречивым оратором, а просто порядочным человеком. Мне по душе только это всеобъемлющее свойство. Очень плохо, когда при взгляде на человека сразу вспоминаешь, что он написал книгу. Я бы хотел, чтобы столь частное обстоятельство всплывало в памяти, лишь когда речь заходит об этом обстоятельстве (*Ne quid nimis*)¹, иначе оно подменит собой человека и станет именем нарицательным; пусть говорят, что человек искусный оратор, только если разговор касается ораторского искусства, — но уж в этом случае пусть не забывают о нем.

У человека множество надобностей, и любит он только тех, кто в силах ублаготворить все до единой. «Такой-то — отличный математик», скажут про кого-нибудь. «А на что мне математик? Он, чего доброго, примет меня за теорему». — «А такой-то — отличный полководец». — «Еще того не легче! Он примет меня за осажденную крепость. А я ищу просто порядочного человека, который сделает для меня все, в чем я нуждаюсь».

[Поскольку мы не в силах преодолеть нашей ограниченности, а следовательно, неспособны знать все обо всем, то нам следует знать обо всем понемногу. Ибо гораздо лучше знать хотя бы кое-что обо всем, нежели все о какой-либо одной вещи. Упомянутая широта кругозора — лучшее, что может быть. Еще лучше, конечно, если есть возможность объединить универсальность с доскональностью, но при необходимости сделать выбор, он должен быть сделан в пользу первой. Свет это понимает и поступает подобным же образом, ибо свет часто оказывается хорошим судьей.]¹

Если бы молния стала вдруг бить по низинам, то поэты, а также те, кто только и умеет, что предаваться умствованиям о предметах подобного свойства, не нашли бы доказательства <данному явлению>.

Дабы доказать нечто, прибегают к примерам, но в доказательстве самих примеров также используется нечто в качестве примера. Ибо, поскольку считают, что трудность суть то, что стремятся доказать, то и находят

примеры более ясными и способными сделать затруднительное очевидным.

Таким образом, при доказательстве вещей всеобщих следовало бы подбирать особое правило для каждого единичного случая. Но для обоснования всех особых случаев в свою очередь необходимо всеобщее правило. Ведь неясной всегда находят вещь, подлежащую доказыванию, а ясной ту, с помощью которой доказывание осуществляется. Ибо, прежде чем счесть нечто требующим доказательства, следует вообразить¹, что сие нечто ясно и, напротив, что предполагаемое средство доказывания не вызывает никаких сомнений и, в силу этого, легко доступно пониманию.

41

Эпиграммы Марциала. — Людям по душе язвительная насмешка, но не над кривыми или обездоленными, а над спесивыми счастливцами. Тот заблуждается, кто думает иначе.

Ибо источник всех наших побуждений — корыстолюбие; с одной стороны, человеколюбие — с другой.

Надо добиваться одобрения людей человеколюбивых и мягкосердечных.

Эпиграмма на двух кривых никуда не годна, потому что им не дарует никакого утешения, между тем автору приносит толику славы. Все, что идет на потребу только автору, никуда не годится. *Ambitiosa recidet ornamenta*¹.

43

Говоря о своих трудах, иные авторы твердят: «Моя книга, мой комментарий, моя история». Они как те выскочки, которые обзавелись собственным домом и не устают повторять «мой особняк». Лучше бы говорили «наша книга, наш комментарий, наша история», ибо чаще всего там больше чужого, чем их собственного.

Хотите, чтобы люди поверили в ваши добродетели? Не хвалитесь ими.

Языки суть шифры, где, однако, не буквы заменяются буквами, но слова — словами, почему неизвестный язык и поддается расшифровке.

Хороший острослов — дурной человек.

Иные люди отлично говорят, но пишут из рук вон плохо: обстановка и доброжелательные слушатели разжигают их ум и заставляют его работать живее, чем он работает без этого топлива.

Порою, подготовив речь, мы замечаем, что в ней повторяются одни и те же слова, пытаемся их заменить и только портим, настолько они были уместны; это знак, что все надо оставить как есть: пусть себе зависть злорадствует, она слепа и не понимает, что порою повторение — не порок, ибо единого правила тут не существует.

Скрывать суть, надевать на нее личину. Не король, не папа, не епископ, а «державный монарх» и прочее, не Париж, а «столица державы». В иных местах Париж надо называть Парижем, в других — обязательно именовать «столицей державы».

Мысль меняется в зависимости от слов, которые ее выражают. Не мысли придают словам достоинство, а слова мыслям.

Никто не говорит, что он картезианец¹, не являясь таковым. Подобное относимо и к педанту, и к провинциалу... Поэтому я готов побиться об заклад², что никто иной, как издатель придумал такое название: «Письма к провинциалу».

Мне кажутся скверными вежливые обороты типа: «О, я так утомил Вас. Я боюсь, как бы Вам не стало скучно. Опасаюсь, как бы это не затянулось надолго». Подобными речами можно либо убедить в том, что действительно доставляешь неудобство, либо рассердить надуманностью извинения.

Плоха благодарность, постоянно твердящая: «Извините меня, пожалуйста». Без этого извинения я бы и не подумал, что произошло нечто меня оскорбляющее. «Извините за выражение»... В этом нет ничего плохого, кроме самого извинения.

Часть II

Ничтожество человека, лишенного Бога

60¹

АСТЬ первая: Ничтожество человека без Бога.

Часть вторая: Счастье человека, обретшего Бога.

Иначе:

Часть первая: О том, что природа человека испорчена. Показать это посредством ее самой.

Часть вторая: О том, что существует Некто, способный исправить ее. Показать с помощью Писания.

61

Порядок.— Я принял бы следующий порядок рассуждения: доказать сначала суетность жизни, которую ведет большинство, далее — суетность философских (стоических, пирронистских) жизненных принципов, дабы тем доказать суетность всего мира. Но упомянутый порядок не будет обоснованным. Мне об этом немного известно, как и известно, сколь немногие люди в состоянии подобное уразуметь. Никакое человеческое знание ничего здесь не обоснует. Даже св. Фома¹ бессилен чем-либо помочь. Искомый порядок доказывает математика, но и она бесполезна в своей глубинной сути.

Предисловие к первой части.— Высказаться о тех, кто рассуждает о самопознании; об утомительных и нагоняющих тоску разделениях Шаррона¹; о монтеневском беспорядке; о том, что у Монтеня остро ощущался недостаток [верного] метода, что он избегал этого метода, перескакивал в своих «Опытах» с одного предмета на другой, что он искал чисто внешней значительности.

Нелеп проект, который он перед собой расписывает. Речь не идет о поверхностности, как, впрочем, и о приводимых им максимах, поскольку в этих пунктах случается иметь изъяны всякому. Заслуживают упрека максимы, лежащие в основе его собственных действий, первоначальное и принципиальное намерение. Ибо говорить нелепости случайно и по неразумию — недостаток обыкновенный².

Монтень.— Изъяны Монтеня велики. Непристойные темы¹, вредоносность которых не уменьшают даже оговорки м-ль Гурнэ². Легковерность — *люди без глаз*³. Невежество — *квадратура круга*⁴, большие размеры мира⁵. Его суждения о добровольном самоубийстве, о смерти⁶. Он потворствует безразличию в вопросе о спасении души — *без страха и раскаяния*⁷. Его книга не направляет к набожности и не налагает никаких обязательств в этом вопросе, тогда как люди никогда не должны отвращаться от подобных тем. Еще можно простить его несколько вольные и не чуждые сладострастия мнения по поводу тех или иных жизненных обстоятельств (730, 231)⁸. Но совершенно непростительны его чисто языческие рассуждения о смерти. Ибо нужно совершенно отказаться от всякой набожности, чтобы не возникло желания хотя бы умереть по-христиански. На протяжении всей книги

мысли его заняты тем, чтобы встретить смерть трусливо и безвольно⁹.

64

Во мне, а не в писаниях Монтеня содержится все, что я в них вычитываю¹.

65

Достоинства Монтеня даются великим трудом. А недостатки — я говорю не о нравственных принципах — Монтень исправил бы шутя, укажи ему кто-нибудь, что он рассказывает слишком много побасенок и слишком много говорит о себе.

66

Познаём самих себя: пусть при этом мы не постигнем истины, зато наведем порядок в собственной жизни, а это для нас самое насущное дело.

67

Тщета наук. — Если я не знаю основ нравственности, наука об окружающем мире не принесет мне утешения в тяжкие минуты жизни, а вот основы нравственности утешат и при незнании науки о предметах внешнего мира.

68

Людей учат чему угодно, только не порядочности, между тем всего более они стараются блеснуть порядочностью, а не ученостью, то есть как раз тем, чему их никогда не обучали.

73

[Но может оказаться, что этот предмет превосходит пределы разума. Исследуем же наши измышления отно-

сительно вещей, опираясь на разумный фундамент. Если и есть нечто безусловно требующее от разума быть объясненным наилучшим образом, то это, конечно же, высшее благо. Рассмотрим, однако, где эти искусные и прозорливые души его помещают и какую степень взаимного согласия проявляют в подобном деле.

Один утверждает, что высшее благо состоит в добродетели, другой помещает это самое благо в область наслаждения; один усматривает его в познании природы, другой — в истине¹: *Felix qui potuit rerum cognoscere causas*², кто-то третий в абсолютном неведении, четвертый — в безразличии. Иные как на высшее благо укажут на борьбу с видимостью, иные — на способность ничему не удивляться, *nihil mirari propterea res una quae possit facere et servare beatum*³, а истинные пирронисты — на свою атаксию⁴, сомнение и жизнь во всегда подвешенном состоянии; иные же, кто помудрее, намереваются изобрести нечто более удачное. Итак, свой долг рассмотреть взгляды философов мы исполнили.

*Поместить после законов в следующую главу*⁵.

Так нужно ли стремиться к познанию того, чего не добились вся эта блестящая философия трудом столь долгим и напряженным? Быть может, душа сама найдет способ познать себя? Прислушаемся к мнениям по данному вопросу тех, кого почитают за учителей света. Что думали они о своей сущности? 394⁶. Стали ли жить счастливее, обладая этими мыслями? 395⁷. Что узнали относительно своего начала, времени своей жизни и своего ухода из нее? 399⁸.

Может быть, сама по себе душа — предмет слишком благородный, чтобы быть доступной для тех слабых познавательных способностей, которыми она располагает? Что ж, опустимся тогда с ее высот до рассмотрения материи и поглядим, знает ли она, из чего создано собственное тело, ею одушевляемое, а также другие тела, которые

она созерцает и с которыми поступает по своей прихоти? Что известно об этом тем великим догматикам, которые, казалось бы, знают все? *Harum sententiarum*. 393⁹.

Подобного было бы, без сомнения, достаточно, если бы сам разум был разумен. Но разум, хотя и готов признать, что ему пока не удалось найти чего-то прочного, тем не менее не отчаивается в надежде достичь этой цели. Он выглядит более чем когда-либо исполненным решимости и уверен, что располагает силой, которая поможет одержать победу в столь неудачно до сих пор складывавшемся предприятии. Стало быть, сперва нужно завершить начатое, а уж потом судить о возможностях разума по достигнутым с его помощью <окончательным> результатам. Но рассмотрим сами эти возможности. Наделен ли разум чем-либо, что бы делало его способным к постижению истины?]

74

Письмо¹ о безумии человеческой науки и философии.

Это письмо перед развлечением².

*Felix qui potuit... Nihil admirari*³.

280 видов высшего блага у Монтеня⁴.

75

Часть 1, 1.2, с.1, отдел 4¹.

[Предположение.— Будет нетрудно спуститься еще на одну ступень, чтобы показать, сколь нелепым оно является. Ибо с этого следует начать.] Может ли быть нечто более абсурдное в данном вопросе, чем говорить, что неодушевленные тела наделены страстями, что им ведомы страх, отвращение? Что тела бесчувственные, неживые, да и вообще живыми быть неспособные, якобы обладают теми страстями, наличие которых естественно предположить у души, по крайней мере имеющей возможность чувствовать испытываемую страсть? Что, более того, объ-

ектом указанного отвращения выступает пустота. Что же есть в пустоте такого, что могло бы внушить им страх? И что является более глупым и смехотворным, нежели подобное предположение? Разве недостаточно было бы предположить наличие в них самих принципа движения, обуславливающего избегание пустоты? Или у них есть руки, ноги, мускулы, нервы?

76

Написать против тех, кто слишком углубляется в науки.
Декарт.

77

Не могу простить Декарту: он очень хотел бы обойтись в своей философии без Бога, но так и не обошелся, заставил Его дать мирозданию щелчок и тем привести в движение, а потом Бог стал ему ненадобен.

78

Декарт бесполезен и ненадежен¹.

79

Декарт.— Надо говорить просто: «Это образуется посредством формы и движения»,—ибо подобное высказывание правильно. Но говорить еще и каким образом и придумывать машину—это смешно. Смешно, ибо бесполезно, ненадежно и утомительно.

Если бы эти идеи были истинными, то мы бы не думали, что вся философия не стоит и часа труда¹.

80

Почему нас не сердит тот, кто хром на ногу, но сердит тот, кто хром разумом¹? Дело простое: хромой признает, что мы не хромоноги, а недоумок считает, что это у нас

ум с изъязном. Потому он и вызывает не жалость, а злость.

Эпиктет спрашивает еще прямее: «Почему мы не возмущаемся, когда говорят, будто у нас болит голова, но возмущаемся, когда говорят, что мы не умеем рассуждать или выбрать правильный путь?»² Да потому, что мы твердо уверены,— голова у нас не болит и мы не хромы, но отнюдь не так уверены в правильности нашего выбора. Мы искренне верили в свою правоту, но вот встретили человека, который думает иначе, и сразу пришли в смущение, особенно если наш выбор показался нелепым не только одному, а множеству людей: ибо предпочесть собственное разумение разумению всех прочих и трудно, и чересчур дерзко. А в случае с хромым нам все ясно.

81

Нашему уму свойственно верить, а воле — хотеть; и если у них нет достойных предметов для веры и желания, они устремляются к недостойным¹.

85

То, что порою больше всего волнует нас,— например, опасение, как бы кто-нибудь не проведал о нашей бедности, часто оказывается сущей безделицей. Это песчинка, раздутая воображением до размеров горы. А стоит ему настроиться на другой лад — и мы с легкостью рассказываем о том, что прежде таили.

86

[Моя фантазия заставляет меня ненавидеть того, чей голос похож на карканье, или того, кто сопит во время еды. Фантазия — вещь авторитетная. Какая нам от этого польза? Мы что, следуем фантазии в силу естественности ее авторитета? Нет. Но если мы окажем ей сопротивление...]

Привычка суть наша природа. Кто привык к определенной религии — верит ей, будучи уже не в состоянии не бояться ада либо поверить какой-нибудь другой религии. Кто привык считать, что король — человек необыкновенный..., и т.д. Кто же сможет усомниться, что и наша душа, исключительно от привычки видеть число, пространство, движение, верит в их существование, а не в несуществование?

Что такое наши врожденные понятия, как не понятия привычные? Разве дети не усваивают их от родителей, как животные — умение охотиться?

Противоположные привычки порождают противоположные врожденные понятия, чему есть множество примеров; если и существуют понятия, которые не может искоренить никакая привычка, то ведь и есть привычки, противные природе, но не подвластные ни ей, ни более поздней привычке. Это уже зависит от склада характера.

Родители боятся, как бы врожденная любовь детей к ним с течением времени не изгладилась. Но как может изгладиться врожденное чувство? Привычка — наша вторая натура, и она-то меняет натуру первоначальную¹. Но что такое человеческая натура? И разве привычка не натуральна в человеке? Боюсь, что эта натура — наша самая первая привычка, меж тем как привычка — наша вторая натура.

В людской натуре все от естества, *отпе animal*¹. Любое чувство может превратиться как бы во врожденное, любое врожденное чувство может изгладиться.

Воспоминание, радость является ощущениями. Ощущениями становятся даже геометрические теоремы, ибо лишь разум делает ощущение естественным, как, впрочем, и отнимает эту естественность¹.

Когда привыкают пользоваться ложными доводами при доказательстве причин природных явлений, то больше не желают принимать доводов истинных, будь последние и очевидными. Хороший тому пример дало исследование циркуляции крови, когда пытались объяснить, почему вена вздувается под повязкой¹.

Когда бы каждому стало известно все, что о нем говорят ближние,—я убежден, на свете не осталось бы и четырех искренних друзей. Подтверждение этому — ссоры, вызванные случайно оброненным, неосторожным словом.

Иные наши пороки — только отростки других, главных: они отпадут, как древесные ветки, едва вы срубите ствол.

Пример чистоты нравов Александра Великого куда реже склоняет людей к воздержанности, нежели пример его пьянства — к распущенности¹. Совсем не зазорно быть менее добродетельным, чем он, и простительно быть столь же порочным. Нам мнится, не такие уж мы обычные распутники, если те же пороки были свойственны и великим людям, ибо никому не приходит в голову, что как раз в этом великие люди ничем не отличаются от простых смертных. Им подражают в том, в чем они

подобны всем прочим, ибо при всей высоте природы какая-то черта неизменно уравнивает их с ничтожнейшими из людей. Они не висят в воздухе, не оторваны от всего человечества — нет, они больше нас лишь потому, что на голову выше, но их ноги на том же уровне, что и наши, они попирают ту же землю. Этими конечностями они нисколько не возвышаются над нами, над малыми сими, над детьми, над животными.

104

Когда нами овладевает страсть, мы забываем о долге; если нам нравится книга, мы утыкаемся в нее, пренебрегая самыми насущными делами. Чтобы напомнить себе о них, следует заняться чем-нибудь очень докучным: тогда, под предлогом, что у нас есть дело поважнее, мы возвращаемся к исполнению долга.

106

Узнав главенствующую страсть человека, мы уже уверены, что сможем ему понравиться, забывая, что у каждого без счета прихотей, идущих вразрез даже с его собственной выгодой, как он ее понимает: вот это сумасбродство человека и смешивает все карты в игре.

107

*Lustravit lampade terras*¹.— Погода мало влияет на расположение моего духа,— у меня свои собственные туманы и погожие дни. Порою они не зависят даже от хорошего или дурного оборота моих дел. Случается, я не дрогнув встречаю удары судьбы; победить ее так почетно, что я, вступая с ней в борьбу, сохраняю бодрость духа, меж тем как иной раз, при самых благоприятных обстоятельствах, хожу как в воду опущенный.

307

Пусть человеку нет никакой выгоды лгать — это еще не значит, что он говорит правду: лгут просто во имя лжи.

Когда человек здоров, ему непонятно, как это живут больные люди, а когда расхварывается, он глотает лекарства и даже не морщится: к этому его побуждает недуг. Нет у него больше страстей, нет желания пойти погулять, развлечься, рожденного здоровьем, но несовместимого с недугом. Теперь у него другие страсти и желания, они соответствуют его состоянию и рождены все той же природой. Но вот страхи рождены не природой, а нами самими, и они потому так мучительны, что заставляют терзаться страстями, не свойственными нашему теперешнему состоянию.

По самой своей натуре мы несчастны всегда и при всех обстоятельствах, ибо когда желания рисуют нам идеал счастья, они сочетают наши нынешние обстоятельства с удовольствиями, нам сейчас недоступными. Но вот мы обрели эти удовольствия, а счастья не прибавилось, потому что изменились обстоятельства, а с ними — и наши желания.

Человек чувствует, как тщетны доступные ему удовольствия, но не понимает, как суетны чаемые; в этом причина людского непостоянства.

Непостоянство. — У предметов множество свойств, у души множество склонностей; все, что ей открывается, непросто, и сама она, открываясь, всегда является не-

простой. Поэтому одно и то же вызывает у человека то смех, то слезы.

113

Непостоянство и причудливость.— Жить только своим трудом и царить над величайшей из держав мира — вещи весьма различные. Соединяются они в особе Великого Владыки турок¹.

114

Различие обширно, как совокупность всех тонов нашего голоса, как все эти движения, кашли, сморкания, чихания. Могут различить плоды винограда и сказать, что, дескать, здесь Кондре, здесь — Дезарг, а здесь — саженцы. И все? А видали ли когда-нибудь две одинаковые грозди? Или две одинаковые ягоды на одной и той же грозди? и т.д.¹

Я не смог бы всегда одинаково оценивать одну и ту же вещь. Я не могу судить о моем произведении, когда над ним работаю. Ведь для этого следует, подобно художникам, от него удалиться. Но удалиться не слишком далеко. На сколько же? Угадайте.

115

Многообразие.— Богословие — это наука, но сколько в нем сочетается наук! Человек — совокупность органов, но если его расчленить, окажется ли человеком каждый орган? Голова, сердце, вены, каждая вена, каждый ее отрезок, кровь, каждая ее капля?

Город или деревня издали кажутся городом или деревней, но стоит подойти поближе — и мы видим дома, деревья, черепицу, листья, траву, муравьев, муравьиные ножки, и так до бесконечности. И все это входит в слово «деревня».

Мысли.— Все едино, все многообразно. Сколько разных натур в одной человеческой натуре! Сколько разных призваний! А человек выбирает себе занятие наобум, просто потому, что кто-то это занятие похвалил. Хорошо сработанный башмачный каблук.

Башмачный каблук.— «Как ловко сработан этот каблук!» — «Какой искусный мастер!» — «Какой храбрый солдат!» Вот источник наших склонностей, вот под влиянием чего мы выбираем себе занятие. «Он пьет и не пьянеет!» — «Он совсем не пьет!» Вот как люди становятся пьяницами, трезвенниками, солдатами, трусами и т.д.

Природа повторяет себя: зерно, посеянное в тучную землю, плодоносит; мысль, посеянная в восприимчивый ум, плодоносит; числа повторяют пространство, хотя так от него отличны.

Все создано и определено единым творцом: корни, ветви, плоды; причины, следствия.

[Природа сначала создает разнообразие, затем — копирует, искусство сначала копирует, а затем — вносит разнообразие.]

Природа беспристрастно возобновляет одно и то же — годы, дни, часы; пространства, равно как и числа, непрерывно следуют одно за другим. И таким образом получается своего рода бесконечность и вечность. Не то чтобы все это в отдельности было бесконечно и вечно, но величины, сами по себе конечные, бесконечно умножа-

ются. Так что, на мой взгляд, бесконечно только умножающее их число.

122

Время потому исцеляет скорби и обиды, что человек меняется: он уже не тот, кем был. И обидчик и обиженный стали другими людьми. Точь-в-точь как разгневанный народ: взгляните на него через два поколения — это по-прежнему французы, но они уже совсем другие.

123

Он уже не любит эту женщину, любимую десять лет назад. Еще бы! И она не та, что прежде, и он не тот. Он был молод, она тоже; теперь она совсем другая. Ту, прежнюю, он, быть может, все еще любил бы.

124

Всякий раз мы смотрим на вещи не только с другой стороны, но и другими глазами — поэтому и считаем, что они переменялись.

125

Противоречия.— Человек по своей натуре доверчив, недоверчив, робок, отважен.

126

Описание человека; зависимость, жажда независимости, надобности.

128

Человек тоскует, если ему приходится бросать то, к чему он пристрастился. Некто вполне доволен своим домашним очагом; но вот он встретил женщину и увлекся ею или несколько дней с удовольствием играл в карты. Заставьте его вернуться к прежнему кругу занятий, и он

почувствует себя несчастным. История из самых обыкновенных.

129

Суть человеческого естества — в движении. Полный покой означает смерть.

132

На мой взгляд, Цезарь был слишком стар для такой забавы, как завоевание мира. Она к лицу Августу или Александру: эти были молоды, а молодых людей трудно обуздать; но Цезарь, казалось бы, должен был проявить большую зрелость ума.

133

Два похожих лица, ничуть не смешных по отдельности, смешат своим сходством, когда они рядом.

134

Как суетна та живопись, которая восхищает нас точным изображением предметов, отнюдь не восхищающих в натуре!

135

В сражении нас привлекает самое сражение, а не его победоносный конец: мы любим смотреть на бой животных, но не на победителя, терзающего жертву. Чего, казалось бы, нам ждоть, как не победы? Однако стоит ее дожидаться — и мы сыты по горло. Так же обстоит дело и с любой игрой, и с поисками истины. Мы любим следить за столкновением несхожих мнений, но вот обдумать найденную истину — нет уж, увольте! Она доставляет нам удовольствие лишь тогда, когда при нас рождается в спорах. И со страстями то же самое: мы жадно следим за их противоборством, но вот одна взяла верх —

и какое это грубое зрелище! Нас волнует не суть явлений, а лишь поиски сути. Поэтому так претят те сцены в комедиях, где довольство не сдобрено тревогой, несчастье надеждой, где только и есть, что грубое вожделение или безжалостная жестокость.

137

Мы поймем смысл всех людских занятий, если вникнем в суть развлечений.

140

[Как могло произойти, что этого человека, еще недавно столь удрученного смертью жены и единственного сына, столь мучимого подобной трагедией, мы видим сейчас вовсе не грустным и явно отрешившимся от каких бы то ни было тягостных и тревожных мыслей? Не стоит, однако, удивляться. Просто сейчас подача соперника, и он должен исхитриться отбить мяч. Упади хоть крыша — он все равно думал бы лишь о том, как справиться с предстоящей подачей, даже если в награду достанутся костыли. Как же вы хотите, чтобы он предавался печальным мыслям, будучи пленен совсем другими вещами? Да и что сказать — забота вполне достойная, дабы занять эту великую душу и освободить ум от всякой иной мысли. И вот наш герой, рожденный, чтобы познавать вселенную, рассуждать обо всем на свете, править державой, озабочен и всецело исполнен одной-единственной целью — как подстрелить зайца. Но если б человек не снисходил до подобных занятий, всегда оставаясь в напряжении, то его смело можно было бы признать дураком, стремящимся возвыситься над человеческой природой. А он, в конце концов, всего лишь человек, то есть способен и на великое, и на малое, годен на все и ни на что. Он не ангел и не животное, но — человек.]¹

Люди заняты тем, что следят: попадет ли пуля в зайца. Что ж, и королям по душе подобные занятия.

Я потратил много времени на изучение отвлеченных наук, но потерял к ним вкус — так мало они дают знаний. Потом я стал изучать человека и понял, что отвлеченные науки вообще чужды его натуре и что, занимаясь ими, я еще хуже понимаю, каково мое место в мире, чем те, кому они неведомы. И я простил этим людям их незнание. Но я полагал, что не я один, а многие заняты изучением человека и что иначе и быть не может. Я ошибался: даже математикой — и этим занимаются охотнее. Впрочем, к последней, да и к другим наукам обращаются только потому, что не знают, как приступить к первой. Но вот о чем стоит задуматься: а нужна ли человеку и эта наука и не будет ли он счастливее, если ничего не узнает о себе?

Нас занимает одна-единственная мысль, ведь не в наших силах думать о двух предметах одновременно. И так получается, что обычно это мысль о мире, но не о Боге.

Слава. — Восхищение окружающих портит всех с самого детства: «Ах, как это сказано! Ах, как хорошо он это сделал! Какой он умный!» и т.д.

Дети Пор-Рояля¹, которых не наделили этим жалом зависти и славы, равнодушны к подобным вещам.

Даже именитейшему вельможе весьма полезно обзавестись истинным другом, ибо друг будет расточать ему похвалы и стоять за него горой не только при нем, но и в его отсутствие. Лишь бы не ошибиться в выборе, потому что если он добьется дружбы дурака, проку в этом не будет никакого, сколько бы тот его ни превозносил. Впрочем, дурак и превозносить не станет, если не встретит поддержки: все равно, с его суждениями никто не считается, так что лучше уж он позлословит за компанию.

*Ferox gens, nullam esse vitam sine armis rati*¹. Одни предпочитают смерть мирной жизни, другие — войне.

Люди готовы пожертвовать жизнью ради любого убеждения, хотя, казалось бы, любовь к ней так сильна и так естественна.

Противоречие: пренебрежение собственной жизнью, готовность умереть во имя любой безделицы, ненависть к собственной жизни.

Похвальнее всего те добрые дела, которые остаются в тайне. Читая о них в истории (например, стр. 184)¹, я всегда очень радуюсь. Но, как видно, они остались не совсем в тайне, — кто-то о них проведал; и пусть человек искренне старался их скрыть, щелочка, через которую они просочились, все портит. Лучшее в добрых делах — это желание их утаить.

Чихает ли человек, справляет ли надобность — на это уходят все силы его души, но действия эти произвольны, стало быть, нисколько не умаляют величия человека. И хотя он делает это сам, но делает невольно, не ради помянутых действий, а совсем по другой причине, так что на этом основании нельзя обвинять его в слабости и рабском подчинении чему-то недостойному.

Человеку не зазорно склониться под властью горя, но зазорно склониться под властью наслаждения. И не в том дело, что горе к нам приходит, а наслаждения мы ищем сами, нет, горе тоже можно искать, и предаваться ему, и при этом нисколько себя не унижать. Но почему же все-таки разум сохраняет достоинство, предаваясь горю, но позорит себя, предаваясь наслаждению? Да потому, что горе не пытается нас соблазнить, не вводит в искушение, мы сами склоняемся перед ним, сами признаем его власть и, значит, продолжаем оставаться хозяевами положения, а если подчиняемся, то лишь самим себе. А вот наслаждаясь, мы становимся рабами наслаждения. Умение владеть, распоряжаться собой всегда возвеличивает человека, рабство всегда его унижает.

Все это основано на горестях, присущих человеческой жизни: увидев их, люди устремились к развлечению <чтобы хоть как-то позабыть о неприятном>.

Невзирая на все невзгоды, он хочет быть счастливым, только счастливым и не может не хотеть быть счастливым. Но как ему этого достичь? Хорошо бы, конечно, сделаться бессмертным. Но, не имея такой возможности, он настраивается о смерти не думать вовсе¹.

Они твердят, будто затмения предвещают беду, но беды так обыденны, так часто постигают нас, что предсказатели неизменно угадывают; меж тем, если бы твердили, что затмения предвещают счастливую жизнь, они так же неизменно ошибались бы. Но счастливую жизнь они предсказывают лишь при редчайшем расположении светил, так что и тут никогда не ошибаются.

Разве поверил бы тот, кто был в дружбе с английским королем, с польским королем и шведской королевой, что когда-нибудь он может остаться без пристанища¹?

Когда Август узнал, что среди тех, не достигших десятилетнего возраста, детей, которых убил Ирод, был и собственный сын иудейского царя, он сказал, что лучше быть у Ирода свиньей¹, нежели родным сыном. Макробий, кн. II, Сат., гл. IV².

Часть III

О необходимости пари*

180

ВЕЛИКИХ и малых мира сего одни и те же злоклучения, обиды и страсти, только одних судьба поместила на ободу вертящегося колеса, а других — поближе к ступице, так что им легче устоять на ногах¹.

182

Когда человек, занятый каким-нибудь докучным делом, твердо рассчитывает на его счастливый исход, радуется малейшему проблеску надежды и в то же время несколько не огорчается неудачам, тогда позволительно думать, что он не прочь бы проиграть это дело: он преувеличивает любой благоприятный признак, чтобы высказать крайнюю свою заинтересованность и деланной радостью скрыть подлинную, вызванную тайной уверенностью, что дело-то проиграно.

183

Мы беспечно устремляемся к пропасти, заслонив глаза чем попало, чтобы не видеть, куда бежим.

---

* Паскаль предлагает разрешить вопрос о существовании или несуществовании Бога в форме пари, в котором мы не можем не участвовать (Д. VIII).

Письмо, помогающее прийти к поискам Бога. А затем заставить их внимательно исследовать философов — пирроников и догматиков — поисками чего заняты те¹.

Необходимо, чтобы во всяком разговоре, во всякой беседе находили возможность проявить внимание к тем, кто из-за чего-то обижен: «Что вызвало ваше недовольствие?»

Начать с жалоб неверующих. Несчастья их — от их неверия.

Может, и не следовало бы их укорять без крайней на то необходимости, но это только повредит им.

Жалеть тех атеистов, которые в поиске, ибо не достаточно ли они несчастны и так¹? Поносить же тех, кто занят суетным.

Он что, насмехается над другим? Еще вопрос — кто над кем должен смеяться. Другой же насмехаться и не думает, напротив, питает жалость к насмешнику¹.

Упрекнуть Митона, чтобы он не возмущался, поскольку <придет время, когда> его упрекнет сам Бог¹.

Прежде доказательств христианской религии я полагаю необходимым изобразить нечестие людей, живущих в

полном безразличии к поиску того, что наиболее важно для них и что наиболее их затрагивает.

Из всех, присущих подобным людям, заблуждений указанное безразличие несомненно более всего изобличает их безумие и слепоту, и как раз в этом пункте всего легче привести их в замешательство с помощью первых же выводов здравого смысла и совершенно безыскусных суждений.

Ибо как усомниться, что время земной жизни — лишь миг, а посмертное состояние — вечно, о какой бы природе не шла речь, и что, следовательно, всякий наш поступок и всякая мысль обязаны избирать из всей массы возможного лишь те пути, которые соотносятся с указанным вечным состоянием; что невозможен осмысленный и рассудительный поступок, иначе как при руководствовании подобного рода истиной, обязанной быть нашей последней целью.

Не существует большей очевидности, и, следовательно, в соответствии с принципами разума, поведение оказывается совершенно безрассудным, если не отвергает упомянутого безразличия.

Пусть рассмотрят затем людей, живущих не помышляя о последней цели их жизни, бездумно и беспечноверяющих руководство своими поступками склонностям и удовольствиям и мнящих обрести счастье только в миг земного существования, как будто, отвортив мысль от вечности, можно превратить в ничто саму вечность.

Вечность существует, и призванная это открыть, ежедневно им грозящая, смерть обязана за короткое время неумолимо довести до них ужасную необходимость быть вечно либо равными ничто, либо несчастными, не ведая, какая из этих судеб навсегда им уготована.

Таково сомнение, порождающее ужасные последствия. Они находятся под угрозой вечно пребывать в ничтожестве; но и ввиду этого, как если бы подобная угроза

не стоила внимания, пренебрегают проверить — просто ли речь идет о мнении, слишком уж легковерно воспринятом народом, или, напротив, о чем-то базирующемся на надежном, хотя и сокрытом, основании. Стало быть, ничего им не известно ни об истинности, ни о ложности этого предмета, ни о силе или слабости его доказательств. Имея упомянутые доказательства перед глазами, они отказываются хотя бы раз на них взглянуть и, пребывая в подобном неведении, принимают за образец для своих поступков все то, что каждый раз заставляет снова впадать в прежнее злосчастное состояние и, даже зная об опыте смерти, как и раньше, удовлетворяться положением столь ничтожным, бахвалиться им и, наконец, преисполняться отсюда суетностью. Рассуждая на такую тему, можно ли не ужасаться настолько нелепым поведением?

Успокоенность среди рассмотренного неведения — вещь чудовищная, и ее нелепость и глупость надлежит дать ощутить всем, кто проводит в ней жизнь, причем — на собственном примере этих людей, дабы привести их в замешательство видом собственного же безумия. Ибо рассуждения избравших жизнь в неверии и не стремящихся ничего здесь прояснить как раз и оказываются безумными, когда речь заходит о том, что суть сами эти люди. «Я не знаю», — говорят они...

196

Люди, не умеющие прислушиваться к своему сердцу, не смогут обрести себе друга.

197

Быть до презрения нечувствительным к занимательным вещам и стать нечувствительным к тому, что более всего вас занимает¹.

Чувствительность человека к пустякам и бесчувственность к существенному — какая страшная извращенность!

Для человека, находящегося в карцере, не знающего, арестован ли он, и имеющего лишь час, чтобы это узнать, — если известно к тому же, что часа достаточно, дабы добиться отмены приговора, — было бы противоестественным употреблять отпущенный ему час не на осведомление относительно приговора, а на игру в пикет. Таким образом, это противоестественно, когда человек, и т.д.¹ Подобная беспечность — кара, налагаемая рукою Божьей.

Следовательно, не одно лишь рвение ищущих Его, но и ослепление тех, кто Его не ищет, доказывает существование Бога.

Все возражения и тех, и других оборачиваются лишь против самих возражающих, а вовсе не против религии. Все то, что говорят безбожники...¹

[Пример людей, огорченных своим неверием, наглядно показывает, что Бог оставил их непросвещенными. Глядя же на других <никак неверием не тяготящихся>, видишь, что есть Бог, делающий их слепыми.]

Меня ужасает вечное безмолвие этих пространств.

Сколько держав даже не подозревает о моем существовании!

Разве ты перестанешь быть рабом оттого, что твой господин любит и превозносит тебя? Ты приносишь немалый доход, раб. Сегодня господин тебя превозносит, завтра прибьет.

До чего мы нелепы с нашим желанием найти опору в себе подобных! Такие же ничтожные, такие же бессильные, как мы, они нам не помогут: в смертный свой час человек один. Значит, и жить ему надобно так, словно он один на свете. Но станет ли он тогда строить себе роскошные палаты и т.д.? Нет, он сразу углубится в поиски истины. А не сделает этого,— что ж, значит, людское мнение для него дороже истины.

От ада или неба отделяет нас только жизнь, а это — самая хрупкая в мире вещь.

Несправедливость.— Сомнение, сочетающееся с ничтожеством, создает крайнюю степень несправедливости.

Будем бояться смерти не в час опасности, а когда нам ничего не грозит: пусть человек до конца останется человеком.

Страшит одна мысль о внезапной смерти. Вот почему исповедники постоянно находятся при вельможах.

Если кому-то попадутся в руки документы, удостоверяющие его право на наследование дома, то возможно ли, чтобы, имея сомнение в их подлинности, наследник пренебрег проверкой¹?

Лживость философов, не обсуждающих бессмертие души. Лживость их дилеммы у Монтеня¹.

Атеисты.— Какими доводами они располагают, когда говорят, что воскресение из мертвых невозможно? Что труднее — породить нечто, никогда не бывшее, или воскресить уже некогда существовавшее? Какая-то укоренившаяся привычка заставляет нас считать первое возможным. Но и невозможность второго зависит единственно от отсутствия соответствующей привычки. Весьма примитивный способ рассуждения!

Почему девственница не может зачать? Не несется ли порой курица без петуха? И кто со стороны отличит полученные таким путем яйца от обычных? Кто сказал, что организм курицы не способен вырабатывать семя так же, как и организм петуха?

Не верить в евхаристию — как ненавистна мне подобная нелепость и т.д.! Если Евангелие правдиво, если Иисус Христос — Бог, то какие тогда могут возникнуть затруднения!

Атеизм свидетельствует о силе ума, но силе весьма ограниченной.

Порядок посредством диалогов. — «Что я должен делать? Я не вижу вокруг ничего, кроме мрака. Верю ли я, что представляю собой ничто? Или, что я — Бог?»

«Все в мире меняется, одно приходит вместо другого». — Вы ошибаетесь, существует...

Возражение атеистов: «Но мы не обладаем никаким <достоверным> знанием о <Боге>»¹.

Вот что я вижу и что приводит меня в смятение. Куда бы я ни поглядел, меня везде окружает мрак. Все, являемое мне природой, рождает лишь сомнение и тревогу. Если бы я не видел в ней ничего, отмеченного печатью божества, я утвердился бы в неверии; если бы на всем видел печать Творца, успокоился бы, полный веры. Но я вижу слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало, чтобы преисполниться уверенности, и сердце мое скорбит. Сколько раз я повторял, — если природа сотворена Богом, пусть она неопровержимо подтвердит Его бытие, а если подтверждения ее обманчивы, пусть их совсем не будет; пусть она убедит меня во всем или во всем разубедит, чтобы мне знать, чего держаться. Но я по-прежнему не понимаю, что я такое и что я должен делать, не ведаю ни своего положения, ни долга. Сердце жаждет понять, где он — путь к истинному благу, и, во имя вечности, я готов на любые жертвы.

Я полон зависти к тем, кто верит и тем не менее живет в суете и нерадиво распоряжается сокровищем, которым я, — так, по крайней мере, мне кажется, — распорядился бы совсем иначе¹.

Так, Вы полагаете, невозможно, чтобы Бог был бесконечным и неделимым¹? — Да.— Тогда я хочу продемонстрировать вещь бесконечную и в то же время неделимую. Это точка, движущаяся в произвольном направлении с бесконечной скоростью. Она должна целиком пребывать и во всем пространстве вообще, и в каждом отдельном его месте.

Пусть же этот естественный образ, казавшийся Вам прежде невозможным, заставит Вас убедиться также и в существовании иных явлений подобного рода. И не стоит заключать из полученного таким образом урока, будто он не оставляет никакой возможности для познания. Напротив, он дает бесконечный простор познанию.

Бесконечное движение, точка, наполняющая собой все, момент покоя: бесконечность, лишенная количественных определений, неделимая и бесконечная.

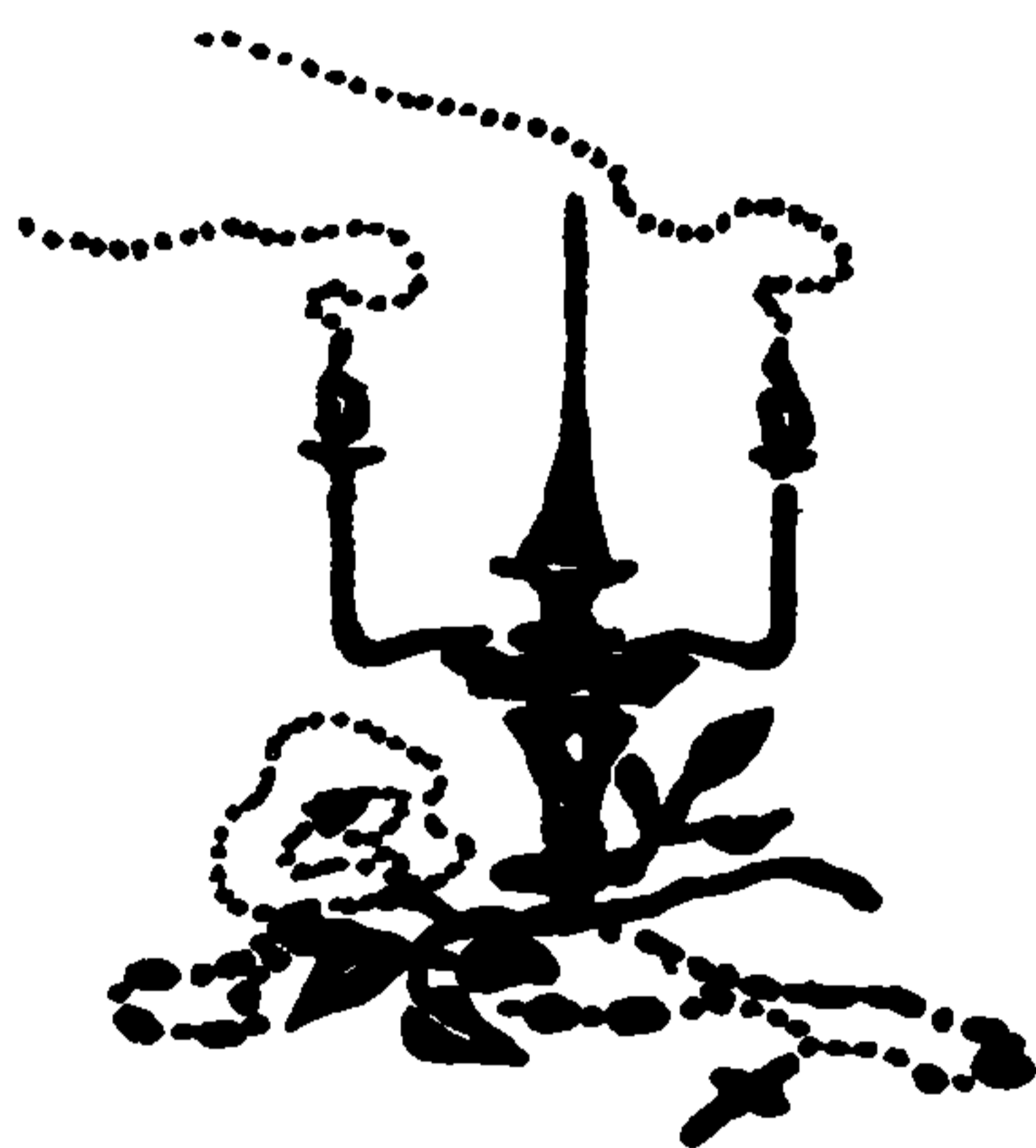
Что еще можете вы пообещать мне, кроме десяти лет (ибо десять лет — это срок), исполненных самолюбия и безуспешных попыток ему угодить, добавляющихся к обычным страданиям?

Возражение.— Надеющиеся быть спасенными, конечно, счастливы сознанием этого, но, взамен, они боятся ада.

Ответ.— У кого больше оснований бояться ада: у тех, которые живут, не зная о его существовании и в уверенности, что окажутся среди проклятых, если он таки существует, или у тех, которые твердо убеждены в его реальности и надеются быть спасенными, если их убеждение истинно?

«Я тотчас отказался бы от удовольствий,— говорят они,— если бы имел веру». А я Вам отвечу: «Вы тотчас придете к вере, если откажетесь от удовольствий». Итак, начните. Если бы подобное было в моих силах, я сам наделил бы вас верой. Но я не могу этого сделать, как не могу проверить того, о чем вы говорите. Но вы-то вполне способны отбросить удовольствия и проверить, насколько правдивы мои слова.

Часть IV

Средства веры

244

АК! Не Вы ли сами говорите, что небо и птицы¹ подтверждают существование Бога?» — Нет. — «А Ваша религия?» — Нет. Ибо хотя это и верно в определенном смысле — для тех душ, которым от Бога даровано подобное знание, для большинства оно, тем не менее, — ложь.

246

Порядок. — После слов «что должны искать Бога» поместить фразу «для устранения препятствий», которая подразумевает рассуждение о «машине»¹, о создании машины, о поисках Бога «посредством разума»².

247

Порядок. — Письмо к другу с увещанием обратиться к поискам Бога. Он ответил: «Что мне от этих поисков? Не вижу в них смысла». Ответ ему: «Не отчаивайтесь». Он ответил, что был бы счастлив обрести некое знание, но, согласно постулатам самой этой религии, если поверить таким образом¹, это не принесет никакой пользы, и посему он предпочитает ничего не искать. Ответить ему на это: машина².

Фрагмент, указывающий на полезность доказательств посредством машины.— Вера отлична от доказательства, ибо одно в этой паре — от человека, другое — дар Божий. *Justus ex fide vivit*¹: именно той верой, самим Господом вложенной в сердце, инструментом которой часто служит доказательство. Но сама-то вера коренится в сердце и оттого заставляет произносить не *scio*², но *credo*³.

Людей частенько приходится упрекать в излишней мягкотелости. Порок, не менее присущий людям, чем недоверчивость, и столь же зловредный, — суеверие.

Свет обыкновенно имеет склонность не помышлять о том, о чем ему не хочется помыслить. «Не думайте о свидетельствах, указывающих на Мессию», — говорили иудеи своим сыновьям. То же самое часто делают и христиане¹. Так сохраняются и ложные религии, и, как мнится многим людям, религия истинная.

Но есть и такие, кто не в силах запретить себе подобные нежелательные помыслы и кто охвачен ими тем больше, чем больше скрывают это нежелательное. Люди указанного типа разрушают ложные религии, но равно разрушают и религию истинную, если не придерживаются последовательности в своих рассуждениях.

Они стремятся укрыться в этой сутолоке и обращаются за помощью к толпе. Суматоха¹.

Авторитет.— Дело обстоит вовсе не так, что совокупность правил Вашей веры внушена лишь молвой, а значит, нельзя вообще ни во что верить, покуда не достигнешь

состояния полной отвлеченности от всего когда-либо услышанного².

Ведь поверить-то Вы должны Вашему собственному согласию с собой³ и неизменному голосу Вашего разума, а не чему-нибудь другому.

Верить так важно! Это открывает подлинный смысл сотен противоречий.

Если бы свод требований веры основывался на древности, то откуда бы взяться упорядоченности верований самих древних? Если на всеобщем согласии — почему люди до сих пор не перестали погибать <в религиозных войнах>⁴?

Ложное смирение, гордыня⁵.

Поднимите же шторы. Вы заняты напрасным делом: так ли уж насущна необходимость выбирать между верой, неверием и сомнением?

Не существует ли у Вас свода требований веры? О животных мы говорим, что то, что они делают, они делают хорошо. А нет ли у нас способа судить о человеке?

Для человека ведь отрицать, верить и сомневаться то же, что для лошади бежать.

Наказание тех, кто грешит, страх.

261

Кто не любит истину, тот отворачивается от нее под предлогом, что она оспорима, что большинство ее отрицает. Значит, его заблуждение сознательное, оно проистекает из нелюбви к истине и добру, и этому человеку нет прощения.

264

Людям не наскучивает каждый день есть и спать, потому что желание есть и спать каждый день возобновляется, а не будь этого, без сомнения, наскучило бы. Поэтому тяготится духовной пищей тот, кто не испыты-

вает духовного голода. Алкание правды: высшее блаженство¹.

269

Подлинное христианство заключается в смирении разума и <одновременно> в использовании разума.

271

Мудрость возвращает нас в детство: *Nisi efficiamini sicut parvuli*¹.

274

Всякая наша рассудочная деятельность ограничена подчинением чувству.

Но фантазия является и подобной, и противоположной чувству¹, причем в такой мере, что трудно различить между собой эти крайности.

Один говорит, что мое чувство суть фантазия, другой — что его фантазия суть чувство. Следовало бы иметь здесь какое-либо надежное правило. Разум берется таковое установить, но слишком уж он податлив во всех смыслах². И в результате никаких правил в данном вопросе не существует.

276

Г-н де Роаннэ сказал: «Основания приходят ко мне после, сперва же какая-либо вещь или нравится мне, или неприятно меня поражает без какого бы то ни было основания. И, тем не менее, указанная неприятность происходит от того самого основания, которое откроется мне лишь впоследствии». Как я, однако, полагаю, нечто производит неприятное впечатление не посредством имеющих быть отысканными оснований, но сами эти основания только потому и находимы, что на нас произведено неприятное воздействие.

Как далеко от познания Бога до любви к Нему!

Сердце, инстинкт, принципы.

Порядок.— Против возражений, что Писание порядка лишено.

— У сердца свой порядок, у ума же — свой, состоящий в опоре на принцип и доказательство. Сердце обладает иными доказательствами, нежели ум. Нет убедительных доказательств необходимости любить, которые происходили бы из рассмотрения причинного ряда самой любви, и было бы нелепым отыскивать эти доказательства подобным образом.

У Иисуса Христа, св. Павла присутствует некий порядок милосердия, отнюдь не ума. Ибо их цель — не наставлять, но вызывать споры¹. То же и св. Августин. Упомянутый порядок заключается в отказе от всякого утверждения, приспособляемого к цели, дабы видна была сама цель.

Доказательства.

1) Христианская религия — по характеру своего установления; через установление себя столь сильной, столь благополучной при всей противоположности природе.

2) Святость, высота и смирение христианской души.

3) Чудеса Святого Писания.

4) Иисус Христос, в частности.

5) Апостолы, в частности.

6) Моисей и пророки, в частности.

7) Еврейский народ.

8) Пророчества.

9) Непрерывность <существования>: ни одна религия не обладает подобной непрерывностью.

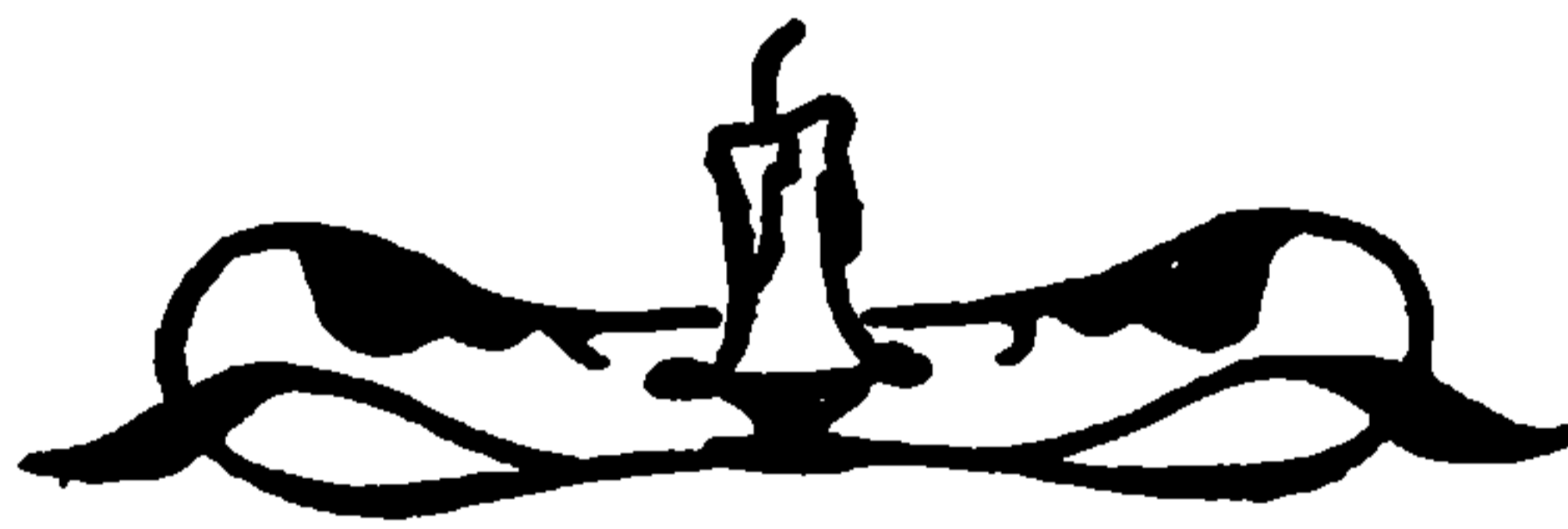
10) Учение, объясняющее все.

11) Святость этого закона.

12) Посредством руководства миром.

Несомненно, что после всего сказанного, рассуждая о жизни и об этой религии, уже не должны останавливаться перед тем, чтобы проявить внимание к склонности ей следовать, если таковая склонность проникает в сердце. И, конечно же, нет никаких оснований насмехаться над людьми, ей следующими.

Доказательства религии.— Мораль, Учение, Чудеса, Пророчества, Образы.

Часть V

Справедливость и Причина следствий*

291

ПИСЬМЕ *О несправедливости*¹ можно поместить шутку о старших детях, владеющих всем. «Дружище, ведь Вы родились по эту сторону горы. Значит, весьма справедливо, что все наследовал Ваш старший брат».

«Почему Вы убиваете меня?»

292

Он живет по ту сторону реки.

---

* *О Причине следствий*: «Зачем было Паскалю приводить ряд рассуждений в форме писем, где противопоставляются друг другу различные точки зрения? Без сомнения, чтобы смирить разум, разоблачить противоречия и бессилие естественной человеческой природы, подчинить и природу, и разум некоей таинственной мысли высшего порядка, которая объясняет и оправдывает все происходящее и которую Паскаль называет «причиной следствий». Градация мнений, дающая возможность понять организацию общества, суть образ той диалектики, которая, будучи применена на этот раз к внутренней природе человека, приведет нас к пониманию «причины следствий» из этой природы в том виде, в котором это дается религией. В то же время она устраняет с дороги апологета те возражения, с которыми вольнодумцы выступали против божественной справедливости, основываясь на справедливости человеческой: подобная основа оказывается непрочной, а сами возражения — рассеиваются» (Л. Брюнсвик). Во фрагментах этой части также раскрывается сущность власти мнения, служащей основой человеческого общества, и отношения между силой и справедливостью.

«За что ты меня убиваешь?» — «Как за что? Друг, да ведь ты живешь на том берегу реки! Живи ты на этом, я и впрямь совершил бы неправоe дело, злодейство, если бы тебя убил. Но ты живешь по ту сторону, значит, дело мое правоe, и я совершил подвиг!»

...На какой основе построит он тот мир, которым хочет управлять? На чьей прихоти? Какая неразбериха! На высшей справедливости? Но он не знает, что такое высшая справедливость.

Если бы знал, разве придумал бы правило, что каждый должен следовать обычаям своей страны¹? И разве внедрилось бы оно в людские умы глубже других правил? Нет, свет истинной справедливости равно сиял бы для всех народов, и законодатели руководствовались бы только ею, а не брали бы за образцы прихоти и выдумки персиян или немцев. Она царила бы во все времена и во всех странах, тогда как на деле понятия справедливого и несправедливого меняются с изменением географических координат. На три градуса ближе к полюсу — и вся юриспруденция летит вверх тормашками; истина зависит от меридиана; несколько лет владения новой собственностью — и от многовековых установлений не остается камня на камне; право подвластно времени; Сатурн, вошедший в созвездие Льва, знаменует очередное преступление. Хороша справедливость, которую ограничивает река! Истина по сю сторону Пиренеев становится заблуждением по ту².

Они утверждают, что справедливость надо искать не в обычаях, а в естественном праве, существующем у всех народов, и упрямо стояли бы на своем, если бы, по произволу случая, насаждающего людские законы, нашелся один-единственный действительно всеобщий закон³.

Но по иронии судьбы и многообразию людских прихотей такого закона нет. Кража, кровосмешение, дето- и отцеубийство — что только не объявлялось добродетелью⁴! И как тут не удивляться — кто-то имеет право меня убить на том лишь основании, что я живу по ту сторону реки и что мой монарх поссорился с его монархом, хотя я-то ни с кем не ссорился. Естественное право, разумеется, существует, но как его извратило несравненно извращенное утверждение: *Nihil amplius nostrum est; quod nostrum dicimus, artis est*⁵. *Ex senatus consultis et plebiscitis crimina exercentur*⁶. *Ut olim vitiis, sic nunc legibus laboramus*⁷.

Из-за этой неразберихи один видит основу справедливости в авторитете законодателя, другой — в нуждах монарха⁸, третий — в существующем обычае⁹; последнее, в общем, наименее шатко, потому что разум не способен отыскать такую справедливость, которую время не превращало бы в прах. Обычай правомочен по той простой причине, что общепринят, — в этом смысл его таинственной власти¹⁰. Кто докапывается до корней обычая, тот его уничтожает. Всего ошибочнее законы, исправляющие былые ошибки: кто подчиняется им потому, что они справедливы, тот подчиняется справедливости, им самой вымышленной, а не сути закона, который сам себе обоснование. Он — закон, и больше ничего. Человек, решивший исследовать, на чем зиждется закон, увидит, как непрочен, неустойчив его фундамент, и, если он непривычен к зрелищу сумасбродств, рожденных людским воображением, будет долго удивляться, почему за какое-нибудь столетие к этому закону стали относиться так почтительно и даже благоговейно. Искусство подтачивания и ниспровержения государственных устоев как раз и состоит в колебании установленных обычаев, в исследовании их истоков, в доказательстве их несостоятельности и несправедливости. «Надо вернуться к естественному праву, к первоначальным государственным уста-

новлениям, уничтоженным несправедливым обычаем», — говорят эти люди. Но подобные игры ведут только к проигрышу, ибо при таком подходе несправедливым оказывается решительно все. Меж тем народ охотно прислушивается к ниспровергательным речам. Он начинает понимать, что ходит в ярме, и пытается его сбросить, и терпит поражение вместе с чересчур любознательными исследователями установленных обычаев, а выигрывают от этого лишь сильные мира сего. Но бывает и так, что люди впадают в противоположную крайность и считают себя вправе делать все, чему уже были примеры. Поэтому мудрейший из законодателей говорил, что людей ради их блага время от времени надо надувать¹¹, а другой, тонкий политик, писал: «*Cum veritatem qua liberetur ignoret, expedit quod fallatur*»¹². Узурпация должна быть скрыта от народа: когда-то для нее не было никакого разумного основания, но время придало ей видимость разумности. Пусть ее считают вековой и неистребимой, пусть не ведают, что у нее было начало, иначе ей быстро придет конец.

295

Мое, твое. — «Моя собака!» — твердили эти неразумные дети. «Мое место под солнцем!» Вот он — исток и символ незаконного присвоения земли.

296

Когда встанет вопрос, надо ли начинать войну и посылать на бойню множество людей, обрекать смерти множество испанцев, решает его один-единственный человек, к тому же лицеприятный, а должен был бы решать кто-то сторонний и беспристрастный.

*Veri juris*¹.— Его у нас больше нет; существуй оно, мы не считали бы мерилom справедливости нравы нашей собственной страны².

И вот, отчаявшись найти справедливость, люди ухватились за силу и т.д.³

Справедливость, сила.— Справедливо подчиняться справедливости, нельзя не подчиняться силе. Справедливость, не поддержанная силой, немощна, сила, не поддержанная справедливостью, тиранична. Бессильной справедливости всегда будут противоборствовать, потому что дурные люди не переводятся, несправедливой силой всегда будут возмущаться. Значит, надо объединить силу со справедливостью и либо справедливость сделать сильной, либо силу — справедливой.

Справедливость легко оспорить, сила очевидна и неоспорима. Поэтому справедливость так и не стала сильной — сила не признавала ее, утверждая, что справедлива только она, сила. И, неспособные сделать справедливость сильной, люди положили считать силу справедливой.

В вопросах обыденной жизни люди подчиняются законам своей страны, во всех остальных — мнению большинства, других общепринятых правил не существует. Почему? Да потому, что только за ними стоит сила. А вот у монархов есть еще сильное войско, так что мнение большинства министров для них не закон.

Разумеется, было бы справедливо все блага разделить между людьми поровну, но так как никому не удалось подчинить силу справедливости, то ее стали считать справедливой и законной; за невозможностью усилить спра-

ведливость узаконили силу, дабы огньные они выступали вместе и на земле водворился мир — величайшее из благ.

300

«Когда владения переходят во власть вооруженной силы, там водворяется мир»¹.

301

Почему люди следуют за большинством? Потому ли, что оно право? Нет, потому что сильно.

Почему следуют стародавним законам и взглядам? Потому ли, что они здравы? Нет, потому что общеприняты и не дают прорасти семенам раздора.

302

...Дело тут не в обычае, а в силе, потому что умеющие изобретать свое малочисленны, а большинство хочет следовать лишь общепринятому и отказывает в славе изобретателям, жаждущим прославиться своими изобретениями, а если те упорствуют и выказывают презрение не умеющим изобретать, их награждают поносными кличками, могут наградить и палочными ударами. Не хвалитесь же своей способностью к нововведениям, довольствуйтесь сознанием, что она у вас есть.

304

Узы смиренного почтения, которыми одни члены общества связаны с другими, можно назвать цепями необходимости, потому что различие в положении между людьми неизбежно: править хотят все, но способны на это немногие.

Представим себе, что мы присутствуем при зарождении какого-нибудь общества: ясно, что люди будут сражаться до тех пор, пока сильнейшая партия не одолеет слабейшую и не станет партией правящей. А когда это произойдет,

победители, не желая продолжения борьбы, прикажут силе, им подчиненной, поступить согласно их желанию: установить принцип народовластия или престолонаследия и т.д.

И вот тут вступает в игру воображение. До сих пор все покорялось насилию власти, а теперь сила начала опираться на воображение, которое во Франции возвеличивает дворян, в Швейцарии — простолюдинов и т.д.

Стало быть, узы смиренного почтения, которыми большинство привязано к такому-то и такому-то, суть узы воображаемые.

305

Если швейцарца назвать человеком благородного происхождения, он оскорбится и начнет доказывать, что все его предки — простолюдины: в противном случае его сочтут недостойным высоких должностей.

306

Так как миром правит сила, то власть герцогов, королей, судей вполне реальна и необходима, и она пребудет всегда и везде. Но так как власть такого-то или такого-то герцога, короля или судьи основана лишь на воображении, она неустойчива, подвержена изменениям и т.д.

307

Канцлер потому так важен видом и так увешан украшениями, что ненадежен занимаемый им пост. Не то король: обладая силой, не нуждается в услугах воображения. Судьи, врачи и т.д. не обладают ничем, кроме способности влиять на воображение.

308

Привычка видеть королей в окружении охраны, барабанщиков, военных чинов и вообще всего, внушающего

подданным почтение и страх, ведет к тому, что, даже когда короля никто не сопровождает, один его вид уже вселяет в людей почтительный трепет, ибо в своих мыслях они неизменно объединяют особу монарха с тем, что его обычно окружает. И народ, не понимая, что страх и почтение вызваны помянутой привычкой, приписывает их особым свойствам королевского сана. Этим и объясняются ходячие выражения: «На его лице — печать божественного величия» и т.д.

309

Справедливость.— Понятие справедливости так же подвержено моде, как женские украшения.

310

Король и тиран.— Я не пренебрегал бы задней мыслью. Брал бы с собой охрану для каждой поездки. Величие условности, уважение к условности. Удовольствие великих — в способности делать кого-то счастливым.

Сущность богатства — в том, чтобы щедро наделять. Должна быть найдена сущность каждой вещи. Сущность могущества — в его способности оказывать покровительство.

Когда сила ниспровергает притворство, когда простой солдат хватается за квадратную шапочку председателя суда и выбрасывает ее в окно¹.

311

Власть, основанная на общественном мнении и воображении, мягка, полна доброй воли, но она преходяща, тогда как власть, основанная на силе, неискоренима. Поэтому можно сказать, что общественное мнение правит людьми, а сила их угнетает¹.

Справедливость.— Это нечто твердо установленное; поэтому каждый установленный закон люди признают справедливым, даже не вникая в него, поскольку он уже установлен.

Народная мудрость.— Нет беды страшнее, чем гражданская смута¹. Она неизбежна, если попытаться всем воздать по заслугам, потому что каждый тогда скажет, что он-то и заслужил награду. Глупец, взошедший на трон по праву наследования, тоже может причинить зло, но все-таки не столь большое и неизбежное.

Бог создал все для Себя, оставив за Собой власть карать и миловать.

Когда с вами что-то случается, то объяснить это можно либо основываясь на Боге, либо — на самом себе. Если на Боге — то тогда правилом будет Евангелие. Если на самом себе, то в таком случае уже вы занимаете место Бога. Как Бог окружен людьми, исполненными милосердия, жаждущими от Него милосердных же благ, находящихся в Его власти, так... А потому уразумейте и знайте — вы не что иное, как некий владыка, находящийся в плену у вожделения, и выбираете для себя лишь путь вожделения¹.

Причина следствий.— Ну и ну! От меня требуют, чтобы я не выказывал почтения человеку, разодетому в полу-парчу и окруженному десятком лакеев! Да если я ему не поклонюсь, он прикажет всыпать мне горячих! Его наряд — знак силы. Даже лошадей — и тех судят по богатству упряжи. Хорош Монтень, который будто бы не

видит, в чем тут разница, и не удивляется, что другие видят, и спрашивает, в чем тут причина. «С чего бы это...» и т.д.¹

316

Народная мудрость.— Щеголь вовсе не пустой человек; он показывает всему свету, что на него поработало немало людей, что над его прической трудились лакей и парикмахер, а над брыжжами, шнурками, позументом... и т.д., и т.д. И это не просто блажь, красивая упряжь, нет, это знак того, что у него много рук. А чем больше у человека рук, тем он сильнее. Щеголь сильный человек¹.

317

«Я утруждаю себя ради него» — в этом суть уважения к другому человеку. И не так это глупо, как кажется, напротив, глубоко справедливо, ибо означает: «Вам сейчас не нужно, чтобы я себя утруждал, но я все-таки утруждаю и тем более буду утруждать, если это и впрямь понадобится». К тому же нет лучшего способа выказать уважение сильным мира сего: ведь если бы уважение к ним позволяло расслаживаться в креслах, вышло бы, что все всех уважают и между людьми нет никаких различий. А когда человек себя утруждает, различия становятся заметны — и еще как!

319

Очень правильно, что людей различают не по их внутренним свойствам, а по внешности. Кто из нас пройдет первый? Кто уступит дорогу другому? Тот, кто менее сообразителен? Но я так же сообразителен, как он, значит, придется пустить в ход силу. У него четыре лакея, у меня только одни, — это очевидно, считать до четырех всякий умеет. Выходит, уступить должен я, спорить было

343

бы глупо. Таким образом, мир сохранен, а что на свете дороже мира!

320

Из-за людского сумасбродства самое неразумное подчас становится разумным. Что может быть неразумнее обычая ставить во главе государства старшего сына королевы? Ведь никому не придет в голову ставить капитаном судна знатнейшего из пассажиров! Такой закон был бы нелеп и несправедлив. Закон престолонаследия, казалось бы, не менее странен, но он действует и будет действовать и, значит, становится разумным и справедливым, ибо кого нам следует выбирать? Самого добродетельного и сообразительного? Но тогда рукопашная неизбежна, потому что каждый будет считать, что речь идет именно о нем. Значит, надо найти какой-то неоспоримый признак. Вот этот человек — старший сын короля, тут спорить не приходится, это самое разумное решение, ибо гражданская смута — величайшая из бед¹.

321

Дети удивлены, видя уважение, выказываемое их товарищам¹.

322

Как велики преимущества знатности! С молодых ногтей перед человеком открыты все поприща, и в восемнадцать лет он уже так известен и уважаем, как другой в пятьдесят: выиграны тридцать лет, и при этом безо всякого труда.

323

Что такое «я»? У окна стоит человек и смотрит на прохожих; могу ли я сказать, идучи мимо, что он подошел к окну, только чтобы увидеть меня? Нет, ибо он думает обо мне лишь между прочим. Ну, а если кого-нибудь

344

любят за красоту, можно ли сказать, что любят именно его? Нет, потому что если оспа, оставив в живых человека, убьет его красоту, вместе с ней она убьет и любовь к этому человеку.

А если любят мое разумение или память, можно ли в этом случае сказать, что любят меня? Нет, потому что я могу потерять эти свойства, не теряя в то же время себя. Где же находится это «я», если оно не в теле и не в душе? И за что любить тело или душу, если не за их свойства, хотя они не составляют моего «я», могущего существовать и без них? Возможно ли любить отвлеченную суть человеческой души, независимо от присущих ей свойств? Нет, невозможно, да и было бы несправедливо. Итак, мы любим не человека, а его свойства.

Не будем же издеваться над тем, кто требует, чтобы его уважали за чины и должности, ибо мы всегда любим человека за свойства, полученные им в недолгое владение.

324

Мнения народа носят весьма здравый характер. Например:

1) Охоту и развлечение избирать чаще, чем поэзию. Полузнайки над этим насмеются, с ликованием усматривая здесь признак тупости света. Но в определенном, им недоступном, смысле смысл тут все же имеется.

2) Различать людей по внешним качествам, каковыми, например, являются знатность происхождения или богатство. Над неразумием этого правила также потешаются, хотя оно очень разумно (каннибалы смеются над малолетним королем)¹.

3) Воспринимать как оскорбление причиненную кем-то обиду или страстно жаждать славы. Но подобное весьма желательно по причине сопряженности с другими важнейшими благами. Ведь человек, который не ощущает

причиненной ему обиды, будет буквально задавлен <новыми> оскорблениями, а также неизбежными тяготами жизни.

4) Трудиться ради неясной цели; плавать по морю; проходить по суше².

325

Монтень неправ: обычаю надо следовать потому, что он обычай, а вовсе не из-за его разумности¹. Между тем народ соблюдает обычай, твердо веря, что он справедлив, в противном случае немедленно отказался бы от него, так как люди согласны повиноваться только разуму и справедливости. Неразумный или несправедливый обычай был бы сочтен тиранией, а вот власть разума и справедливости, равно как и наслаждения, никто не обвинит в тираничности, потому что это — основы, на которых зиждется человеческая натура.

Итак, всего правильнее было бы подчиняться законам и обычаям просто потому, что они законны, мириться с тем, что ничего истинно справедливого все равно не придумать, что нам не разобраться в этом, и, значит, надо принять то, что уже существует, и, стало быть, никогда ничего уже не менять. Но народ глух к подобным рассуждениям, он убежден, что истина досягаема, что это она породила законы и обычаи, поэтому верит им, древность их происхождения считает доказательством истинности (а не просто обязательности) и только поэтому готов им повиноваться. Но стоит объяснить народу, что такой-то закон или обычай неоснователен — и он поднимает бунт; а ведь если присмотреться — неоснователен любой закон и любой обычай.

326

Несправедливость. — Опасно говорить народу, что законы несправедливы — он повинуется им лишь до тех

пор, пока верит в их справедливость. Стало быть, ему надо непрестанно внушать, что закону следует повиноваться, потому что он закон, а власти предержащей — потому что она власть, независимо от того, справедливы они или нет. Если народ это усвоит, опасность бунта будет предотвращена; это и есть, собственно говоря, определение справедливости.

328

Причина следствий.— Последовательное опровержение всех «за» и «против».

Итак, мы показали, что человек суетен, ибо ценит несущественное, и все его суждения ничего не стоят. Но потом мы показали, что они вполне здравы и что народ вовсе не так суетен, как обычно утверждают, ибо его суетность глубоко обоснована; итак, мы опровергли суждение, опровергающее суждения народа.

А теперь следует опровергнуть и это наше утверждение, показать, что, при всей здравости суждений, народ суетен, не понимает, в чем истина, видит ее там, где ее нет, и, таким образом, его суждения всегда неверны и неразумны.

329

Причина следствий.— Человеческая слабость — источник многих прекрасных вещей, например, искусной игры на флейте.

Плохо в этом только одно — наша слабость.

330

Мощь королей зиждется на разуме народа, равно как на его неразумии, и на втором больше, чем на первом. В основе величайшего в мире могущества лежит бессилие, и эта основа неколебимо крепка, ибо каждому ясно, что, предоставленный самому себе, народ бессилен. Меж тем

основанное только на здоровом разуме весьма шатко,— например, уважение к мудрости¹.

331

Платон и Аристотель кажутся нам надутыми буквоедами, а в действительности они были достойные люди и любили, как все прочие, пошутить с друзьями. Они писали как бы играючи, когда развлекались сочинением один «Законов», а второй «Политики», ибо сочинительство было для них занятием наименее мудрым и серьезным, а истинная мудрость состояла в умении жить просто и спокойно. За политические писания они брались так, как берутся наводить порядок в сумасшедшем доме, и напускали на себя важность только потому, что знали: сумасшедшие, к которым они обращаются, мнят себя царями и императорами. Они становились на точку зрения безумцев, чтобы по возможности безболезненно умерить их безумие.

332

Тирания — это желание властвовать, всеобъемлющее и не признающее никаких законов.

Множество покоев, в них красавцы, силачи, остроумцы, благочестивцы, и каждый — владыка только у себя и больше нигде. Но иной раз они встречаются, и силач с красавцем вступают в нелепую драку, стараясь подчинить один другого, хотя суть их власти глубоко различна. Они не могут сговориться, и вина их в том, что оба хотят во что бы то ни стало править всеми остальными. Но это не под силу никому, даже самой силе: она ничего не значит в державе ученых и властвует лишь над людьми действия.

Тирания. — ...Поэтому неразумны и тираничны утверждения: «Я прекрасен, значит, меня надо бояться; я силен, значит, меня надо любить».

Тирания — это желание добиться чего-то неподобающими средствами. Разным свойствам мы воздаем по-разному: приятности — любовью, силе — страхом, знанию — доверием. Такая дань естественна, отказывать в ней несправедливо, равно как и несправедливо требовать иной дани. Точно так же неразумно и тиранично утверждать: «Он слаб, — значит, я не стану его уважать; неучен, — значит, не стану бояться».

333

Вам, конечно, случалось встречать людей, которые, жалуясь на ваше неуважение к ним, ссылались на влиятельных особ, высоко их ценивших? Я ответил бы им так: «Объясните, какими добродетелями вы расположили этих особ к себе, и я буду ценить вас не меньше, чем они».

335

Причина следствий. — Не будет ошибкой сказать, что все погружены в иллюзию, ибо пока не поколеблены людские мнения, никто и не задумывается над их природой, поскольку народ полагает истину существующей там, где ее нет на самом деле. По народным мнениям, истина суть благо, однако она является благом вовсе не в силу причин, усматриваемых этими мнениями. Верно, что следует уважать дворянина, но вовсе не потому, что рождение составляет некое действительное преимущество и т.д.

337

Причина следствий. — Градация. Народ почитает персон знатного происхождения. Люди же полученные их презирают, говоря при этом, что происхождение — вовсе не преимущество для личности, но нечто, дарованное случаем. Те же, кто половчее, знатность чтут, но не с народным

349

простодушием, а имея при этом некую заднюю мысль. Склонные к набожности и обладающие при этом рвением, которое превышает знание, относятся к числу презирающих знатность, причем — игнорируя осмотренность, уважаемую в среде людей ловких, ибо судят в данном вопросе на основании нового света, дарованного им верой. Однако подлинные христиане к знатным особам почтение все же питают — в силу высшего знания несколько иного свойства. Таковы мнения — от «за» до «против», — избираемые людьми по этому вопросу в зависимости от имеющихся у них знаний.

338

И, тем не менее, истинные христиане повинуются безумию¹ — не из уважения к безумию как таковому, но — к божественному порядку, который, для наказания людей, возложил на них иго этого безумия: *Omnis creatura subjecta est vanitati*². *Liberabitur*³. Так, св. Фома⁴ трактует отрывок из послания ап. Иакова относительно предпочтения богатых в том смысле, что если они⁵ не будут поступать в данном вопросе по Божьим заповедям, то окажутся за пределами порядка, диктуемого религией.

Часть VI Философы

340

ЕЙСТВИЯ арифметической машины больше похожи на действия мыслящего существа, нежели животного, но у машины нет собственной воли, а у животного есть.

341

Рассказ Лианкура о щуке и лягушке: они всегда поступают таким образом, никогда не обнаруживая ни инаковости в действиях, ни каких-либо иных признаков, свойственных уму¹.

342

Если бы животное, опираясь на ум, делало то, что оно делает ныне с помощью инстинкта, и говорило бы сознательно то, о чем оно говорит инстинктивно,— охотясь, предупреждая своих товарищей, что добыча отыскана или потеряна,— оно говорило бы также и о вещах, на которые, как правило, реагирует лишь эмоционально, например: «Перегрызите эту вот, сдавившую меня, веревку, до которой я не могу дотянуться»¹.

Попугай, вытирающий свой клюв, даже если тот и чист¹.

Инстинкт и разум — признаки двух различных сущностей.

Мы должны повиноваться разуму беспрекословней, чем любому владыке, ибо кто перечит разуму, тот несчастен, а кто перечит владыке — только глуп.

Величие человека — в его способности мыслить.

Нематериальность души. — С помощью какой материи философы укрощают свои страсти¹?

Душа не удерживается на высотах, которых в едином порыве порой достигает разум: она поднимается туда не как на престол, не навечно, а лишь на короткое мгновение¹.

Судить о добродетели человека следует не по его порывам, а по ежедневным делам.

Я лишь тогда восхищаюсь высокими проявлениями таких добродетелей, как отвага, когда их сопровождают столь же высокие проявления противоположных добродетелей: примером тому служит Эпаминонд, столь же

отважный, сколь благожелательный¹. В противном случае человек не взлетает, а падает. Не в том величие, чтобы достичь одной крайности, а в том, чтобы, одновременно касаясь обеих, заполнить все пространство между ними. «Но, может быть, оно во внезапном переходе души от одной крайности к другой, при том что, подобно языку пламени, она в каждый данный миг касается лишь одной точки?» — «Пусть так, но такой переход свидетельствует если не о широте души, то хотя бы о ее стремительности».

355

И самая блестящая речь надоедает, если ее затянуть. Владетельные князья и короли подчас развлекаются играми. Им стало бы скучно, если бы они всегда восседали на престоле: чтобы по-настоящему наслаждаться величием, с ним иногда нужно расставаться. Однообразие приедается: в холода приятно погреться.

Природе свойственно неравномерное движение, *itus et reditus*¹, она идет и возвращается, начинает бежать, почти останавливается, делает шажок, потом рывок и т.д.

Взять, к примеру, приливы и отливы или, скажем, движение Солнца.

357

Когда человек пытается довести свои добродетели до крайних пределов, его начинают обступать пороки, — сперва незаметно, незримыми путями подползают мельчайшие, потом толпою набегают огромные, и вот он уже окружен пороками и больше не видит добродетелей. И даже готов стереть в порошок совершенство.

358

Человек не ангел и не животное, и несчастье его в том, что, чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше превращается в животное¹.

Мы стойки в добродетели не потому, что сильны духом, а потому, что нас с двух сторон поддерживает напор противоположных пороков, подобный напору ветров, дующих навстречу друг другу: стоит нам избавиться одного порока — и мы оказываемся во власти другого¹.

Требования стойков так неисполнимы и так суетны¹! Они утверждают, будто всякий, не достигший глубин мудрости, глуп и порочен, — словом, равняют его с человеком, который погрузился в воду всего на два пальца¹.

Могущество мух: они выигрывают сражения, отупляют наши души, терзают тела.

Когда нам говорят¹, что тепло — это движение неких частиц, а свет — не более чем *conatus recedendi*², мы не можем прийти в себя от удивления. Как! Источник наших наслаждений — всего-навсего пляска животных духов³? А мы представляли себе это совсем иначе. Ведь так различны ощущения, чья природа, как нас уверяют, совершенно одинакова! Тепло, исходящее от огня, звуки, свет воздействуют на нас по-иному, чем прикосновение к коже, мнятся нам чем-то таинственным, и вдруг оказывается — они грубы, как удар камнем. Разумеется, крохотные частицы, проникающие в поры тела, раздражают не те нервы, что камень, однако речь идет все о том же раздражении нервов.

Разум всегда и во всем прибегает к помощи памяти¹.

Иной раз, когда я собираюсь записать пришедшую мне в голову мысль, она внезапно улетучивается. Тут я вспоминаю о забытой было немоци своего разумения, а это не менее поучительно, чем забытая мысль, потому что стремлюсь я только к одному: познать собственное свое ничтожество.

Пирронизм.— Я беспорядочно записываю здесь свои мысли, но дело обстоит вовсе не так, что они окажутся перемешанными друг с другом безо всякого замысла. Именно таким должен быть истинный порядок, который всегда укажет на мою цель посредством самого беспорядка. Я оказал бы слишком много чести данной теме, если бы трактовал ее упорядоченно, ибо мне хочется показать, что она к этому не приспособлена.

Долгое время я верил, что в жизни существует справедливость, и не ошибся в этом. Ибо, согласно тому, что Бог пожелал открыть нам, справедливость таки существует. Но я не мог принять ее такой, какова она на самом деле, и именно здесь коренились мои заблуждения. Ведь я верил, что наша собственная справедливость есть справедливость сущностная, и у меня есть средства, дабы ее познать и о ней судить. Но я столько раз ошибался в этих «правильных» суждениях, что в итоге усомнился и в себе, и во всех остальных. Я увидел изменчивость, присущую всякой стране и всякому человеку. И отсюда, из всего этого вороха различных суждений об истинной справедливости, я понял, что сама наша природа суть сплошное изменение. С тех пор я не менял взглядов

<на данный предмет>, и если когда-либо изменю их, то лишь подтвержу таким образом свое открытие.

Пирроник Аркесилай, снова сделавшийся догматиком¹.

376

Учение Пиррона укрепляют не столько его последователи, сколько противники, ибо бессилие людского разума куда очевиднее у тех, кто не подозревает о нем, чем у тех, кто его сознает.

377

Речи о смирении полны гордыни у гордецов и смирения у смиренных. Точно так же полны самоуверенности суждения людей самоуверенных, даже если они последователи Пиррона. Мало кто способен смиренно говорить о смирении, целомудренно — о целомудрии, во всем сомневаясь — о пирронизме. Мы исполнены лживости, двудушия, противоречий, вечно скрытничаем и обманываем самих себя.

378

Пирронизм.— В безрассудстве равно упрекают и высочайший ум, и предельную глупость. Хвалят только середину. Так постановило большинство, и оно больно кусает всякого, кто близок к той или иной крайности. Я не упорствую, согласен быть в середине и отказываюсь от нижнего края не потому, что нижний, а потому, что край: точно так же я отказался бы и от верхнего. Кто вне середины, тот вне человечества. Истинное величие души как раз и состоит в умении придерживаться середины, в том, чтобы оставаться в ней, а не выскакивать из нее.

379

Нехорошо быть слишком свободным. Нехорошо ни в чем не знать нужды.

Все правила достойного поведения давным-давно известны, остановка за малым — за умением ими пользоваться. Например:

Все знают, что во имя общего блага надо жертвовать жизнью, и, действительно, иные жертвуют; но во имя религии не жертвует никто.

Неравенство неизбежно, это очевидно, но стоит его признать — и вот уже распахнуты двери не только сильной власти, но и неистребимой тирании.

Людскому разуму надо дать хотя бы немного свободы, но это распахивает двери самой гнусной распущенности. «Что ж, ограничьте эту свободу». — «В природе не существует пределов: закон пытается их поставить, но разум не желает с ними мириться».

Когда все предметы равномерно движутся в одну сторону, кажется, будто они неподвижны, — например, когда находишься на корабле¹. Когда все идет по пути безнравственности, никто этого не видит. И только если кто-нибудь, остановившись, уподобляется неподвижной точке, мы замечаем бег остальных.

Живущий в скверне кричит, что он-то и следует законам природы, а вот живущий в чистоте их нарушает: так, плывущему на корабле кажется, будто стоящие на берегу отступают назад. И правый, и неправый отстаивают свое убеждение одинаковыми словами. Для верного суждения нужна неподвижная точка отсчета. Стоящий в порту правильно судит о плывущих на корабле. Но где тот порт, откуда мы могли бы правильно судить о людской нравственности?

Противоречие — плохой критерий наличия или отсутствия истины: противоречивы многие достоверные вещи, многие же из вещей ложных воспринимаются без всяких противоречий. Само по себе противоречие не является еще критерием ложности, а непротиворечивость — критерием истинности.

Пирронизм. — Все в этом мире отчасти истинно, отчасти ложно. Конечная истина не такова: она беспримесно и безусловно истинна. Всякая примесь пятнает истину и сводит ее на нет. В нашем мире ничто не бывает безусловно истинно и, значит, все ложно, — разумеется, в сравнении с конечной истиной. Мне возразят — убийство дурно, вот вам конечная истина. Да, ибо мы твердо знаем, что такое зло и безнравственность¹. Но в чем заключается добродетель? В целомудрии? Нет, отвечу я, потому что вымер бы род человеческий. В брачном сожителстве? Нет, в воздержании больше добродетели. В том, чтобы не убивать? Нет, потому что нарушился бы всякий порядок и злодеи поубивали бы праведных. В том, чтобы убивать? Нет, убийство уничтожает живую тварь. Наша истина и наше добро только отчасти истина и добро, и они запятнаны злом и ложью.

[Вполне возможно предположить, что существуют истинные доказательства. Но это никак не обосновано. Тот же ход мысли — к вящей славе пирронизма — заставляет усомниться и в противоположном — что не существует ничего достоверного.]

Здравый смысл. — Они вынуждены говорить: «Вы поступаете не добросовестно, мы не спим¹ и т.д.» Как люблю я видеть этот надменный разум приниженным и умоляющим²! Ибо не таков язык человека, у которого оспаривают его право и который защищает это право оружием и силой рук. Такой человек не забавляется разговорами о том, что поступают недобросовестно, а карает силой саму недобросовестность.

Екклезиаст с очевидностью показывает, что безбожник обречен на неведение¹ и глубоко несчастен. Ибо суть несчастья в том, чтобы хотеть и не мочь. Меж тем всякий человек хочет счастья, хочет уверенности, что ему открыта хотя бы крупица истины; но безбожник ничего не знает, а жажда знания неистребима. Он даже сомневаться не может.

Боже! Как глупы эти речи! «Создал ли Бог мир, чтобы его осудить? Необходимо ли было создавать стольких людей до такой степени слабыми и т.д.?» Пирронизм — вот средство от этого зла. Лишь он способен утихомирить подобную суетность¹.

Беседа. — Религия высокопарных слов: я отвергаю ее.

Беседа. — Пирронизм служит религии.

Сколько забавно видеть, что в мире существуют люди, которые, отвергнув все законы — и божественные, и естественные, — создают для себя другие, каковым добросовестно подчиняются. Таковы, например, солдаты Магомета, воры, еретики и т.д. Таковы и логики. А ведь кажется, что при виде стольких справедливых и святых вещей, через которые они переступили, их вольности не должно быть ни пределов, ни препятствий.

394

Любое исходное положение правильно — и у пирроников, и у стоиков, и у атеистов и т.д. Но выводы у всех ошибочны, потому что противоположное исходное положение тоже правильно.

396

Человек познает, что он такое, с помощью двух наставников: инстинкта и опыта¹.

401

Слава. — Животные не восхищаются друг другом. Лошадь не приходит в восторг от другой лошади; конечно, они соревнуются на ристалище, но это не имеет значения: в стойле самый тихходный, дрянной коняга никому не уступит своей порции овса, а будь он человек — пришлось бы. Животные не знают, что их достоинства должны быть вознаграждены.

402

Человек велик даже в своем своекорыстии, ибо это свойство научило его соблюдать образцовый порядок в делах и благотворительствовать по расписанию.

Величие.— Соотнеся причину и следствие, можно понять величие человека, обязанного извлечь из вожделения столь прекрасный порядок¹.

Стоит злонамеренности перетянуть на свою сторону разум, как она преисполняется гордыни и выставляет союзника напоказ во всем его блеске. Точно так же она кичится, когда суровое самоограничение и подвижничество терпят неудачу и победу одерживает естество.

Зло дается всем без труда, и оно многолико¹, тогда как добро, можно сказать, всегда одинаково. Но бывает разновидность зла почти столь же редкая, как то, что носит название добра,— вот почему этот особый вид зла нередко именуют добром. Более того, совершающий такое зло должен обладать не меньшим величием души, чем творящий добро.

Персей, царь Македонии.— Павел Эмилий, бросивший упрек Персею, почему тот не убил себя¹.

Если человек восхваляет себя, я его уничижаю, если уничижает — восхваляю и противоречу ему до тех пор, пока он не уразумеет, какое он непостижимое чудовище.

Часть VII

Мораль и Учение

426

СЛИ истинная природа утрачена, все становится его природой; как и все <что угодно> становится подлинным благом, когда подлинное благо утрачено¹.

429

Человеческая низость, доходящая до подчинения животным, до почитания их.

439

Испорченность человеческой природы.— Человек не способен руководствоваться разумом, хотя разум — суть его природы.

440

Испорченность разума проявляется в разнообразии и экстравагантности нравов. Необходимо было пришествие истины, чтобы человек перестал жить лишь собой¹.

Истинная натура человека, равно как истинное его благо, и добродетель, и вера познаваемы лишь в своей целокупности.

Тому, что люди могли познать лишь наивысшим напряжением своих умственных сил, религия научала детей.

Не сказано ли, что, дабы справедливость проявилась на земле, люди должны были познать первородный грех?— *Nemo ante obitum beatus est*¹; то есть могут ли люди до того, как умрут, познать вечное блаженство и изначальную сущность?

[Митону¹] хорошо известна испорченность человеческой природы, а также то, что жизнь людей находится в противоречии с порядочностью. Но ему неизвестно, почему не в состоянии они взлететь выше.

Жалость к обездоленным легко уживается со своекорыстием. Более того, люди рады отдать дань добрым чувствам, прославиться мягкосердечием и при этом ничего от себя не оторвать.

Своекорыстие послужило основой и материалом для превосходнейших правил общежития, нравственности, справедливости, но так и осталось гнусной основой человека, *figmentum malum*¹: оно скрыто, но не уничтожено.

Несправедливость.— Они¹ не нашли иного способа удовлетворить свои страсти, не нанося вреда другим.

«Пристрастие к своему «я» заслуживает ненависти; вы, Митон, лишь прикрываете его, а не уничтожаете, значит, тоже заслуживаете ненависти».— «Вы не правы, ведь мы ведем себя так предупредительно со всеми, что не вызываем ничьей ненависти».— «Это было бы верно, если бы речь шла только о том «я», которое навлекает на себя неудовольствие ближних; но моя ненависть вызвана его неискоренимой несправедливостью, его почитанием себя превыше всего и всех, поэтому я буду всегда его ненавидеть.

Словом, у «я» два свойства: во-первых, оно несправедливо по самой своей сути, ибо почитает себя превыше всего и всех; во-вторых — неудобно для ближних, ибо стремится подчинить их себе; каждое «я» враждебно всем прочим и хотело бы всех тиранить. Ваше поведение устраняет неудобство, но несправедливость как была, так и остается, значит, кто ее ненавидит, тот и ко всякому «я» относится с ненавистью; зато оно теперь по душе несправедливцам, которых вы научили умасливать другие «я». Стало быть, Митон, вы несправедливы и нравитесь только себе подобным».

Людские суждения так извращены, что нет человека, который не ставил бы себя превыше всех людей на свете,

не дорожил бы своим благом и каждым часом своего счастья и жизни больше, чем благом, счастьем и жизнью прочих смертных!

457

Для человека все сущее — в нем самом, ибо, когда он умирает, для него умирает и все сущее. Поэтому каждый думает, что для всех он тоже все¹. Будем же судить о природе, исходя из нее, а не из нас.

460

Вожделение плоти, вожделение глаз, гордыня и т.д. — Есть три разряда вещей: ум, тело, воля. Люди плотские суть богачи, цари: их целью является тело. Любопытельные и сведущие соответствуют уму. Цель же мудрецов — справедливость.

Бог должен над всем властвовать, и все должно быть с Ним соотнесенным. В самих же по себе вещах телесных властвует вожделение, в умственных — любопытство, а мудрости свойственна гордыня. Это еще не говорит, что нельзя возгордиться из-за богатств или знаний, но корень самой гордыни не здесь. Ведь признавая человека ученым, тем самым еще никого не уличают в гордыне. Собственная же почва гордыни — мудрость. Хотя человеку несвойственно отождествлять мудрость и гордыню. Гордыня возникает от <ощущения> правоты. Стало быть, один Бог дарует <истинную> мудрость — вот почему: *Qui gloriatur, in Domino gloriatur*¹.

461

Три типа вожделения породили три типа сект, и философы только и делают, что следуют одной из этих разновидностей вожделения.

Эпиктет, видя путь, по которому следовало идти людям, говорил: «Вы идете по ложной дороге». Он тем самым указал, что есть другая, но не повел по ней. Сие зависит лишь от воли Божьей, лишь Иисус Христос может повести правильным путем, <а не только указать таковой>: *Via, veritas*¹.

Недостатки Зенона те же².

Причина следствий.— Эпиктет. Здесь неуместна аналогия с тем, когда говорят: «У Вас болит голова»¹. Раз уверенность в здоровье не одно и то же, что уверенность в справедливости, подобная аналогия вздорна.

Однако Эпиктет находит ее доказательной, говоря: «Либо в наших силах, либо нет»². Но он не постиг, что не в нашей власти приказывать сердцу, и поэтому сделал неправомерный вывод о <доступности всем> того, чем обладают христиане³.

Было бы слишком неоправданно привязываться ко мне, хотя бы это и делалось с удовольствием и без принуждения. Я ведь способен обмануть ожидания тех, в ком вызвал симпатию, поскольку не являюсь <последней> целью, <к которой должно стремиться> людям, и мне, следовательно, нечем им помочь. Да и не смертен ли я? Допустим, объект их привязанности умирает. Сколь же виновным оказался бы я в таком случае оттого, что помогал верить фальши— пусть бы даже при этом я захватывался ею исподволь, а привязавшиеся ко мне получали от указанной фальши удовольствие и, тем самым, доставляли радость мне. Также я виновен в том, что заставлял любить мою особу, привлекая к себе и тем вызывая привязанность. Я обязан предупредить тех,

кто уже готов согласиться с ложью, что они не должны поступать подобным образом, как и не должны привязываться ко мне. Ибо им следует посвятить свою жизнь и свои заботы <иной цели> — быть угодными Богу или хотя бы искать Бога.

473

Пусть вообразят себе тело, состоящее из мыслящих членов¹.

474

Члены. Начинать с этого. — Дабы умерить самолюбие, которое почитают чуть ли не за долг <человека>, следует вообразить себе тело, сплошь состоящее из мыслящих членов, — ибо мы сами суть части Вселенной — и посмотреть, в какой мере каждый из них должен себя любить, и т.д.

475

Если бы руки и ноги были наделены особенной волей, то никогда не составили бы они упорядоченного целого иначе как через подчинение своей собственной воли той первичной воле, которая руководит всем телом. Вне последней им не миновать хаоса и бедствий. Поступать согласно собственной сущности они могут, только желая блага всему телу.

488

Невозможно, чтобы Бог всегда был целью, не являясь при этом и принципом. Люди, поднимая свой взгляд вверх, опираются на песчаный фундамент. <Однако настанет момент, когда> земля расступится и они рухнут <в бездну>, глядя в небеса.

Если существует единственный принцип, единственная цель всего, то все <в мире должно> существовать через подобный принцип и для него. От истинной религии, таким образом, требуется, чтобы она научила почитать и любить указанный принцип. Однако, поскольку мы обнаруживаем неспособность любить как то, чего не ведаем, так и что-либо отличное от самих себя, то истинная религия обязана, наставляя о должном, вместе с тем просветить нас и относительно этой нашей неспособности, и относительно средств, позволяющих превозмочь последнюю. Вот она и учит, что через одного человека все было утрачено, разорвалась нить, связующая нас и Бога, и что посредством одного человека разорванная связь восстановилась.

Мы рождаемся столь чуждыми этой любви к Богу, что для нас необходимо родиться уже виновными, ибо иначе Бог оказался бы несправедливым¹.

В обычае у людей не творить достоинства, но вознаграждать за достоинства, уже имеющие место, и поэтому люди судят о Боге по самим себе¹.

Истинная религия научает и относительно нашего долга, и относительно нашего бессилия: гордыня и похоть; и — средства избавления: смирение, умерщвление плоти.

Мы по опыту знаем, как велика разница между благочестием и добротой.

Озабоченность внешним.— Нет ничего более рискованного, нежели то, что угодно и Богу, и людям. Ибо положение дел, удовлетворяющее и Бога, и людей, содержит как удовлетворяющее божественному, так и удовлетворяющее людскому. Например, величие святой Терезы¹: Богу было угодно глубокое смирение, содержащееся в ее откровениях, людям — ее познания. И вот находятся те, кто изводит себя <в попытках> подражать ее речам, дабы уподобиться ее состоянию, но забывает о необходимости любить то, что любимо Богом, и уже на этой основе достигать состояния, угодного Богу.

Уж лучше не поститься, но быть смиренным, нежели исполнять пост, преисполняясь самодовольства. Фарисей, откупщик².

Какая мне польза от того, что я не забыл попоститься, если это в равной мере вредит и помогает? Все зависит от Божьего благословения. Лишь тому, что создано для Него — по Его законам и Его путями, — Бог дарует образ действия, который столь же важен, как и сам восприемник дара, и, быть может, важнее, поскольку из зла Господь способен извлечь добро, а кто без Него в состоянии совершить подобное?

Значение слов о добре и зле.

Первая ступень: быть порицаемым за злое и восхваляемым за доброе.

Вторая ступень: не быть ни восхваляемым, ни порицаемым.

503

Философы освящали пороки, возлагая <ответственность за> них на Самого Бога. Христиане же освящали добродетели.

504

Праведник поступает по вере <даже> в незначительном: например, распекая своих слуг, он желает их наставления Божьим Духом, молит Господа исправить их и надеется скорее на Всевышнего, чем на свои порицания. Он просит Бога ниспослать им исправление. То же и в иных действиях, происходящих от Божьего Духа. Они <порою> вводят нас в заблуждение по причине... либо перерыв в изливании Духа от Бога на него. И [он] раскаивается в своем сетовании¹.

506

<О том>, что Бог не обязывает нас совершать наши грехи, другими словами, все последствия и продолжения людской греховности становятся ужасающими, вплоть до самых незначительных, если им следуют, будучи лишенными милосердия¹!

507

Порыв благодати, упорство сердца; внешние обстоятельства.

510

Человек недостоин Бога, но вовсе не неспособен сделаться достойным.

Не подобает божеству связывать себя с ничтожным человеком, но вовсе не недостойно извлечь человека из его ничтожества.

512

Вся она¹ — тело Иисуса Христа в собственном смысле, но нельзя, тем не менее, говорить, что она вся есть Его тело. Соединение двух вещей, когда, однако, эти вещи не претерпевают изменений, вовсе не требует, чтобы обязательно говорили, будто одно становится другим. В подобном единстве, не объединяющем самой сущности, пребывают душа и тело, огонь и дерево. Но здесь нужно лишь такое изменение, которое бы заставляло форму одного становиться формой другого. Вочеловечение Слова. Ибо мое тело без души не было бы человеческим телом, а следовательно, мое тело создает душа, соединяясь с некоторым количеством материи. Порою не проводят различия между необходимым и достаточным условиями: соединение необходимо, но недостаточно. Левая рука — не правая.

Свойством тел является непроницаемость.

Совпадение *числа* требует совпадения материи.

Таким образом, соедини Бог мою душу с телом где-нибудь в Китае, то же самое тело, *idem numero* возникло бы и в Китае.

Та река, которая протекает вон там, суть *idem numero* той, что течет в то же самое время в Китае².

513

Почему Бог установил молитву.

1) Дабы сообщить своим созданиям достоинство причинной связи с Ним.

2) Дабы научить нас от Кого наша добродетель.

3) Дабы подтолкнуть нас к тому, чтобы своим трудом могли мы снискать другие добродетели.

Но, дабы самой молитве сохраниться среди людей, Он дарует молитву, в которой к Нему можно обратиться с просьбой¹.

Возражение: однако, люди верят, что молитва исходит от них самих.

Это абсурдно; ибо раз, имея веру, не могут снискать добродетель, то как же тогда обретена сама упомянута вера? И не больше ли расстояние между неверием и верой, чем между верой и добродетелью²?

Заслуга, это слово двусмысленно³.

У Бога лишь те обязательства, выполнить которые Он обещал. Им обещано, что ответом на молитву будет справедливость⁴, но никогда не обещал Он внимать молитве, исходящей не от детей обетования⁵.

Формально св. Августин говорит, что собственная сила отнята у праведника. Сама эта фраза может быть расценена как случайная, поскольку вполне реально предположить, что шанс высказать подобное не обязан был предоставляться с необходимостью. Однако Августиновы принципы заставляют увидеть, что шанс представился, поскольку невозможно было бы для Августина не сказать этого или сказать нечто противоположное. Он скорее был вынужден сказать это, как только представился случай, нежели просто говорил по случаю. Первое необходимо, второе — случайно, но и то, и другое вместе позволяют исчерпать все возможные варианты.

Рим. III: 27. Слава <Божья> исключает: посредством какого закона? Закона деяний? Нет, но <лишь> верою. Следовательно, вера не находится в нашей власти, как дела закона, будучи данной нам иным образом.

Согласно Писанию, все, и даже мученики, должны иметь в себе страх.

Недостоверность суждения — вот величайшая адская мука. *Deus absconditus*¹.

Ин. VIII: *Multi crediderunt in eum. Dicebat ergo Jesus: «Si manseritis..., VERE mei discipuli eritis, et VERITAS LIBERABIT VOS». Responderunt: «Semen Abrahae, sumus et nemini servimus unquam»¹.*

Существует большое различие между учениками и истинными учениками. Можно распознать, кто есть кто, сказав, что истина сделает их свободными. Ибо, если они ответят, что свободны <и так> и что в их силах выйти из порабощенности дьяволом, то они суть ученики прилежные, но не истинные.

Закон обязывает к тому, чего не дает. Благодать дает то, к чему обязывает¹.

Знание Бога без знания <человеческого> ничтожества порождает гордыню. Знание ничтожества без знания Бога ввергает в отчаяние. Знание Иисуса Христа дает возможность <остановиться> посредине <между этими крайностями>, поскольку здесь мы находим и Бога, и наше ничтожество.

Иисус Христос суть Бог, к которому приближаются без гордыни и под властью которого смиряются без отчаяния.

Тот, кому известна воля господина, будет здорово побит¹ <если не выполнит ее>, в силу доверия, оказанного через это знание. *Qui justus est, justificetur adhuc*², в силу доверия, проявляемого к праведному. К тому, кто много получил, будет предъявлен наибольший счет, в силу доверия, выказанного через предоставленное.

В Писании содержатся места, способные кого угодно утешить и кого угодно устрашить.

И природа кажется приспособленной для того же посредством двух бесконечностей — естественной и моральной: ибо пребывали мы всегда <одновременно> наверху и внизу, талантливыми и бездарными, наиболее возвышенными и самыми ничтожными, дабы унижить нашу гордыню и возвысить наше падение.

Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками.

Будем благодарны тому, кто говорит нам о наших недостатках, ибо он учит смирению и открывает глаза на то, что люди считают нас достойными презрения. От презрения он, разумеется, не спасает, слишком много у нас других недостатков, зато готовит к делу исправления и уничтожения хотя бы этих.

Надежда христиан на обладание бесконечным благом вступает в поединок не только с разгульной жизнью, но и со страхом. Ибо христиане отличны от тех, кто надеется

обрести некое царство, которого не имеет, будучи лишь к тому предрасположенным. Они уповают на святость, на избавление от несправедливости, уже обладая отчасти предметом своего упования¹.

542

Лишь христианская религия может сделать человека и счастливым, и достойным любви. Будучи просто порядочным человеком, нельзя обладать этими качествами в одно и то же время¹.

544

Бог христиан суть Бог, дающий душе почувствовать, что Он является ее единственным благом, что лишь в Нем возможно всякое душевное успокоение и что нет для нее иной радости, кроме любви к Нему. Одновременно Бог заставляет душу ощутить ненависть к препятствиям, затрудняющим и сдерживающим всемерные проявления этой любви. Душе становится невыносимо пребывание в плену у самолюбия и вожделения. Именно Богом внушается ей как ощущение губительности той почвы самолюбия, на которой она находится, так и то, что Он суть единственное средство исцеления.

547

Бога мы познаем лишь посредством Иисуса Христа. Без указанного Посредника становится невозможным всякое общение с Богом, посредством же Иисуса Христа мы познаем Бога. Все претендующие знать Бога и доказывать Его без Иисуса Христа, могут обрести лишь доказательства внутренне бессильные. Для подтверждения же Иисуса Христа у нас есть пророчества, которые являются доводами надежными и очевидными. Исполнившись и доказав свою истинность посредством происходящих событий, эти пророчества указывают на достоверность

содержащихся в них истин и, стало быть, подтверждают божественную природу Иисуса Христа. В Нем, следовательно, и через Него познаем мы Бога. Вне этого, без Писания, без первородного греха, без Посредника, с необходимостью обетованного и пришедшего <в мир>, абсолютно невозможно ни доказать существование Бога, ни преподать истинное учение и истинную мораль. Но через Иисуса Христа и в Иисусе Христе выполнимо и то, и другое. Потому Иисус Христос суть истинный Бог для людей.

Одновременно мы познаем и наше ничтожество, ибо этот Бог есть Искупитель нашего ничтожества. Таким образом, удовлетворительно знать Бога мы можем, лишь зная наши беззакония. Потому знающие Бога без знания своего ничтожества прославляют не Его, а самих себя. *Quia ...non cognovit per sapientiam ...placuit Deo per stultitiam praedicationis salvos facere*¹.

548

Не только Бога, но и самих себя не можем мы познать иначе, как через Иисуса Христа. Без Иисуса Христа непознаваемы ни жизнь, ни смерть. Ни о том, что есть наша жизнь, ни что есть наша смерть, ни что такое Бог, ни что такое мы сами не узнать вне Иисуса Христа.

Также и без Писания, единственным предметом которого является Иисус Христос, мы не знаем ничего, а напротив видим только мрак и смятение как в природе божества, так и в нашей собственной.

549

Знать Бога без Иисуса Христа — вещь бесполезная, хотя и практикуемая. Знание Иисуса Христа не удаляет нас от Бога, но, наоборот, приближает; не унижает, но...

*Quo quisquam optimus est, pessimus, si hoc ipsum, quod optimus est, adscribat sibi*¹.

Я люблю нищету, ибо Он ее любил. Люблю и блага материальные, ибо они дают возможность помогать нищим. Я верен всякому, <перед кем имею обязательства>, не воздаю злом за зло, мне причиненное, но желаю тому, кто его причиняет, оказаться в положении, подобном моему собственному, когда не воспринимаешь ни добра, ни зла, исходящих от людей. Я пытался быть справедливым, правдивым, искренним и верным для всякого человека, с сердечной нежностью отношусь к тем, с кем Бог связал меня наиболее тесными узами. В одиночестве ли я, на виду ли у людей — на всех своих поступках ощущаю я взгляд Всевышнего, имеющего эти поступки судить, Всевышнего, которому я без изъятия их посвящаю.

Таковы мои чувства, и всякий день, пока я живу, благословляю я своего Искупителя, даровавшего мне жизнь и из человека, полного слабостей, ничтожества, искушения, гордыни и честолюбия, сделавшего силой Своей благодати того, кто свободен от упомянутых зол и этой благодати обязан — имея от самого себя лишь ничтожество и заблуждение — всем, чем может гордиться.

Divinor plagis quam osculis non timeo quia amo¹.

Часть VIII

Основания христианской религии

558

ЧЕМ мы можем заключить на основании всего нашего неведения, как не о собственной недостойности.

567

Два противоположных смысла. Начинать нужно с них, иначе все становится непонятным и еретичным. Ведь итогом всякой истины служит памятование об истинности противоположного.

568

Возражение. — Очевидно, что Писание полно вещей, не продиктованных Святым Духом.

Ответ. — Они вовсе не вредят вере.

Возражение. — Но церковь постановила, что все <в Писании> — от Святого Духа.

Ответ. — Я отвечу двумя доводами: что церковь никогда не принимала подобных решений; и, во-вторых, что если бы она так и постановила, то это было бы оправдано.

Вы думаете пророчества, приведенные в Евангелии, цитируются там, дабы заставить вас поверить? Отнюдь, они нужны, дабы удалить вас от веры.

Каноники.— Еретики, в первые времена церкви, служат для подтверждения правоты канонических авторов.

Следует в главу об Основаниях поместить то, что содержится в главе об Образности относительно необходимости образов: почему в свое первое пришествие Иисус Христос обратился к проповеди; почему именно к проповеди столь неопределенного свойства¹?

Слепота Писания.— «Писание,— говорили евреи,— сообщает, что не будут знать, откуда придет Иисус Христос (Иоан. VII, 27 и XII, 34). Писание гласит, что Христос пребывает вечно, и там же сказано, что Он умрет».

Таким образом, указывает святой Иоанн¹, хотя Мессия и совершил столько чудес, они все-таки не поверили, дабы исполнилось слово Исайи: Он ослепил их² и т.д.

Всеобщее управление миром и церковь: Бог желает ослеплять и просветлять.— Пришествие доказало божественность пророчеств, в остальное должно верить. Ввиду этого миропорядок выглядит для нас следующим образом: чудеса творения и потопа забываются, тогда Бог посылает закон и чудеса Моисея, а также пророков, предвещающих те или иные события. Чтобы приуготовить действительное чудо, Господь готовит пророчество и исполнение пророчества. Но пророчества могут быть встречены с подозрением. Он желает сделать их несомненными и т.д.

Бог заставил слепоту этого народа служить благу избранных.

Бог (апостолы — также), предвидевший, что семена гордыни прорастут ересью, и не желавший со своей стороны тому способствовать, снабдил Писание и церковные молитвы противоположными еретическому духу словами и сентенциями, чтобы плоды их созрели к нужному времени.

Точно так же, как Он придал морали милосердие, плоды которого направлены против вожделения.

Гнусны те люди, которые знают, в чем истина, но стоят за нее, лишь пока им это выгодно, а потом отстраняются.

Эта религия, столь прославившаяся своими чудесами, святыми, безупречными Отцами церкви, учеными, выдающимися людьми, мучениками, царями-помазанниками¹ (Давид), принцем крови Исайей², после того, как явила все свои чудеса и всю свою мудрость, <вдруг> отвергает все это и говорит, что у нее нет ни мудрости, ни знамений, но лишь крест и безумие (Галат. V, 11).

Ибо заслужившие ваше доверие посредством этих знамений и этой мудрости, обосновавшие для вас характер <и знамений, и мудрости>, внезапно заявляют, что подобные вещи не могут нас изменить и наделить способностью знать и любить Бога, кроме как через мужество безумия креста, без мудрости и знамений. И нет вообще никаких знамений без этого мужества. Посему наша религия безумна, если брать во внимание ее действующую причину, и мудра, если рассматривать мудрость, подготовившую ее.

Ложность других религий. — У них нет свидетельств. Эти же¹ ими обладают. Бог не доверяет другим религиям творить подобные знаки: Ис. XLIII, 9; XLIV, 8.

Против истории Китая¹. Историки Мексики, <писавшие> о пяти солнцах, последнее из которых существует не менее восьмисот лет². Специфика книги, воспринятой народом или, <точнее>, формирующей народ³.

Псалмы пелись по всей земле.

А от кого исходит свидетельство о Магомете? От него самого. Иисус Христос же хочет, чтобы его собственное свидетельство ничего не значило¹.

Достоинство свидетельств требует, чтобы они обнаруживались всегда и повсюду. Бедняга Магомет одинок.

Против Магомета. — Коран служит подтверждению Магомета не более, чем Евангелие от святого Матфея. Последнее из века в век цитируемо многочисленными авторами, причем даже враги, такие как Цельс и Порфирий, ни разу не сумели уличить его <в чем-либо>.

Коран <также> говорит, что святой Матфей был достойным человеком¹. Следовательно Магомет — лжепророк, и либо называет достойных людей обманщиками², либо не соглашается с тем, что они говорили об Иисусе Христе.

Магомет не потому нелеп, что у него присутствуют темные места, могущие содержать некий таинственный смысл, раскрытия которого я требую. Нелепость эта за-

ключена в ясных его образах — рая¹ и т.п. Вот почему было бы несправедливым принимать все эти неясности за какие-то тайны, видя, сколь нелепы его ясные места.

Подобного нет в Евангелии. Пусть бы там и имелись неясности в той же мере странные, что и у Магомета, но ведь есть и великолепная ясность, и пророчества — очевидные и исполнившиеся. Следовательно, речь идет о вещах неравноценных.

Ибо нельзя смешивать и уравнивать то, что похоже друг на друга лишь темнотой, а отнюдь не ясностью, которая одна и придает благоговейное достоинство темным местам.

600

Всякий человек может сделать то, что сделал Магомет, ибо чудес последний не совершал и предсказаний о нем не было. Но никто из людей не в состоянии повторить сделанного Иисусом Христом.

602

Порядок. — Видеть, что во всяком постулате евреев есть ясность и неоспоримость.

603

Иудейская религия полностью божественна. Это относительно и к ее авторитету, и к ее возрасту, и к ее непрерывности, и к ее морали, и к ее доктрине, и к ее результатам.

604

Единственным знанием, противостоящим здравому смыслу и человеческой природе, является то единственное знание, которое всегда существовало среди людей.

Две категории людей в каждой религии: среди язычников — почитатели животных, но также и почитатели единого Бога естественной религии; среди евреев, веривших, как и грубые христиане, что Мессия освободит их от <необходимости> любить Бога¹, — плотские и духовные. Истинные иудеи и истинные христиане почитают Мессию, который научит их любить Бога.

Республика. — Республика христиан, а также республика иудеев имеют лишь Бога в качестве властителя, как отмечает Филон-Иудей¹, *О монархии*.

Когда они сражаются, то делают это лишь для Бога; на города свои смотрят как на города Божьи и стоят за них с именем Божьим (I Пар. XIX, 13) .

Это вовсе не выдумка, но достоверный факт. В то время, как все без исключения философы образовывали различные секты, в одном из уголков мира нашлись люди — народ наиболее древний из живущих, — заявлявшие, что все погрязло в грехе, что Бог открыл им истину и что последняя всегда присутствовала на земле. В результате религия, проповедующая эти заповеди, существует непрерывно в течение 4000 лет, секты же отошли в небытие.

Они провозглашают знание, унаследованное от предков: что человек отпал от общения с Богом, ввергся в удаленность от Господа, но обещано искупление человека; что в течение 1600 лет существовали люди¹, признаваемые повсеместно пророками, что они были рассеяны повсюду, поскольку об Иисусе Христе должно было быть повсюду объявлено; что Иисус Христос пришел в мир, сопровождаемый теми обстоятельствами и в то время, которые

были предсказаны; что с тех пор евреи рассеяны по всей земле, обреченные нести проклятие, но, тем не менее, существовать.

623

[Иафет начинает генеалогию¹.]

Иосиф скрещивает руки² и предпочитает умолкнуть.

627

Я полагаю, что Иошуа¹ первым среди народа Божьего получил это имя², равно как Иисус Христос — последним.

629

Иосиф¹ скрывает позор своего народа, Моисей не прячет и своего собственного позора. *Quis mihi det ut omnes prophetent²?* Он устал от этого народа³.

633

Против выдумки Ездры¹, II Макав., II — Иосиф, — (Ant.) — II, I². Кир исполнил пророчество Исаяи относительно освобождения народа³. Ведя в Вавилонии под властью этого царя довольно спокойный образ жизни, евреи, тем самым, имели возможность оберегать закон <в неизменном виде>.

Во всем рассказе о Ездре Иосиф не говорит ни слова об этом восстановлении⁴. — (IV Цар. XVII, 27).

634

Если даже представляется вероятным, что выдумка Ездры¹ могла иметь место, то все равно следует признавать Писание Святым. Ибо эта выдумка подтверждается ни чем иным, как авторитетом Семидесяти <толковников²>, доказывающим святость Писания.

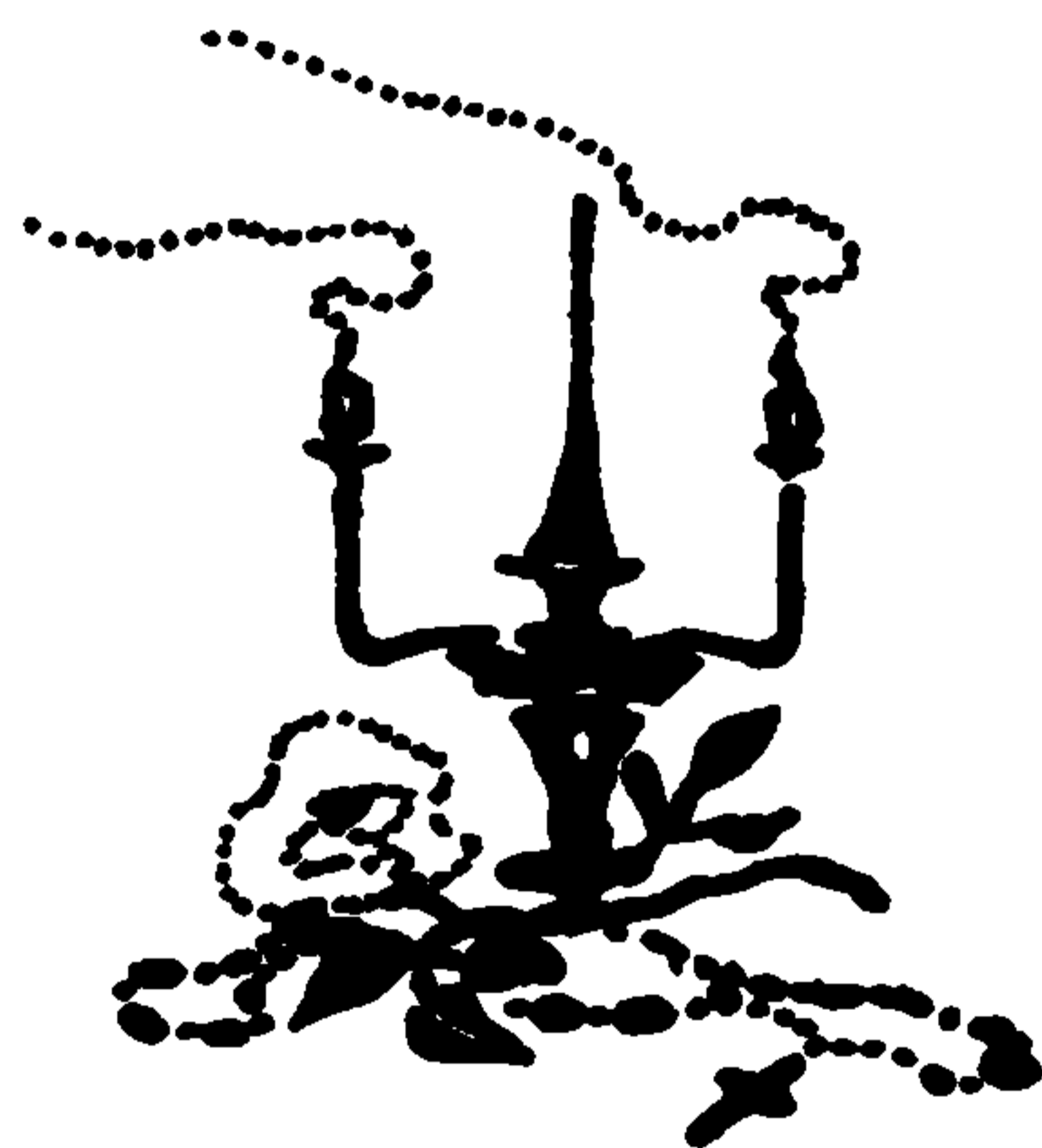
Следовательно, если подобная легенда и верна, то мы обязаны понимать ее в свете вышесказанного. Иначе

пришлось бы искать иной источник авторитетности <нежели чудо Септуагинды>. И отсюда получается, что стремящиеся разрушить истину нашей, основанной на Моисее, религии <лишь> утверждают ее посредством того же самого авторитета, с помощью которого осуществляют свои нападки. Таким образом, благодаря подобному покровительству, истина эта существует всегда.

637

Пророчества. — С вавилонским пленением их власть не прервалась, поскольку было обещано и предсказано возвращение.

Часть X Образность*

644

БРАЗЫ.— Бог, желая создать для себя святой народ, который Он отделил бы от всякого иного племени, освободил бы от врагов и поместил бы в некое место отдохновения, обещал исполнить все это и предсказал через пророков время, а также способ Своего пришествия. И однако, дабы укрепить в своих избранных однозначное упование, Он дал последним видеть во всякое время образ, никогда не оставляя их без уверенности в Божественной мощи и Всевышней воле к их спасению. Поскольку, когда люди еще так близко отстояли от момента своего сотворения, что не могли позабыть ни самого сотворения, ни впадения во грех, свидетелем и хранителем обетования Спасителя¹, того Спасителя, коему надлежит <в будущем> родиться от

---

* Положения Ветхого Завета, элементы жизненного уклада иудеев и т.п. рассматривались Паскалем как образы будущих реалий мира, которые установятся с пришествием Иисуса Христа (Адам — образ самого Иисуса, синагога — образ церкви, «вавилоняне», «враги» — образы вожделений, враждебных человеку и т.д.). Весь Ветхий Завет наполнен образными, а не буквальными смыслами, и потому его истинная природа выявляется лишь со временем. Грядущее² Царство Божье наличествует как прообраз еще до сотворения мира, воплотится же только после Страшного Суда. До тех пор существуют лишь его несовершенные образы-шифры.— *Прим. перев.*

женщины, был Адам. Когда же видевших Адама более не осталось, Бог послал Ноя², уберег его и потопил всю землю, посредством чуда достаточно продемонстрировав Свое намерение спасти мир и Свою волю исполнить сие, породив от семени женщины Того, Кто обетован. Подобное чудо позволяет поддерживать упование в [людях].

Память о потопе была столь свежей, поскольку Бог дал свои обеты Аврааму³, когда еще жил Ной, а Моисея послал еще при жизни Сима и т.д.⁴

647

Что закон был образным¹.

648

Два заблуждения:

- 1) принимать все буквально;
- 2) принимать все духовно¹.

649

Выступать против слишком уж большого упора на образность.

651

Нелепости Апокалиптик, а также преадамистов¹, милленаристов² и т.д.³ — Кому захочется обосновывать нелепости текстом Писания, может использовать для этого, например, следующее место: сказано, что «не прейдет род сей, как все сие будет»⁴. В ответ я замечу, что после этого поколение придет другое, и подобная непрерывность будет сохраняться всегда.

Во *II книге Паралипоменом⁵ о Соломоне и о царе* говорится как о двух разных лицах. Я отвечу, что их и было двое⁶.

Образы, стоящие особняком.— Два закона, две <пары> скрижалей, два храма, два пленения.

Образы.— Пророки несут свое слово <порой> с помощью образов пояса, горящих бороды, волос¹ и т.д.

Различие между обедом и ужином¹.

У Бога слово не отличается от замысла, ибо Он истинен; сказанное — от сделанного, ибо Он могущественен; средства — от цели, ибо Он мудр.

Августин, *de Civ Dei*, V, 10. Сие правило универсально: Бог может все, за исключением тех вещей, которые противоречили бы Его всемогуществу, как, например, быть смертным, ошибаться, лгать и т.д.

Несколько евангелистов <нужны> для подтверждения истины: их несходство полезно.

Евхаристия после Вечери: истина после образа. Разрушение Иерусалима: образ разрушенного мира², сорок лет спустя после смерти Иисуса³. «Мне неведомо» ни как человеку, ни как Посланнику. Марк. XIII, 32.

Иисус осужден иудеями и язычниками⁴.

Иудеи и язычники изображены посредством двух черт. Авг. *de Civ.*, XX, 29.

Шесть эпох, шесть патриархов шести эпох, шесть чудес в начале шести эпох, шесть рассветов в начале шести эпох¹.

Адам, *forma futuri*¹. Для создания одного — шесть дней, для создания другого — шесть эпох. Шесть дней, отведенные у Моисея для сотворения человека, — не что иное,

как шесть эпох, ведущих к Иисусу Христу и Церкви. Если бы на Адаме не было греха и не состоялось бы пришествие Иисуса Христа, то существовала бы лишь одна супружеская пара, только один возраст для людей, и сотворение мира представлялось бы произошедшим в одночасье.

657

Образы.— <Сущность> евреев и египтян <в целом> с очевидностью предсказана на примере тех двух представителей названных народов, с которыми довелось столкнуться Моисею¹: египтянин бил еврея, Моисей вступился и убил египтянина, но еврей остался неблагодарным.

658

Евангельские образы суть больные тела, <подбираемые> для больной души. Поскольку одно тело не может быть больным в такой степени, чтобы удовлетворительно выразить упомянутое душевное состояние, то осуществить эту цель можно с помощью различных тел. Вот почему <в Евангелии> фигурируют: глухой¹, немой², слепой³, паралитик⁴, мертвый Лазарь⁵, одержимый⁶. Ведь в больной душе содержится весь этот комплекс.

660

Вождение для нас естественно и составляет нашу вторую натуру. Посему в нас заключены два природных начала: одно доброе, другое — злое. А где же <располагается> Бог? Там, где вас¹ нет, но суть царствие Его в вас. Раввины.

661

Покаяние было единственным из всех таинств, с очевидностью возвещенных еще Иоанном Предтечей¹. И только потом настал черед проповедовать остальное. Сие необ-

ходимо для указания: каждому отдельному человеку, равно как и миру в целом, надлежит соблюдать указанный порядок.

663

Образность.— Ничто в такой мере не схоже с милосердием, как алчность, и ничто ему, однако, не является столь противоположным¹. Так и иудеи, исполненные благами, поставляемыми им алчностью, весьма подобны христианам, но тем не менее <на деле> выступают полной противоположностью последних. В силу этого еврейский народ обладал теми двумя качествами, которыми и обязан был обладать: быть достаточно сообразованным с Мессией, дабы указать на Него, и, вместе с тем, быть достаточно чуждым Мессии, дабы не оказаться сомнительным свидетелем².

667

Образность.— Понятие меча, щита. *Potentissime*¹.

668

Удаляясь от милосердия, удаляются от самих себя.

Наши мольбы и наши добродетели — мерзость перед Богом, если они — не мольбы и добродетели Иисуса Христа. И прегрешения наши никогда не познают [милосердия] божества, но встретятся лишь с Его справедливостью, если не будут прегрешениями Иисуса Христа. Он принял на Себя грехи наши и [допустил] нас в Свой союз¹. Ибо добродетели присущи Ему, а грехи чужды, и, наоборот, — нам присущи грехи и чужды добродетели.

Изменим же правило, которым мы руководствовались до сего дня, когда судили о том, что хорошо. Ведь правилом-то в данном случае мы считали нашу собственную волю. Воспримем же теперь в качестве руководства

волю Божью: все, чего Он желает, хорошо и справедливо для нас, чего Он не желает — [плохо].

Все нежелаемое Богом запрещено. Согласно всеобщему божественному постановлению, запрещено грешить, ибо Он не хочет этого. Другие вещи, которые не запрещены в целом и которые по сему именуются дозволенными, тем не менее, дозволяются не всегда. Ибо, если Господь удаляет <от Себя> некоторых из нас или когда в ходе событий обнаруживается божественная воля, требующая от нас не прибегать к определенным вещам, то эти вещи запрещены в той же мере, что и грех, поскольку воля Божья требует, дабы к первому мы стремились не более, чем ко второму. Между двумя этими предметами имеется единственное различие: несомненно, что Бог никогда не желает первого (греха), но не верно, что Он всегда отвергнет и второе. В тот, однако, момент, когда Господь не желает этого второго, мы обязаны рассматривать сие нежелаемое <Им> в качестве греха. Ибо отсутствие божественного соизволения, того самого соизволения, которое единственно наделено полной благодатью и полной справедливостью, делает этот предмет несправедливым и дурным.

669

Изменять образ по причине нашего бессилия.

674

Образность. — «Делай все по образцу, явленному тебе на горе»¹. После чего св. Павел говорит, что небесное² лишь изображалось евреями.

677

Образ несет на себе печать присутствия и отсутствия, согласия и несогласия. Подобный шифр содержит двой-

ной смысл: <с одной стороны, речь идет> о ясности, <с другой> — говорится о сокрытости смысла.

681

Образность. — Ключ к шифру: *Veri adoratores*¹. — *Ecce agnus Dei qui tollit peccata mundi*².

686

Противоположности. — Скипетр <не будет отнят> до <пришествия> Мессии — но без царя, без князя.

Закон вечный, закон изменяемый.

Союз вечный — союз новый.

Благие законы — дурные заповеди. Иезек¹.

688

Я не утверждаю, что эта *мем* таинственна¹.

689

Моисей (Второз., ХХХ) обещает, что Господь обрежет сердце их, дабы наделены они были способностью любить.

691

Из двух человек, рассказывавших нелепые истории, один обладает двойным смыслом, понимаемым через каббалу¹, другой — только лишь смыслом однозначным. Попробуй-ся некто, непосвященный в тайну, рассуждать об обоих, ему пришлось бы судить о них одинаково. Но если впоследствии <окажется, что>, в остальных речениях, один повествует о вещах ангельских, а другой — всегда о чем-то плоском и избитом, то наш наблюдатель <наверняка сделает> вывод о таинственности² рассказов первого, но отнюдь не второго: ведь первый достаточно продемонстрировал, что причастен не нелепости, но тайне; второй же — <наоборот, свою> причастность не тайне, но нелепости.

Ветхий Завет суть шифр.

Часть XI Пророчества

694

УВЕНЧАНО все это — пророчеством, дабы не говорили, что причиной здесь является случайность.

Тот, кому нет еще восьми дней от роду, не уразумеет, что правдоподобнее верить, будто все это отнюдь не случай...

Однако, если страсти не обуревают нас, то сотня лет ничем не отличается от восьми дней¹.

695

Пророчества.— Великий Пан мертв¹.

697

Proditā lege.— Impleda cerne.— Implenda collige¹.

698

<Смысл> пророчеств понимают лишь тогда, когда видят их исполнение: таким образом, доводы, базирующиеся на уединении, утаении, молчании, убедительны лишь для тех, кто <уже> эти доводы знает и верит им.

Иосиф¹ столь глубок, находясь в сфере столь внешнего закона.

Раскаяние внешнее готовит к раскаянию внутреннему, подобно тому как унижение подготавливает смирение. Таким образом...

Синагога предшествовала церкви; иудеи, христиане. Пророки предсказывали <появление> христиан; св. Иоанн¹, Иисус Христос.

Сколь прекрасно видеть историю Ирода, Цезаря глазами, исполненными веры.

Рвение еврейского народа в деле своего закона и в особенности тогда, когда не стало больше пророков.

Дьявол стремился поколебать рвение иудеев до пришествия Иисуса Христа, ибо рвение было спасительным для них в тот период, но не после¹.

Иудейский народ, осмеиваемый язычниками; народ христианский, гонимый <язычниками>.

Доказательство.— Пророчества и их исполнение, то, что предшествовало Иисусу Христу, и то, что происходило после Него.

Недостаточно самого факта пророчеств; им надлежало быть распространенными повсюду и сохраняемыми во все времена. А чтобы согласованность эту не посчитали делом случая, то и она должна была быть предсказанной.

Предсказание отдельных событий.— В Египте они были чужестранцами, не владеющими ничем — ни в самой этой стране, ни в других. [Не имели они даже намека на

царскую власть, установившуюся гораздо позже, ни независимого совета шестидесяти судей, называвшегося *синедрионам*, который, будучи введенным Моисеем, просуществовал до эпохи Иисуса Христа: все эти вещи были настолько далекими от их тогдашнего состояния, насколько это вообще возможно.] Умирающий Иаков, благословляя двенадцать своих сыновей, объявил, что завладеют они великой землей, и предсказал, в особенности относительно колена Иудина, что настанет день, когда из его среды произойдут те цари, которые будут править ими, и все братья покорятся тем царям [и Мессия, ожидаемый народами, родится от семени Иуды, и не отойдет от Иуды ни царская власть, ни правитель и законодатель от его потомства, покуда не произойдет Мессия от рода Иудина]¹.

Иаков же, располагая той землею будущего, как если бы был <реальным> ее властителем, уделил от нее Иосифу больше, нежели другим братьям: «Вам я даю, говорил он, часть большую, нежели братьям вашим». Благословляя Ефрема и Манассию, представленных пред ним Иосифом так, что старший оказался справа, а младший — слева, он скрестил руки свои и, возложив правую на голову Ефрема, а левую — на Манассию, благословил их именно в этом порядке. А на слова Иосифа, что подобным-де оказывается благоволение младшему, ответил с замечательной твердостью: «Знаю, сын мой, знаю, но Ефрем будет больше Манассии»², что и подтвердилось впоследствии, когда, при наличии двух примерно одинаковых по численности родов, составляющих все царство, общим названием стало имя Ефрема³.

Иосиф, умирая, поручил детям забрать с собой его прах, когда пойдут те в иную землю, что было сделано лишь через двести лет⁴.

Моисей, описавший все последующие события задолго до того, как они произошли, для каждого из колен уделил часть земли, в которую им предстояло войти⁵, словно

уже той землею владел [и в конце объявил, что Господь произведет от их народа и от их племени пророка⁶, образом которого был он сам, и детально предсказал должное случиться с ними в земле, куда войдут они после его смерти⁷, победы, которые Господь им дарует⁸, их неблагодарность по отношению ко Всевышнему⁹, кары, что придут как возмездие за указанную неблагодарность¹⁰, и остальные их деяния]. Он дает им независимых судей для раздела земли <обетованной>¹¹, он предписывает им весь строй политического правления¹², который они будут соблюдать, города-убежища¹³, которые они построят, и...

714

Иудейские свидетельства о Боге. Ис. XLIII, 9; XLIV, 8. Сбывшиеся пророчества — III Цар. XIII, 2 — III Цар. XXIII, 16 — Ис. Нав. VI, XXVI — III Цар. XVI, 34 — Втор. XXIII.

Малах. I, 11. Жертвоприношения иудеев будут отвергнуты, а язычников — приняты (даже при существовании Иерусалима)¹, причем — где бы ни приносились.

Прежде чем умереть, Моисей предсказал призвание Богом язычников (XXXII, 21)² и осуждение иудеев.

Моисей предсказал должное случиться с каждым из колен³.

Пророчество. — «Имя ваше будет мерзостью для избранных Моих, и нареку им имя иное»⁴.

«Ожесточено сердце их»⁵, но как? Угождением их вожделению и надеждой на осуществление <вожделенного>.

715

Пророчество. — Амос и Захария: они¹ продали справедливое и за это никогда не будут вновь призваны². — Иисус Христос предан.

Более не нужна память о Египте. См. Ис. XLIII, 16, 17, 18, 19. Иер. XXIII, 6, 7.

Пророчество.— Иудеи будут рассеяны повсюду. Ис. XXVII, 6.— Новый закон Иер. XXIII, 6, 7.

Малахия, Гроций³.— Славный второй храм.— Иисус придет. Аг. II, 7, 8, 9, 10.

Призвание язычников. Иоил. II, 28. Ос. II, 24. Втор. XXXII, 21. Мал. I, 11.

717

[*Пророчество.*— Клятва, которую Давид навечно дал своим потомкам. Иер¹.]

718

Вечное царствование племени Давидова. II Парал., посредством всех пророчеств и клятвенных заверений. И не во времени это исполнится: Иер. XXIII, 20.

719

Можно было бы, наверное, подумать, что, раз пророчества предсказывают пребывание скипетра у Иуды, пока не придет Царь вечный¹, то подобные предсказания имеют целью <лишь> польстить народу, а в случае с Иродом обнаруживается ложность предреченного². Но, дабы показать, что смысл названных пророчеств не таков и что, напротив, согласно им царствование Ирода, которое суть царствование временное, должно окончиться, нужно обратить внимание на свидетельства, в которых говорится, что иудеи будут без царя и без князя, причем — в течение долгого времени³. Ос. (III, 4).

725

Обращение египтян (Ис. XIX, 19); алтарь истинному Богу в Египте.

Пророчество.— Что Иисус Христос будет по правую руку <от Господа>, когда Господь подчинит Ему врагов Его.

Следовательно, Господь не подчинит их Самому Иисусу¹.

«...Когда не будут больше научать ближнего, говоря: «Вот Господь, ибо Он сделает Себя осязаемым для всех»¹.— «Сыновья ваши будут пророчествовать»².— Дух Мой и страх Мой вложу Я в сердце ваше»³.

Все это суть одно и то же. Пророчествовать означает говорить о Боге. И не с помощью доводов, привлекаемых извне, но согласно внутреннему и непосредственному чувству.

...Что вначале Иисус Христос будет мал, но затем вырастет. Малый камень Даниила¹.

Даже если бы я никогда и ничего не слышал о Мессии, тем не менее, после столь великолепных пророчеств о судьбе мира, которые я нахожу исполненными, я проникаюсь убеждением, что подобный порядок пророчеств и их исполнения божественен. И если в тех же книгах предсказывается пришествие Мессии, я убеждаюсь, что и оно исполнилось. Определяя, согласно пророчествам, время <пришествия> Мессии как относящиеся к эпохе разрушения Второго Храма, я утверждаю что, Он приходил <в мир>.

Часть XII

Доказательства Иисуса Христа

<как Мессии>

738

ПРОРОЧЕСТВА указали различные признаки, должны все целиком обнаружиться к пришествию Мессии, и обнаружиться в то время, которое предсказано. Так, следовало, чтобы эпоха четвертого царства¹ наступила после исполнения семи седьмин² Даниила, когда скипетр уже отойдет от Иуды³, Все это произошло беспрепятственно. Именно в такое время как раз и должен был прийти Мессия. Иисус Христос явился <в мир> именно в тот период, когда, согласно пророчествам, должно было состояться пришествие Мессии, что удостоверяет истинность пророчеств.

741

В мире существуют две древнейшие книги — Моисея и Иова. Оба эти автора — один иудей, другой язычник — рассматривают Иисуса Христа в качестве своей цели и своего общего центра: Моисей — сообщая об обетованиях Бога Аврааму, Иакову и т.д. и о пророчествах этих патриархов; Иов — *Qius mihi det ut* и т.д. *Scio enim quod redemptor meus vivit*¹ и т.д.

Евангелие говорит о девственности Девы лишь до рождения Иисуса Христа. Все <в Писании> строится через отношение к Иисусу Христу.

Доказательства Иисуса Христа.
Почему сохранена книга Руфи?
Равно как и история Фамари¹?

Невзгоды постигают плотских иудеев, язычников, равно как и христиан. Искупителя для язычников не существует, поскольку те даже не уповают на Него. Нет искупителя для иудеев, ожидания их напрасны. Искупитель существует лишь для христиан. См. <главу о> непрерывности¹.

Во времена Мессии <иудейский> народ разделяется. Духовные принимают сторону Мессии; плотские существуют лишь, чтобы служить свидетелями Ему¹.

Моисей с самого начала указывает на Троицу¹, первородный грех², Мессию³.

Давид, великий свидетель: царь, добрый, прощающий, прекрасной души, здравого ума, могущественный; он пророчествует⁴, и обещанное им чудо сбывается; это происходит бесконечное <число раз>.

Он вполне мог бы назвать — если бы был тщеславен — Мессией самого себя: ибо пророчества на него указывают гораздо выразительнее, нежели на Иисуса Христа. То же и св. Иоанн⁵.

Что еще, кроме глубокого уважения, могут питать к человеку, ясно предсказывающему то, что впоследствии сбывается, объявляющему свое намерение ослеплять и просвещать¹, и присовокупляющему неясность к ясности сбывающегося?

Необходимо, чтобы иудеи либо <некоторые> христиане были злобными¹.

Что могли сделать иудеи, Его враги? Прими они Его, они бы доказали, что Он Мессия, ибо Его приняли бы <именно> те, кому поручено стать свидетелями пришествия Мессии; отвергни — доказали бы то же самое посредством своего отказа¹.

Иудеи, испытывая, действительно ли Он — Бог, показали, что Он был человеком¹.

Источник противоречий. — Бог, униженный до <позорной> смерти на кресте; Мессия, посредством своей смерти над смертью торжествующий. Две природы в Иисусе Христе, два пришествия, два состояния человеческой природы¹.

После чего многие люди пришли к Нему, затем пришел и сам Иисус Христос и сказал: «Вот я и вот время. Все, о чем говорили пророки, должно осуществиться с течением времени... после чего Вы убьете Наследующего виноградник»¹.

Впоследствии апостолы говорили иудеям: «Вы будете прокляты» (*Цельс не обращает на это внимание*)², а язычникам — «Вы придете к познанию Бога». Тогда это и свершилось.

777

Предметы *in communit* и *in particularit*¹. Полупелагиане заблуждаются, говоря *in communit* на то, что верно лишь *in particularit*². Кальвинисты же — наоборот, о верном *in communit* говорят *in particularit* (как мне кажется)³.

778

*Omnis Judaea regio, et Jerosolomytae, et baptizabantur*¹. По причине условий для жизни, установившихся там. Камни *могут* быть детьми Авраамовыми².

779

Бог исцелит и простит, если познаешь себя. *Ne convertantur et sanem eos, et dimittantur eis peccata*¹.

780

Иисус Христос осуждал всегда вслух. Иуде: *Amice, ad quid venistri*¹. Не имеющему брачной одежды — то же².

781

Образы всеобщности искупления, подобно солнцу, светящему всем¹, обозначают лишь всеобщность. [Образы] же исключения, как <например, свидетельство о том, что все> иудеи избраны, кроме неверных², обозначают исключение.

«Иисус Христос — Искупитель всех». — Да, ибо, вочеловечившись, Он даровал искупление всем, кто пожелает к Нему прийти. Смерть в пути — беда умирающих в пути, но, что касается Его, Он даровал <шанс на> спасение. — Подобное <звучит> хорошо для случая, когда

искупающий и препятствующий смерти суть два <разных лица>, но не применительно к Иисусу Христу, который осуществляет и то, и другое.— Нет, ибо Иисус Христос, в качестве Искупителя, быть может, не является Владыкой всех: И, следовательно, всеобщим искупителем. Он искупает лишь тех, чьим Владыкой является³.

Вы, когда говорят, что Иисус Христос умер не за всех, злоупотребляете <известным> пороком людей, тотчас стремящихся истолковать подобное исключение как повод к отчаянию, вместо того чтобы от отчаяния отвратить и содействовать <привитию> надежды. Ибо внешние привычки, если они прочно усвоены, становятся внутренними добродетелями.

785

Во всяком человеке, в нас самих усматриваю я Иисуса Христа: Иисус Христос как отец перед Своим отцом¹, Иисус Христос как брат среди Своих братьев, Иисус Христос как бедный среди бедных, Иисус Христос как богатый среди богатых, Иисус Христос как целитель и священник среди священников, Иисус Христос как монарх среди князей и т.д. Ибо, посредством Своей славы, Он, будучи Богом, суть все, что есть великого <в мире>, а посредством Своей смертной жизни — все, что есть жалкого и низкого. Свое несчастное земное состояние Он принял, дабы присутствовать в каждом человеке и служить образцом всякого состояния.

788

«Я сохранил для Себя семь тысяч»¹. Я люблю тех почитателей <Иисуса Христа>, которые неизвестны ни миру, ни самим пророкам.

Почему Иисус Христос не пришел <в мир> каким-либо очевидным образом, вместо того чтобы извлекать Свои доказательства из предшествующих пророчеств? Почему предвещал Себя в образах¹?

Ремесленник говорит о богатствах, прокурор — о войне, о королевской власти и т.д.; но о богатстве лучше говорит богач, король с большим хладнокровием говорит о каком-нибудь королевском подарке, который собирается пожаловать, а Бог — о Боге¹.

Часть XIII

Чудеса

804

УДО.— Это явление, превосходящее естественные возможности тех средств, которые используются. Не-чудо же суть явление, не превосходящее указанных возможностей. Посему исцеляющий именем дьявола чудес не творит, ибо подобное не превосходит естественных возможностей дьявола. Но...

805

Два основания, одно — внутреннее, другое — внешнее; и то, и другое — сверхъестественны.

806

Необходимы и чудеса, и истина, поскольку человеку следует быть целиком убежденным — и душою, и телом.

807

Всегда было так, что люди говорили об истинном Боге, либо истинный Бог говорил с людьми¹.

810

Второе чудо может предполагать первое, но первое не обязательно предполагает второе¹.

Если бы не чудеса <Христовы>, то в неверии Иисусу Христу не было бы никакого греха.

«Без чудес я не стал бы христианином», — говорит св. Августин¹.

Сколько ненавистны мне те, кто сомневается в чудесах! Монтень в двух местах <<Опытов>> должным образом говорит о чуде. В первом видно¹, сколько осторожен он относительно данного вопроса, но это не мешает ему верить, во втором — высмеиваются неверующие² <в истинность чудес>.

Как бы там ни было, но, окажись последние правыми, — и церковь лишилась бы доказательств.

Монтень против чудес.
Монтень за чудеса¹.

Невозможно, оставаясь благоразумным, помыслить против чудес.

Иеремия, XXIII, 32, чудеса лжепророков. По древнееврейски и у Ватабля¹ — *поверхностность (légèretés)*.

Чудо не всегда означает чудо. I Цар. XIV: 15, *чудо* означает страх и то же в древнееврейском варианте. То же явным образом у Иова, XXXIII, 7. И еще Исая, XXI, 4; Иеремия, XLIV, 12. *Portentum* означает *similacrum*². Иер., L, 38; древнееврейская версия и версия Ватабля здесь совпадают. Ис., VIII, 18: Иисус Христос говорит,

что Он и те, кто суть Его <последователи>, будут <отличены> по чудесам.

820

Если бы дьявол благоприятствовал направленному против него самого учения, он был бы <внутренне> разделен. Если бы Бог благоприятствовал учению, разрушающему церковь, то и Он обладал бы упомянутой разделенностью: *Omne regnum divisum*¹. Но Иисус Христос <как свидетельствует Евангелие> выступал против дьявола и разрушал его царство в сердцах людей (экзорсизм был наглядным образом этого разрушения), дабы установить царствие Божие. И оттого-то Он добавляет <к сказанному ранее>: *In digito Dei... regnum Dei ad vos*².

822

Авраам, Гедеон¹ были выше откровения. Иудеи впадали в слепоту, рассуждая о чудесах по Писанию. Бог никогда не оставлял своих истинных ревнителей.

Мне гораздо более по душе следовать Иисусу Христу, чем кому бы то ни было, поскольку Иисус Христос подтвержден чудесами, пророчествами, учением, непрерывностью и т.д.

Донатисты²: нет такого чуда, которое обязывало бы говорить, что оно от дьявола.

Чем более подробно характеризуют Бога, Иисуса Христа, церковь...

823

Если бы вовсе не было ложных чудес, то существовала бы <одна лишь> уверенность. Если бы не было правила, позволяющего отделить истинное чудо от ложного, чудеса стали бы бесполезными и вера в них оказалась бы лишенной разумной основы.

Итак, собственным уделом человека является не уверенность, <хоть человек иногда и бывает уверенным>, но разумное основание¹.

825

Чудеса служат не обращению, но осуждению (В. 113, гл. 10, 2)¹.

830

Пророчества были двусмысленными, более¹ они не таковы.

831

Пять положений были двусмысленными, более¹ они не таковы.

832

Чудеса не необходимы более, поскольку они уже были прежде¹. Но если больше никто не прислушивается к традиции, если не обращаются больше ни к кому, кроме папы, если его настраивают определенным образом и тем самым, исключая подлинный источник истины, в качестве которого выступает традиция, и злоупотребляя <авторитетом> папы — хранителя <истины>, лишают истину возможности явить себя — в такой ситуации, когда люди уже не говорят об истине, сама истина должна обращаться к людям. То же случилось и во времена Ария. (Чудеса при Диолектиане и при Арии)².

833

Чудо. — Народ заключает об этом по собственному усмотрению. Но если Вы захотите подойти <к подобному вопросу> разумно...

Невыносимо тяжело быть исключением из правила¹. Надлежит здесь быть строгим и склоняться скорее к

оспариванию подлинности такого исключения. Но, тем не менее, раз известно, что исключения из правила существуют, надлежит выносить приговор хотя и строгий, однако справедливый.

834

Ин. VI, 26: *Non quia vidistis signa, sed quia saturati eslis*¹.

Те, кто следует Иисусу Христу вследствие явленных Им чудес, чтят Его могущество во всех Им творимых чудесах. Но те, кто только бахвалится, будто следует чудесам Христовым, а на деле стремится лишь к утешению и пресыщению мирскими благами, те, когда упомянутые чудеса становятся угрозой удобству, всячески чернят их.

Ин. IX: *Non est hic homo a Deo, qui sabbatum non custodit. Alii: Quomodo potest homo peccator haec signa facere*²?

Что яснее?

Дом сей, не есть дом Божий; ибо они не верят, что у Янсения содержатся пять осужденных положений³. Другие — это дом Божий, ибо творят там небывалые чудеса.

Что яснее?

*Tu quid dicis? Dico quia propheta est. Nisi esset hica Deo, non poterat facere quid quam*⁴.

837

Необходимость любить одного-единственного Бога является вещью столь очевидной, что не нужно и чудес для ее подтверждения.

839

«Если Вы не верите Мне, то поверьте хотя бы Моим чудесам»¹. Он являет их как наиболее сильный довод.

Как иудеям, так и христианам было сказано, что не всегда будут они верить пророкам². Но, тем не менее, фарисеи и книжники, видя величие этих чудес, все же пытаются доказать, что последние ложны либо происходят от дьявола³. Необходимо их убедить, дабы признали они, что явленные Христом чудеса — от Бога.

Для нас сегодня нет необходимости осуществлять подобное распознавание. Однако это вовсе не трудно: кто не отрицает ни Бога, ни Иисуса Христа, не творит чудес, которые не были бы надежными. *Nemo facit virtutem in nomine meo, et cito possit de me male loqui*⁴.

Но для нас нет нужды в подобном признании. Вот священная реликвия, вот Терние из венца Спасителя мира. Князь мира сего над Спасителем не имеет власти, ибо Спасителевы чудеса творятся властью пролитой за нас крови. Сам Господь избрал этот дом⁵, чтобы явить здесь сияние Своего могущества.

Речь уже не о людях, творящих чудеса посредством какого-то неизвестного и сомнительного качества, трудно поддающегося распознаванию. Речь — о Самом Боге, о том орудии страданий Его единственного Сына, которое, побывав во многих краях, избрало этот и заставило отовсюду сходиться людей, жаждущих получить чудесное облегчение своих хворей⁶.

840

Враги церкви троякого рода: иудеи, которые никогда не были единым телом¹, еретики, которые сами себя из него исторгли, и дурные христиане, разрывающие это тело изнутри. Упомянутые разношерстные противники церкви и нападают на нее по-разному. Но в одном пункте они единодушны, поскольку лишены возможности творить чудеса, а у церкви против них чудеса всегда имеются. Следовательно, общий их интерес состоит в том, чтобы обойти <значимость> чуда, к чему и направлены все их

усилия. <От того происходит> и требование не по чудесам судить об учении, но по учению — о чудесах². Среди тех, кто слушал Иисуса Христа, существовало две партии: одни следовали Христову учению на основании явленных им чудес, другие говорили³... Две партии обнаруживаются во времена Кальвина... Сегодня имеются иезуиты и т.д.

844

Три отличительных признака религии: непрерывность, праведная жизнь, чудеса. Непрерывность они разрушают доктриной пробабиллизма¹, праведную жизнь — своей моралью. В отношении же чудес стремятся опровергнуть либо их истинность, либо — значимость.

Если указанным признакам доверяют, то <нет сомнений>, что и церковь должна характеризоваться непрерывностью, святостью, чудесами. Еретики отрицают эти черты или их последствия; иезуиты — также. Но нужно не обладать и крупницей искренности, чтобы <решиться> на их отрицание, да к тому же утратить еще и разум, чтобы отрицать их значимость.

Никогда не станут принимать мученичество ради <ложных> чудес, которые совершаются на глазах. Ибо обычная человеческая глупость, быть может, и убедила бы турок пострадать за то, во что они верят согласно традиции, но подобного не удалось бы проделать в отношении чудес, наблюдаемых в данный момент².

845

Еретики постоянно борются против признаков <истинной религии>, которыми не располагают сами.

«Первое возражение: ангел небесный¹. Следует судить не об истине по чудесам, но о чудесах — по истине. Следовательно, чудеса бесполезны»².

Они, напротив, полезны, и не нужно грешить против истины. Стало быть, то, что говорил об этом Ленганд³, будто «Бог не позволит, чтобы одно чудо ввело в заблуждение»...

Когда в самой церкви происходят споры, чудо их разрешает.

Второе возражение: «Но и Антихрист совершал знамения»⁴.

Чародеи Фараона не смогли прельстить израильский народ⁵. Таким образом, не стоит говорить, будто Иисус Христос, как и Антихрист, вводит в заблуждение. Ибо Антихрист будет творить чудеса против Иисуса Христа и, следовательно, не сможет ввести в заблуждение относительно своих намерений. Либо Бог не допустит ложных чудес, либо пошлет со своей стороны еще большие.

[Иисус Христос существует от начала мира: это сильнее всех чудес Антихриста.]

Если в среде церкви являлись чудеса от тех, кто заблуждался, то некоторых это смущало. Схизма очевидна, чудо очевидно. Но схизма гораздо очевиднее указывает на заблуждение, нежели чудо — на истину: следовательно, на деле чудо не может заставить заблуждаться.

Но вне схизмы заблуждение не столь очевидно, как чудо, и поэтому последнее приобретает способность склонять к заблуждению.

«*Ubi est Deus tuus?*»⁶ Чудеса, подобные молнии, делают Его явным.

Будет ли *Est et non est*¹ столь же легко воспринято в рамках одной и той же веры, как и чудеса? И если это неразделимо в других...

Когда св. Ксавьер² творит чудеса.— [Св. Хиларий³.— Несчастные, обязывающие нас говорить о чудесах.]

Судьи неправедные, не измышляйте законов в зависимости от момента; судите по тем, которые установлены, и по своей совести: *Vae qui conditis leges iniquas*⁴.

Чудеса непрерывные, ложные.

Чтобы лишитъ силы ваших оппонентов, вы разоружаете всю церковь⁵.

Если они говорят, что наше спасение зависит от Бога,— они «еретики». Если говорят, что послушны папе,— это «лицемерие». Если они готовы подписаться под всеми требованиями, <к ним предъявляемыми>,—этого недостаточно. Если заявляют, что не следует убивать из-за яблока⁶, то тем «борются с католической моралью», если в их среде происходят чудеса—это не признак святости, а напротив, <повод> заподозрить в ереси.

Тот способ, которым существует церковь, предполагает бесспорность истины. Если же истина оспаривается, то есть ведь папа, а кроме папы, есть церковь.

История слепорожденного¹.

Что говорит св. Павел? Обращается ли всякий раз к пророчествам?

Нет, но к чудесам². О чем говорит Иисус Христос? О пророчествах? Нет. Не для <самого по себе> исполнения пророчеств умер Он. Но Он говорит: *Si non fecissem*³. Верьте делам.

Два сверхъестественных основания нашей полностью сверхъестественной религии: одно—видимое, второе—невидимое. Чудеса с благодатью, чудеса без благодати.

Синагога, принятая с любовью, поскольку она — образ <будущей> церкви, и с ненавистью, поскольку она — не более, чем образ, во времена подлинного своего единства с Богом была восстановлена, находясь под угрозой гибели; так она с тех пор и существует.

Посредством той власти, благодаря которой Бог подвергает испытанию тела, чудеса доказывают Его власть и над сердцами.

Церковь никогда не признавала ни одного из чудес еретиков.

Чудеса, опоры церкви; по ним распознавались иудеи, христиане, святые, невинные, истинно верующие.

Чудо, явленное схизматиками, не столь уж и страшно. Ибо сама схизма, более очевидная, нежели <явленное ею> чудо, наглядно указывает на их заблуждение. Но когда никакой схизмы нет, а вопрос об <истинности> и заблуждении спорен, то распознавать последние надлежит по чудесам.

«*Si non fecissem quae alius non fecit*»³. Несчастные обязали говорить нас о чудесах.

Авраам, Гедеон подтверждают веру чудесами⁴.

Иудифь. Бог говорит при крайней степени угнетения⁵.

Если жар милосердия остывает и у церкви почти не остается истинных приверженцев, то вновь воодушевить людей могут лишь чудеса. Они суть одно из последних проявлений благодати.

Если бы чудеса происходили у иезуитов!

Когда чудо обманывает ожидание тех людей, в присутствии которых происходит, и когда имеет место несоответствие между общим порядком веры и теми средствами, с помощью которых осуществляется чудо, то указанным людям следует пересмотреть свои взгляды. Но вы <поступаете> наоборот. В этом столько же смысла, как если бы заключить, что, раз причастие воскрешает из мертвых, то нужно быть кальвинистом, а не католиком.

Но если чудо венчает ожидание, а уповающие на то, что Бог благословит лекарства <от их болезней>, видят себя исцеленными без всяких лекарств...

Нечестивцы.— Никогда знамения со стороны дьявола не приходили без еще больших знамений со стороны Бога или же не будучи предсказанными.

853

[Следует осмотрительно судить о божественных предначертаниях, отец мой¹.

Ап. Павел на острове Мальта².]

854

Упорство иезуитов превосходит, стало быть, аналогичный порок иудеев, поскольку иудеи отказываются верить невинности Иисуса Христа лишь по причине сомнения в том, исходят ли Его чудеса от Бога. Иезуиты же, не имея возможности доказать, что чудеса Пор-Рояля не от Бога, <тем не менее>, не оставляют сомнений в невинности этого дома.

855

Я полагаю, что чудесам верят. Вы¹ же извращаете <суть> религии то в пользу ваших друзей, то во вред вашим врагам. Вы помыкаете религией по собственной прихоти.

856

О чуде.— Как не делал Бог никогда никакую из семей более счастливой, так и не найти Ему нигде семьи более признательной¹.

Часть XIV
Добавление:
полемические фрагменты

860

ОСЛЕ стольких, обнаруженных ими¹, признаков благочестия, они все еще преследуются, что само по себе служит наилучшим признаком благочестия.

861

Прекрасное состояние церкви, когда она подчинена лишь Богу и никому больше.

864

В наши времена, когда истина скрыта столькими покровами, а обман так прочно укоренился, распознать истину может лишь тот, кто горячо ее любит.

865

Если упрекаешь кого-либо в упущении одной из противоположностей <и выпячивании другой>, то как раз в этот-то момент и надлежит самому придерживаться обеих¹. Следовательно, янсенисты и иезуиты не правы, когда скрывают, что они как раз в упомянутом смысле противоположны друг другу. Впрочем, ошибка янсенистов

больше, ибо иезуиты гораздо удачнее умеют придерживаться двух противоположностей <одновременно>².

866

Есть два сорта людей, приравнивающих <одни> вещи <к другим>: праздники к будням, простых христиан к священникам, все грехи — друг к другу <независимо от тяжести>. Одни отсюда заключают: зло для священников должно быть злом для паствы. Другие же: не являющееся злом для паствы, позволительно и для священников¹.

867

Если бы древняя церковь пребывала в заблуждении, погибла бы церковь <как таковая>¹. Совершенно не то, если б церковь оказалась в подобном положении сейчас. Ибо сейчас существуют внешние правила, донесенные традицией от древних времен. А потому подчинение и соответствие <идеалу> древней церкви одерживает над всем верх и все исправляет. Древняя церковь не предполагала существования церкви будущей и не наблюдала <истории> последней, как это стало возможным для церкви сегодняшней по отношению к предшественнице.

869

Если бы св. Августин, живя сегодня, обладал столь же малой властью, что и его нынешние защитники¹, он не сделал бы ничего. Божественная мудрость в руководстве церковью в том и проявилась, что он был послан <на землю> раньше, имея власть.

870

Бог не желает отпускать грехи помимо церкви. Если она участвует в Его защите, то Господь хочет, чтобы она участвовала и в деле прощения. Он объединяет ее с этой властью <прощать>, как королей — с парламентами. Но

если указанные выше прощение либо объединение происходят без Бога, то это более не церковь; как и парламент <без короля — не парламент>. Ибо, хотя король оказывает некую милость подданному, этой милости необходимо еще пройти ратификацию. Но если парламент ратифицирует нечто без королевской на то воли либо отказывает в ратификации указа короля, то он более не королевский парламент, а какое-то мятежное собрание.

873

Папа ненавидит и боится тех ученых, которые не подчиняются ему добровольно.

875

Позорно ли для папы находиться в зависимости от Бога и от той традиции, которая доносит <дарованные Им> познания? И не опозорит ли папу отделение от этого святого единства?

877

Короли распоряжаются своей собственной властью, папы же распоряжаться от своего имени не могут.

878

*Summum Jus, summa injuria*¹.

Путь большинства — наилучший, ибо большинство зримо и обладает силой, чтобы заставить себе повиноваться. Это, однако, точка зрения людей наиболее заурядных. Если бы было возможно, то следовало бы подчинить силу справедливости. Но поскольку сила не позволит командовать собой как кому угодно, ибо она — реальное свойство, справедливость же — свойство духовное, а потому ею распоряжается кто как вздумает, то и вышло, что

справедливость подчинили силе. Стало быть, справедливостью теперь именуют то, что может заставить себе подчиняться.

Отсюда происходит право меча, ибо меч-то и порождает настоящее право. Иначе <присутствующее в праве> насилие рассматривали бы как что-то одно, а <юридическую> справедливость — как что-то другое. Конец девятнадцатого «Провинциального письма». Отсюда происходит и несправедливость Фронды², противопоставившей свою мнимую справедливость силе. Не так обстоит дело в церкви, где присутствует истинная справедливость, лишённая какого бы то ни было насилия.

879

Законность дается не для законника, но для того, кто под законом. Опасно сообщать эту истину народу, однако народ доверяет вам. Подобное, стало быть, не повредит ему, вам же может принести пользу. Надлежит, следовательно, объявить об этом. *Pasce oves meas, ne tuas*¹. Мне² вы обязаны пищей.

881

Церковь поучает, Бог вдохновляет, и делается это непогрешимым образом. Действия церкви служат лишь приуготовлению благодати либо осуждению. Дарованной церкви власти достаточно для осуждения, но не для вдохновения.

882

Всякий раз, когда иезуиты будут злоупотреблять <своим влиянием> на папу, христианский мир будет становиться свидетелем ложных клятв.

Папа весьма уязвим для подобных клятв по причине интриг иезуитов, а также в силу доверия, питаемого им

к Обществу¹. Источником успеха иезуитов служит клевета.

883

Те, кто несчастен, обязывают меня говорить об основании религии.

884

Грешники, очистившиеся без раскаяния, праведники, обретшие праведность без милосердия, все христиане — без благодати Иисуса Христа, Бог — без власти над волей человека, предопределение свыше без таинства, искупление без уверенности¹!

885

Священником сейчас становится кто угодно, как при Иеровоаме¹. Ужасная вещь, когда нам предлагают считать нынешний церковный порядок столь хорошим, что само желание изменить его уже расценивается как преступление. Прежде он действительно был хорош, но и тогда находили возможность для его изменений, не считая последние греховными. А теперь, когда он, <уввы>, таков, каков есть, нельзя, оказывается, и помыслить о каких-то переменах! А ведь очень даже позволительно изменить традицию назначения священников, дабы проявилось в таком деле больше осмотрительности, поскольку <в клире> почти не осталось людей, действительно достойных сана. И вряд ли позволительно сожалеть об обычае, благодаря которому к священству допущено столько недостойных <имени священника>.

887

Янсенисты <и вправду> подобны еретикам в своем стремлении изменить нравы. Однако, этим вы нашли для них отнюдь не наиболее удачное уподобление¹.

Вы игнорируете пророчества, если не знаете, что все это должно случиться: князья, пророки, папа и даже священники. И, тем не менее, церкви нужно существовать. По милости Божьей, мы к этому не имеем отношения¹. Горе подобным священникам! Мы же надеемся, что Господь проявит милосердие, дабы мы и впредь не имели к этому отношения.

Св. Петр, гл. 2²: лжепророки прошлого,— образ будущих.

...Таким образом, если верно, с одной стороны, что некоторые распущенные монахи и некоторые нечестивые казуисты, не являющиеся членами иерархии, погружены в свою испорченность, то, с другой стороны, обычно случается, что истинные пастыри церкви, являющиеся истинными хранителями слова Божьего, берегут его неизменным, противостоя усилиям тех, кто стремится к разрушению церкви.

И, таким образом, у подлинно верующих нет никакого повода следовать упомянутым выше испорченным людям, которые только и делают, что отдают паству в чуждые руки казуистов, тогда как неиспорченное учение предоставляется заботливой рукой истинных пастырей. И у нечестивцев, и у еретиков нет ни малейшего основания представлять указанные злоупотребления в качестве изъянов божественного руководства церковью, ибо, раз церковь есть, собственно, некая иерархизированная корпорация, дело обстоит далеко не так, чтобы можно было заключить, исходя из сегодняшнего порядка вещей, о божественном попустительстве относительно происходящей порчи, поскольку вряд ли когда-либо нагляднее, нежели сегодня, проявлялась защита Богом Своей церкви от порчи.

Ибо если некоторые из людей, в силу какой-то удивительной склонности похваляющиеся уйти от мира и облачиться в религиозные одежды, дабы вести жизнь более праведную, нежели обычные христиане, оказываются погрязшими в заблуждениях, внушающих большинству христиан ужас, и занимают среди нас то место, которое среди иудеев <некогда> занимали лжепророки, то это — неприятность частная, личная беда <определенного круга людей>, о которой можно искренне сожалеть, но, отталкиваясь от которой, неправомерно делать выводы о заботе, проявляемой Богом к церкви. Поскольку все эти вещи очень ясно предсказаны, как и давным-давно объявлено, что подобные искушения произойдут от названного рода людей. На наш взгляд, если быть соответственно подготовленным, то в этом можно увидеть скорее признаки божественного руководства, нежели забвения.

891

Нужно заставить еретиков, кивающих на учение иезуитов, понять, что это не учение <всей> церкви и что наша разделенность еще нас от церкви не отделяет.

892

Если, расходясь во взглядах, мы осуждаем, то вы правы. Единообразие, лишенное различия, бесполезно для других, различие без единообразия разрушительно для нас. Одно вредит внешнему, другое — внутреннему¹.

893

Показывающий истину внушает веру в нее, но показывающий несправедливость министров ничуть их не исправляет. Обличая ложь, человек очищает совесть, но, обличая несправедливость, он не спасает кошелька.

423

Любящие церковь, горько сетуют, видя испорченность нравов. Но законы-то существуют. Однако испорченные нравы извращают законы, и таким образом сам образец подвергается порче.

Напрасно церковь ввела в обиход такие слова, как анафема, ересь и т.п.: все это служит против нее.

Слуга не знает о том, чем занят господин, ибо господин говорит ему только о порядке действий, <который необходимо> выполнять, но не о замысле¹. Вот почему слуга рабски подчиняется указанному порядку и тем часто грешит против конечной цели. Но ведь Иисус Христос указал цель. Вы же уничтожаете ее.

Неспособные обладать непрерывностью <существования>, они, <тем не менее>, ищут универсальности. Ради этого они извращают пути всей церкви — лишь бы самим предстать святыми.

Против злоупотребляющих некоторыми пассажами Писания и похваляющихся, будто отыскали в этих пассажах нечто, способствующее их заблуждению.— Тема Вечерни, Страстное воскресенье, молитва за короля.

Объяснение следующих слов: «Кто не со Мною, тот против Меня»¹ и др. «Кто не против вас, тот за вас»². Иной человек говорит: «Я ни за, ни против». Ему должно отвечать...

Кто желает осмыслить Писание и не извлекает при этом искомого смысла из самого Писания суть враг Писания¹.

«Надо бы,— говорит Фелье¹,— чтобы это не звучало столь уверено: ибо возражение какого-либо оппонента уже свидетельствует об отсутствии <повода> для уверенности»². (св. Афанасий, св. Хрисостом³; мораль, неверующие).

Иезуиты не истину сделали недостоверной, но удостоверили собственное нечестие.

Противоречие подобного рода всегда имело место, дабы ослеплять тех, кто привержен злобе; ибо все, оскорбляющее истину или милосердие,— суть зло, таков истинный принцип.

Они делают исключение из правила.

А древние <христиане>, отпускали ли они грехи прежде раскаяния¹? <Что ж>, сделайте это в порядке исключения. Но только для самого исключения вы вводите безусловное правило и из этого-то правила уже не хотите делать исключения.

Решение казуисты¹ подчиняют испорченному рассудку, а выбор решения— испорченной воле, с тем, чтобы в их поведении содержалось все, что есть испорченного в человеческой природе.

Но *вероятно* ли, что *вероятность* убеждает¹?

Различие между спокойствием и уверенностью совести; ничто не дает спокойствия, кроме чистосердечного искания истины².

909

Все Общество <Иисуса>¹, полное казуистов, не может убедить <нашу> совесть в истинности заблуждения, а потому важно выбирать себе хороших наставников.

Иначе можно оказаться двойко виновным: и за следование по пути, по которому не должен бы следовать, и за то, что слушаешь <ученых> докторов, которых не должен бы слушать².

910

Не угождение ли свету может оказаться истинной причиной, заставляющей вас находить <те или иные> вещи допустимыми? Станете ли вы нас убеждать, что дуэль является сама по себе истинной вещью, если пройдет мода на дуэли¹?

911

Допустимо ли искоренять злодейство, убивая злодеев? Но ведь это значит умножать их число! *Vince in bono malum*¹.

912

Всеобщность.— Нравственность и язык — предметы наук частных и в то же время всеобщих¹.

913

Вероятность.— Всякий может направлять, но никто не может освободить¹.

Они дают свободу вожделению и сдерживают совесть, тогда как следовало бы все делать наоборот

Вероятность.— У них¹ есть несколько верных принципов, но принципами этими они злоупотребляют. Однако злоупотребление истиной должно быть столь же наказуемо, как и <сознательное> использование лжи.

А то <получилось бы, что> существует два ада: один — для грешащих против милосердия, другой — для преступающих справедливость!

Освободите от *вероятности* — нет ничего иного, более угодного свету.

Установите *вероятность* — не существует иного способа стать для света более всего негодным.

Из греховности толпы и иезуитов проистекает то, что великие люди жаждут лести, а иезуиты жаждут пользоваться расположением великих людей. Все они заслужили быть преданными <во власть> ложного рассудка: одни — чтобы вводить в заблуждение, другие — чтобы заблуждаться <под влиянием лести>. <В действительности> эти последние скупы, честолюбивы, сладострастны. *Coacervabunt sibi magistros*¹. Став достойными учениками подобных учителей, они искали льстецов, которых и находили среди иезуитов.

Все усилия святых направлены на то, чтобы найти себя преступными <перед Богом> и обвинить лучшие

из своих деяний. Эти же² изошряются с целью оправдать наиболее злые свои поступки.

Языческие мудрецы возводили здание, красивое снаружи, но основанное на плохом фундаменте. И дьявол обольщает людей посредством такого же внешнего сходства <предметов>, основанных на совершенно различных фундаментах.

Никогда еще человек не отстаивал дела столь правого, как <то, которое отстаиваю сейчас> я; и никогда другие люди не представляли столь прекрасных поводов его отстаивать, как <это сейчас делаете> вы...

Чем больше они будут указывать здесь на мою личную уязвимость, тем более оправданным представят мое дело.

Вы говорите, что я еретик. Это <стало быть> позволено? Но если вы не боитесь людской справедливости, то неужели же не боитесь и справедливости Господней?

Вы почувствуете силу истины и покоритесь ей...

Есть что-то сверхъестественное в подобном ослеплении.
*Digna necessitas*³.

Ложное благочестие, двойной грех.

Я один против тридцати тысяч? Отнюдь. Защищайтесь: на вашей стороне двор, клевета, на моей — истина, и в этом единственная моя сила. Если я ее потеряю — я погиб. Я не пренебрегаю осуждением и убеждением. Но со мной истина, и мы увидим, что она восторжествует.

Я недостойн защищать религию, но и вы не обладаете правом защищать заблуждение и несправедливость. Пусть Господь в милосердии Своем, не взирая на то зло, которое во мне, но усмотрев добро, пребывающее в вас, дарует нам, явив милость, чтобы истина не изнемогла в руках моих и чтобы ложь не...

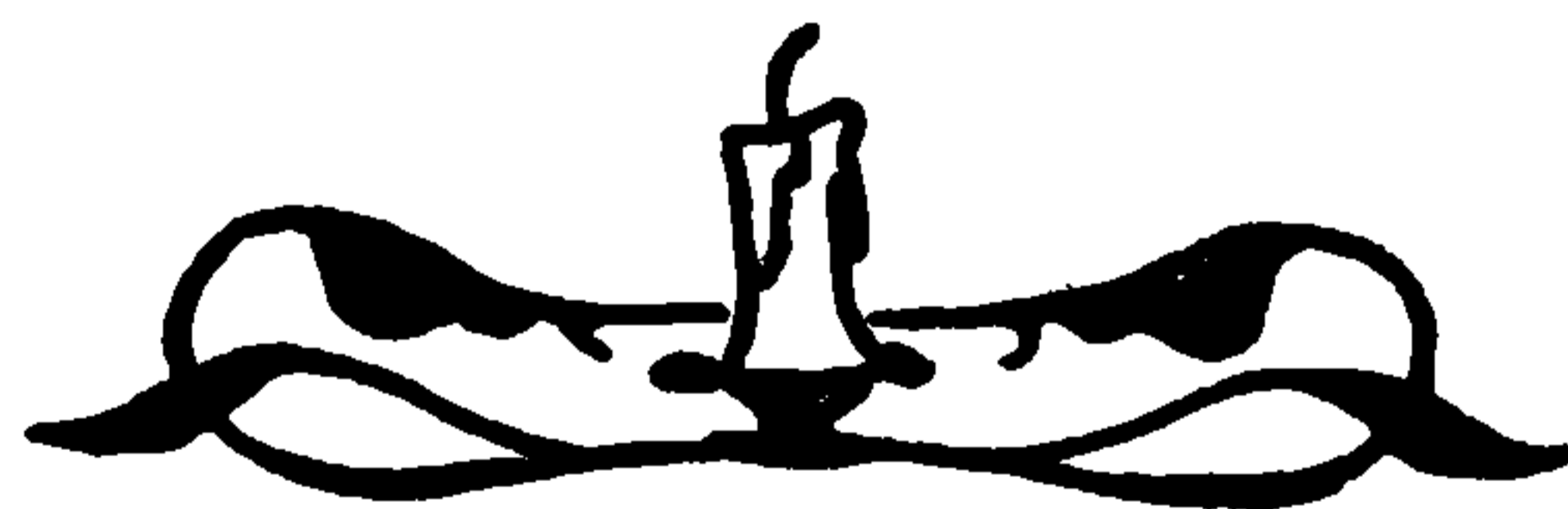

Вероятное.— Пусть узрят, если только искренно ищут Бога, сравнив вещи, к которым расположены: *вероятно*, что это мясо не отравит меня; *вероятно*, что я не проиграю дела, не домогаясь...

Грехи прощаются не отпущением, которое происходит от епитимьи, налагаемой на исповеди, но раскаянием, бесполезным, если оно в свою очередь не ищет исповеди.

Люди, не сдерживающие данного ими слова, без веры, без чести, без правды, с двойными сердцами, двойными языками, люди, подобные, как сказали бы раньше, сказочным амфибиям, занимающим срединное место где-то между рыбами и птицами...

И для королей, и для принцев важно укрепляться в благочестии; потому необходимо, чтобы они исповедовались вам.

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ

Феномен «Мыслей»: что такое «Философия Паскаля»?

История Паскалевых «Мыслей» уникальна. Написанные в далеком XVII столетии по вполне конкретному поводу, не обретшие надлежащей литературной формы и даже название свое получившие от людей посторонних, эти порой незаконченные, порой чисто конспективные фрагменты вот уже более трехсот лет не уходят из издательских планов. Трудно не согласиться с Сент-Бевом, отмечавшим какую-то поразительную актуальность, присущую данному тексту. Во всяком случае, начиная с 50-х годов прошлого века, не было десятилетия, когда бы в свет не выходило минимум одного-двух изданий *«Бумаг г-на Паскаля, найденных после его смерти»*. Более того, интерес читающей публики поступательно возрастал. Как бы там ни было, тема незаконченных паскалевых заметок явно не подвергалась угрозе списания в архив, а их издания, признаваемые ныне наиболее авторитетными, появились совсем недавно — в 50—60-е годы. В чем секрет сегодняшней притягательности «Мыслей»? Если успех этой книги в 1670 году можно объяснить популярностью бесстрашного, таинственного и безжалостно честного автора знаменитых «Писем к провинциалу», неутихающей борьбой янсенистов и иезуитов, модой на жанр литературного афоризма (к указанному году «Максимы» Ларошфуко выдержали уже три издания), то в наше время перечисленные факторы обладают не более, чем чисто историческим значением. А «Мысли» по-прежнему далеки от перспективы подыскивать себе место на полке с древностями. Их читают, причем читают как книгу вполне современную. В чем секрет такого «творческого долголетия»? На наш взгляд,

ответом здесь может стать рассмотрение специфики паскалевского философствования.

Хотя «пренебрежение философствованием,— согласно автору «Мыслей»,— и есть истинная философия» (фр. 4), подобное пренебрежение всегда характеризуется известной избирательностью. Философия давно научилась ассимилировать любой антифилософский пафос, в результате чего на страницах ее истории нашлось место таким признанным критикам метафизического «любомудрия», как Секст Эмпирик, Монтень, Бэкон и др. Не составляет исключения и Паскаль. Если он пренебрегает характерными для его эпохи способами философствования, то отнюдь не ради самого по себе пренебрежения. У Паскаля собственное, ни с кем не схожее философское лицо, резко контрастирующее с общим фоном мысли XVII века. С нашей точки зрения, указанный контраст базировался на двух определяющих моментах: во-первых, на самой— в широком смысле — «нецехозой» манере рассуждения. Паскаль независим от каких бы то ни было «школьных» норм и клише, он свободно себя чувствует в отношении сложившихся традиций. Даже среди «господ из Пор-Рояля» его фигура стоит особняком, поскольку, разделяя многие постулаты янсенизма, он все-таки сохранял определенную дистанцию и в отношении ближайших сподвижников. Паскаль выступает от собственного имени, подвергая осуждению не взгляды противников по партийной борьбе, но то, «что осуждено на небе» (Д. XXII: LXV). Паскаль поддерживает традицию, только если это совпадает с его личным ощущением истины и до тех пор, пока такое ощущение не исчезло.

Вторым из указанных выше моментов является стремление к безусловной строгости и последовательности мысли. Для Паскаля характерно предельное заострение вопросов и бескомпромиссное следование сути дела. Подобная черта сказывается даже в стиле, призванном отразить примат логики над формой изложения. Не будет ошибкой сказать, что «Апология», проживи ее автор еще несколько лет, явила бы собой блестящий пример геометрического рассуждения о Боге, природе человека и месте последнего во Вселенной (см. фр. 16, 25, 27, 48). Как бы странно это не выглядело, но глубоко личное и глубоко эмо-

циональное отношение Паскаля к Богу, к Христу опосредовано строгой дискурсивной логикой.

Союз названных качеств обрекает мыслителя на интеллектуальное одиночество. Человек подобного склада ума всегда остается вольным охотником за истиной, поскольку высшей инстанцией признает лишь суд собственной совести. Он постоянно стремится достигнуть максимального внутреннего согласия с собой, и горе тем препятствиям (в виде господствующих идей, цеховых правил, общепринятых мнений и проч.), которые окажутся на его пути. Быть может, самая яркая звезда в плеяде гениев XVII века, Паскаль, тем не менее, всегда в стороне от столбовых дорог, проложенных к Мекке истины. Декарт и Локк основали идейные течения, без малого двести лет определявшие само лицо философии; для исполнения заветов Бэкона было организовано знаменитое впоследствии Лондонское Королевское Общество; огромным влиянием вплоть до времен кантовской «критической революции» пользовались постулаты учения Лейбница-Вольфа. Паскаль же так и остался Паскалем, в единственном числе, и для нас трудно представить само название его школы, возникни таковая: «паскализм», «паскалианство»? Показательна также ситуация с паскалевским ренессансом конца XIX — начала XX века. Пор-рояльского отшельника записали даже по почетному ведомству «идейных источников экзистенциализма», в чем имелись, наверное, свои резоны. Но экзистенциализм вскоре сам оформился в школу, у него постепенно возникли свои правила «внутреннего распорядка», свои ортодоксы и еретики, он, наконец, как-то незаметно сошел со сцены мысли. А Паскаля продолжают читать, причем — вне зависимости от любых традиций.

В исходном моменте рассуждения наш автор ничем не отличается ни от Бэкона, ни от Декарта, не выходя практически за рамки основной философской проблемы XVII — проблемы метода. Девальвация схоластических канонов и метафизическая саморазрушительность скептицизма à la Монтень стимулировали к созданию новых позитивных систем с новых идейных позиций. Но для методического осуществления этих стратегий мысли надлежало сперва отыскать некий несомненно достоверный отправной пункт, который смело можно было бы использовать в качестве фундамента грядущих дискурсивных построений.

Поэтому XVII век был занят поисками самоочевидности, и Паскаль в указанном плане — истинный сын своего века. Он стремится в принципе к той же цели, что и Декарт, — создать «правила для руководства ума», способные эффективно и плодотворно управлять столь сложным и капризным инструментом. Паскаль, как и Декарт, до предела заостряет скептическую аргументацию, провоцируя состояние «усомненности» во всем. Однако выбираться из пирронистской мышеловки, в которую сами же себя и заперли, эти мыслители предпочитают каждый на свой манер. Декарт, апеллируя к здравому смыслу, полагает безусловно самоочевидной истиной невозможность сомневаться в факте сомнения, тем самым являя миру знаменитое *cogito ergo sum*. Паскаля подобный выход не устраивает. В сфере человеческого разума он нигде не видит пределов для скептицизма. В конце концов, действительно, почему я, до сих пор успешно подвергавший все сомнению, остановлюсь напоследок перед самым сомнением? Что мне мешает сделать еще один решительный шаг? Может быть, интересы построения некоей рационалистической системы? Но утопизм подобного замысла — не загадка для Паскаля. В преддверии блистательного XVIII-го века он фактически предвидит надвигающиеся сумерки Просвещения, указывая как на естественные пределы разума, так и на беспредельность его притязаний. Зная, что «мы должны повиноваться разуму беспрекословнее, чем любому владыке» (фр. 345), Паскаль находит в себе при этом достаточно здравого смысла, чтобы не сбиться на раболепие. В поисках самоочевидности он переступает некоторые непререкаемые табу своего времени, а времени свойственно мстить за подобную непочтительность. Ведь самоочевидность — по самой своей природе вещь опасная, и нигде не гарантировано, что ее поиски обязательно увенчаются «пристойным» и угодным духу времени результатом. XVII век жаждал обрести основание разума в самом разуме. Паскаль непростительно оскорбляет эти ожидания, когда говорит, что «в нашем мире ничто не бывает безусловно истинно и, значит, все ложно — разумеется, в сравнении с конечной истиной... Наша истина и наше добро только отчасти истина и добро, и они запятнаны злом и ложью» (фр. 385). Больше того, он выходит за пределы общепринятых способов философствования той эпохи, взывая не к само-

очевидности разумных доводов, а к практической выгоде пари, где на кон поставлено существование Бога (Д. VIII), не к исследованию природы (ср. с Декартом: в «Первоначалах философии» собственно философское введение — 1-й раздел — предваряет трактовку чисто естественнонаучных вопросов), а к экзегезе Писания. Так, может быть, Паскаль не философ, а теолог? Однако его экзегетические изыскания не отмечены печатью «профессионализма», в них, скорее, просматривается «любитель», человек мирской, хотя и глубоко верующий. В частности, паскалевское сопоставление Ветхого и Нового Заветов весьма напоминает не то доказательство теоремы, не то криминальное расследование, и только потом — теологический трактат.

Но и эти моменты нельзя назвать главными для мыслителя. Ведь, в конце концов, способность верить не зависит от человека, но даруется свыше. И, пытаясь пробудить веру с помощью разума, Паскаль целиком отдает себе отчет в том, что она доступна и без разума (см. Д. XI: VII, VIII). Быть может, и целью «Апологии» являлась не столько цепочка доводов, с необходимостью доказывающих справедливость веры и религии, сколько само завлечение в сферу религиозных вопросов. Потому что все дело — в «мужестве безумия креста», без которого нет ни мудрости, ни знамений (фр. 587). Паскаль видит свою миссию в том, чтобы обращать, а не убеждать (Д. XXII: XCII), обращать тех, кому дано будет снискать убеждение. Ведь «прежде, чем счесть нечто требующим доказательств, следует *вообразить* (курсив наш. — *Ред.*), что сие нечто неясно и, напротив, что предполагаемое средство доказывания не вызывает никаких сомнений» (фр. 40). Однако не в наших силах выбор — вообразить или нет. Воображение проблематичности или ясности приходит без нашего позволения, причем тогда, когда ему угодно. Потому важна не столько форма, с помощью которой стремятся достигнуть обращения, сколько предварительная склонность вообразить так или иначе.

Подобный дискурс весьма экзотичен на общем фоне мысли XVII века, будучи слишком религиозным для тогдашней философии и слишком «сциентистским» для тогдашней теологии. Его автор возвеличивал разум, но не иначе как через уничижение претензий разума; добивался замечательных результатов в математике и физике, чтобы в зените научной славы признать

суетность естествознания; философствовал, но лишь противопоставляя себя всем известным системам философии; был ревностным католиком, примыкая при этом к людям, осужденным католической церковью в качестве еретиков. Если бы не натянутость любой исторической аналогии, то Паскаля можно было бы признать этаким «постмодернистом», по иронии судьбы предваряющим модерн.

Однако лучше воздержаться от рискованных параллелей. Вернемся к личностной позиции. Итак, наш мыслитель занят поисками самоочевидности, оставаясь при этом один на один с истиной. Он имеет несчастье внимать не авторитетам, но доводам. Он считает логичным то, что логично для него (пусть даже для него одного), склоняясь лишь перед божественной непостижимостью. Он живет в смутную эпоху окончательного разложения почти тысячелетней традиции и, ввиду ее опыта, достаточно зорек, чтобы различить печать брэнности на всех человеческих измышлениях. И если представить историю духа как историю перманентных мировоззренческих кризисов, в которой периоды счастья — «пустые страницы», то ситуация Паскаля невольно превращается в модель для всякого духовного искания, независимо от эпохи. Паскаль потому всегда современен, что его поиск несомненно очевидного принципиально исключает «позитивный» результат типа самообосновывающегося декартовского *cogito*, говоря всего лишь о некоем внутреннем чувстве: «вопреки всякому догматизму, мы бессильны доказать, что обладаем истиной, и, с другой стороны, никакой пирронизм не в силах у нас этого оспорить» (Д. VI: I).

Посмертно изданные черновики Паскаля обладают и, скорее всего, долго будут обладать неотразимой притягательностью для издателей. Текст был обнаружен в хаотичном состоянии, а потому вполне реальна проблема его содержательной компоновки. История создания «Мыслей» — это история соперничающих стратегий понимания «истинной» структуры задуманного Паскалем произведения, поскольку вполне реальные рукописи, хранящиеся во французской Национальной библиотеке, таят в себе бесконечное поле смысловых интерпретаций. Если порой заново «переоткрывают» целостные тексты, всесторонне проработанные авторами, то что уж говорить о зачастую неза-

вершенных фрагментах, пестрящих лакунами и грамматическими двусмысленностями?

Нельзя не назвать еще одной составляющей неизменного литературного успеха, сопутствующего «Мыслям». Дело в том, что сами по себе экстравагантность философской позиции, неупорядоченность черновиков и ужасно неразборчивый почерк не всегда гарантируют триумф у читателя. Глядя на эти короткие, иногда состоящие всего из одной строчки фрагменты, не следует ни на минуту забывать о гениальности их автора. Тонкая наблюдательность, аналитический ум, едкая ирония, неподдельная страсть придают дух достаточности прежде лишь необходимым условиям. Ведь, помимо всего прочего, немалая, скажем так, доля успеха «Мыслей» основана на том, что их автором был именно Паскаль, а не Арно или де Саси: «игроки в мяч бьют по одному и тому же мячу, но не с одинаковой меткостью» (фр. 22).

* * *

Не будет ошибкой сказать, что современный русскоязычный читатель, которому недоступен оригинал, не имеет адекватного представления о «Мыслях» Паскаля. Дело в том, что дореволюционные издания давно превратились в библиографическую редкость, а вышедший в советское время высокохудожественный перевод Э.Линецкой охватывает, к сожалению, менее трети авторского текста. Впрочем, даже доступность изданий, выпущенных до революции, до конца проблемы не решает, поскольку всем русским переводам паскалевских фрагментов, выполненным во 2-й половине XIX — начале XX века, присущ ряд характерных черт, создающих неточный образ оригинала. Справедливости ради следует заметить, что сами французские издания лишь к концу прошлого столетия сумели выработать более-менее приемлемые способы подачи текста рукописей. До того в указанном вопросе царил полная анархия, отразившаяся, естественно, и в работах русских переводчиков. Так, наиболее фундаментальные издания П.Первова и С.Долгова впервые были опубликованы соответственно в 1889 и 1892 гг., то есть не могли учесть опыта классического издания Л.Брюнсвика (1897).

Помимо этого дореволюционные переводы отличаются неоправданной компоновкой близких по смыслу фрагментов в некие целостные тексты (см., например, Д. VI: I; X: III; XVI: II), что весьма напоминает попытку достроить «незавершенный автором храм», обоснованно, на наш взгляд, критикуемую Л. Брюнсвиком. Нельзя не упомянуть также о дани, приносившейся переводчиками популярно-просветительскому характеру изданий и состоявшей в сглаживании конспективной подчас формы оригинала, «улучшениях» текста, привносимых извне «смысловых связках», несоблюдении авторской пунктуации, порядка абзацев и т.п. В результате лишь наброски замыслов превращались порой, как по волшебству, во вполне законченные тексты. Плюс ко всему, дореволюционные переводы лишены сколько-нибудь серьезного комментария, а также современной нумерации, что порождает проблему ссылок.

Однако указанные недостатки не могут перечеркнуть бесспорных достоинств труда первых русских переводчиков Паскаля. Да и, в конце концов, сама традиция издания «Мыслей» на русском языке, отметившая в прошлом году полуторавековой юбилей, давно превратилась в особое культурное явление.

Поэтому нашей целью было, с одной стороны, дать наиболее полный (ввиду отсутствия академического издания) свод паскалевских фрагментов, не утратив при этом самого духа по-смертно публиковавшихся необработанных черновики, а с другой — не утратить связи с длительной переводческой традицией, уже сформировавшей вполне определенный имидж автора «Мыслей», поскольку некоторые фрагменты в переводе, например, Э. Линецкой представляют собой подлинные литературные шедевры. Мы попытались осуществить наиболее полное издание «Мыслей», предназначенное как для специалистов-гуманитариев, так и для массового читателя, которое носило бы максимально синтетический характер, давая представление также о традиции перевода и о традиции комментария.

За основу организации текста взято сокращенное издание Л. Брюнсвика (1897), в котором фигурируют 924 из немногим более тысячи известных на сегодняшний день фрагментов. Оно представляется наиболее подходящим для наших целей по нескольким причинам. Во-первых, по нему выполнен самый известный современному читателю перевод Э. Линецкой. Во-вторых,

именно Л.Брюнсвику, крупнейшему паскалеведу, принадлежит одна из наиболее удачных даже на сегодняшний день смысловых разбивок рукописного материала. В-третьих, и сегодня ссылки на фрагменты Паскаля чаще всего встречаются в брюнсвиковской версии нумерации. И, наконец, в-четвертых, наше издание не носит строго академического характера, и потому отсутствует необходимость обращаться к максимально полным вариантам оригинального текста (см. *Л.Брюнсвик. 1904; Л.Лафюма. 1951; З.Турнер, Д.Анзье. 1960*).

Вышеназванные принципиальные позиции обусловили структуру предлагаемой читателю книги.

В качестве Предисловия использована вступительная статья Л.Брюнсвика к изданию 1897 года, в которой весьма удачно представлена история возникновения и публикации «Мыслей», а также их логическая структура, особенности стиля и философско-религиозные взгляды автора. Статью Л.Брюнсвика мы избрали не случайно. Его имя практически неизвестно широкой публике, причем совершенно неоправдано, поскольку именно этому человеку принадлежат как лавры крупнейшего паскалеведа, так и слава издателя одной из наиболее удачных версий «Мыслей».

Собственно паскалевский текст представлен в следующем виде:

Раздел Первый. — Воспроизводится перевод С.Долгова (изд. 1902), которому мы отдали предпочтение перед хотя и более полным, но, в то же время, гораздо произвольнее организованным переводом П.Первова. Фрагменты С.Долгова снабжены параллельной нумерацией по Л.Брюнсвику, поскольку собственно долговская нумерация затрудняет цитирование. С.Долгов делал свой перевод на основании текста, изданного Э.Авэ, невольно воспроизводя характерные недостатки данного первоисточника. Ввиду этого, а также учитывая наметившуюся у переводчика тенденцию избавляться от шероховатостей оригинала, перевод Долгова выверен по изданию Л.Брюнсвика (1897) и снабжен вставками пропущенного оригинального текста. Небольшое число мест рассматриваемого перевода мы сочли возможным заменить современной версией.

Раздел Второй. — Фрагменты, которых нет у Долгова, даются в переводе Э.Линецкой, а отсутствующие в обоих указанных

изданиях — в переводе О.Хомы. По разным причинам в наше издание не вошли 52 фрагмента (в основном — дословные цитаты и выписки из Библии на французском и латыни, а также чисто конспективные наброски, приводить которые было бы нецелесообразно). Переводы Э.Линецкой и О.Хомы даны в едином порядке нумерации Л.Брюнсвика. Квадратными скобками ([ ]) выделены фрагменты Паскаля взятые Л.Брюнsvиком из различных копий, угловыми (< >) — вставки переводчика, уточняющие смысл, ввиду конспективности многих фрагментов.

За более чем трехсотлетнюю историю издания «Мыслей» сложилась особая традиция *Комментария* к ним. В этом вопросе нельзя обойти вниманием грандиозную работу, проведенную, в частности, Э.Авэ и Л.Брюнsvиком, достижения которых избавляют от необходимости вновь изобретать давно известное, да и сами по себе вызывают немалый интерес. Однако непосредственное копирование указанного *Комментария* вряд ли оправдано, тем более, что в тексте есть места, требующие, на наш взгляд, пояснений оставленные Э.Авэ и Л.Брюнsvиком без каких-либо примечаний. Поэтому *Комментарий* к настоящему изданию включает как материалы упомянутых Э.Авэ и Л.Брюнsvика (использование этих материалов специально оговаривается), так и *примечания* составителя.

Для удобного обращения с материалом, и учитывая сложную структуру книги, составлен справочный аппарат, включающий:

1) Таблицу соответствий нумерации Л.Брюнsvика русским переводам.

2) Библиографию изданий «Мыслей» на французском и русском языках.

3) Именной и предметный указатель.

Раздел Первый

Статья I

Общее понятие о человеке

I: 1

¹ По мнению Э.Авэ, это знаменитое сравнение стало известно Паскалю из Предисловия к «Опытам» *Монтеня* (изд. 1635 г.), написанного м-ль Гурнэ (см. прим. 2 к фр. 63). В указанном Предисловии м-ль Гурнэ, следуя Рабле, приписывает авторство данной мысли Гермесу Трисмегисту (см. прим. 3 к Д. XII: II). Впрочем, откуда бы вышеприведенная фраза не стала известна Паскалю, следует признать, что именно последний сделал ее популярной среди широкой публики. Что до собственного генезиса, проходящего через всю историю европейской мысли уподобления Бога бесконечной сфере, то прекрасное его изложение можно найти в книге *А.В.Ахутина «Понятие «природа» в античности и в Новое Время»* (М., 1988, с. 62—64).

² См. *Монтень. Опыты* в 3-х кн., М., 1980, кн. II, гл. 12, (Апол.), с. 392.

³ Паскаль повторяет здесь мысль *Монтеня* (Апол., с. 426), цитирующего в свою очередь *Цицерона* (Академические вопросы. II, 23). Э.Авэ в комментарии к этому месту приводит из *Секста Эмпирика* (VII, 265) греческий текст данного высказывания и выражает сомнение в правильности монтеневской трактовки. Согласно Авэ, эту фразу можно понимать и в смысле «вот что я хотел сказать обо всем», т.е. о совокупности всех вещей. В русском переводе А.Ф.Лосева, впрочем, дается прочтение, не совпадающее с обоими вышеприведенными.

⁴ Намек на вышедшие в 1644 году «Начала философии» *Декарта*.

⁵ «Принято считать, что именно под этим названием в 1486г. *Пико де ла Мирандола* опубликовал в Риме 900 тезисов для дискуссии. Папа, узнав о содержании указанных тезисов, запретил всякое их обсуждение» (Э.Авэ).

⁶ Л.Брюнsvик считает, что это слово следует понимать в более сильном значении — «вызывает оцепенение, парализует ум, мешает понимать».

⁷ Скорее всего здесь говорится о Мерэ, решительно отказывавшемся вникать в математические тонкости (см. *Кляус Е.М. и др. Паскаль. М., 1971, с. 100—101*). Паскаль имел в виду нуль как синоним ничто, а не как алгебраическую операцию, где $0-4=-4$.

⁸ См. *Монтень. Апол., с. 532*.

⁹ Это место из *Бл. Августина (О Граде Божьем. XXI, 10)* отражено и у *Монтеня (Апол., с. 473)*.

I: 2

¹ Ср. *Монтень. Апол., с. 531—532*.

² Ср. там же.

I: 4

¹ Ср. *Монтень. I, 19, с. 75*.

Статья II

Величие человека

II: II

¹ В тексте Паскаля — «*et animus arcendi*». Э.Авэ считает, что это словосочетание «несомненно заимствовано из какой-нибудь школьной физики, преподававшейся во времена Паскаля, и означает «инстинкт остановки», т.е., допустим, способность легавой делать стойку при обнаружении дичи».

II: III

¹ Речь идет об эпикурейцах.

II: V

¹ *Павел Эмили* — римский полководец, разбил в сражении при Пидне (168г. до н.э.) войска последнего царя Македонии Персея. В следующем году Персей попал в плен к римлянам, после чего вскоре и умер. О смерти Персея говорится у *Монтеня (I, 45, с. 245; см. также I, 20, с. 82)*.

II: XVII

¹ Л.Брюнsvик и Э.Авэ единодушно признают данный фрагмент размышлением над декартовскими идеями о соотношении *cogito* и *sum*, а также — об очевидности божества (см. напр. *Декарт Р. Соч. в 2-х т., М., 1989, т.1, с. 316—317*).

Статья III

Суетность человека, воображение, самолюбие

III: III

¹ Л.Брюнсвик указывает, что с этой мыслью Цицерона Паскаль познакомился, читая *Монтеня* (I, XLI, с. 232).

III: VII

¹ *Корнель. Медея*. II, 6.

III: X

¹ Весь этот отрывок перекликается с «Опытами» *Монтеня* (III, 8, с. 146—147).

² См. *Монтень*. Апол., с. 526.

³ См. *Монтень*. Апол., с. 527.

⁴ См. *Монтень*. Апол., с. 499.

⁵ См. *Монтень*. Апол., с. 497.

III: XI

¹ Ср. *Монтень*. Апол., с. 413—414.

² Э.Авэ отмечает, что ему неизвестна книга, о которой говорит Паскаль. Л.Брюнсвик вообще не комментирует это место.

Статья IV

Слабость человека, непрочность его естественных познаний

IV: I

¹ Ср. *Монтень*. Апол., с. 535.

² Там же, с. 527.

IV: II

¹ Согласно Паскалю, пирронизм прав, покуда есть основания для его критической работы — самонадеянные иллюзии человека, присутствующие в сфере познания. С исчезновением указанных иллюзий пирронизм изживает себя. Ср. Д. XXII: XI.

IV: III

¹ По указанию Л.Брюнсвика, Паскаль здесь обращается к своим исследованиям пустоты и оживленной полемике, в которую ему довелось вступить по данной проблеме. Первый тезис, приведенный в фрагменте, принадлежит схоластам и Декарту, которые, ссылаясь соответственно на познавательные стандарты тогдашней школьной физики и на рациональную очевидность, стремились обосновать невозможность пустоты *a priori*. Второй тезис — собственно паскалевский: отвержение искусственной точки зрения и непосредственное наблюдение природы должно

привести нас к утверждению если не реальности, то хотя бы возможности пустоты; см. также прим. 1 к фр. 75.

² *Монтень*. Апол., с. 429.

IV: VII

¹ *Монтень*. I, 3, с. 17.

IV: IX

¹ Нет достоверных исторических сведений о наличии у Кромвеля тех планов относительно Рима и христианского мира, которые ему здесь приписываются. По мнению Э.Авэ, этот фрагмент следует понимать как отражение общего страха, испытываемого Европой перед одним именем еретика — вождя республики, установившейся в результате казни короля.

² Ср. *Монтень*. Апол., с. 402.

³ В действительности смерть Кромвеля наступила от лихорадки (1658 г.).

⁴ Карл II был восстановлен на английском престоле в 1660 г. Поэтому Л.Брюнсвик и Э.Авэ датируют данный фрагмент именно 1660 годом.

IV: XI

¹ Л.Брюнсвик сообщает, что стремление говорить о Боге подобающим образом было одним из важнейших правил благочестия в Пор-Рояле. «Как трудно,— писала Жаклина Паскаль сестре,— говорить о Боге как о Боге». В той манере, посредством которой Евангелия высказываются о Всевышнем, Паскаль усматривал одно из доказательств их аутентичности (см. Д. XV: IV; XVII: II).

IV: XIII

¹ Ср. *Монтень*. Апол., с. 528.

IV: XIV

¹ Л.Брюнсвик дает следующее примечание: «Процесс человеческого взаимопонимания происходит не в среде сущностных причин, но на уровне высказываний. Ибо посредником в общении служит язык, а не сама по себе мысль. Потому высказывание существенно зависит от взаимосвязи знака и означаемого, а, стало быть, способно ввести в заблуждение, если неоправданно заключить от идентичности знака к идентичности означаемых вещей. Проистекающие от этого недоразумения могут весьма длительное время существовать незамеченными. Не будет противоречивым также вообразить, что какое-либо недоразумение вообще не будет прояснено. А этого для скептика вполне достаточно».

² Под пиррониками Паскаль подразумевает чистых скептиков, свято следовавших правилу не высказывать суждений и с сомнением относившихся даже к самому сомнению, которое ими владело (см. *Секст Эмпирик*. Соч. в 2-х т., М., 1976, т.2, с. 209—210). Философы же Средней и Новой Академии, провозглашавшие безусловную непознаваемость

сущности вещей, вполне справедливо относились тем же Секстом Эмпириком к догматическому направлению (там же, с. 253—257). Оппозиция «догматики — академики» в этом фрагменте призвана лишь подчеркнуть специфику «позитивного» и «негативного» догматизмов.

³ Паскаль явно полемизирует с Декартом. Причем, поскольку речь идет не о познании чего-то определенного, а о возможности познания как таковой, то можно заключить, что в этом фрагменте Паскалем дается критика картезианской трактовки самоочевидности и, следовательно, колеблется основа любых рационалистических «правил для руководства ума» (ср. *Декарт Р.* Т.1, с. 261).

IV: XV

¹ «Солнечные пятна». Э.Авэ резюмирует общую идею всего фрагмента в том плане, что пятна на Солнце служат зримым воплощением вероятности имеющего некогда случиться полного и окончательного затмения. Произойди такое, и наставший день не будет уже, собственно, днем. Тогда-то и станет очевидной вся беспочвенность нашего убеждения в естественно-необходимом характере наступления дня.

IV: XVI

¹ Обычно это неразборчиво написанное в манускрипте слово идентифицировалось издателями с «мудростью» (*sagesse*). Л.Брюнсвик, на основании анализа одного из мест монтеневских «Опытов» (I, 54, с. 277—278), оказавшего серьезное влияние на идеи многих фрагментов Паскаля, пришел к выводу, что в рукописи стоит не *sagesse*, а *siege* («местопребывание», в данном случае — «состояние»).

Статья V

Жалкое состояние человека

V

¹ В таблице соответствий отрывок, предшествующий у Долгова фр. V: I и никак не обозначенный, фигурирует под номером V: 0.

V: II

¹ См. *Монтень*. III, 13, с. 409.

² *Пирр*, царь Эпира. В 1-й пол. 3 в. до н.э. вел серию практически непрерывных войн — с Македонией, Римом, Карфагеном, Спартой. Его бурная жизнь, не принесшая, впрочем, никаких реальных плодов для государства и народа, бесславно оборвалась в 272 г. до н.э. при осаде Аргоса. О совете, данном беспокойному царю, см. *Монтень*. I, 42, с. 241—242.

³ См. прим. 1 к Д. XXII: LXXXVII.

V: VIII

¹ Ср. *Монтень*. III, 4, с. 49.

V: XII

¹ То же и у *Монтеня*. Апол., с. 510.

² «К чему тебе довольствоваться собою и теми благами, которые обретаешь в мире». Цитата, заимствованная Августином из Сенеки. Паскаль читал также и ту главу «Опытов» (II, 3, с. 312), где Монтень рассуждает над 70-м письмом Сенеки, которое суть одна длинная апология самоубийства. Л.Брюнсвик отмечает, что стоики всегда признавали самоубийство позволительным и даже рекомендовали таковое, если речь шла о службе на благо отечества, очищении от преступлений, нищете, болезни или безумии. Однако эта теория самоубийства не противоречила стоическому оптимизму, поскольку стоики исповедовали пантеистическое мировоззрение. Для них внутренняя гармония человека отождествлялась со счастьем мудреца, составляя некую часть и образ гармонии космической, а смерть лишь воссоединяла человека с миром, душой которого был Бог. В критике этих натуралистических положений стоиков Паскаль опирался на доводы как Монтеня, так и Янсения.

V: XV

¹ По традиции Соломону приписывается авторство библейской книги Екклесиаста, созданной в действительности ок. 3 в. до н.э.

Статья VI

Удивительные противоположности, встречающиеся в природе человека в отношении истины, счастья и многих других вещей

VI: I

¹ Имеется в виду «злой гений», фигурирующий у Декарта с целью радикализации проекта всеобщего сомнения. См. *Декарт Р.* Первоначала философии. I, 4.

² *Декарт Р.* Т.1, с. 315.

³ Новый намек на идею «злого гения». Л.Брюнсвик отмечает следующее: от природы мы наделены свойством доверять неким первоочевидностям. Но это свойство не стоит ничего, если творец нашей природы собирался нас обмануть. Одна лишь божественная правдивость позволяет верить в существование внешнего мира или, скажем, в истинность математики. Согласно Декарту, божественная правдивость может явить себя исключительно в метафизике и сомнение, стало быть, рационально разрешимо метафизическими средствами. Согласно Паскалю, только вера и чувство способны привести к Богу, поскольку лишь они непосредственно исходят от божества.

⁴ Паскалем здесь воспроизведен аргумент *Августина* (De Trin. X, 10), ставший впоследствии основным принципом философии Декарта — «мыслью, следовательно, существую».

⁵ *Де Барро* (1602—1673) — светский знакомый Паскаля, прожигатель жизни, весьма странно понимавший эпикуреизм. Л. Брюнсвик цитирует часть либертинской песенки этого автора, общий смысл которой сводится к тому, что, дескать, нет ничего страшного в превращении в «грубую скотину».

VI: II

¹ Ср. *Августин*. Исповедь. I, I.

Статья VII

Против равнодушия атеистов

¹ Ср. *Монтень*. Апол., с. 386—387.

Статья VIII

Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская религия

¹ Э.Авэ отмечает, что под «иным» Паскаль понимал бесконечность или Бога, который не тождественен ни протяженности, ни времени, ни числу.

² Согласно Паскалю, восприятие всего величия божественной справедливости для человека вполне доступно, поскольку совесть всегда напоминает нам о наших грехах и таким образом указывает мотивы грядущего божественного воздаяния. Мы всегда чувствуем, за что нас осудит Бог. Но, если милосердие по своим масштабам не уступает справедливости, то постичь такую глубину милосердия человеку трудно, поскольку его собственная душа никогда не знала столь всепрощающей и всепоглощающей любви.

³ Воспроизводится мотив физикотеологического доказательства бытия Бога (см. *Кант И.* Соч. в 6-ти т. М., 1964, т. 3, с. 540).

⁴ В оригинале «*stultitiam*» — «глупости».

⁵ Ср. *Монтень*. Апол., с. 475.

⁶ Ср. *Монтень*. Апол., с. 435.

⁷ II Кор. 12: 9.

Статья IX

Признаки истинной религии

IX: XI

¹ См. *Ранович А.Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990, с. 302.

² *Деизм* — учение, понимающее Бога лишь как разумную причину мира. Противоположно теизму, рассматривавшему Бога в качестве живого, непостижимого, доступного человеку лишь в откровении.

Статья X

Истинная религия доказывается заключающимися в человеке противоположностями и первородным грехом

X: I

¹ Этот фрагмент представляет собой изложение Пор-Роялем основных идей одной из бесед Паскаля с Ф. де ла Шез и Э.Перье.

Статья XI

Подчинение и власть разума

XI: III

¹ Фразы в угловых скобках принадлежат Долгову, в оригинальном тексте их нет. Издание 1902 г. какого-либо разделения аутентичного текста и разъяснительных добавлений переводчика в этом фрагменте не содержит.

XI: VIII

¹ Иоил. 2: 28.

Статья XII

Изображение человека, который, испытав тщетность усилий обрести Бога одним разумом, начал читать Писание

XII: I

¹ Л.Брюнsvик указывает, что под доказательствами здесь понимаются чудеса и исполнившиеся пророчества, а не претензии самой по себе религиозной доктрины.

² Ср. Рим. 12: 5.

³ Законы Двенадцати Таблиц не имеют отношения к Афинам. Л.Брюнsvик в примечании к этому фрагменту солидаризируется с Э.Авэ, считавшим, что Паскаль здесь ссылается на ошибочное мнение Гроция: «Эти очень древние законы Аттики, по образцу которых были созданы впоследствии законы римские, обязаны своим началом законам Моисея».

⁴ Иосиф Флавий. Против Апиона. 2, 16.

⁵ Следует учесть: Паскаль свято верил, что книги, приписываемые традицией Моисею, действительно написаны Моисеем и отсюда выводил принципы датировки библейских событий. Не стоит даже и говорить, что французский мыслитель тем более не подвергал сомнению ни историчность самого Моисея, ни библейскую хронологию.

⁶ Данный отрывок присутствует в фрагменте 620 издания Л.Брюнсвика, в тексте Долгова его нет. Вероятно, это один из набросков мысли, уже выраженной в приведенном отрывке из фр. 619.

XII: II

¹ Втор. 31: 16—30; 32: 1—47.

² *Книги сивилл* — книги, согласно римской легенде, якобы купленные легендарным царем Тарквинием Гордым у Кумской сивиллы и содержащие пророчества о грядущей судьбе Вечного Города. Во всяком случае, в древности действительно существовали книги, приписываемые сивиллам. Первое упоминание о них содержится у Гераклита. В реальном же существовании сивилл нет никакого сомнения; они представляли собой одну из разновидностей прорицательниц будущего, широко почитаемую в античности.

³ *Книги Трисмегиста* — Гермес Трисмегист (Триждывеличайший), греческий аналог древнеегипетского божества Луны — Тота, ведавший также стройностью миропорядка, соблюдением закона (как природного, так и человеческого), вообще исполнением мер. В эпоху эллинизма стали появляться приписываемые Гермесу Трисмегисту книги, содержащие окрашенный в таинственно-мистические тона свод знаний для посвященных. Так, алхимию, изобретение которой приписывалось Гермесу Трисмегисту, называли герметическим искусством. Книги Трисмегиста пользовались большим авторитетом в Европе еще в эпоху Возрождения.

XII: III

¹ Речь идет о яблоке раздора, согласно Гомеру, послужившем толчком для цепи событий, которые завершились Троянской войной. См. *Аполлодор*. Библиотека. III, 2.

Статья XIII

О евреях

XIII: I

¹ Быт. 8: 21—22.

² Иер. 31: 31—35; Ис. 65: 23.

XIII: II

¹ «Дабы знали, что Сын Человеческий имеет власть прощать грехи, говорю тебе: встань» (Мк. 2: 10—11). Русский синодальный перевод несколько отличается от дословного перевода латинской цитаты в тексте Паскаля. Связь этого места с Ис. 51: 10—11 объяснена в фр. 675.

XIII: IV

¹ Л.Брюнсвик отмечает, что эпитет «плотские» добавлен Паскалем, дабы отличить таковых от евреев, причастных духовному (см. фр. 608; 609).

² Мф. 22: 43.

³ Эту двусмысленную фразу Паскаля все же, на наш взгляд, следует переводить «был раньше Авраама и видел его». Долгов, цитируя стихи 56-й и 58-й VIII-й главы Евангелия от Иоанна, пропускает наиболее важный 57-й: «Иудеи же сказали Ему: «Тебе нет еще и пятидесяти лет — и Авраама Ты видел?» Подобный вариант более предпочтителен, с нашей т. зр., и чисто грамматически.

⁴ Ин. 12: 34.

XIII: IX

¹ Следует учесть, что в священной книге мусульман содержатся прямо противоположные указания, напр.: «Читай Коран чтением» (Сура 73, 4, см. также Сура 3, 184).

XIII: X

¹ Исх. 25: 40. — «Делай по образцу, явленному тебе на горе».

² I Тим. 4: 3.

³ I Кор. 7: 1.

XIII: XIII

¹ См. *Фома Кемпийский*. О подражании Христу. I, II, 4.

XIII: XVI

¹ Т.е. Моисея.

XIII: XVII

¹ Л.Брюнсвик комментирует это место так, что Моисей является современником тех событий (см. прим. 5 к Д. XII: I), о которых рассказывает, поскольку, хотя он и слишком далеко отстоит от них по времени, его отделяет от означенных веков лишь небольшое число поколений.

² Моисей ведет хронологию не по годами, а по поколениям патриархов.

³ Л.Брюнсвик указывает, что эта деталь не согласуется с текстом Книги Бытия, и потому Пор-Рояль в издании 1670 г. отмечает здесь: «видел как минимум Авраама, а тот видел Иакова».

Статья XIV

Об образах; образный характер древнего закона

XIV: I

¹ Л.Брюнsvик приводит разъяснение Пор-Рояля, где сказано, что апокалиптики суть не имеющие иных оснований, кроме фантазии, попытки обосновать какие-либо пророчества текстом Апокалипсиса.

² Во фрагменте очевидно речь идет об образах христианской религии и образах иных религий (ср. фр. 598).

XIV: III

¹ Л.Брюнsvик делает важное примечание к этому месту, соотнося рассматриваемый пассаж с кругом идей янсенизма: «В сфере плотского посредством закона изображается тот же объект, образом которого в сфере духа служит благодать. Но сама по себе благодать — лишь определенное предваряющее славу Божию состояние. Ведь благодать уже есть некое победоносное раскрытие, а потому — образ славы. Эта воинственная победа над природой, понимаемой как плоть, представляет собой образ соответствующей мирной победы в Боге. Тем не менее, существующее между благодатью и славой отношение образа и прообраза не столь однозначно, как отношение причины и следствия, установленное между благодатью и законом. Закон не дает благодати, благодать же порождает славу».

XIV: X

¹ Ин. 8: 36.

² Ин. 6: 33.

XIV: XII

¹ Вариант Долгова восходит к редакции Пор-Рояля: «...невозможно составить правильное мнение о характере кого-либо...» и т.д. В этой связи Э.Авэ отмечает: «Я не думаю, что речь идет о характере. Скорее, имеется в виду облик, который трудно отобразить на портрете, поскольку для этого пришлось бы согласовать совершенно противоречивые чувства, охватывающие порою человека в одно и то же время». Т.е., судя по всему, главное здесь не в том, чтобы «хорошо обрисовать человека», дать характеристику, но чтобы «хорошо написать чей-либо портрет».

² Ос. 3: 10.

³ Быт. 49: 10.

⁴ Иез. 20: 25—26, 40.

XIV: XIV

¹ Пс. 109: 1.

² Ис. 5: 25 — «разгневанный».

³ Ключом к пониманию этого фрагмента служит классическое евангельское различие закона и благодати. Исполняющим закон по букве

Бог воздает сообразно с точностью исполнения, причастным же к Духу Божьему через Иисуса Христа даруется благодать независимо от дел закона (Рим. 3: 21—28).

XIV: XVI

¹ Очевидно речь идет об интерпретации раввинами одного из образов Песни песней (7: 8—9).

XIV: XVII

¹ В примечании Л.Брюнсвика говорится, что слово «враги» употребляется в этом фрагменте то в прямом, то в переносном смысле, (см. прим. 3 к Д. XIV: XVIII), отражая самую суть паскалевской рефлексии. Вся глава об образности призвана выявить один основополагающий принцип: Писание недоступно для людей с плотскими воззрениями, но прозрачно для чистых сердцем, тех, кому открыто духовное понимание.

XIV: XVIII

¹ Таково возражение, выдвигавшееся со стороны иудеев против христиан (относительно того, что Мессия еще только должен прийти в мир, раз подобные пророчества не исполнились). Согласно Л.Брюнсвику, Паскаль отвечает на это следующим образом: лишь победа Мессии принесет еврейскому народу земное господство. (Т.е. говорится о втором, победоносном пришествии Мессии, в отличие от первого, мученического — см. фр. 678).

² Пс. 129: 8.

³ Л.Брюнsvик: *враги* может обозначать *грехи*, но не наоборот. Только от понимания изображаемого можно перейти к пониманию образа. Указанный порядок необратим. На этом принципе зиждется вся паскалевская теория образа.

⁴ Дан. 9: 23—24.

Статья XV

Об Иисусе Христе

XV: IV.

¹ Лк. 22: 41—46.

² Деян. 7.

³ Намек на христологические споры, охватившие церковь в первые века (см. в им. и предм. ук. «ариане», «Афанасий», «целагиане»).

Статья XVI

Свидетельство об Иисусе Христе пророков

XVI: IV

¹ Имеются в виду упомянутые во фр. 616 по Л.Брюнsvику Енох, Ламех и др.

² Быт. 17: 6—8, 19, 21; 18: 17—19.

³ Быт. 49: 10.

⁴ Агг. 2: 5—9; Ис. 28: 15—18; Иер. 24: 7; 31: 31—34; 32: 37—38. Особенно ярко этот мотив отражен у ап. Павла: Евр. 9: 1—12; Рим. 17: 9—25.

XVI: V

¹ Э.Авэ отмечает, что для Паскаля лишено плода (т.е. лишено высшего смысла) все, что не ведет к Иисусу Христу и благодати. Потому, с самого момента, когда пророчества о частных событиях интегрированы в общую систему пророчеств о Мессии, первые обретают достоинство косвенных указаний на Иисуса Христа, и, стало быть, оказываются бесплодными.

² «Следовательно» здесь употребляется ввиду пророчества, согласно которому власть Иисуса наступит во времена, когда у евреев уже не будет царя из колена Иудиного (Быт. 49: 10).

Статья XVII

Различные свидетельства об Иисусе Христе

XVII: III

¹ Ис. 2: 3.

XVII: IV

¹ Быт. 49: 10.

² См. Иер. 23: 2—8.

XVII: V

¹ Речь идет о божественной предустановленности неприятия Иисуса Христа как о миссии евреев.

XVII: VI

¹ Ирод Великий и избиение младенцев — Мф. 2: 1 и далее.

XVII: VII

¹ См. прим. 1. к Д. XIII: IX. По мнению Л.Брюнsvика и Э.Авэ, Паскаль основывался в этом пункте на позиции *Монтеня* (Апол., с. 433) и, возможно, Гроция.

Статья XVIII

Для чего Бог, скрываясь от одних, обнаруживает Себя другим

XVIII: VII

¹ В еврейском правописании существует различие между двумя формами буквы *мем* — открытой — ׀ (употребляется в начале или в середине слова) и закрытой — ם (употребляется исключительно в конце слова). В этой связи Э.Авэ отмечает, что наиболее известное из пророчеств о Мессии содержится в гл. 9 книги Исайи, стих 7: в еврейском варианте этого текста присутствуют слова *lemarbe hamistra*, соответствующие в Вульгате фразе «бесконечно будет умножаться господство». *Мем* в слове *lemarbe* должна быть открытой, на самом же деле в рукописи фигурирует закрытая или конечная форма. В этой орфографической ошибке раввины усматривали указание на всевозможные тайны. В особенности эксплуатировался мотив цифрового значения букв (в еврейском, как и в греческом, буквы имели свои цифровые эквиваленты). Так, *мем* открытая соответствует сорока, закрытая — шестистам. Отсюда делался вывод, что Мессию следует ожидать по прошествии шестисот лет.

XVIII: VIII

¹ Быт. 49: 10.

XVIII: IX

¹ Быт. 38: 29.

² Руфь. 4: 17—22.

³ Мф. 1: 1—17; Лк. 3: 23—38.

XVIII: X

¹ Мф. 1: 22.

Статья XIX

Ветхий и Новый Заветы в существе одна религия

XIX: I

¹ Ср. с Кораном: Сура 16, 63.

Статья XX

Истинное, благотворное познание Бога достижимо только через Иисуса Христа

XX: I

¹ Имеется в виду традиционное, развивавшееся еще стоиками т. н. «физикотеологическое» доказательство бытия Бога, исходящее из чудесной взаимосогласованности природных процессов. Л.Брюнsvик отмечает, что Паскалю такой способ доказательства представлялся двояко опасным, ибо грозил либо ослабить авторитет религии в глазах тех, кто не приемлет подобного рода аргументацию, либо стать причиной неправомерного отождествления Бога с природой для слишком рьяно этой аргументации следующих (тогда Бог природы не был бы Богом благодати). Не природой вовсе — согласно Паскалю — постигается божество, но, совсем напротив, через Бога приходят к уразумению природы.

XX: VII

¹ Вольное переложение мыслей, содержащихся в фр. 547—549.

Статья XXI

Мысли о чудесах

XXI: III

¹ Ин. 2: 1—11.

² Ин. 4: 16—19.

³ Ин. 4: 54.

XXI: IV

¹ Имеется в виду нежелание фараона подчиниться мощи чудес, явленных ему Богом через Моисея (см. Исх. 7—12).

² *Фарисеи*: в Новом Завете — противники Иисуса Христа, лицемеры, блюдущие лишь внешнюю чистоту согласно букве закона, но лишенные всякого милосердия и истинной веры. В действительности — одно из крупнейших идейных движений в иудаизме, послужившее фундаментом талмудической традиции. Отличаясь большим личным благочестием и уважая закон, фарисеи, тем не менее, создали традицию, как бы сейчас выразились, «гуманистической интерпретации» последнего, добившись отмены слишком широкого применения смертной казни, свойственного иудейской архаике. Хотя к христианству основные иудейские движения просто не могли относиться положительно — исключая, быть может, некоторые ессейские секты, — все же образ «лицемеров» закрепился за

фарисеями несправедливо, поскольку непримиримыми ревнителями ортодоксального закона выступали не они, а саддукеи. Хотя справедливости ради следует сказать, что о саддукеях Новый Завет отзывается отнюдь не более лестно, нежели о фарисеях.

³ Подразумевается: убедительность чудес, либо подозрительность учения. Т.е. насколько соответствуют друг другу эти две составляющие. См. фр. 851 и фр. 846.

XXI: V

¹ Э.Ава отмечает в сноске: «Т.е. между Пор-Роялем и иезуитами». Скорее всего это намек на чудо Св. Терния.

² Т.е. между крестом Иисуса и крестами разбойников (Мф. 27: 51). По примечанию Э.Ава, Пор-Рояль указывает в этом месте «между тремя крестами», ибо разбойников было двое. Но Паскаль, возможно, просто хотел провести различие между крестом Спасителя и крестом разбойничьим.

³ Быт. 4: 7.

⁴ Исх.: 7.

⁵ III Цар. 18: 38.

⁶ Иер. 28: 16—17.

⁷ III Цар. 22: 13—15.

⁸ Лк. 5: 20—24.

⁹ Деян. 13: 11.

¹⁰ Деян. 19: 16.

¹¹ Апок. 11.

¹² Мф. 24: 24.

XXI: VII

¹ Фрагменты 817 и 818 написаны рукой г-жи Перье на обратной стороне какого-то письма, датированного 19 февраля 1660 г.

² См. *Монтень*. Апол., с. 506.

Статья XXII

Различные мысли о религии

XXII: I

¹ См. *Монтень*. Апол., с. 442.

XXII: III

¹ «Вы» адресуется либертинам, которые отвергали Бога и утверждали свое «я» (Л.Брюнсвик).

XXII: VII

¹ См. *Монтень*. Апол., с. 386.

XXII: IX

¹ Ср. *Фома Кемпийский*. О подражании Христу. I, III, 4.

XXII: XIII

¹ *Кальвинисты* — приверженцы учения религиозного реформатора *Ж.Кальвина* (1509—1564). Последнее состояло в следовании крайним выводам из августинианской концепции предопределения, в частности — об изначально избранных и изначально осужденных и др., отрицании какой бы то ни было свободной воли и всецелом подчинении человека делу церкви. Ригористическая теория оборачивалась мрачной практикой по мере захвата Кальвином реальной власти в Женеве (50-е годы XVI в.). Характерными являются такие черты этой практики, как преследование и уничтожение инакомыслящих, жестокие наказания даже за незначительные проступки, непримиримый фанатизм.

² Екл. 3: 8.

³ Притч. 26: 4—5.

⁴ *Ариане* — последователи александрийского пресвитера *Ария* (ум. 336 г.), отрицавшего единосущность Троицы и признававшего Сына и Св. Духа лишь творениями Бога-Отца. Арианство осуждалось Никейским (325 г.) и окончательно — Константинопольским (381 г.) Вселенскими соборами как ересь. Весьма широкое распространение получило среди варваров, став государственной религией многих варварских королевств (готов, франков и др.). Показательно, что крестивший готов епископ Ульфилла, автор готского перевода Библии, был арианом.

⁵ Лк. 22: 19.

⁶ Согласно Паскалю, «протестанты правы в том, что индульгенции как таковые не избавляют от греха, но ошибаются, отрицая, что индульгенции успокаивают внутренние терзания тех, кто отошел от греха, но не сумел еще истребить в себе память о прежнем греховном состоянии» (Л.Брюнсвик).

⁷ *Пелагиане* — последователи учения британского монаха *Пелагия* (360—420), отрицавшего первородный грех и признававшего способность человеческой воли достигать спасения без содействия божественной благодати. 1-я половина V в. ознаменовалась ожесточенной полемикой пелагиан и сторонников Августина, закончившейся объявлением пелагианства ересью (решения соборов в Карфагене 412, 416 и 417 гг. подтверждены Эфесским собором 431 г.).

⁸ Ср. *Монтень*. Апол., с. 390.

XXII: XVII

¹ Слова в угловых скобках принадлежат С.Долгову.

XXII: XXV

¹ *Афанасий* (Великий) — церковный деятель 4 в. (293—373), один из Отцов церкви. За неутомимую борьбу с арианством, последовательное

отстаивание своих взглядов и мужественное перенесение лишений признан святым. Четырежды осуждался как еретик (на Соборах в Тире — 336 г., Антиохии — 340 г., Арле — 353 г., Милане — 355 г.), но впоследствии был оправдан. Являясь в течение сорока пяти лет епископом Александрии, двадцать из них провел в заточении и в изгнании.

XXII: XXVI

¹ Т.е. — в трактовке Л.Брюнсвика — увидеть, как они понимают закон — в плотском или в собственно духовном смысле.

² Л.Брюнsvик указывает, что, в понимании Паскаля, не всякая затемненность является тайной. Тайна присутствует лишь там, где затемненность утаивает глубинную истину.

XXII: XXVIII

¹ Слова в угловых скобках принадлежат С.Долгову.

XXII: XXIX

¹ *Ирод Антипа* (22 г. до н.э.— 39 г. н.э.) четверовластник Иудеи — Лк. 23: 8—12.

XXII: XXXV

¹ Мф. 6: 22.

XXII: XXXVI

¹ 1022 звезды содержалось в каталоге Птолемея.

XXII: XXXIX

¹ См. *Фома Кемпийский*. О Подражании Христу. I, II, 4.

XXII: XLVI

¹ Л.Брюнсвик сообщает, что в 1658 г. *П.Мартини* выпустил в свет «Историю Китая» на латыни. Китайские хроники, используемые автором, указывают на то, что первая китайская династия восходит к временам, примерно лет на 600 более древним, чем рассеяние языков и новое заселение мира после потопа. Отсюда и те трудности, которые Паскаль разрешает с помощью критического принципа, предложенного в начале фрагмента.

² Паскаль имеет в виду евангелистов.

XXII: XLVIII

¹ Иез. 16 и др.

² Этот фрагмент содержит, очевидно, ответ Паскаля иезуитам на обвинение в янсенизме, осужденном в Риме как ересь, близкая к протестантской. Суть ответа в том, что схожесть слов не свидетельствует еще о схожести их содержания.

XXII: XLIX

¹ См. *Монтень*. II, 30, с. 633.

XXII: LIV

¹ *Л.Брюнсвик*: «религия налагает на человека такие обязанности, которых тот не в силах исполнить без Божьей помощи».

² Т.е. самолюбия.

XXII: LVIII

¹ Ср. I Кор. 12: 5.

XXII: LXII

¹ Рим. 3: 31.

² Рим. 3: 11; 4: 5.

³ Галат. 2: 19—21.

XXII: LXIV

¹ Слово в угловых скобках принадлежит С.Долгову.

² В оригинале «escobartines». Эскобар-и-Мендоза Антонио (1589—1669)— член ордена иезуитов, фамилия которого стала во французском языке нарицательной при обозначении двуличия и лицемерия благодаря беспощадной критике, которой подверг этого автора казуистических произведений Паскаль в «Письмах к провинциалу» (письма 5 и 6).

XXII: LXV

¹ Слова апостола Петра, адресованные Иерусалимскому Синедриону — Деян. 5: 29.

² Монастырь в окрестностях Парижа, служивший оплотом янсенизма и центром духовной жизни во Франции сер. XVII в. В его стенах Паскаль создавал «Письма к провинциалу».

³ Речь идет о Государственном Совете, приговорившем «Провинциальные письма» к сожжению рукой палача в августе 1660 г.

⁴ Ср. Мф. 16: 19.

⁵ «К твоему суду, Господи-Иисусе, взываю».

XXII: LXVIII

¹ *Пробабиллизм* (*probabilis* — вероятный) — в данном случае речь идет об этической доктрине иезуитов, сводившейся к тому, что любой наш взгляд на разрешение той или иной нравственной коллизии не может признаваться абсолютно справедливым, а значит, вполне допустимо поступать по примеру признанных авторитетов, даже если подобное следование в чем-то и покажется человеку таящим аморальность. Раз любое наше решение оказывается не до конца справедливым, то чем один из вариантов возможного поведения лучше другого? Иезуиты пользовались доктриной пробабиллизма (развитой у них весьма детально и изобретательно) для оправдания любых, даже самых неблагоприятных поступков.

XXII: LXIX

¹ Противоположность человеческой природы и благодати — краеугольный камень янсенизма, оказавшего глубокое влияние на Паскаля. Янсенизм — идейное движение в католицизме, близкое в некоторых пунктах с учениями протестантов. Речь идет о янсенистских апелляциях к аутентичному Августину и верованиям первых христиан, о доктрине предопределения, учении об изначально избранных и изначально осужденных Богом и т.д. Название дано по имени голландского теолога

Корнелия Янсения (1585—1638), чьи труды послужили идейной основой рассматриваемого движения. По представлению французских иезуитов, официальный Рим осудил пять пунктов в янсенизме как еретические. Паскалю довелось стать свидетелем и непосредственным участником, пожалуй, одного из наиострейших периодов полемики янсенистов (ими были все пор-рояльские друзья мыслителя) и иезуитов.

XXII: LXXI

¹ Речь идет о Соборе 1439 г. во Флоренции, на котором обсуждался вопрос о статусе папы. На соборе присутствовали также и представители восточной церкви.

XXII: LXXII

¹ Лк. 22: 26. — «Да не будет так среди вас».

XXII: LXXIII

¹ *Гугеноты* — сторонники Реформации во Франции, опиравшиеся в доктринальном плане на кальвинизм. Название происходит, вероятно, от нем. «*Eidgenossen*» (сотоварищи, собратья).

XXII: LXXV

¹ См. прим. 1 к фр. 453.

XXII: LXXIX

¹ Паскаль полагал, что Бог изначально хотел просветить одних и ослепить других (см. Д. XX: V; XXII: XIX). Множественность религий как раз и призвана служить цели ослепления. Наличие же ослепленных и неверовавших свидетельствует в пользу истинности христианства, поскольку во многих пророчествах о Мессии содержится указание, что последний будет непризнан. Т.о., следующие ложным религиям и отвергающие истинную лишь подтверждают ее истинность (Д. XXII: XI).

XXII: LXXXI

¹ *Монтень*. III, 8, с. 187.

² *Монтень*. Апол., с. 511—512.

XXII: LXXXII

¹ «Люба изысканность сильным мира сего». Эти слова, принадлежащие *Горацию* (Оды. III, 29), Паскаль, очевидно, почерпнул у *Монтеня* (I, 42, с. 239).

XXII: LXXXVII

¹ Идея этого фрагмента заимствована Паскалем у *Монтеня* (Апол., с. 464).

XXII: XCIII

¹ Прем. 4: 12. — «Очарование пустяка».

Статья XXIII

Размышления о Тайне Христовой

XXIII: I

- ¹ Мф. 26: 40—41.
- ² Мф. 26: 43—44.
- ³ Мф. 26: 46.— «Пойдем».
- ⁴ Ин. 18: 4.— «Он пошел навстречу».
- ⁵ Мф. 26: 39—42.
- ⁶ Мф. 26: 50.

XXIII: II

¹ Эти два размышления, расположенные в рукописи «Тайны Иисуса» как раз посредине, не выглядят в качестве логически уместной части рассматриваемого фрагмента. Согласно Л.Брюнсвику, они скорее возникли у Паскаля как побочный ход мысли при обдумывании основных мотивов «Тайны Иисуса» и были записаны с целью уяснить для себя некоторые следствия из развиваемой в данный момент темы.

XXIII: III

- ¹ Быт. 3: 5.— «Будете как боги, знающие доброе и злое».

XXIII: IX

- ¹ Лк. 24: 30.
- ² В евхаристии.

XXIII: X

¹ Мотив испрашивания позволения ударить присутствует только в Евангелии от Луки (22: 49—51).

Раздел Второй

Часть I

Мысли об уме и стиле

Фр. 2

¹ Брюнсвик отмечает, что «данную мысль следует тщательно отделять от предыдущей (см. фр. 1), с которой ее зачастую пытаются отождествить. В комментируемом фрагменте математический ум сводится в итоге к охвату большого числа принципов, тогда как в предшествующем привилегией широты охвата материала наделялся ум, познающий непосредственно. Возможно, эти мысли не принадлежат одному и тому же времени, и их не стоит рассматривать как последующую часть, добавленную к первоначальному определению. Здесь математический ум превращается в здравый рассудок, причем — двух видов. В одном случае имеет место строгое выведение следствий из одного принципа, как поступают в физике или алгебре, во втором — прежде всего синтетическая деятельность по построению в пространстве весьма сложных фигур. Название математического ума Паскаль закрепляет в данном фрагменте именно за последним. Добавим, что после усовершенствования геометрии неделимых, имевшей принципом рассмотрение бесконечно малых, мыслитель обладал правом противопоставить сложность геометрии относительной простоте физики того времени». См. *Кляус*, с. 366—375.

Фр. 6

¹ См. *Монтень*. III, 8, с. 180.

Фр. 12

¹ Согласно Л. Брюнсвику, у Паскаля здесь сообщается о впечатлениях от итальянской комедии, традиционными персонажами которой являлись Скарамуш и Доктор.

Фр. 13

¹ *Клеобулина*, персонаж романа м-ль де Сюдери «Артамен, или Кир Великий».

Фр. 15

¹ Мотив, развитый в фрагментах 310 и 311. Согласно комментарию Л. Брюнсвика, король суть законный властелин. Правление же тираническое основано на злоупотреблении силой и не может осуществляться с помощью собственных внутренних средств. Итак, власть убеждения происходит вполне легитимным образом лишь от доказательности знания. Красноречие же, столь нам удобное, не заботясь о доказательности, попросту злоупотребляет испорченностью нашей воли. См. также прим. 1 к фр. 311.

Фр. 18

¹ *Соломон де Тюльти* — один из псевдонимов Паскаля. Под этим вымышленным именем должна была выйти в свет «Апология».

Фр. 20

¹ Согласно Э. Авэ, Паскаль здесь намекает на принятое в классической философии разделение: благоразумие, справедливость, умеренность, душевная сила. Паскалем не упомянуто, что и церковь признает эти четыре добродетели, ставя над ними лишь веру, надежду и любовь.

² «*Воздерживайся и терпи*» — максима стоиков, которая, впрочем, как отмечал Л. Брюнсвик, служит выражением лишь негативной стороны стоической морали.

³ «*Следуй природе*» — лозунг многих философских доктрин. Его можно встретить у Гераклита, киников, эпикурейцев, стоиков и т.д. Естественно, что при тех различных трактовках, которые придавались вышеуказанными мыслителями понятию «природа», не могло быть и речи о каком-то едином понимании «следования» природе.

⁴ Ср. *Монтень*. III, 12, с. 245. Сама по себе формула взята из писем, авторство которых приписывается *Платону* (Письма VII, 340d).

Фр. 26

¹ По словам Л. Брюнсвика, «картина» в данном случае означает изображение, снабженное внешними эффектами, то есть работу искусственную и отмеченную печатью воображения; «портрет» же, напротив, предполагает попытку точного воспроизведения внутренней природы модели.

Фр. 29

¹ «Ты сказал скорее как поэт, чем как человек» (*Петроний* 90).

Фр. 35

¹ «*Ничего слишком*» — сакраментальная формула античной философии, выражающая стремление к гармоничной и упорядоченной жизни.

Фр. 37

¹ Л. Брюнсвик считает необходимым прокомментировать этот фрагмент в том смысле, что Паскаль имеет в виду не банальную нахватаемость, а по-настоящему высокий интеллектуальный уровень, который позволяет и оценить глубину незнания, и постичь тот максимум, выше которого человеческий разум не способен подняться.

Фр. 40

¹ Один из глубочайших фрагментов Паскаля. Мысль о том, что истинность вещи зависит от предварительного внутреннего согласия *вообразать* эту вещь истинной, может быть истолкована в прямой связи с возникшими в XX веке концепциями личностного знания и социокультурной детерминации образов истинности (Витгенштейн, Полани, Кун и др.).

Фр. 41

¹ «Излишнюю пышность урежет» (*Гораций*. Наука поэзии. Стих 447).

Фр. 52

¹ Л. Брюнсвик считает возможным расшифровать это неразборчиво написанное Паскалем слово как «*cartesién*», вместо фигурирующей у других издателей трактовки «*courtisan*» («придворный»).

² Первоначальный вариант этой строки, впоследствии зачеркнутый, — «я знаю». Исправление, по мнению Л. Брюнсвика, должно свидетельствовать о желании Паскаля скрыть свою посвященность в тайну происхождения «Писем к провинциалу». О конспиративных приемах, с помощью которых Паскаль оберегал свое инкогнито, см. *Кляус*, с. 138—139; 197.

Часть II

Ничтожество человека, лишённого Бога

Фр. 60

¹ Один из паскалевских набросков общего плана задуманной «Апологии».

Фр. 61

¹ Речь идет о Фоме Аквинском.

Фр. 62

¹ *Шаррон Пьер* (1541—1603) — философ, последователь Монтезя. Его «Трактат о мудрости» (1601), по словам Л. Брюнсвика, содержит 117 глав, в свою очередь имеющих подразделение. «Опыты» Монтезя, напротив, написаны без соблюдения какого бы то ни было порядка, и в каждой из глав авторская мысль движется волею случая. Сам Монтезь

о видимой непоследовательности своего стиля рассуждает в III. 9, с. 200—201.

² «Говорить о себе» — девиз творчества Монтеня, для которого ценны лишь те произведения, где чувствуется личность автора и все построено на жизненном опыте и индивидуальной убежденности. Паскаль же считает, что обращение автора к самому себе лишает произведение цельности и продуманности, приводя к неупорядоченным метаниям мысли, отображающим нашу внутреннюю стихийность и спонтанность. Таким образом, согласно Паскалю, проект Монтеня более чем нелеп. Ведь одно дело говорить нелепости случайно, и совсем другое — поставить все это на «методологическую» основу.

Фр. 63

¹ См. *Монтень*. Апол., с. 408; III, 11, с. 237.

² *Мари ле Жар де Гурнэ*, родилась в Париже в 1565 г., известна своим, проявленным еще в юном возрасте, преклонением перед автором «Опытов». В 1595 г. выпустила в свет полное издание указанной книги по тем рукописям, которые ей передала г-жа Монтень после смерти мужа. В добавленном позже «Вступлении» издательница защищает автора от обвинений в «анатомизации любви». У Л. Брюнсвика приводятся следующие строки из упомянутого текста: «Это вовсе не какие-то вольные и недобросовестные рассуждения о любви, способные таить в себе опасность, но суть те исполненные такта слова, те художественные повествования, имеющие своим предметом связанную с любовью чувственность, которые встречаются в романах и в поэтических произведениях».

³ *Монтень*. Апол., с. 460.

⁴ *Монтень*. Апол., с. 542.

⁵ *Монтень*. Апол., с. 504.

⁶ *Монтень*. II, 3, с. 308.

⁷ *Монтень*. III, 2, с. 25—29.

⁸ Согласно Э. Авэ, Паскаль указывает здесь страницы по изданию «Опытов», вышедшему в 1636 г.

⁹ Вряд ли Монтень согласился бы с такой оценкой своих взглядов (см. III, 9, с. 252—256 и III, 12, с. 189—190).

Фр. 64

¹ Ср. *Монтень*. I, 25, с. 128.

Фр. 73

¹ *Монтень*. Апол., с. 510.

² «Счастлив тот, кто способен познать причины вещей» (*Вергилий*. Георгики. II, 489). См. *Монтень*, III, 10, с. 224, 225.

³ «Ничему не удивляться — вот почти что единственная вещь, способная даровать и сберечь благо» (см. *Монтень*. Апол., с. 510).

⁴ *Атараксия* (невозмутимость) — блаженное состояние скептика, обретшего внутренний покой через отказ от категорических суждений.

Раз ни в чем нет уверенности, то ничего и не связывает человека. (см. *Секст Эмпирик*. Т. 2, с. 212).

⁵ Леон Брюнсвик говорит в примечании, что эта фраза помещена на полях. Указания подобного рода, встречающиеся в рукописи Паскаля, вполне доказывают, что мыслитель был явно далек от какого-либо окончательного варианта своей «Апологии» и что всякая попытка восстановления того, чего не существовало в действительности (см. Предисловие Л. Брюнсвика), выглядела бы неоправданно смелой.

⁶ Стр. 394 по изданию «Опытов» 1636. См. *Монтень*. Апол., с. 390.

⁷ См. *Монтень*. Апол., с. 423.

⁸ См. *Монтень*. Апол., с. 474.

⁹ «Какое из этих мнений верно? Лишь Бог сие постигнет» (*Цицерон*. Тускуланские беседы. I, 11). Вышеприведенная цитата фигурирует у *Монтеня* (Апол., с. 476).

Фр. 74

¹ О «Письме» см. прим. 1 к фр. 184, а также фр. 247.

² Имеется в виду глава о сущности развлечения, задумывавшаяся Паскалем в структуре «Апологии». См. Д. V: I, II, а также фр. 140, 141.

³ «Счастлив тот, кто способен... ничему не удивляться». См. прим. 2 и 3 к фр. 73.

⁴ *Монтень*. Апол., с. 510. Вариант этой фразы, содержащейся в «Копии», выполненной Пор-Роялем, см. Д. V: XII.

Фр. 75

¹ Согласно Л. Брюнсвику, эти указания относятся к «Трактату о пустоте», над которым Паскаль работал с 1647 по 1651 г. В данном фрагменте критикуются физические теории, пытавшиеся объяснить те или иные явления с помощью психологических аналогий, принципа «боязни пустоты» (*horor vacui*), якобы присущего природе и т.д. Подробнее о дискуссиях по поводу физической пустоты см. *Кляус*, с. 51—78.

Фр. 78

¹ «Бесполезен, поскольку его метафизика не доходит до «единой необходимости» (намек на декартовский дуализм); ненадежен, поскольку строит свою систему на априорном принципе, который в действительности оказывается лишь гипотетическим. Не следует думать, будто Паскаль сводит здесь счеты со своим научным прошлым. Вовсе нет. Наоборот, он выступает в данном случае именно как ученый, ни в физике, ни в геометрии, впрочем, не следовавший картезианским методам. Он не верил ни очевидности простых идей, ни возможности рационального конструирования мира. Его геометрия синтетична и конкретна, его физика носит экспериментальный и антиметафизический характер. Паскаль — чистый картезианец, каковым его признавали иногда, не более, чем легенда». — *Л. Брюнсвик*.

Фр. 79

¹ Фрагмент посвящен критике некоторых идей книги Декарта «О началах философии» (см. фр. 77 и прим. к фр. 78). Л. Брюнсвик отмечает здесь трактовку Паскалем философии: «Согласно мнению, господствовавшему в умах XVII века и разделявшемуся самим Декартом, философия понималась как «наука о внешних вещах». Паскаль, подобно Сократу, отходит от данного понимания, чтобы прийти к философии моральной. Однако, согласно замечанию выдающегося исследователя Сократа, М. Бутру, мотивы обоих мыслителей противоположны. Для Сократа окружающий человека мир является Божьим творением, и по этой причине заниматься естественнонаучным исследованием, вместо того, чтобы «возделывать свой сад», то есть познавать и совершенствовать себя, было бы нечестиво. Согласно же Паскалю, человек вполне способен познавать Вселенную, однако последняя «нема»; она не приводит к Богу, а потому ее познание бесплодно».

Фр. 80

¹ *Монтень*. III, 8, с. 187.

² *Эпиктет*. Беседы. IV, 6.

Фр. 81

¹ Глава 4-я Первой книги монтеневских «Опытов» носит название «О том, что страсти души изливаются на воображаемые предметы, когда ей недостает предметов настоящих». По мнению Л. Брюнсвика, именно истории, содержащиеся в этой главе, способствовали возникновению у Паскаля более глубокой мысли: наша природа характеризуется жаждой все познавать и все любить, но то срединное положение, в котором мы пребываем (Д. I: II), порождает заблуждение и ничтожество, ибо неспособно удовлетворить в полной мере стремление к познанию и потребность в любви.

Фр. 93

¹ *Монтень*. I, 23, с. 102; 108—109.

Фр. 94

¹ Л. Брюнсвик считает, что здесь несомненно перефразирован пассаж из Книги Бытия (7: 14) — «Они и все звери земли по роду их». В латинском тексте эта фраза звучит: *Ipsi et omne animal secundum genus suus*.

Фр. 95

¹ Л. Брюнсвик указывает, что естественным мы признаем всякое ощущение, полученное нами в результате непосредственной интуиции. Поэтому некоторые геометрические теоремы вполне могут претендовать на роль естественного ощущения (допустим, мысль о том, что «две прямые, перпендикулярные третьей, параллельны между собой», кажется вполне очевидной). Но указанная естественность имеет место лишь до тех пор, пока разум не решит подвергнуть ее сомнению.

Фр. 96

¹ Этот пример, очевидно, является отголоском дискуссий, возникших после публикации в 1628 г. У. Гарвеем своего труда о кровообращении. Достигнутые путем экспериментов результаты гарвеевского исследования противоречили многим предрассудкам, сложившимся в медицине начала XVII в.

Фр. 103

¹ Возможно, эта мысль возникла под влиянием «Опытов» *Монтеня* (II, 36, с. 670—671).

Фр. 107

¹ «Озарил светочем земли». Согласно Л. Брюнсвику, Паскаль здесь ссылается на приводимый в монтеневских «Опытах» (Апол., с. 497) перевод стиха из «Одиссеи», выполненный Цицероном: «Мысли людей меняются так же, как и плодоносный свет, которым отец Юпитер «озаряет земли».

Фр. 113

¹ Неизвестно откуда возникла эта старинная легенда и каково было ее содержание. Лишь отличавшийся колоссальной эрудицией Э. Авэ смог указать на одну книгу, изданную в 1560 году, где выражается сомнение в правдивости упомянутой легенды.

Фр. 114

¹ Л. Брюнsvик считает, что в этой мысли Паскаля содержится зародыш лейбницевской теории бесконечно малых, согласно которой в природе нет абсолютно идентичных вещей. Известно, что, убеждая в истинности упомянутого тезиса, Лейбниц попросил однажды показать хотя бы два листа на дереве, абсолютно идентичные друг другу.

Фр. 140

¹ Другой вариант части фр. 139 (Д. V: II), зачеркнутый Паскалем.

Фр. 151

¹ Речь идет о детях, которые воспитывались в созданных при Пор-Рояле школах. См. *Кляус*, с. 119—120.

Фр. 156

¹ «Это свирепое племя и для него нет жизни без войны» (*Тит Ливий*. XXXIV, 17).

Фр. 159

¹ Речь идет о стр. 184 издания «Опытов» 1636 г.

Фр. 169

¹ См. Д. V: XIV (фр. 168).

Фр. 177

¹ Английский король Карл I обезглавлен в 1649 г., Ян Казимир утратил власть в результате военного поражения в 1656 г., королева Швеции Кристина отреклась от престола в 1654 г.

Фр. 179

¹ Август намекал здесь, очевидно, на запретность для иудеев употреблять свиное мясо. Что до самой истории, то конец царствования Ирода Великого ознаменовался жестокими репрессиями, среди которых были и непосредственные прообразы для евангельского рассказа об избиении Вифлеемских младенцев (Мф. 2: 16—18). Будучи крайне подозрительным и жестоким, Ирод приказал убить свою жену Мариам и сыновей от нее — Александра и Аристокбула. Смерть царя наступила в 4 г. до н.э., что никак не соответствует приводимому здесь мотиву Евангелия от Матфея, указывая тем самым на произвольность датировки года Рождества Христова 753-м годом от основания Рима. Если Евангелие право, то начало «нашей эры» следовало бы передвинуть назад года на четыре.

² *Макробий* — латинский автор V века, философ-неоплатоник. Был близок ко двору императора Феодосия. Его произведение «Сатурналии» представляет собой неисчерпаемый источник различных сведений об античности.

Часть III

О необходимости пари

Фр. 180

¹ *Монтень*. Апол., с. 413—414.

Фр. 184

¹ Фрагмент носит незаконченный характер. Скорее всего это конспективная запись возникшей мысли относительно плана «Апологии». «Их», очевидно, относится к либертинам. Под «письмом» Л. Брюнсвик склонен понимать знаменитый аргумент пари (Д. VIII, фр. 233), построенный в диалогической форме. Судя по всему, и «Апология» была задумана как одно большое послание, письмо, предполагающее не просто прочтение, но и отклик, ответ.

Фр. 190

¹ См. фр. 227—229 и Д. VII (фр. 194).

Фр. 191

¹ Фрагмент направлен против либертинов, высмеивавших веру как нечто архаичное (см. подробнее фр. об атеистах Д. VII). «Другой» — христианин — занимает истинно христианскую позицию, «любя врагов своих».

Фр. 192

¹ Л. Брюнсвик трактует эту не совсем четко сформулированную мысль следующим образом: «Поскольку, когда Митона упрекнет Бог, будет уже слишком поздно, то самому Митону полезно, если его начнут

упрекать уже сейчас». Очевидно, под упреками подразумеваются упреки в гордыне и в отсутствии самоуничиженности (фр. 455).

Фр. 197

¹ Ср. *Фома Кемтійский*. О подражании Христу. III, LIII, 1—2.

Фр. 200

¹ Л.Брюнсвик дает следующую гипотетическую реконструкцию этой незаконченной фразы: «...когда человек проводит свою жизнь в развлечениях, никак не заботясь о том, что ему ближе всего».

Фр. 201

¹ См. фр. 556 о деизме и атеизме (Д. IX: XI).

Фр. 217

¹ Речь идет о спасении, обещанном христианской религией, и о необходимости изучать Писание.

Фр. 220

¹ *Монтень*. Апол., с. 484—489.

Фр. 228

¹ Ответ Паскаля см. Д. VII. и фр. 202.

Фр. 229

¹ Этот фрагмент — часть диалога между Паскалем и воображаемым собеседником, который не верует, но искренне стремится к вере. Поэтому Л.Брюнсвик поместил данную мысль в раздел «О необходимости пари», считая ее частью размышлений, изложенных в знаменитом фрагменте 233 (Д. VIII).

Фр. 231

¹ У Паскаля «*sans parties*», т.е. дословно — «лишенный частей», что соответствует философскому и теологическому понятию божественной простоты.

Часть IV

Средства веры

Фр. 244

¹ Л.Брюнсвик указывает в этой связи на пифагорейскую гармонию небесных сфер, а также на особенности организма птиц, позволяющие летать, инстинкт гнездования и т.д. Очевидно, что настоящий фрагмент следует понимать как продолжение полемики с теми, кто, не давая себе труда поглубже вникнуть в христианское учение, путает последнее с деизмом, либо пытается напрямую подтвердить его доводами естественного порядка. См. фр. 556 (Д. IX: XI; XX: II).

Фр. 246

¹ «Паскаль обращается к знаменитому понятию картезианства, фигурирующему в учении о животных-автоматах или животных-машинах (См. Декарт. Т. 1, с. 282—284 — прим. перев.). Все то, что происходит в нас не от рефлектирующей мысли, подчиняется некоему необходимому механизму, началом которого выступает тело (См. Декарт. Страсти души. I, 6 — прим. перев.), и обнаруживается в душе посредством воображения и страсти. Для устранения полагаемых телом препятствий следует смирить тело, создать в нас определенную искусственную природу, которая осуществляла бы руководство осмысленной волей, вместо того, чтобы противостоять последней. Привычка, будучи вверенной непостоянству наших спонтанных стремлений и являясь «обманчивой способностью», в тот момент, когда попадает под надлежащее руководство, становится «средством веры». — Л.Брюнsvик.

² Согласно Л.Брюнsvику, именно страсти являются главным препятствием для рассудка либертина в деле постижения истин веры. Если однажды превозмочь страсти с помощью определенной дисциплины, на службу которой церковь и ставит «машину» (т.е. «автоматизированное» благочестие, христианские принципы на уровне глубоко укоренившейся привычки), то разум смог бы убедиться, что религия по крайней мере не направлена против него. Таким образом, исчезли бы препятствия, создаваемые страстями или обыденным здравомыслием, и очистился бы путь для религиозного чувства.

Фр. 247

¹ Т.е., опираясь на знания. Согласно христианской религии вера есть дар Божий, а потому не зависит ни от каких познаний и доказательств (см. фр. 587 и 588).

² «Машина», убирая препятствия, позволяет осуществить порой полное преобразование души, казавшееся сначала невозможным (см. прим. 1 к фр. 246).

Фр. 248

¹ Рим. 1: 17.— «Праведный верою жив будет».

² «Знаю».

³ «Верую».

Фр. 259

¹ Очевидно, Паскаль имеет в виду стремление иудеев уберечься от соблазна знакомства с доказательствами, которые могли бы свидетельствовать в пользу Иисуса Христа. Христиане же бегут от соблазна усомниться, что эти свидетельства — действительно об Иисусе Христе. В итоге сомнения принято разрешать с помощью соответственным образом устроенной традиции, что дает возможность сохраняться религии. Однако трудно понять, откуда Паскалем взят мотив, приписываемый им иудеям, для которых именно чтение и осмысление священных текстов — основа всей религиозной жизни. См. Втор. 31: 9—31.

Фр. 260

¹ Этот фрагмент, очевидно, представляет собой набросок диалога — формы, весьма часто присутствующей у Паскаля. Первая фраза относится скорее к возражению: верования людей освящает толпа, их исповедующая. Далее — ответ на возражение.

² Речь идет о Декарте и его доктрине всеобщего сомнения, содержащей методологическое требование отбросить как недостоверное все, кроме наипростейших и самоочевидных вещей (см. *Декарт*. Первоначала философии. I: 7, 10). К тому же в декартовской гносеологии одним из основных препятствий усмотрению самоочевидности являются ложные понятия, усвоенные в детстве и потому весьма трудно искоренимые.

³ Своеобразная переформулировка декартовской концепции самоочевидности. Если у Декарта не вызывает сомнения лишь простейшее, то, согласно Паскалю, «внутренний голос» требует согласиться с самоочевидностью конкретных требований христианской веры, которые не нужно откуда-либо выводить, поскольку для убеждения в их истинности достаточно просто заглянуть в себя, «согласиться с собой».

⁴ Согласно примечанию Л.Брюнсвика, Паскаль критикует здесь авторитет и всеобщее согласие как критерии истинности веры. Подобные критерии, принятые у схоластов, осуждались уже Декартом. Следует заметить, однако, что эта критика схоластических тезисов не сделала Паскаля менее беспощадным по отношению к самому Картезию.

⁵ По Л.Брюнсвику, ложное смирение, отказ от своей собственной мысли в пользу мысли какого-либо авторитета проистекает из желания обезопасить себя от ошибки, из боязни сомнений. Подобное желание, стало быть, коренится в самолюбии, являющемся одним из главнейших, согласно Паскалю, признаков испорченности человеческой природы. См. Д. III: IX.

Фр. 264

¹ См. Мф. 5: 6.

Фр. 271

¹ Мф. 18: 3.— «Если Вы <не обратитесь и> не станете как дети, <то не войдете в Царство Небесное>».

Фр. 274

¹ «Подобна благодаря своему бессознательному, непосредственному характеру; противоположна, поскольку чувство стоит на некоторой естественной, глубинной и истинной точке зрения, фантазия же рождена случайностью ассоциаций, а потому искусственна, поверхностна, ложна» — Л.Брюнsvик.

² См. *Монтень*. Апол., с. 498; III, 11, с. 238.

Фр. 283

¹ Ис. 8: 14; Рим. 9: 32—33.

Часть V

Справедливость и Причина следствий

Фр. 291

¹ Исходя из этого указания, Л. Брюнsvик отмечает, что глава об основах справедливости задумывалась Паскалем в форме писем. «Но мы, однако, не можем сказать, в какой связи с общим планом «Апологии» должны были находиться эти письма».

Фр. 294

¹ См. *Монтень*. Апол., с. 386; 511.

² См. *Монтень*. Апол., с. 511—512.

³ См. *Монтень*. Апол., с. 512.

⁴ См. *Монтень*. Апол., с. 513.

⁵ «Нам уже ничто не принадлежит; то, что я называю „нашим“ — понятие условное» (*Цицерон*. О пределах добра и зла. V, 21).

⁶ «Преступления совершаются на основании сенатских решений и плебисцитов» (*Сенека*. Письмо 95).

⁷ «Некогда мы страдали из-за наших пороков, теперь страдаем из-за наших законов» (*Тацит*. *Анналы*. III, 25).

⁸ См. *Монтень*. Апол., с. 512.

⁹ См. *Монтень*. III, 13, с. 363.

¹⁰ См. *Монтень*. с. 365; Апол., с. 515.

¹¹ См. *Платон*. *Государство*. II, 663 а-е; V, 549 е.

¹² «И, так как он не ведает истины, дарующей освобождение, для него благо быть обманутым» (*Августин*. О Граде Божьем. IV, 27).

Фр. 297

¹ «Относительно истинного права». Цитата из *Цицерона* (Об обязанностях), приведенная у *Монтеня* (III, 1, с. 15). Полный текст: «Относительно истинного права и чистой справедливости мы не располагаем надежным и позитивным образцом. У нас имеются лишь тени и образы этих предметов».

² См. *Монтень*. I, 23, с. 111—113; Апол., с. 511.

³ Этот фрагмент был исключен из пор-рояльского издания А. Арно, писавшим Ф. Перье: «Ложно и весьма опасно заявлять, что среди людей нет ничего справедливого по существу. Г-н Паскаль говорит это, очевидно, под впечатлением той максимы Монтеня, что законы справедливы не сами по себе, а лишь потому, что они — законы».

Фр. 300

¹ Лк. 11: 21. См. также *Тит Лукреций Кар*. О природе вещей. XI, 21.

Фр. 310

¹ См. Д. III: XI.

Фр. 311

¹ «Весьма характерное для Паскаля противопоставление понятий короля и тирана состоит в следующем: король является законным владыкой, господствующим в тех рамках, которые естественно соответствуют его суверенитету. Тираном же можно назвать властителя, злоупотребляющего своим превосходством и престапующего рамки должного. Таков, например, Нерон, который хотел быть лучшим поэтом Рима на том основании, что он — император. В фр. 303 сказано: «Сила, а не мнение, суть царица мира». Слово царица означает, таким образом, действительное — законное или грубое — господство, и Паскаль признает, что действительность эта весьма полно характеризует власть силы, собственно и делая ее вечной, в то время как сама по себе власть силы преходяща и случайна. Показательно, что во фр. 15 красноречие, стремящееся кротко увещевать, расценивается как тираническое, поскольку верховная власть в области убеждения принадлежит рассудку и в этом смысле кротость — злоупотребление. Но кротости принадлежит верховная власть в том, что именуется сферой сердца, и здесь злоупотреблением предстает уже сила». — Л. Брюнсуик. См. также фр. 332.

Фр. 313

¹ См. *Монтень*. I, 23, с. 112—113. Дословно в тексте Паскаля значится «гражданские войны» («*les guerres civiles*»).

Фр. 314

¹ Речь идет о природной испорченности человека и его ничтожестве без Бога (Д. VI: I). По Паскалю, человека можно уподобить только земным владыкам. Сравнение же с Богом совершенно неправомерно.

Фр. 315

¹ См. *Монтень*. I, 42, с. 234—235.

Фр. 316

¹ См. прим. к фр. 315.

Фр. 320

¹ Этот фрагмент перекликается с фр. 313, представляя собой дальнейшее рассуждение о недопустимости гражданских войн.

Фр. 321

¹ Мысль развита во фр. 322. Суть ее в том, что благодаря знатности человек совсем еще молодой может пользоваться уважением, для иных недоступным и лет в пятьдесят. Знатность, таким образом, «экономит время».

Фр. 324

¹ См. *Монтень*. I, 31, с. 198.

² См. Д. XXII: LXXXI.

Фр. 325

¹ Взгляды Монтеня на этот вопрос неоднозначны. Ср. I, 23, с. 111—112; Апол., с. 511—512.

Фр. 330

¹ Л. Брюнsvик указывает, что прояснить эту, кажущуюся на первый взгляд темной, мысль можно с помощью предшествующих фрагментов. Мощь королей зиждется на разуме, ибо народ, обладающий довольно здравыми суждениями, признает необходимость в некоем вожде, который способен установить общественный мир, а также — на неразумии, в том смысле, что народ верит, будто один индивид обладает большим, нежели другой, правом быть вождем, будто какое-то естественное и внутренне присущее верховенство узаконивает власть такого человека. Неразумие потому служит более надежной, нежели разум, основой, что если усваивают только необходимость иметь короля, то подобное усвоение не помешает распрям, ибо каждый хотел бы стать королем. И если, как доказывает разум, принять решение о передаче власти наиболее мудрому, то пришлось бы спорить, кто мудрее. Однако слабость мнений народа, убежденного в прямой зависимости права на власть от происхождения, представляет собой замечательно прочное основание монаршей власти, и именно благодаря указанной слабости поддерживается общественный мир.

Фр. 338

¹ См., напр., фр. 587 и 588.

² Еккл. 3: 19. — «Суетно всякое творение».

³ Рим. 7: 20—21.

⁴ Имеется в виду комментарий Фомы Аквинского на стих 1-й главы 2-го послания ап. Иакова.

⁵ Под «они» подразумеваются не сами богатые, а те, кто выказывает уважение богатым, руководствуясь нехристианскими мотивами, т.е. оказывая им почести не как это должно делать в отношении всякого верующего, но исключительно на основании их богатства и общественного положения.

Часть VI

Философы

Фр. 341

¹ Л. Брюнsvик сообщает, что история, о которой говорится у Паскаля, не известна, однако можно предположить, что ее целью было защитить ум животных от доводов теории автоматизма. Герцог де Лианкур после блестящей и бурной молодости под воздействием жены обратился к религии, став одним из наиболее влиятельных и надежных друзей

Пор-Рояля. Именно ему было отказано в отпущении грехов за укрывательство преследуемого янсениста — аббата Бурзеиса. Как раз этот эпизод и стал отправным пунктом в цепи событий, приведших к написанию «Провинциальных писем» (см. *Кляус*, с. 129). Известно, что свой опыт охотника герцог противопоставлял картезианским взглядам А. Арно, приводя в пример различные случаи сообразительности животных. Паскаль склонен был отвечать на подобные доводы в духе V части декартовского «Рассуждения о методе» — разум представляет собой универсальный инструмент, инстинкт же суть инструмент специализированный, соотносимый с какой-либо автоматической привычкой. См. прим. 1 к фр. 342.

Фр. 342

¹ Паскаль пытался выяснить различие между спецификой, как бы сейчас сказали, высшей нервной деятельности человека и животных. В дискуссиях, проходивших в стенах Пор-Рояля между Арно и герцогом де Лианкурром (см. прим. к фр. 341), Паскаль принял сторону картезианства. Так, относительно вопроса об уме или инстинкте как движущих мотивах «языка» животных он высказался в том смысле, что человеческий язык — средство универсальное, т.е. применимое к любому предмету, «язык» же животных специализирован и является типичной реакцией автомата. Следует, однако, отметить несводимость паскалевской позиции в данном вопросе к простому механизму (см. фр. 340).

Фр. 343

¹ Этот пример инстинктивной деятельности служит иллюстрацией идей, высказанных в предыдущих фрагментах.

Фр. 349

¹ Речь идет о стоиках. Л. Брюнсвик указывает, что, согласно стоическому учению, образы и иррациональные стремления, с этими образами связанные, не имеют над нами власти, если только мы сами не выкажем им какого-либо одобрения. Таким образом, мы обладаем абсолютной свободой от страстей и вполне способны создать в себе гармоническую систему, страсти исключаящую. Стало быть, хотя стоики и материалисты, считающие душу и Бога разновидностями тонкой огненной материи, их мораль убеждает Паскаля в нематериальности души, свободной по отношению ко всякому внешнему воздействию.

Фр. 351

¹ См. *Монтень*. II, 29, с. 626.

Фр. 353

¹ *Монтень*. II, 36, с. 672.

Фр. 355

¹ «Уход и возвращение».

Фр. 358

¹ Сравнение заимствовано у *Монтеня* (III, 13, с. 310).

Фр. 359

¹ *Монтень*. III, 2, с. 31.

Фр. 360

¹ Паскаль критикует здесь максимализм стоической морали, согласно которой добродетель абсолютна, а потому человек, не достигший морального абсолюта, оказывается полностью лишенным также и какой бы то ни было добродетели.

Фр. 368

¹ Имеется в виду декартовская теория ощущений.

² Под *conatus recendi* (центробежной силой) у Декарта понимается сила, присутствующая в телах, которые движутся по кругу, и удерживающая последние от столкновения с теми телами, вокруг которых происходит движение (см. *Декарт*. Первоначала философии. III, 54).

³ Животные духи, по Декарту, представляют собой мельчайшие частицы крови, движущиеся с чрезвычайной быстротой, т.е. чисто телесные образования (*Декарт*. Страсти души. I, 10).

Фр. 369

¹ Согласно Л.Брюнсвику, для понимания истинной значимости этого фрагмента следует обратиться к картезианскому учению. «Декарт полагал моменты времени независимыми друг от друга (Первоначала философии. I, 21 — прим. перев.). Каждому мгновению соответствуют как новое сотворение мира, так и собственные необходимые истины, которые тоже относятся к уровню сотворенного. А раз так, то не существует никаких гарантий, обеспечивающих истинность какого-либо, признаваемого истинным ныне, положения для следующего момента времени и даже для настоящего, ибо грань, отделяющая будущее от настоящего, неуловима. Следовательно, абсолютную уверенность дает лишь непосредственная интуиция, очевидность. Однако, очевидность свойственна только простым идеям. Именно в силу этого Декарт рекомендовал во всяком сложном доказательстве как можно быстрее проходить дедуктивные этапы, дабы приблизиться к единству интуиции и тем защититься от недостаточности и неожиданных сюрпризов памяти (*Декарт*. Т. 1, с. 112 — прим. перев.). Итак, смысл рассматриваемого фрагмента Паскаля сводится к следующему: если память необходима для всякого действия разума, то надлежит сказать, что разум «дает рядом с собой приют и своему недругу» и что все его действия; таким образом, поражены неуверенностью и находятся под непрерывной угрозой впасть в заблуждение».

Фр. 375

¹ *Аркесилай* (315—241 гг. до н.э.) — основатель так называемой Средней Академии. Его учение представляло собой попытку синтеза платонизма со скептицизмом. См. прим. 2 к Д. IV: XIV.

Фр. 382

¹ Л.Брюнсвик указывает, что вначале Паскаль написал «Когда движется все, ничто не движется», но затем отказался от стилистического эффекта в пользу большей ясности изложения.

Фр. 384

¹ Этот фрагмент фигурирует в переводе Э.Линецкой. Однако в данном контексте (см. фр. 902) требуется более дословная передача мысли Паскаля, и потому мы приводим свою версию. В оригинале речь идет именно о противоречии, причем — в логическом, а не в историческом понимании этого слова (поскольку нечто безупречное в плане логики может, тем не менее, считаться ложным в ту или иную эпоху, и, наоборот, логически противоречивое — истинным). Указанная противоречивость, согласно Паскалю, служит цели ослепления отвергнутых Богом и потому лишь косвенно относима к истине как таковой. Подтверждению этого служат примеры святых, преследовавшихся при жизни, но посмертно канонизированных (св. Афанасий, Иоанн Златоуст, св. Тереза и др.).

Фр. 385

¹ Л.Брюнсвик считает этот тезис Паскаля весьма примечательным. Здесь провозглашено, что абсолютная истина возможна лишь в негативной форме. Приводимые далее примеры, подтверждающие высказанную мысль, заимствованы из аристотелевского учения о моральной жизни: добродетель есть справедливая середина между двумя порочными крайностями. Для Аристотеля добродетель представляется не знающей избытка, а потому ее поиск уподобляется чистому созерцанию истины. Для пирроника подобная чисто теологическая добродетель представляет собой химеру.

Фр. 388

¹ Речь идет о позволительности категорического утверждения в вопросе о том, спим мы или бодрствуем в тот или иной момент, т.е. существуют ли надежные критерии отличения сна от яви. См. Д. VI: I.

² См. *Монтень*. Апол., с. 389.

Фр. 389

¹ Еккл. 8: 17.

Фр. 390

¹ Этот небольшой фрагмент — квинтэссенция паскалевского богооправдания. Л.Брюнсвик отмечает, что здесь приведены наиболее сильные доводы, которые могут быть выдвинуты против христианства и в особенности — против янсенизма последовательно рационалистической

точкой зрения. Справедливо ли поступал Бог, обрекая столько своих собственных созданий на осуждение или возлагая на нас столь очевидно несоразмерные нашим способностям обязательства? Однако судить божественную справедливость можно, лишь когда знаешь определение абсолютной справедливости. Эту-то суетную претензию и должен развеять пирронизм. Следовательно, пирронизм препятствует человеку восставать против Бога.

Фр. 396

¹ Под инстинктом здесь понимается память о блаженном состоянии, предшествующем первородному греху, а опыт есть то, что указывает на сегодняшнее ничтожное состояние. См., напр., Д. X: IV; XXII: LIV.

Фр. 403

¹ Т.е. устроить жизнь на началах милосердия, веры и т.д.

Фр. 408

¹ *Монтень*. I, 9, с. 36.

Фр. 410

¹ См. Д. II: V.

Часть VII

Мораль и Учение

Фр. 426

¹ Речь идет о суетности человека, ставящего всевозможных идолов на место утраченной некогда подлинности жизненных основ (см. фр. 81).

Фр. 440

¹ Т.е., чтобы обратился к чему-то более высокому, чем он сам, и перестал считать последней истиной привычные для себя порядки.

Фр. 447

¹ «Никто не счастлив прежде, чем умрет» (*Овидий*. *Метаморфозы*. III, 135). Этот стих цитируется и *Монтенем* (I, 19, с. 74).

Фр. 448

¹ В манускрипте значится «Мартон», однако запись делалась не рукой Паскаля, и потому Л.Брюнsvик счел возможным дать такой вариант. *Митон Дамье* (1618—1690) — светский знакомый Паскаля (см. *Кляус*. с. 99).

Фр. 453

¹ «Состав зла» — см. Пс. 102: 14. Л.Брюнsvик и Э.Авэ единодушны в том, что слово «*figmentum*» употребляется здесь в значении, аналогичном приводимому в указанном псалме: «*quoniam ipse cognovit figmentum nostrum*» — «ибо Он знает состав наш, <помнит, что мы — персть>».

Фр. 454

¹ Л.Брюнsvик поясняет, что под «они» подразумеваются те порядочные люди, которые хотели приемлемое для них согласовать с общественной пользой. Но в пределах земной жизни гармония поступка и замысла невозможна.

Фр. 457

¹ I Кор. 9: 22.

Фр. 460

¹ I Кор. 1: 31. — «Хвалящийся, хвались Господом».

Фр. 466

¹ Ин 14: 6. — «Дорога, истина». Л.Брюнsvик: «Эпиктет обладал знанием, но, чтобы прийти к цели, недостаточно лишь видеть путь, нужны силы, чтобы этот путь проделать. Следовательно в подобного рода вещах нельзя ограничиваться самим по себе указанием: необходима воля. А воля исходит от Бога».

² Согласно Л.Брюнsvику, под недостатками Зенона подразумевается бессилие стойков в деле обоснования истины и блаженства.

Фр. 467

¹ Эпиктет. Беседы. IV, 6. См. фр. 80.

² Эта максима является одним из основных принципов философии Эпиктета.

³ См. Д. VI: I.

Фр. 473

¹ См. I Кор. 2. Развитие этой мысли — в следующем фрагменте.

Фр. 489

¹ Паскаль пытается здесь, вопреки собственным заявлениям об ограниченности разума, дать некое логичное разрешение проблемы первородного греха и божественной справедливости. Такая проблема не может в принципе быть разрешенной рациональными средствами; и пока Паскаль ведет подобного рода рассуждения, он ничем не отличается от поносимых им философов. Правда, соблазн порассуждать о первородном грехе не менее велик, чем сам этот грех, а значит, следует с пониманием относиться к виду «суетно» философствующего Паскаля.

Фр. 490

¹ Л.Брюнsvик интерпретирует этот фрагмент следующим образом: люди думают, будто божественная справедливость только попускает человеческие действия пропорционально достоинству каждого. На деле же она сотворяет достоинство (т.е. первоначально вызывает к жизни) или, иными словами, дарует благодать, приводящую к спасению. Божественная справедливость исполняется после, а не до нашего существования; она характеризуется не тем, что распределяет и упорядочивает, но своей творящей и конститутивной природой.

Фр. 499

¹ *Св. Тереза* (1515—1582) — испанская монахиня, преследуемая при жизни инквизицией, но посмертно, в 1622 г., причисленная к лику святых. Наряду со св. Иаковом почитается небесной заступницей Испании. Отличалась изяществом слога, создав классические образцы испанской литературы эпистолярно-нравоучительного жанра.

² См. Лк. 18: 9—14.

Фр. 504

¹ Л. Брюнсвик дает следующий вариант заполнения лакуны: «Эти действия вводят нас в заблуждение, поскольку Божий Дух нисходит там и тогда, где и когда Ему угодно. Как только благодать покидает праведника, воля последнего вдруг начинает ощущать себя бессильной и бесплодной».

Фр. 506

¹ Грехи происходят от злонамеренности человека, а не от воли Бога. Но сам факт любого греха означает недостаток милосердия, даруемого Богом, т.е. на деле — оставленность божеством. Потому ужасны даже малейшие прегрешения.

Фр. 512

¹ Речь идет об евхаристии.

² Автор, которого Паскаль стремится опровергнуть, полагает физическую природу целиком преобразованной в теле Христа. Однако тело Христово не может быть полностью тождественным природе евхаристии, ведь объединение духа и тела иногда предполагает простую рядоположенность этих двух субстанций, и контакта между ними вовсе недостаточно, чтобы с уверенностью говорить об ассимиляции. Напротив, в материальном состоянии вещи непроницаемы друг для друга. Численное тождество (выражение Аристотеля, противоположность качественного тождества) предполагает тождество материальное, т.е., чтобы две вещи составили одну, они должны быть одной природы, как, например, тело и тело, вода и вода.

Фр. 513

¹ Мк. 11: 24.

² Мысль, восходящая к янсенистскому тезису об изначально избранных и изначально отвергнутых. Не только праведность человека даруется благодатью, но и само стремление обратиться к Богу происходит от того же источника. В человеке вообще нет ничего благого, что бы не даровалось свыше.

³ Речь идет о том, что человек достоин быть спасенным. Но, согласно трактовке Л. Брюнсвика, здесь имеется двусмысленность: указанное достоинство человека всецело зависит от заслуг Иисуса Христа, который, отдав жизнь за людей, обеспечил им возможность спастись. Т.е. заслуги

человека, способствующие спасению души, фактически являются за-
слугами Спасителя.

⁴ Мф. 7: 7.

⁵ Рим. 9: 6—8.

Фр. 518

¹ Ис. 45: 15 — «Бог сокровенный».

Фр. 519

¹ Ин. 8: 31—33 — «Многие уверовали в Него. Тогда сказал Иисус <уверовавшим в него иудеям>: «Если пребудете <в слове моем>, то вы истинно мои ученики <и познаете истину>, и истина сделает вас свободными». Ему отвечали: «Мы семя Авраамово и не были рабами никому и никогда».

Фр. 522

¹ Согласно Новому Завету, закон (имеется в виду закон Моисея) дается лишь для обличения грешника в его грехе. И потому в самом по себе законе нельзя найти опору для исполнения всех предписываемых им требований. Закон вообще неисполним для человека, и делами закона оправдаться (Рим. 3: 20) никто не сможет. Благодать же не только обязывает, но, присутствуя в человеке, непосредственно направляет волю к правильным поступкам.

Фр. 531

¹ Лк. 12: 47.

² Апок. 22: 11. — «Праведный, да творит правду еще».

Фр. 540

¹ Речь идет о том, что предмет упований христианина, согласно Паскалю, не только требует воздерживаться от греховности, но и не должен казаться какой-то далекой целью. Христианам нечего бояться возможности неисполнения своих надежд, ибо, отстраняясь от греха, они уже тем самым непосредственно обретают определенную долю чаемого.

Фр. 542

¹ В примечании Л. Брюнсвика говорится, что порядочные люди, если они далеки от религии, полагают предмет своего удовольствия в вещах индивидуальных, частных и потому в своем счастье оказываются перед альтернативой либо быть ненавидимыми, когда лишают подобных вещей кого-то другого, либо несчастными, когда сами их лишаются. У христианина же никогда нельзя отнять то, что делает его счастливым.

Фр. 547

¹ I Кор. 1: 21. — «ибо <когда мир своею> мудростью не познал <Бога в премудрости Божией, то> угодно было Богу юродством проповеди спасти <верующих>».

Фр. 549

¹ «Будучи по природе наилучшим, становятся наихудшим, когда приписывают сами себе то, посредством чего причастны наилучшему».

Фр. 551

¹ Л. Брюнсвик считает, что эта фраза принадлежит самому Паскалю: «Удостаиваясь чаще ударов, нежели поцелуев, не испытываю страха, но люблю».

Часть VIII

Основания христианской религии

Фр. 570

¹ Иисус не обладал светской властью (см. прим. 2 к фр. 587) и часто изъяснял свои мысли притчами (см. Мф. 13: 10—16). Иудеи же ожидали Мессию, который должен был явиться в блеске славы и мирского могущества, т.е. несомненным, «не иносказательным» образом (см. прим. 1 к фр. 587).

Фр. 573

¹ Ин. 12: 39.

² Ис. 6: 9.

Фр. 587

¹ «Помазанник» по-древнееврейски — «Машиах», таким был титул израильских и иудейских царей, должный свидетельствовать о неземном происхождении царской власти, поскольку помазанник есть помазанник Божий. Поэтому «Машиах» (в греческой передаче — «Мессия»), провозвещенный в Ветхом Завете, для евреев был даже чисто этимологически связан с атрибутами реального царского могущества. Среди размышлений Паскаля на эту тему весьма показателен фр. 752 (о Давиде).

² *Исайя*, сын Амоса (не путать с одним из ветхозаветных пророков), к царствующему дому не принадлежал. Речь, очевидно, идет о том, что в его книге впервые появляется образ Царя-Мессии Эммануила. Паскаль, возможно, употребляет словосочетание «принц крови» по отношению к Исае с целью подчеркнуть близость пророка к предвещенному им Мессии.

Часть IX

Непрерывность

Фр. 592

¹ Речь идет об иудеях. В первой фразе говорится о язычниках.

Фр. 594

¹ См. прим. 1 к Д. XXII: XLVI.

² *Монтень*. III, 6, с. 125—126.

³ См. Д. XII: III.

Фр. 596

¹ Ин. 5: 31.

Фр. 597

¹ В «Коране» не фигурирует имя Матфея, однако содержатся порой довольно одобрительные высказывания как об апостолах Исы в целом, так и о самом основателе христианства (см. 5: 50; 61: 41).

² Т.к. не верит в истинность апостольской проповеди.

Фр. 598

¹ Сура 43: 69—73; 69: 20—24. См. также *Монтень*. Апол., с. 453.

Фр. 609

¹ Традиционный евангельский мотив внешне лицемерной чистоты фарисеев: Лк. 11: 34—42.

Фр. 611

¹ *Филон Александрийский* (ок. 20 г. до н.э.—50 г. н.э.)— известнейший философ и теолог, представитель эллинистического иудаизма.

Фр. 618

¹ По поводу отношения Паскаля к библейской хронологии см. прим. 5 к Д. XII: I.

Фр. 623

¹ Речь идет о генеалогии сыновей Ноя в Книге Бытия (10: 2—5).

² Быт. 48: 13—14.

Фр. 627

¹ *Иошуа*, т.е. Иисус Навин, преемник Моисея. Под руководством Иисуса Навина, согласно Библии, был завоеван Ханаан.

² Иисус в переводе с древнееврейского — «спаситель».

Фр. 629

¹ Речь идет об *Иосифе Флавии* (род. ок. 37 — ум. после 100 г.) — иудейском военачальнике времен восстания против римлян (66—71 гг.), впоследствии — знаменитом историке.

² Чис. 11: 29. Полный текст: «...не ревнуешь ли ты за меня? О, если бы все в народе Господнем были пророками...»

³ Чис. 11: 11—15.

Фр. 633

¹ О выдумке Ездры см. прим. 1 к фр. 634.

² Ссылка на книгу *Иосифа Флавия* «Иудейские древности».

³ Ис., гл. 52.

⁴ В упомянутой выше (см. прим. 2) книге Иосифа Флавия, посвященной иудейской истории, с именем Ездры не связывается какого-либо воссоздания древнего закона.

Фр. 634

¹ «„Выдумка“ Ездры представляет собой рассказ из IV книги, согласно которому Ездра восстановил и упорядочил Писание, сгоревшее во время событий, связанных с вавилонским пленением (см. II Парал. 36: 11—21), будучи руководим Богом. Эта выдумка дает повод сомневаться в аутентичности Писания, почему католицизм и отвергает последние книги Ездры (III и IV) как неканонические. Паскаль, в свою очередь, в соответствии с решениями Тридентского Собора, присоединяется к официальной точке зрения своей церкви».— Л.Брюнсвик.

² Легенда о 70-ти переводчиках Торы на греческий, создавших т.н. Септуагинду. Идентичность текстов, представленных всеми семьюдесятью (работавшими в строгой изоляции), которая якобы имела место, послужила доказательством божественности Писания. Согласно рассказу Аристеея, перевод Пятикнижия был выполнен в царствование Птолемея II Филадельфа (285—247 гг. до н.э.).

Часть X Образность

Фр. 644

¹ Быт 3: 15.

² Быт. гл. 6.

³ Быт. 12: 1—9.

⁴ Между Симом и Моисеем 15 поколений, причем, согласно библейской хронологии, Сим не мог жить в те времена, когда родился Моисей. Восстановить родословие от Сима до Моисея позволяют указания, содержащиеся в Быт. гл. 11; 21: 5; 25: 26; 29: 34; Исх. 6: 16—20; 7: 7.

Фр. 647

¹ В связи с этим фрагментом Л.Брюнсвик как на источник паскалевских идей указывает не на средневековую теологию, которую сам мыслитель признавал в качестве собственного основания, а на янсенистские постулаты, например, следующее положение Янсения: «Ветхий завет имеет образную природу».

Фр. 648

¹ Согласно Л.Брюнсвику, первое относимо к плотским евреям, второе — к базирующимся лишь на воображении апокалиптикам.

Фр. 651

¹ Учение преадамизма было создано в 1655 г. кальвинистом И. де Пейрером и заключалось в том, что Адам был предком не всего

человечества, а только иудейского народа. Осуждено как протестантами, так и папой Александром VII.

² Представители секты верующих в тысячелетнее земное царствование Христа, которое будет предварять собой страшный суд. Основанием доктрины послужило место из Апокалипсиса ап. Иоанна (20: 4—6).

³ Согласно указанию Л.Брюнсвика, эти размышления возникли у Паскаля в результате чтений *Pugio Fidei* трактата каталонского монаха XIII века *Раймунда Мартина*, направленного против античной мудрости, иудеев, мусульман, христиан-еретиков.

⁴ Мф. 24: 34.

⁵ II Пар. 1: 14.

⁶ Скорее всего намек на человеческую природу Соломона и божественную установленность царской власти, не зависящую от личностей на престоле (см. прим. 1 к фр. 387).

Фр. 653

¹ Напр., Дан. 3: 94.

Фр. 654

¹ Лк. 14: 12.

² Ср. Рим. 5: 14.

³ Имеется в виду разрушение Иерусалима Титом в 70 г.

⁴ См. Д. XXII: XXIX.

Фр. 655

¹ По свидетельству Л.Брюнсвика, Э.Авэ находил источником этих аллегорий одно из мест *Бл. Августина* (*De Genesi contra manichaeos*: 1, 23): «Шесть эпох мира соответствуют шести дням творения в книге *Бытия*, с их утренним и вечерним временем. Шесть утр (или шесть рассветов) суть творение, отплытие Ноева ковчега, призвание Авраама, царствование Давида, переселение в Вавилон, предсказание Иисуса Христа. Шесть вечеров — потоп, смешение языков и т.д. Отцы — Авраам, Ной и т.д., правда в тексте Августина нет патриарха, который соответствовал бы пятой эпохе. Третья эпоха, отождествляемая с отрочеством, т.е. с таким переходом жизни, когда человек обретает способность породить потомство, была эпохой порождения народа Божьего, дотоле еще не существовавшего. Она насчитывала 14 поколений, как и две последующих, в то время как две предыдущие включали в себя лишь по десять поколений каждая. Первая и вторая эпохи соответствуют двум периодам детства, т.е. времени, когда человеческая жизнь заключена в сфере чувственного. В силу этого 5 (число различных видов чувств, имеющихся у человека), умноженное на 2 (число полов), как раз и дает десять. Последняя эпоха мира не имеет наперед известного предела, подобно человеческой старости».

Фр. 656

¹ Рим. 5: 14. — «Образ будущего».

Фр. 657

¹ Исх. 2: 11—14. Согласно Л.Брюнсвику, здесь мы встречаемся с примером образов, именуемых Паскалем частными, поскольку они относятся со специфическими событиями, а не с сутью христианства. Они призваны указывать на аутентичность тех образов и пророчеств, которые обладают всеобщей природой.

Фр. 658

¹ Мк. 7: 32—35.

² Лк. 11: 14.

³ Ин. гл. 9.

⁴ Мф. 9: 2—7.

⁵ Ин. гл. 11.

⁶ Мф. 9: 32—34.

Фр. 660

¹ По мнению Л.Брюнсвика, «вы» в данном фрагменте соответствует «мы»: «вы» здесь — обращение к людям вообще. Бог отсутствует в человеке в силу испорченности людской природы, но в то же время и присутствует в нем, поскольку указанная природа, ныне испорченная, является благой по своей изначальной сущности. Подобная мысль объяснялась на примере раввинов следующим образом: для плотских иудеев, ищущих в святых книгах лишь угодных вожделению образов, Бог там ненаходим. Открыт же Он только для милосердия, вооруженного пониманием духовного смысла Писания. См. Д. XIV: XVII.

Фр. 661

¹ Мк. 1: 14—15; Мф. 3: 2.

Фр. 663

¹ В комментарии Л.Брюнсвика говорится, что основанием названного сходства является тот факт, что милосердие и алчность суть две формы любви и потому обнаруживают себя одинаковым образом. Но ничто не является столь несхожим, как они, ибо различны объекты их устремлений. Милосердие сопряжено с Богом, который суть Верховное Благо, алчность же — с человеческим Я, источником эгоизма и всякого греха.

² Паскаль проводит ту мысль, что если бы евреи признали Мессию, то ложными оказались бы пророчества относительно Его непризнания. См., напр., Д. XIII: XIV; фр. 762.

Фр. 667

¹ Пс. 44: 4. — «Сильнейший». Русский синодальный перевод этого места несколько отличается от латинского текста Вульгаты.

Фр. 668

¹ Лист рукописи здесь разорван, и недостающие слова восстанавливались по смыслу Л.Брюнсвиком.

Фр. 674

¹ Исх. 25: 40.

² Евр. 8: 5.

Фр. 681

¹ Ин. 4: 23. — «Истинные поклонники».

² Ин. 1: 29. — «Вот Агнец Божий, который берет на себя грехи мира».

Фр. 686

¹ Содержание этих оппозиций раскрыто в последующих фрагментах.

Фр. 688

¹ См. прим. 1 к Д. XVIII: III.

Фр. 691

¹ В данном случае Паскаль использует слово «каббала» в смысле эзотерической доктрины, которая непостижима для непосвященного.

² Л.Брюнсвик говорит, что, в понимании Паскаля, не всякая затемненность суть тайна. Тайна присутствует лишь там, где затемненность скрывает глубокую истину.

Часть XI

Пророчества

Фр. 694

¹ Л.Брюнсвик считает, что продолжением этой мысли должен был послужить пассаж о смертном часе — пребывая перед лицом смерти, уже никто не станет сваливать на случай исполнение пророчеств и другие религиозные вопросы. Т.е. на определенном этапе жизни истина сама прорывается сквозь препятствия злого начала в человеке, поскольку близость конца нельзя не почувствовать, как, впрочем, и отдалить.

Фр. 695

¹ *Плутарх. De Defectu oraculorum. XVII.*

Фр. 697

¹ «Читай о предвещанном.— Наблюдай свершившееся.— Предполагай имеющее свершиться».

Фр. 698

¹ Иосиф Флавий.

Фр. 699

¹ Иоанн Креститель.

Фр. 704

¹ Паскаль подчеркивает ту мысль, что только после разрушения храма римлянами и рассеяния в среде еврейского народа в основном прекратились отступления от веры в пользу чужих религий. Ветхий же Завет полон гневных филиппик, адресованных пророками сынам Израилевым, то и дело сбивающимся с пути истинного. После Христа религиозное рвение иудеев якобы служило источником сопротивления истине Нового Завета, поэтому дьявол и оставил свои козни.

Фр. 711

¹ Быт. гл. 49. Пророчество о Мессии — стих 10.

² Быт. 48: 8—19.

³ *Ефрем* (Эфраим) — после смерти Соломона единое государство иудеев распалось на два царства — северное Израильское, объединявшее десять колен, и южное Иудейское. Основу южного составляло колено Иуды, северного — колено Ефрема.

⁴ Быт. 50: 22—25.

⁵ Втор. 34: 1—15.

⁶ Чис. 24: 7—8, а также Ос. 11, 1.

⁷ Втор. 30: 16—18.

⁸ Втор. 31: 3—6.

⁹ Втор. 31: 24—29.

¹⁰ Втор. 32: 20—26.

¹¹ Чис. 34: 16—29.

¹² Втор. 1: 1—18.

¹³ Втор. 4, 41—43.

Фр. 714

¹ Втор. 12: 5—28 (см. также III Цар. 5: 3—5) — «На всяком месте будут приносить фимиам имени Моему». По еврейским же установлениям, приносить жертву можно было лишь только в храме и нигде больше.

² Глава из книги «Второзаконие».

³ Втор. 3: 6—24.

⁴ Ис. 45: 15.

⁵ Ис. 6: 9; Ин. 12: 40.

Фр. 715

¹ Т.е. иудей.

² Ам. 2: 6; Зах. 11: 7—14.

³ *Гроций Гуго* (1583—1645) — известный голландский правовед.

Фр. 717

¹ Иер. 13: 13.

Фр. 719

¹ Быт. 49: 10.

² *Ирод Великий* (73—4 гг. до н.э.) по происхождению был идумеянином, то есть не только не принадлежал к колену Иудину, но вообще был чужеземцем для всех иудеев.

³ После смерти Ирода Великого, согласно его собственному завещанию, территория царства была поделена на четыре части между сыновьями покойного. Т.е. фактически царя у иудеев не стало. *Ирод Антипа* (22 г. до н.э.—39 г. н.э.), фигурирующий в евангельских эпизодах, связанных с казнью Иоанна Предтечи и распятием Иисуса, был т.н. «четверовласником», «тетрархом», владеющим только Галилеей и Переей.

Фр. 731

¹ Пс. 110: 1. Паскаль интерпретирует этот стих в следующем смысле: поскольку Христос в последние дни будет только по правую руку от Бога-Отца, то оказываются совершенно беспочвенными иудейские ожидания могущественного царя в качестве Мессии.

Фр. 732

¹ Иер. 31: 34.

² Иоил. 2: 28.

³ Иер. 31: 33.

Фр. 734

¹ Дан. 2: 34.

Часть XII

Доказательства Иисуса Христа как Мессии

Фр. 738

¹ Дан. 8: 22.

² См. Дан. 9: 23—24.

³ Речь идет о знаменитом пророчестве Иакова (Быт. 49: 10), где говорится, что скипетр (т.е. царская власть) не отойдет от потомства Иуды до самого пришествия Мессии. Ирод Великий, царствовавший, когда, согласно Евангелиям, родился Христос, не принадлежал к колену Иуды. См. прим. 2 к фр. 719 и прим. 1 к фр. 179.

Фр. 741

¹ Иов 19: 23—25. — «Если бы дано было мне... А я знаю, Искупитель мой жив». Русский синодальный перевод отличается от текста Вульгаты, которым пользовался Паскаль.

Фр. 743

¹ Книга Руфи и рассказ о Фамари (Быт. 38) напоминают не столько священные тексты, сколько произведения художественной литературы. Почему они тогда сохранены в каноническом варианте Библии? Согласно Э.Авэ, Паскаль подразумевал следующие ответы на свои вопросы:

«Книга Руфи сохранена по причине генеалогии, которая ее завершает. Указанная генеалогия свидетельствует, что, с одной стороны, Давид происходит от Овида, сына Вооза и Руфи, и, с другой, что Вооз происходит от Фареса, сына Иуды, как это видно из истории Фамари (Быт. 38: 28—29). Стало быть, Давид, а, следовательно, и Иисус Христос (потомок Давидов, согласно Евангелию) суть прямые потомки Иуды; но, по содержащемуся в пророчестве Иакова (Быт 49: 10) указанию, именно от Иуды должен был произойти Мессия. Таким образом, Иисус Христос, вопреки иудейским домыслам, как считает Паскаль, суть подлинный Мессия».

Фр. 747

¹ Речь идет об одной из глав задумывавшейся Паскалем «Апологии». Непрерывность существования христианской религии служит, по мнению мыслителя, одним из доказательств этой религии. См. Д. IX: VII—X.

Фр. 748

¹ Т.е., чтобы отвергнуть Его и тем подтвердить, что в Нем сбылись пророчества о Мессии. См. Д. XVII: V.

Фр. 752

¹ Быт. 18: 1 и далее.

² Быт. 3: 1—7.

³ Напр., Быт. 49: 10; Чис. 24: 7—8. Указанием на Мессию традиционно принято считать ст. 15, 3-й гл. Книги Бытия.

⁴ Речь идет о книге Псалмов, авторство которой традиция приписывает Давиду.

⁵ Иоанн Креститель.

Фр. 756

¹ Ин. 12: 37—43.

Фр. 759

¹ Злобность здесь выступает эквивалентом ослепленности. См. фр. 506; 556; 756; Д. XXII: XIX.

Фр. 762

¹ См. Д. XVII: V.

Фр. 763

¹ См. Д. XV: IV.

Фр. 765

¹ См. Д. X: IV; фр. 512.

Фр. 770

¹ Мк. 12: 6.

² Цельс (II век н.э.) — античный писатель, известный своей книгой «Истинное слово» («*Sermo verus*», написана ок. 150 г.), которая является

одним из наиболее значительных антихристианских произведений, созданных языческими авторами. Понятно, что Цельс вызвал на себя шквал ответной критики. Так, его опровержению был посвящен знаменитый труд Оригена «Против Цельса» (в 8-ми книгах). Значительные выдержки из «Истинного слова», как они дошли до сегодняшнего читателя, можно найти в издании: *Ранович А.В.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.

Фр. 777

¹ *In communit* — «в общем», *in particularit* — «в частности».

² *Полупелагяне* — группа церковных деятелей V в., стремившихся представить компромиссную платформу для пелагиан и августинианцев. Согласно полупелагианам, грех Адама лишь ослабил, но не отменил человеческую свободу; для спасения же нужны совместные усилия как человеческой воли, так и божественной благодати. Паскаль говорит здесь именно о полупелагианском понимании благодати, которая, согласно рассматриваемому учению, дана не всем, но лишь избранным.

³ Фрагмент посвящен теме присутствия греха в человеке. Согласно Паскалю, вся целиком человеческая природа испорчена, по кальвинистским же воззрениям некоторые предопределены к греху, некоторые — нет.

Фр. 778

¹ Мк. 1: 5. Полный текст: «Все царство Иудейское и все иерусалимитяне приходили к нему, и в реке Иордане крестились от него, и признавали грехи свои».

² Мф. 3: 9.

Фр. 779

¹ Мк. 4: 12. — «Да не обратятся и прощены будут им грехи».

Фр. 780

¹ Мф. 26: 50 — «Друг, зачем пришел ты?»

² Мф. 22: 12.

Фр. 781

¹ Мф. 5: 45.

² Рим., главы 10, 11.

³ Л. Брюнсвик в этой связи приводит одно из пяти янсенистских положений, заслуживших осуждение официального Рима: «Иисус Христос суть Искупитель всех, за исключением нежелающих быть искупленными в силу своей обольщенности рабством у греха либо вновь возвратившихся к прежнему рабству после искупления». Приведенный янсенистский постулат прямо соответствует рассматриваемой паскалевской мысли — Иисус Христос действительно искупил всех, кто захочет к Нему прийти, но вот само число тех, кто так захочет, установлено наперед, и, следовательно, Царство Небесное — не для всякого. А значит, нет и смысла, если согласиться с подобным ходом рассуждения, упрекать

Искупителя за то, что Он всего лишь предоставил шанс, но отнюдь не даровал этим шансом воспользоваться.

Фр. 785

¹ Имеется в виду Иосиф-плотник, муж Марии.

Фр. 788

¹ III Цар. 19: 18. «А в Израиле оставил Я семь тысяч — все колена, не склонившиеся перед Ваалом», — слова Бога пророку Илии, считавшему, что лишь он один не отвернулся от истинной веры.

Фр. 794

¹ Поскольку, согласно Паскалю, Иисус Христос пришел не просветлять только, но и просветлять, и ослеплять. Потому лишь чистые сердцем смогут постичь свидетельствующие о Нем образы. См. Д. X: IV.

Фр. 799

¹ См. *Монтень*. II, 20, с. 602.

Часть XIII

Чудеса

Фр. 807

¹ Л.Брюнсвик поясняет этот фрагмент следующим образом: «Либо учение пребывало в чистоте, либо Бог являл Себя с помощью чудес».

Фр. 810

¹ Л.Брюнсвик считает, что эта мысль служит комментарием к части фр. 808 (см. Д. XXI: III).

Фр. 812

¹ С точки зрения Л.Брюнсвика, в текстах Августина такой фразы не содержится. Однако издатель, вслед за Э.Авэ, указывает на гл. XXII «О Граде Божьем», где содержится размышление о роли чудес в становлении христианской религии.

Фр. 813

¹ *Монтень*. III, 11, с. 231—237.

² *Монтень*. II, 30, с. 633. В этой главе наглядно обнаруживаются принципы монтеневского скептицизма. Каким бы странным нечто не казалось нашему восприятию — не нам о том судить. Бог не дает нам познания всего порядка вещей.

Фр. 814

¹ См. фр. 813.

Фр. 819

¹ *Ватабль Франсуа* (ум. в 1547) — зачинатель иудаистики во Франции, профессор Колеж де Франс (1530); к числу работ ученого принадлежит также и перевод Библии, на который, очевидно, ссылается Паскаль.

² «Чудо», «уподобление».

Фр. 820

¹ Мф. 12: 25; Лк. 11: 17. — «Всякое царство, разделенное...»

² Лк. 15: 20. — «Если именем Божиим <изгоняю я демонов, то> Царствие Божие пришло к вам».

Фр. 822

¹ *Гедеон* — один из судей Израилевых, под руководством которого были одержаны победы над мадианитянами. Согласно Библии, с ним, как и с Авраамом, разговаривал Бог. См. Суд. главы 6—8.

² *Донатисты* — сторонники чистоты традиций африканской церкви, оппозиционно настроенные к Риму и жестоко за это преследуемые императорскими властями. Движение донатизма получило свое название от имени идейного вождя, епископа Доната (IV век).

Фр. 823

¹ Согласно комментарию Л.Брюнсвика, присущая человеку уверенность исходит не от человека. Последнему свойственно лишь искать разумные основания для своей уверенности, которой, впрочем, не достичь с помощью одних разумных оснований. «Вера не должна противоречить разумным основаниям, но этих оснований еще недостаточно для укрепления веры».

Фр. 825

¹ Л.Брюнsvик расшифровывает эту ссылку на «Сумму теологии» *Фома Аквинского*: часть I, вопрос 113, глава 10, ответ на 2-е возражение.

Фр. 830

¹ Т.е. после пришествия Иисуса Христа.

Фр. 831

¹ Речь идет о пяти янсенистских положениях, осужденных Римом как еретические. Под событием, выявившим их истинность, Паскаль, очевидно, подразумевает чудо св. Терния. См. *Кляус*, с. 139—140.

Фр. 832

¹ Возражение иезуитов против чуда св. Терния. Суть аргументации в том, что Бог в былые времена явил уже достаточно чудес, чтобы можно было уверовать, а потому сейчас чудеса не нужны, и, следовательно, чудо св. Терния — блеф янсенистов.

² Паскаль здесь, согласно Л.Брюнсвику, проводит параллель с ситуацией, в которой оказалась церковь в IV веке. Тогда торжествовала арианская ересь, такие люди, как св. Афанасий (см. прим. 1 к Д. XXII:

XXIV), отлучались папой от церкви и вынуждены были один на один противостоять еретикам. То же самое наблюдал Паскаль и в свою эпоху: гонимые янсенисты, преследующие их иезуиты (в свою очередь обвиняемые янсенистами в пелагианстве), папа, находящийся на стороне гонителей. Арий, начинавший свою проповедь в последний год правления Диоклетиана (312), умер, как известно, внезапной смертью. Противники арианства усмотрели в этой смерти знак кары, чудесным образом постигшей ересиарха. В указанном смысле и чудо св. Терния — знак вмешательства свыше, своеобразное указание — на чьей стороне пребывает Господь.

Фр. 833

¹ «Речь идет о правиле, к которому апеллировали иезуиты и которое в целом признавалось самим Паскалем: после того, как церковь установилась, чудеса не происходят» — *Л.Брюнsvик*.

Фр. 834

¹ «Не потому, что вы видели чудеса, но потому, что вы пресыщены».

² Ин. 9: 16 — «Не от Бога сей человек, не соблюдающий субботы». — Другие: «Как грешник может творить подобные чудеса?»

³ Имеется в виду Пор-Рояль. Последователи Янсения считали, что в книгах вождя их учения нет положений, сформулированных в том виде, что и осужденные Римом постулаты. В ответ иезуиты стали обвинять янсенистов не только в ереси, но и в упорстве.

⁴ Ин. 9: 17. — «Что говоришь ты? — Говорю, что Он пророк. Если бы не был Он от Бога, ничего не смог бы сделать».

Фр. 839

¹ Ин. 10: 38.

² Втор. 13: 1—3.

³ Мк. 3: 32.

⁴ Мк. 9: 39. — «Никто не может творить чудес именем Моим и вскоре после этого злословить Меня».

⁵ Пор-Рояль.

⁶ Страдающие различными болезнями совершали паломничества к пор-рояльскому Тернию.

Фр. 840

¹ «Тело» здесь употребляется в смысле «церковь». Паскаль считал, что истинная церковь существует от начала мира в лице праведников и пророков и при этом всегда в единстве.

² Тезис иезуитов, выдвинутый для дискредитации чуда св. Терния.

³ Л.Брюнsvик считает, что эта лакуна может быть заполнена фразой, сходной с мотивом Евангелия от Матфея (12:24) — «Он изгоняет демонов именем Вельзевула».

Фр. 844

¹ Имеются в виду иезуиты.

² Л. Брюнсвик отмечает, что традиция способна укрепить веру в ложные чудеса, ибо выступает всегда в виде непререкаемого авторитета. Но если человеку доведется лично стать свидетелем ложного чуда, то он вряд ли обнаружит в подобном вопросе легковёрность, поскольку ему будут доступны реальные черты, изобличающие псевдочудесное явление.

Фр. 846

¹ Галат. I: 8.

² См. прим. 1 к фр. 832.

³ *Ленганд Клод* — иезуитский проповедник, пользовавшийся репутацией весьма красноречивого оратора. Умер в 1660 г.

⁴ Возражение иезуитов против чуда св. Терния.

⁵ Исх. 7: 11—12.

⁶ Пс. 41: 4. — «Где Бог твой?»

Фр. 849

¹ «Да и нет». Речь идет о спорности постулатов и очевидности чудес.

² *Св. Ксавьер*, — иезуитский миссионер в Южной и Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. Хотя его миссионерская деятельность и не увенчалась сколько-нибудь значительным результатом, весьма чтим католической церковью. Этому святому приписывается множество чудес, в частности — воскрешение одной японки.

³ Трудно сказать, кого конкретно имеет в виду Паскаль. Истории известны трое святых с этим именем. 1) Епископ Пуатье — (315—367). За борьбу с арианством получил прозвище Западного Афанасия. 2) Епископ Арля (401—449), дискутировал с августинианцами по вопросу о предопределении и благодати. 3) Родился на Сардинии, в 461—468 гг. — папа. Боролся с ересями Евтихия и Нестория.

⁴ Ис. 10: 1. — «Презретен устанавливающий среди вас несправедливые законы». Согласно Э. Авэ, этот отрывок направлен против иезуитов, которые исключительно для целей борьбы с янсенистами пытаются доказать, что либо Бог не творит уже чудес вообще, либо не может ниспослать их янсенистам.

⁵ Выпад против иезуитов. Далее речь идет о несправедливом отношении к янсенистам.

⁶ Ведь обратное может оказаться вполне справедливым при определенных условиях, если применить аппарат пробабилистской морали. Критика Паскалем подобных «достижений» науки о нравственности содержится в «Письмах к провинциалу» (письмо 7).

Фр. 851

¹ Ин. гл. 9.

² II Кор. гл. 12.

³ Ин 15: 24. — «Если бы я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха».

⁴ См., напр., Быт. 18: 1—3; 21: 1 и далее; 22: 1; Суд. 6: 21.

⁵ Иудифь. 7: 19; 8: 1.

Фр. 853

¹ Паскаль, обращаясь к иезуиту, очевидно, обыгрывает название одной из глав монтеневских «Опытов» (I, 32): «О том, что судить о божественных предназначениях следует с величайшей осмотрительностью».

² Деян. гл. 18.

Фр. 855

¹ Т.е. иезуиты.

Фр. 856

¹ Паскаль имеет в виду свою собственную семью после чуда св. Терния.

Часть XIV

Добавление: полемические фрагменты

Фр. 860

¹ Янсенистами.

Фр. 865

¹ См. Д. XXII: XIII.

² Здесь Паскаль зло иронизирует над гибкостью иезуитских жизненных принципов, не полагающих предела беззастенчивости и готовности защищать что угодно, лишь бы это сулило определенные выгоды.

Фр. 866

¹ Возможно, речь идет о католических и протестантских взглядах на статус священника (целибат и др.).

Фр. 867

¹ Паскаль употребляет слово «церковь» в двух значениях. В первом случае говорится о конкретно-историческом явлении церкви определенной эпохи, во втором — о непрерывно существующем, проходящем через всю историю от сотворения мира сообществе чтущих истинного Бога.

Фр. 869

¹ Речь идет о янсенистах.

Фр. 878

¹ «Крайняя правота суть крайняя несправедливость». Л.Брюнсвик указывает, что данная фраза взята из произведения Шаррона «О мудрости» (I. I, гл. XXVII, разд. 8).

² Фронда (1648—1652) — серия антиправительственных выступлений третьего сословия и части аристократии против режима кардинала Маззарини.

Фр. 879

¹ Ин. 21: 16. — «Паси овец Моих», не «твоих».

² Ин. 6: 56—57. В контексте цитируемого евангельского фрагмента эта фраза, вероятнее всего, высказывается от имени Иисуса.

Фр. 882

¹ *Общество Иисуса* — название иезуитского ордена.

Фр. 884

¹ Паскаль перечисляет следствия из пробабилистской морали.

Фр. 885

¹ III Цар. 12: 31.

Фр. 887

¹ См. Д. XXII: XLII. Т.е. сходство у янсенистов с протестантами, согласно Паскалю, лишь кажущееся.

Фр. 888

¹ Паскаль имеет в виду предвещенность в пророчествах того зла, которое поразило современную ему церковь, подразумевая зло иезуитизма. Клир поражен грехом, опирается в своих неправедных действиях на власть светских владык, сам папа введен в заблуждение и принял сторону иезуитов. Но, несмотря на это, церковь должна существовать. Залогом ее существования служит наличие искренне верующих, и Паскаль выражает упование, что упомянутым людям Бог не даст ввернуться в общераспространенное греховное состояние. См. фр. 882, 883, 885, 889.

² II Пет. гл. 2.

Фр. 892

¹ Этот фрагмент весьма неясен. Вот версия раскрытия его смысла, предложенная Л.Брюнсвиком: «Если, расходясь во взглядах с иезуитами, мы, янсенисты, их осуждаем, то вы, еретики, в этом правы. Абсолютное единообразие церкви бесполезно для тех, кто в церкви не состоит, поскольку не содержит в себе для таких людей никакой выгоды и никакой значимости. Абсолютное различие разрушает саму по себе церковь. Абсолютное единообразие вредно для внешних церкви сил, поскольку сплачивает церковь; абсолютное различие — для внутренних, поскольку наносит ущерб единству церкви».

Фр. 897

¹ Ин. 15: 15.

Фр. 899

¹ Мф. 12: 30.

² Мк. 9: 39.

Фр. 900

¹ Отвергнутые Богом никогда не постигнут Писания. См., напр., прим. 1 к фр. 756, а также Д. XVII: VII; XXII: XIX.

Фр. 902

¹ *Шез Фелье де ла* — секретарь герцога де Роаннэ. См. *Кляус*, с. 277.

² Ср. фр. 384.

³ *Св. Иоанн Хрисостом* (Златоуст) — 344—407 гг.— один из авторитетнейших греческих Отцов церкви, отличавшийся незаурядным ораторским мастерством. Первоначально готовил себя к карьере адвоката, но затем принял христианство и удалился в Сирийские горы. Впоследствии стал священником в Антиохии, а в 397 г.— епископом в Константинополе. Боролся с ересями. Обличением пороков клира и императорского двора приобрел многочисленных недоброжелателей, среди которых была и императрица Евдоксия. Вследствие интриг изгнан из столицы, однако в 403 г. возвращен по требованию народа. В 404 г. сослан вторично (в Закавказье, где и умер).

Фр. 904

¹ См. прим. 3 к фр. 921, а также *Кляус*, с. 151.

Фр. 907

¹ *Казуисты* (от лат. *causa* — причина) — специалисты по вопросам применения общих положений христианской морали к тем или иным ситуациям. До выхода в свет «Писем к провинциалу» казуистика считалась вполне солидным и даже почтенным занятием, но паскалевское ее разоблачение как формы бессовестности, лицемерия и лжи прочно закрепило в сознании просвещенной Европы негативный образ казуиста, сохранившийся и по сей день. Под казуистами стали понимать ловких и бесчестных людей, с помощью различного рода ухищрений способных оправдать любые поступки (см. пробабиллизм). Ироническое изображение «сокровищ» иезуитской нравственности см., напр., *Вольтер*. *Философские повести*. М., 1988, с. 320. См. также *Кляус*, с. 146—151.

Фр. 908

¹ Непереводаемая игра слов. По французски «вероятность» («*probabilité*») и «вероятно ли» («*est-il probable*») одного корня с «пробабиллизмом».

² Человек не может быть ни в чем уверен абсолютно, но страстный поиск истины дает шанс обрести внутреннее спокойствие. Указанный поиск — максимум того, что в данном вопросе доступно людям.

Фр. 909

¹ Т.е. орден иезуитов.

² Человек, согласно Паскалю, не может быть ни в чем абсолютно уверенным, но все же имеет шанс обрести внутреннее спокойствие, если страстно ищет истину (см. пред. фр.). Такой поиск — единственное, что доступно человеческим силам, когда встает вопрос об истине. А поэтому не следует безоговорочно верить мнениям кого бы то ни было (даже папы — см. 882), поскольку это удаляет от личного искания истины.

Фр. 910

¹ Паскаль имеет в виду иезуитов, с помощью казуистических ухищрений доказывавших правомерность дуэлей. См. *Кляус*, с. 49.

Фр. 911

¹ Рим. 12: 21. — «Победи зло добром».

Фр. 912

¹ Л.Брюнсвик следующим образом трактует эту мысль: «Все разговаривают на каком-либо языке, но отнюдь не на одном и том же. Подобное характерно и для морали. Всякий должен иметь какую-либо мораль, но последняя не одна и та же для всякого».

Фр. 913

¹ Л.Брюнсвик: «Всякий может оправдать и никто не в состоянии запретить ни одного поступка, поскольку одного важного доктора достаточно, чтобы узаконить последний. А потому истинного освобождения следует ожидать только от вечности». Т.е. оправдать грех в глазах людей еще не означает освободить от этого греха. Первое доступно, согласно Паскалю, человеку, второе — лишь Богу.

Фр. 916

¹ Т.е. у иезуитов.

Фр. 918

¹ См. фр. 913.

Фр. 919

¹ II Тим. 4: 3. — «Будут избирать себе учителей».

Фр. 921

¹ Этот фрагмент представляет собой сделанную Л.Брюнсвиком выборку находившихся в рукописи подготовительных материалов, предназначенных для знаменитых «Писем к провинциалу».

² Речь идет об иезуитах, с целью завоевания авторитета в свете и привлечения на свою сторону паствы, стремившихся находить оправдания любых неблагоприятных действий (см., напр., фр. 910).

³ Прем. 19: 4. — «Судьба, которой они были достойны».

**Таблица
соответствий нумерации Л.Брюнсвика
русским переводам**

1	Л.*	41	Л.
2	Л.	43	Л.
3	Л.	44	Л.
4	Л.	45	Х.
5	Л.	46	Л.
6	Л.	47	Л.
7	Л.	48	Л.
8	Х.**	49	Л.
9	Л.	50	Л.
10	Л.	52	Х.
11	Д. XXII: LXIII***	57	Х.
12	Х.	58	Х.
13	Х.	60	Х.
14	Л.	61	Х.
15	Х.	62	Х.
16	Л.	63	Х.
17	Л.	64	Л.
18	Л.	65	Л.
19	Л.	66	Л.
20	Х.	67	Л.
21	Х.	68	Л.
22	Л.	69	Д. I: 2
23	Л.	70	Д. I: 2
24	Л.	71	Д. I: 2
25	Л.	72	Д. I: 2
26	Л.	73	Х.
27	Л.	74	Х.
28	Л.	п 74	Д. V: XII****
29	Л.	75	Х.
30	Д. XXIII: LXXXVI	76	Х.
31	Л.	77	Л.
32	Л.	78	Х.
33	Л.	79	Х.
34	Л.	80	Л.
35	Л.	81	Л.
36	Л.	82	Д. III: X, XI; IV: III
37	Х.	83	Д. IV: I
39	Х.	84	Д. IV: XI
40	Х.	85	Л.

* Фрагмент в переводе Э.Линецкой.

** Фрагмент в переводе О.Хомы.

*** Фрагмент в переводе С.Долгова (с указанием его нумерации).

**** Обозначение «п» указывает на текст, приводимый в издании Л.Брюнсвика, как примечание к соответствующему фрагменту.

86	X.	145	X.
88	Д. XXII: LXXXVII	146	Д. II: XII
89	X.	147	Д. III: V
91	Д. IV: XV	148	Д. III: VI
92	Л.	149	Д. III: IV
93	Л.	150	Д. III: III
94	Л.	151	X.
95	X.	152	Д. III: V
96	X.	153	Д. III: II
97	Д. IV: VI	155	Л.
98	Д. XXII: VI	156	Л.
99	Д. IV: X	157	Л.
100	Д. III: IX	158	Д. III: I
101	Л.	159	Л.
102	Л.	160	Л.
103	Л.	161	Д. III: VIII
104	Л.	162	Д. III: VII
105	Д. IV: V	164	Д. V: VII
106	Л.	165	Д. V: VIII
107	Л.	166	Д. V: III
108	Л.	167	X.
109	Д. V: XIII	168	Д. V: XIV
110	Л.	169	X.
111	Д. I: 3	170	Д. V: IV
112	Л.	171	Д. V: V
113	X.	п 171	Д. V: 0
114	X.	172	Д. IV: VII
115	Л.	173	Л.
116	Л.	174	Д. V: XV
117	Л.	175	Д. I: 4
119	Л.	176	Д. IV: IX
120	X.	177	Л.
121	Л.	179	X.
122	Л.	180	Л.
123	Л.	181	Д. XXII: II
124	Л.	182	Л.
125	Л.	183	Л.
126	Л.	184	X.
127	Д. V: VI	185	Д. XXII: II
128	Л.	187	Д. XXII: XXVI
129	Л.	188	X.
130	Д. V: X	189	X.
131	Д. V: IX	190	X.
132	Л.	191	X.
133	Л.	192	X.
134	Л.	194	Д. VII
135	Л.	п 194	Д. XXII: VII; XXII: XLV
136	Д. V: VIII	195	X.
137	Л.	п 195	Д. IV: VIII;
139	Д. V: II	196	X.
140	X.	197	X.
141	X.	198	Л.
142	Д. V: II	199	Д. VI: IV
143	Д. V: I	200	X.
144	Л.		

201	X.	259	X.
202	X.	260	X.
203	Д. XXII: XCIII	261	Л.
205	Д. I: 4	262	Д. XXII: XLVII
206	Л.	263	Д. XXII: XXXIV
207	Л.	264	Л.
208	Д. I: 4	265	Д. XI: IV
209	Л.	266	Д. XXVI: XXXVI
210	Д. XXII: LVI	267	Д. XI: I
211	Л.	268	Д. XI: I
212	Д. XXII: XVII	269	X.
213	X.	270	Д. XI: II
214	X.	271	X.
215	Л.	272	Д. XI: III
216	X.	273	Д. XI: II
217	X.	274	X.
218	Д. XXII: XVIII	275	Д. XXII: LI
219	Д. XXII: LVI	276	X.
220	X.	277	Д. XXII: III
221	Д. XXII: XVIII	278	Д. XXII: III
222	X.	279	Д. XXII: XC
223	Д. XXII: XXI	280	X.
224	X.	281	X.
225	Л.	282	Д. IV: I; XXII: XVI
226	Д. XXII: XVII	283	X.
227	X.	284	Д. XI: VI
228	X.	285	Д. XXII: XVI
229	Л.	286	Д. XI: VII
230	Д. XXII: LXXXVIII	287	Д. XX: VIII
231	X.	288	Д. XVIII: VIII; XXII: XX
232	X.	289	X.
233	Д. VIII	290	X.
234	Д. XXII: LXXXV	291	X.
236	Д. XXII: XVIII	292	X.
237	Д. XXII: XVII	293	Л.
238	X.	294	Л.
239	X.	295	Л.
240	X.	296	Л.
241	Д. XXII: XXVI	297	Л.
242	Д. XX: I	298	Л.
243	Д. XX: III	299	Л.
244	X.	300	Л.
245	Д. XXII: XLII	301	Л.
246	X.	302	Л.
247	X.	303	Д. XXII: LXXXIV
248	X.	304	Л.
249	Д. XXII: XL	305	Л.
250	Д. IX: IV	306	Л.
251	Д. IX: IV	307	X.
252	Д. XXII: LI	308	Л.
253	Д. XI: III	309	Л.
254	Л.	310	X.
255	Д. XI: III	311	Л.
256	Д. XXII: V		
257	Д. XXII: L		

312	Л.	373	Х.
313	Л.	374	Д. IV: II
314	Х.	375	Х.
315	Л.	376	Л.
316	Л.	377	Л.
317	Л.	378	Л.
319	Л.	379	Л.
320	Л.	380	Л.
321	Х.	381	Д. I: 2
322	Л.	382	Л.
323	Л.	383	Л.
324	Х.	384	Х.
325	Л.	385	Л.
326	Л.	386	Д. IV: XIII
327	Д. IV: XVI	387	Х.
328	Л.	388	Х.
329	Л.	389	Л.
330	Л.	390	Х.
331	Л.	391	Х.
332	Л.	392	Д. IV: XIV
333	Л.	393	Х.
334	Д. XXII: LVIII	394	Л.
335	Х.	395	Д. VI: I
336	Д. XXII: LXXXIII	396	Л.
337	Х.	397	Д. II: VII
338	Х.	398	Д. II: VII
339	Д. II: IX	399	Д. II: VI
340	Л.	400	Д. II: III
341	Х.	401	Л.
342	Х.	402	Л.
343	Х.	403	Х.
344	Л.	404	Д. II: III
345	Л.	405	Д. III: II
346	Л.	406	Д. XXII: X
347	Д. II: XI	407	Л.
348	Д. II: X	408	Л.
349	Х.	409	Д. II: V
350	Д. VI: I	410	Х.
351	Л.	411	Д. II: IV
352	Л.	412	Д. XXII: LV
353	Л.	413	Д. VI: I
354	Д. XXII: LXXXII	414	Д. XXII: LXVII
355	Л.	415	Д. II: II
357	Л.	416	Д. II: VIII
358	Л.	417	Д. X: III
359	Л.	418	Д. II: XIV
360	Л.	420	Л.
361	Д. V: XII	421	Д. II: I
365	Д. II: XIII	422	Д. IX: II; XXII: V
366	Д. IV: IV	423	Д. II: XV
367	Л.	424	Д. X: III
368	Л.	425	Д. VI: I
369	Л.	426	Х.
370	Д. XXII: LXXXV	427	Д. VI: XIII
372	Л.		

428	Д. XX: IV	480	Д. XXII. LVIII
429	Х.	481	Д. XXII: XXIII
430	Д. VI: I; X: I, III, X; XVIII: I, II	482	Д. XXII: LVII
431	Д. IX: V; X: I	483	Д. XXII: LVIII
432	Д. XXII: I	484	Д. XXII: XVI
433	Д. IX: III	485	Д. XXII: XXXIX
434	Д. VI: I; X: II	486	Д. XXII: XII
п 434	Д. VI: I	487	Д. XXI: III
435	Д. X: III	488	Х.
436	Д. IV: XII	489	Х.
437	Д. VI: I	490	Х.
438	Д. VI: II	491	Д. IX: I
439	Л.	492	Д. XXII: LIV
440	Х.	493	Х.
441	Д. X: III	494	Д. XXII: IX
442	Л.	495	Д. XXII: LV
443	Д. II: XVI	496	Л.
444	Х.	497	Д. XXII: XXXII
445	Д. X: II	498	Д. XXII: LX
447	Х.	499	Х.
448	Х.	500	Х.
449	Д. XXII: X	501	Х.
450	Д. IX: XII	502	Д. XXII: XCI
451	Д. XXII: LXXV	503	Х.
452	Л.	504	Х.
453	Л.	505	Д. XXII: LXXIV
454	Х.	506	Х.
455	Л.	507	Х.
456	Л.	508	Д. XXII: LXIX
457	Л.	509	Д. V: XI
458	Д. XXII: XXXIII	510	Х.
460	Х.	511	Д. XXII: LXXVI
461	Х.	512	Х.
462	Д. V: XII	513	Х.
463	Д. XXII: LIX	515	Д. XXII: XXIV
464	Д. VI: I	516	Х.
465	Д. II: I	517	Д. XXIII: IV
466	Х.	518	Х.
467	Х.	519	Х.
468	Д. IX: V	520	Д. XXII: LXII
469	Д. II: XVII	521	Д. XXII: XIII
470	Д. XI: V	522	Х.
471	Х.	523	Д. XXII: II
472	Д. XXII: XXXIX	524	Д. X: VII
473	Х.	525	Д. X: VIII
474	Х.	526	Д. X: VI
475	Х.	527	Х.
476	Д. XXII: LVIII	528	Х.
477	Д. XXII: LIV	529	Д. X: VII
478	Д. XXII: LIII	530	Д. XXII: XXX
479	Д. XXII: LII	531	Х.
		532	Х.
		534	Л.
		535	Л.
		536	Д. XXII: XXXVII

537	Д. X: V	584	Д. XXII: IV
538	Д. X: IX	585	Д. IX: VI, VII; XVIII: X
539	Д. XXII: XXXVIII	586	Д. XVIII: III
540	X.	587	X.
541	Д. X: IX	588	Д. XXII: XCII
542	X.	589	Д. XXII: LXXIX
543	Д. XX: VI	590	X.
544	X.	591	X.
545	Д. XIV: X	592	X.
546	Д. XX: VII	593	Д. XXII: XLVI
547	X., Д. XX: VII	594	X.
548	X.	595	Д. XVII: VII
549	X.	596	X.
550	X.	597	X.
551	X.	598	X.
552	Д. XXIII: V, VI, VII	599	Д. XVII: VII
553	Д. XXIII: I, II, III	600	X.
554	Д. XXIII: VIII, IX	601	Д. XIII: IX; XVII: VII
555	Д. XXIII: VII	602	X.
556	Д. IX: XI; XVIII: II; XX: VII; XXII: IX, XX	603	X.
557	Д. XVIII: IV	604	X.
558	X.	605	Д. IX: X
559	Д. XVIII: II	606	Д. IX: V
560	Д. X: IV; XXII: XI	607	Д. XIII: XI, XII
II 560	Д. XVIII: V	608	Д. XIII: XII, XIV
561	Д. XXII: VIII	609	X.
562	Д. XVIII: V	610	Д. XIX
563	Д. XX: XIII	611	X.
564	Д. XXII: XIX	613	Д. IX: VII
565	Д. XVIII: X	614	Д. IX: VII
566	Д. XVIII: X; XX: V	615	Д. XX: VII
567	X.	616	Д. IX: VIII
568	X.	617	Д. XVI: IV
569	X.	618	X.
570	X.	619	Д. XII: I; XXII: IX
571	Д. XIII: VI, VII; XIV: II	620	Д. XII: I
573	X.	621	Д. XIII: I
574	Д. XXII: X	622	Д. XIII: XVI
575	Д. XVIII: VI	623	X.
576	X.	624	Д. XIII: VII
577	X.	625	Д. XIII: VII
578	Д. XIII: VII; XVIII: II, IX	626	Д. XIII: VII
579	X.	627	X.
580	Д. XXII: LXVI	628	Д. XII: II, III
581	Д. XVIII: III	629	X.
582	Д. XXII: LXII	630	Д. XII: II
583	Л.	631	Д. XII: II
		633	X.
		634	X.
		637	X.
		638	Д. XVII: IV
		639	Д. XVII: IV
		640	Д. XVII: IV

641	Д. XIII: XV	693	Д. IX: IX
642	Д. XIV: XV		XII: I
643	Д. XIII: II	694	X.
	XIV: III	695	X.
	XXII: XIV	697	X.
644	X.	698	X.
645	Д. XIII: III	699	X.
646	Д. XIV: IV	700	X.
647	X.	701	Д. XVII: VI
648	X.	702	X.
649	X.	703	Д. XIII: V
650	Д. XIV: I	704	X.
651	X.	705	X.
652	X.	706	Д. XVI: I
653	X.	707	X.
654	X.	708	Д. XVI: II
655	X.	709	Д. XVI: II
656	X.	710	Д. XVI: I
657	X.	711	X.
658	X.	712	Д. XVI: V
659	Д. XIV: VI	714	X.
660	X.	715	X.
661	X.	717	X.
662	Д. XIII: IV	718	X.
663	X.	719	X.
664	Д. XXII: XC	720	Д. XVI: V
665	Д. XXII: XXXV	721	Д. XVI: V
666	Д. XXII: XXVIII	723	Д. XVI: V
667	X.	724	Д. XVI: II
668	X.	725	X.
669	X.	727	Д. XVI: II, V
670	Д. XIII: III, IV; XIV: V, VI	728	Д. XVI: XIII
671	Д. XXII: XLIV	729	Д. XVI: II
672	Д. XXII: XV	730	Д. XVI: II
673	Д. XIII: X	731	X.
674	X.	732	X.
675	Д. XIII: VII, IX; XIV: X, XI	733	Д. XVI: II
676	Д. XIII: XIII	734	X., Д. XVI: II
677	X.	735	Д. XVI: II
678	Д. XIV: VIII, IX	736	Д. XVI: II
679	Д. XIV: XII	737	Д. XVI: III
680	Д. XIV: XVIII	738	X.
681	X.	739	Д. XV: V
683	Д. XIV: X	740	Д. XV: V
684	Д. XIV: XII	741	X.
685	Д. XIV: V, VII	742	X.
686	X.	743	X.
687	Д. XIV: XIV	744	Д. XXII: XXIX XXIII: X
688	X.	745	Д. XIII: V
689	X.	746	Д. XIII: III
690	Д. XXII: XXVI	747	X.
691	X.	748	X.
692	Д. XIV: XVII, XVIII	749	Д. XVI: IV

750	Д. XVII: V	810	Х.
751	Д. XVIII: VII, X	811	Х.
752	Х.	812	Х.
753	Д. XVIII: VIII	813	Х.
756	Х.	814	Х.
757	Д. XIII: VIII	815	Х.
758	Д. XVIII: VII	816	Д. XXII: LXXXIX
759	Х.	817	Д. XXI: VII
760	Д. XVII: V	818	Д. XXI: VII
761	Д. XVI: II	819	Х.
762	Х.	820	Х.
763	Х.	821	Д. XXI: IV
764	Д. XV: IV	822	Х.
765	Х.	823	Х.
766	Д. XVI: III	824	Д. XXI: VI
767	Д. XXII: XCIV	825	Х.
768	Д. XIV: II	826	Д. XXI: V
769	Д. XV: V	827	Д. XXI: V
770	Х.	828	Д. XXI: V
771	Д. XVIII: VII	829	Д. XXI: IV, V
772	Д. XVI: II	830	Х.
774	Д. XV: V	831	Х.
775	Д. XXII: LXXIII	832	Х.
777	Х.	833	Х.
778	Х.	834	Х.
779	Х.	835	Д. XXI: II
780	Х.	836	Д. XXI: II, V
781	Х.,	837	Х.
	Д. XXII: X	838	Д. XVII: III
783	Д. XVI: II	839	Х.
784	Д. XXII: XXIV	840	Х.
785	Х.	841	Д. XXI: V
786	Д. XV: II	843	Д. XXI: IV, V
787	Д. XV: II	п 843	Д. XXI: III
788	Х.	844	Х.
789	Д. XVIII: I	845	Х.
790	Д. X, III: XI	846	Д. XXI: VI
791	Д. XXII: XII	848	Д. XVIII: XI
792	Д. XV: III	849	Х.
793	Д. XV: I	850	Д. XXI: VI
794	Х.	851	Х.
795	Д. XVIII: VII	852	Д. XXI: VI, VIII
796	Д. XVIII: X	853	Х.
797	Д. XV: IV	854	Х.
798	Д. XVII: II	855	Х.
799	Х.	856	Х.
800	Д. XV: IV	857	Д. IX: VIII
801	Д. XVII: I	858	Д. XXII: XXXI
802	Д. XVII: I	859	Д. XXII: XXXI
803	Д. XXI: I, II	860	Х.
804	Х.	861	Х.
805	Х.	862	Д. XXII: XIII
806	Х.	863	Д. XXII: XIII
807	Х.	864	Д.
808	Д. XXI: III, IV	865	Х.

866 X.
867 X.
868 Д. XXII: XXV
869 X.
870 X.
871 Д. XXII: LXXVII
872 Д. XXII: LXXII
873 X.
874 Д. XXII: LXXI
875 X.
876 Д. XXII: LXXVIII
877 X.
878 X.
879 X.
880 Д. XXII: LXX
881 X.
882 X.
883 X.
884 X.
885 X.
886 Д. XXII: XLVIII
887 X.
888 X.
889 X.
891 X.
892 X.
893 Л.
894 X.
895 Д. XXII: XLIII

896 X.
897 X.
898 X.
899 X.
900 X.
902 X.
903 Д. XXII: XLI
904 X.
905 Д. XXII: LXI
906 Д. XXII: XXVII
907 X.
908 X.
909 X.
910 X.
911 Л.
912 Л.
913 X.
914 X.
915 Д. XXII: LXIV
916 X.
917 Д. XXII: LXVIII
918 X.
919 X.
920 Д. XXII: LXV
921 X.
922 X.
923 X.
924 X.

Важнейшие издания «Мыслей» на французском языке после доклада В.Кузена в 1842 г.

«Pensées» (éd. E. Havet), Paris, Dezobry, 1852, LVIII — 548 p. in — 8°*

«Pensées» (éd. E. Havet), Paris, Delagrave, nouvelle édition, 1925, 2 vol. in — 8°

«Opuscules et Pensées» (éd. L.Brunschvicg, minor), Paris, Hachette, 1897, IV — 807 p. in — 16°

«Opuscules et Pensées» (éd. L.Brunschvicg, minor), Paris, Hachette, nouvelle édition, 1959, 804 p. in — 16°

«Original des Pensées de Pascal: Fac-Similé (en phototypie) du manuscrit 9202 (fond français) de la Bibliothèque Nationale» (éd. L.Brunschvicg), Paris, Hachette, 1905, VIII — 496 p. in — folio

«Pensées et Œuvres Choiesies» (éd. S.Dedieu), Paris, L'École, 1937, 398 p. in — 8°

«Pensées», Édition paléographique des manuscrits originaux conservés a la Bibliothèque Nationale (éd. Z.Tourneur), Paris, Vrin, 1942, 367 p. in — 16°

«Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets» (éd. L.Lafuma, minor), Paris, Delmas, 1947, 493 p. in — 16°

«Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets». (éd. L.Lafuma, major), Éditions du Luxembourg, 1951, 3 vol. in — 8°

«Pensées» (éd. Z.Tourneur et D.Anzieu), Paris, A.Colin, «Bibliothèque de Cluny», 1960, 2 vol. in — 16°

«Le Manuscrit des Pensées» (éd. L.Lafuma), Paris, Les Libraires Associés, 1962, 397 p. in — folio

«Textes inédits» (recueillis et présentés par S.Mensard), Paris, Desclée de Brouwer, 1962, 35 p. in — 16°

---

* Это первое издание Эрнеста Авэ воспроизводилось в 1866 и 1881 г.г. В 1891 г. изд. Delagrave выпустило сокращенное издание, подготовленное сыном Э.Авэ — Луи.

Издания «Мыслей» на русском языке

«Мысли Паскаля» перевод И.Буковского, СПб, 1843.

Паскаль Б. «Мысли» перевод П.Д.Перова, М., 1888 (2-е изд. 1899, 3 изд. 1905 г.).

«Французский мудрец Влас Паскаль. Его жизнь и труды» под редакцией А.И.Орлова, М., 1889 (репр. изд. 1991 г.).

Паскаль Б. «Мысли о религии» перевод С.Долгова, М., 1892 (2-е изд. 1902 г.).

«Избранные мысли Паскаля» перевод М.Э.Гюнсбурга, СПб, 1904.

Ларошфуко Ф. «Максимы», Паскаль Б. «Мысли», Лабрюйер Ж. «Характеры», М., Худ. лит., 1974*.

«Размышления и афоризмы французских моралистов XVI—XVII в.в.» (Мишель де Монтень, Франсуа де Ларошфуко, Блез Паскаль и др.), Ленинград, Худ. лит., 1987.

Ф. де Ларошфуко, Б.Паскаль, Ж. де Лабрюйер «Суждения и афоризмы» — М., Политиздат, 1990.

---

* Во всех изданиях советского периода стереотипно воспроизводится перевод Э.Линецкой, содержащий 274 фрагмента.

Именной и предметный указатель*

- Аарон**
Д. XIX
- Август Октавиан**
(63 г. до н.э.— 14 г. н.э.)
фр. 132, 179
- Августин Аврелий (354—430 г.г.)**
Д. XXII: LXXXI
фр. 283, 513, 654, 812, 869
- Авель**
Д. XXI: V
- Авраам**
Д. IX: VII; XIII: II—IV, VII;
XIV: XVIII; XV: V; XVI: II, III;
XIX; XX: VII; XXII: XCI
фр. 644, 656, 741, 822, 851
- Агамемнон**
Д. XIII: III
- Адам**
Д. IX: VIII; X: IV; XIII: XVII;
XXII: II
фр. 644
- Академики**
Д. IV: XIV; X: III
- Александр Македонский**
(356—323 г.г. до н.э.)
Д. XVII: VI
фр. 103, 132
- Амос**
фр. 715
- Андрей, апостол**
Д. XXI: VII
- Апостолы**
Д. XIII: XI; XIV: IX; XVII:
I—III, VII; XXI: III, V;
XXII: XV, XVI; XXII: II
фр. 289, 579, 770
- Ариане**
Д. XXI: IV; XXII: XIII
- Арий (256—336 г.г.)**
фр. 832
- Аристотель (384—322 г.г. до н.э.)**
фр. 331
- Аркесилай (315—241 г.г. до н.э.)**
фр. 375
- Архимед (287—212 г.г. до н.э.)**
Д. XV: I
- Атензм**
Д. IX: IX; XX: VII
- Атеисты (также — неверующие, безбожники)**
Д. VII; IX: XI; XXII: XVII,
XVIII
фр. 189, 190, 191, 201, 202, 222,
227—229, 231, 239, 240, 244,
247, 394
- Афанасий Великий (293—373 г.г.)**
Д. XXII: XXV
фр. 902
- Афины**
Д. XII: I
- Барро де (1602—1673 г.г.)**
Д. VI: I
- Библия**
Д. XII: II; XIV: XII
- Вавилоняне**
Д. XII: VII
- Вариисус**
Д. XXI: V
- Ватабль Ф. (ум. в 1547 г.)**
фр. 819
- Веспасиан Тит Флавий**
(9—79 г.г.)
Д. XXII: LXXXIX

* Указания даются не на страницы, а на фрагменты. Например, Д. IX: VII — перевод Долгова (Раздел Первый), Статья IX, параграф VII или фр. 644 — Раздел Второй, фрагмент 644.— *Прим. ред.*

Ветхий Завет

Д. XI: VII; XIII: X; XIV: V, VI,
XV; XV: V; XVIII: IX; XXI: II;
XXII: XXVIII

Вифлеем

Д. XVI: II; XXI: V

Гавриил, архангел

Д. XIV: XVIII

Галилея

Д. XXII: XXIX

Гедеон

фр. 822, 851

Гермес Трисмегист

Д. XII: II

Гесиод

Д. XII: I

Гомер

Д. XII: I, III

Греки

Д. IX: VII; XII: I, III; XXII:
LXXI

Гроций Г. (1583—1645 г.г.)

фр. 715

Гугеноты

Д. XXII: LXXIII

Давид (1010—970 г.г. до н.э.)

Д. XI: VI; XIII: IV; XIV: XVIII;
XV: V; XVI: II; XX: II; XXII:
XXVI

фр. 587, 715, 752

Даниил

Д. XIV: XVIII; XVI: II, V

фр. 734, 738

Дарий I (522—486 г.г. до н.э.)

Д. XVII: VI

Деизм

Д. IX: XI; XX: VII

Декарт Р. (1596—1650 г.г.)

фр. 76—79

Демокрит (ок. 460—370 г.г. до н.э.)

Д. I: 1

Дноклетиан Валерий

(245—313 г.г.)

фр. 832

Догматисты

(также — «догматики»)

Д. IV: XIV; VI: I; X: III

фр. 73, 184, 375

Донатисты

фр. 822

Евангелие

Д. X: IV; XIII: XI; XVI: I; XVII:
II, VI

фр. 224, 568, 597, 598, 658, 742

Евреи (также — еврейский народ, иудеи)

Д. XII: I; XIII: I, II, IV—X,
XII, XIV—XVI, XVIII; XIV:

VII, XII, XIII; XV: III, V; XVI:

I—V; XVII: IV, V; XVIII: V;

XIX; XX: VII; XXI: III, V; XXII:

XI, XX, XXIX, XLI, XLIV,

XLVIII, LXXX

фр. 259, 577, 590, 602, 609, 618,

633, 657, 663, 702, 704, 714, 715,

747, 748, 759, 762, 763, 770, 840,

854

Египет

Д. XIII: III; XVI: II; XIX

фр. 711, 715, 725

Египтяне

Д. IX: VII; XII: I, III; XIV:
XVIII

фр. 657, 725

Ездра (V—нач. IV в.в. до н.э.)

фр. 633, 634

Екклезиаст

фр. 389

Еретики

Д. XI: III; XXI: IV, V; XXII:

XIII, XVIII, LXXIII

фр. 391, 569, 840, 891, 921

Ефрем

фр. 711

Закон Моисея

Д. XII: I; XIII: XI; XIV: V—
VIII; XXII: LXII

фр. 522, 633, 647, 652, 686

Захария (кон. VI в. до н.э.)

фр. 715

Зенон из Кития.
(ок. 366—ок. 264 г.г. до н.э.)
фр. 466

Иаков, апостол
Д. XXII: XXV
фр. 338

Иаков (Израиль)
Д. IX: VII; XIII: VII; XIV: XII;
XVI: IV; XX: VII
фр. 711, 741

Иафет
фр. 623

Иезекииль (VIII—VII в.в. до н.э.)
Д. XIV: XII; XXII: XLVIII

Иезуиты
Д. XXII: LXIV, LXV
фр. 840, 844, 849, 851, 854, 855,
865, 882, 902, 904, 909, 910, 914,
916, 919

Иеровоам I (ум. 910 г. до н.э.)
фр. 855

Иерусалим
Д. XIV: XVIII; XVI: II; XIX
фр. 459, 654, 714

Иерусалим Небесный
Д. XXII: XXXIII

Избавитель
Д. XI: I; XIV: XVII; XXII: V

Израиль, страна
Д. XIV: XIX; XIX; XXII:
XLVIII

Иисус Навин
фр. 627

Иисус Христос
Д. IX: VII, VIII; X: IV; XI: VIII;
XIII: III, VII, XII, XIII; XIV:
II, V, IX, X, XII; XV: I—V;
XVI: I—V; XVII: I—VII;
XVIII: II, VII, IX—XI; XIX;
XX: I, II, VII; XXI: II—V; XXII:
I, II, IX—XI, XIII, XXIV,
XXIX, XXXV, XLI, LVIII,
LX, LXXII, XC; XXIII: I—III,
V—XII
фр. 224, 283, 289, 466, 512, 527,
528, 547—549, 570, 573, 591,

597, 600, 618, 627, 654, 656, 668,
704, 711, 715, 731, 734, 738,
741—743, 765, 770, 780, 781,
785, 794, 811, 819, 820, 822, 839,
840, 854, 883, 897

Илиада
Д XII: III

Илия
Д. XXI: V

Инквизиция
Д. XXII: LXV

Иоанн, апостол
Д. XXI: III
фр. 573

Иоанн Златоуст (347—407 г.г.)
фр. 902

Иоанн Креститель
Д. XXII: XXIV
фр. 661, 752

Иов
Д. V: XV
фр. 741, 819

Иосиф, супруг Марии
Д. XVIII: X

Иосиф, сын Иакова
Д. XIV: II
фр. 623, 711

Иосиф Флавий
(ок. 37—после 100 г.г.)
Д. XII: I; XV: II
фр. 629, 633

**Ирод Антипа (22 г. до н.э.—39 г.
н.э.)**
Д. XXII; XXIX

Ирод Великий (73—4 г.г. до н.э.)
Д. XVII: VI
фр. 179, 719

Исаак
Д. IX: VII; XX: VII

Исайя (между 740 и 687 г.г. до н.э.)
Д. XII: II; XIII: I, II, VII; XIV:
XVIII; XVIII: VII; XXI: IV
фр. 587

Искупитель
Д. IX: XI; X: III, IV; XI: I; XIII:
XVIII; XIV: VI, IX; XVI: III, V
фр. 547, 747

- Италия**
Д. XII: I
- Иуда Искарот**
Д. XVII: II; XXIII: I
фр. 780
- Иуда, сын Иакова**
Д. XIV: VII; XVI: II—IV; XVII:
IV; XVIII: VIII
фр. 711, 719, 738
- Иудифь**
фр. 851
- Каин**
Д. XXI: X
- Казуисты**
фр. 889, 907, 909
- Кальвин Ж. (1509—1564 г.г.)**
Д. XXII: XIII
фр. 840
- Кальвинисты**
Д. XXII: XIII
фр. 777, 851
- Кана Галилейская**
Д. XXI: III
- Картезианцы**
фр. 52
- Кир II Великий (556—530 г.г. до н.э.)**
Д. XVII: VI
фр. 633
- Китай**
Д. XII: I; XXII: XLIV, XLVI
фр. 512, 594
- Китайцы**
Д. XII: III
- Клеопатра (69—30 г.г. до н.э.)**
Д. III: VII
- Книги иудеев**
Д. XII: II; XIII: VII, IX, XI,
XII, XVIII
- Коперник Н. (1473—1543 г.г.)**
Д. XXII: XVII
- Корнель П. (1606—1684 г.г.)**
Д. III: VII
- Коран**
Д. XIII: IX; XVII: VII
фр. 597
- Красное море**
Д. XIII: III
- Кромвель О. (1599—1658 г.г.)**
Д. IV: IX
- Ксавьер, святой**
фр. 849
- Лакедемон**
Д. XII: I
- Лакедемоняне**
Д. XXII: XXIII
- Ламех**
Д. IX: VI; XIII: XVII
- Ленганд К. (ум. в 1660 г.)**
фр. 846
- Лжепророки**
(также — лжеучителя)
Д. XXI: V, VII
фр. 819, 888
- Лианкур**
фр. 341
- Лука**
Д. XIII: XVII; XV: IV; XVIII: IX
- Магомед (570—632 г.г.)**
Д. XII: I; XIII: IX; XVII: VII;
XIX
фр. 591, 596—598, 600
- Макробий (V век)**
фр. 169
- Малахия**
фр. 715
- Малх**
Д. XXIII: X
- Манассия**
фр. 711
- Марциал Марк Валерий**
(40—104 г.г.)
фр. 41
- Матфей, апостол**
Д. XIII: XVII; XVIII: IX
фр. 597
- Мелхиседек**
Д. XVI: III; XIX
- Мексика**
фр. 594

Мессия

Д. X: VIII; XIII: I, III, IV, VI—VIII, X, XII; XIV: V, XI, XII, XVII, XVIII; XV: V; XVI: II—V; XVII: III, IV; XVIII: VII, VIII; XIX; XXI: IV, V; XXII: XI
фр. 259, 573, 609, 663, 686, 711, 734, 738, 747, 748, 752, 762, 765

Митон Д. (1618—1690 г.г.)

фр. 192, 448, 455

Михей

Д. XIX

Моисей

Д. IX: VII, VIII; XII: II; XIII: III, IX, XVI, XVII; XIV: IV, XVIII; XV: V; XVI: IV; XVIII: IX; XXI: II—IV; XXII: IX, XXII, XLVI, LXXXIX
фр. 289, 576, 629, 634, 644, 657, 689, 711, 714, 752, 814

Монтень М. (1533—1592 г.г.)

Д. XXII: LXXXI

фр. 62-65, 220, 315, 325, 813

Навуходоносор II

(605—562 г.г. до н.э.)

Д. XVII: IV

Назарет

Д. XVIII: X

Никодим

Д. XXI: IV

Новый Завет

Д. XI: VII; XIV: V; XV: V; XVI: III; XXI: II; XXII: XXVIII

Ной

Д. IX: VII, VIII

фр. 644

Освободитель

Д. XVI: III

Осия (ум. 722/721 г. до н.э.)

Д. XIII: VII; XIV: XII, XIII

Павел, апостол (род. между 5 и 15 г.г. — ум. между 62 и 64 г.г.)

Д. XIII: III; XIV: X; XXI: V; XXII: XCII

фр. 289, 674, 851, 853

Павел Эмилий

Д. II: V

фр. 410

Папа

Д. XXII: LXXI, LXXII, LXXVII

фр. 49, 832, 849, 874—876, 882

Персей, царь Македонии (212—165 г.г. до н.э.)

Д. II: V

фр. 410

Пелагиане

Д. XXII: XIII

Петр, апостол

Д. XXII: XV

Пилат Понтий (прокуратор Иудеи 26—36 г.г.)

Д. XVII: II; XXII: XXIX; XXIII: XII

Пирр (ок. 319—272 г.г. до н.э.)

Д. V: II

Пиррон (ок. 365—275 г.г. до н.э.)

Д. XXII: I

фр. 376, 377

Пирронисты (также — пирронизм)

Д. IV: II, XIV; VI: I

фр. 73, 184, 373, 375—378, 385, 390, 391, 394

Писание

Д. XIII: VIII, XIII; XIV: V, XII; XVIII: VI, VII; XX: I, IV; XXI: III, V; XXII: VIII, XVII, XXII, LXXX; XXIII: II

фр. 60, 283, 289, 518, 532, 547, 549, 568, 573, 634, 742, 899

Платон (428/427—348/347 г.г. до н.э.)

Д. XV: V; XVI: II

фр. 20, 331

Платоники

Д. XXII: LIX

Полупелагиане

фр. 777

- Помпей Гней (106—48 г.г. до н.э.)**
Д. XVII: VII
- Пор-Рояль**
Д. XXII: LXV
фр. 151, 834, 839, 854
- Порфирий (233—304 г.г.)**
фр. 597
- Пробабализм**
Д. XXII: XLVIII
- Прованс**
Д. XXII: VI
- Пророки**
Д. IX: VIII; XIII: XV; XIV: VI,
IX, X; XV: V; XVI: I, II, IV,
V; XVII: IV; XVIII: VII; XIX;
XXI: III
фр. 289
- Раввины**
Д. XIV: XVI; XVII: V
фр. 660, 900
- Религия**
— иудейская
Д. XIII: IX—XII; XIX; XXII:
IX
фр. 603
— христианская
Д. VII; VIII; IX: I, III—VI,
IX—XI; X: III, V, VII; XI: II;
XIII: XI, XII; XV: II; XXII: VII,
IX, XIII, XIX, XLI, LIV,
LXXIX, XCII
фр. 289, 489, 542
— языческая
Д. IX: IV; XVII: VII
- Рим**
Д. IV: IX; XII: I; XVI: II; XIX;
XXII: LXV
- Римляне, древние**
Д. IX: VII; XII: I; XVII: VI
- Роаннэ Артюс Гуфье де (1627—
1696 г.г.)**
фр. 276
- Руфь**
Д. XVIII: IX
фр. 743
- Септуагинда**
фр. 634
- Сивиллы**
Д. XII: II
- Сим**
Д. XIII: VII
фр. 644
- Синагога**
Д. XIV: IV; XXII: XLI
- Сион**
Д. XVI: III
фр. 459
- Скептики**
Д. IV: II
- Скептицизм**
Д. IV: II; XXII: I
фр. 61
- Соломон (970—931 г.г. до н.э.)**
Д. IV: V; XV: V; XX: II
- Сократ (469—399 г.г. до н.э.)**
Д. XV: V
- Стефан, святой (казнен в 37 г.)**
Д. XV: IV
- Стойки**
Д. II: I; VI: I; IX: III
фр. 61
- Стоицизм**
Д. IV: II; XXII: I
фр. 61
- Талмуд**
Д. XVII: V
- Тацит Публий Корнелий
(55—120 г.г.)**
Д. XV: V
- Тереза, святая (1515—1582 г.г.)**
фр. 499
- Троя**
Д. XII: III
- Турки**
Д. XXII: XVII
фр. 844
- Фамарь**
Д. XVIII: IX
фр. 743
- Фарисеи**
Д. XXI: IV, V; XXII: LXI

фр. 499, 839
Филон Александрийский (или Филон Иудей — ок. 20 г. до н.э. — 50 г. н.э.)

Д. XII: I

фр. 611

Философы

Д. II: XVI; III: III; V: XII; VI: I; IX: VII, IX; X: I, VIII; XXII: XXVI, XXXVI, LIX, LXI

фр. 184, 220, 349, 461, 503, 618

Фома Аквинский (1225 — 1274 г.г.)

фр. 61, 467

Ханаан

Д. XIII: III

Хилларий, святой

фр. 849

Христиане

Д. II: XVI; V: II; VIII; X: IX; XI: VIII; XIII: VI, XII, XIV; XX: VII; XXI: V; XXII: V, XVII, XX, XXVI, XLI, XLIV, LXII, LXXX; LCIV

фр. 259, 337, 338, 467, 503, 540, 544, 590, 609, 663, 704, 747, 759, 839, 840, 904

Цезарь Гай Юлий

(100 или 101—43 г.г. до н.э.)

фр. 132

Цельс (II век н.э.)

фр. 597, 770

Церковь

Д. VII; X: VIII; XIII: X; XIV: IV; XV: IV, V; XVI: I, II; XXI: II, IV, VI, VIII; XXII: XXV,

XXXI, LXI, LXXI, LXXVII,

LXXVIII; XXIII: II, IX

фр. 568, 569, 576, 656, 813, 820, 822, 840, 844, 846, 849, 851, 861, 867, 869, 870, 878, 881, 885, 888, 889, 891, 894, 896, 898

Цицерон Марк Туллий

(106—43 г.г. до н.э.)

фр. 31

Шаррон П.

(1541—1603 г.г.)

фр. 62

Шез Фелье де ла

фр. 902

Эммаус

Д. XXIII: IX

Энох (Енох)

Д. IX: VII; XXI: V

Эпаминонд (ок. 420/410—362 г.г. до н.э.)

фр. 353

Эпиктет (ок. 50—138 г.г.)

Д. VI: I; X: I; XXII: XXVI, LIX
фр. 80, 466, 467

Язычники

(также — дикари)

Д. IX: VIII; XIII: XIV; XVI: II; XVII: V; XVIII: V; XIX; XX: VII; XXI: V, VII; XXII: VI, XX, XXIX, XLVIII, XLI

фр. 609, 654, 704, 714, 715, 741, 747, 770, 921

Янсенисты

фр. 849, 860, 865, 887

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Брюнsvик. «Мысли»: история создания, структура, автор.</i>	7
История	7
1. Композиция	7
2. Публикация	13
3. Издание	19
Логическая структура	25
Автор	30
1. Писатель	30
2. Мыслитель	35
3. Христианин	46

Раздел Первый

<i>С. Долгов. Очерк жизни Паскаля</i>	55
I. Общее понятие о человеке	63
II. Величие человека	88
III. Суетность человека, воображение, самолюбие	96
IV. Слабость человека, непрочность его естественных познаний	106

V. Жалкое состояние человека	115
VI. Удивительные противоположности, встречающиеся в природе человека в отношении истины, счастья и многих других вещей	112
VII. Против равнодушия атеистов	121
VIII. Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская религия	130
IX. Признаки истинной религии	136
X. Истинная религия доказывается заключающимися в человеке противоположностями и первородным грехом	143
XI. Подчинение и власть разума	152
XII. Изображение человека, который, испытав тщетность усилий обрести Бога одним разумом, начал читать Писание	156
XIII. О евреях	162
XIV. Об образах; образный характер древнего закона	175
XV. Об Иисусе Христе	187
XVI. Свидетельства об Иисусе Христе пророков	192
XVII. Различные свидетельства об Иисусе Христе	201
XVIII. Для чего Бог, скрываясь от одних, обнаруживает Себя другим	206
XIX. Ветхий и Новый Завет по существу одна религия	212
XX. Истинное, благотворное познание Бога достижимо только через Иисуса Христа	216
XXI. Мысли о чудесах	221
XXII. Различные мысли о религии	231
XXIII. Размышления о тайне Христовой	270

Раздел Второй

I. Мысли об Уме и Стиле	281
II. Ничтожество человека, лишённого Бога	298
III. О необходимости пари	318
IV. Средства веры	328
V. Справедливость и Причина следствий .	334
VI. Философы	351
VII. Мораль и Учение	362
VIII. Основания христианской религии . . .	378
IX. Непрерывность	381
X. Образность	387
XI. Пророчество	394
XII. Доказательства Иисуса Христа <как Мессии>	400
XIII. Чудеса	406
XIV. Добавление: полемические фрагменты .	417

Комментарии и приложения

О. Хома. Феномен «Мыслей»: что такое «Философия Паскаля»?	433
<i>Раздел Первый</i>	443
<i>Раздел Второй</i>	464
<i>Таблица соответствий нумерации Л.Брюнсвика русским переводам</i>	503
<i>Важнейшее издание «Мыслей» на французском языке после доклада В.Кузена в 1842 году</i>	512
<i>Издания «Мыслей» на русском языке</i>	513
<i>Именной и предметный указатель</i>	514

Блез Паскаль

**П71 Мысли: Пер. с фр.—К.: «REFL-book»,
1994.—528 с.**

ISBN 5-87983-013-6

В книге впервые на русском языке представлено практически полное собрание «Мыслей» выдающегося французского мыслителя и писателя Блеза Паскаля.

В век нигилизма духовный опыт Паскаля может быть особенно значим. Поразительная честность мысли, стремление к максимальной ясности в исследовании трагического удела человека и в то же время бесконечная вера в его высшее предназначение — отличительная черта незаконченной работы мыслителя, вошедшей в сокровищницу не только французской, но и мировой культуры. Глубина мысли в соединении с лаконичностью и изысканностью стиля делают «Мысли» не только полезным, но и увлекательным чтением.

Настоящее издание знакомит читателя с различными традициями переводов Паскаля, начиная с конца прошлого века и заканчивая концом нынешнего, что дает возможность наиболее объективного его прочтения.

П $\frac{0301030000}{94}$ Без объявления

ББК 87.3

Научное издание

Блез Паскаль
Мысли

Заведующий редакцией *А.В. Жадан*
Редактор *В.О. Похитон*
Художественный редактор *Л.М. Козеко*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *С.И. Бычко*
Корректор *Н.Б. Мурченко*

Лицензия ЛР № 090069 от 27.12.93

Сдано в набор 02.09.93. Подписано в печать 05.06.94
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Услов. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 24,02.
Затрач 4-134

Издательство «REFL-book»
Москва, 3-я Тверская-Ямская, 11/13.

Компьютерная верстка МП «Интеркрек»

Киевское арендное полиграфическое
предприятие, «Книга»
254655, ГСП, Киев-53, Артема, 25.